

**Товарищество писателей в Петербурге
Секция критики и литературоведения
Союз писателей России**

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики,
прозы и поэзии

«... из пламя и света рожденное слово!»

М. Ю. Лермонтов

№ 11

январь 2019

Санкт-Петербург
2019

ББК XX.YY

Редакционный Совет

Главный редактор
В. И. Чернышев

ISSN xxxx-xxxx

©Чернышев В. И., 2019
©Редакционный Совет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ НРЖ №11

I. ПОЭЗИЯ, ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОЗА, Философия как искусство

В. И. Чернышев. Домостроительство (странички из дневника)	5
СТИХИ до и после встречи НОВОГО ГОДА	29
В. А. Овсянников. Миниатюры	433
Владимир Меньшиков. Пролетарский поэт	431
Сергей Николаев. СТИХИ 2018 года	457
Маргарита Токажевская. Река жизни	76
Мария Амфилохиева. Дорога поднебесная	85
М. Ю. Лермонтов. И. С. Тургенев. СТИХИ	85-86

II. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

Александр Медведев. Мастер умирающего сфинкса. Рассказ	88
---	----

III. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ. Лишние русские люди

Замогильные Записки. Обложка	96
Вл. Серг. Печерин. Замогильные Записки. Текст.	97

IV. ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Г. Исаченко. Мой Рембрандт	103
М. Ю. Лермонтов. На картину Рембрандта	104
Маргарита Токажевская. Перед картиной Рембрандта «Возвращение..»	109
М. Ю. Лермонтов. Портрет В. Лопухиной	110
А. Е. Фёдоров. Люди долга и шудры	111

V. ЛИКИ, ЛИЦА, ЛИЧИНЫ (литературно-философская критика, эссе, портреты, воспоминания)

Галина Дюмонд. Водолей (В. А. Овсянникову)	122
Маргарита Токажевская. В. И. Чернышеву	138

VI. ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБ

К СТОЛЕТИЮ со дня рождения А. И. Солженицына

Александр Медведев. Свет отмененной правды (к столетию А. С.)	140
Г. Н. Ионин. Правда и ложь для того, кто солгал	145
В. И. Чернышев. На заседании секции критики, посв. столетию	149
Н. М. Карамзин. Царствование Ивана Грозного	153
Г. К. Жуков. Письмо Жданову	154
А. В. Пыльцын. «Нюрнбергские записки»	156
В. И. Чернышев. Претендую ли я на знание истины?	164
В. И. Чернышев. Еще одно отчаянное сказанье	173

VI. ЗА СТОЛОМ У РЕДАКТОРА (статьи, рассказы, потасовки)

ВИ, АВ (О), АВ (М). Переписка	174
Владимир Меньшиков. Вечно зеленый (о Морозове)	178
Т. М. Лестева. Соль православия или ностальгия по колючей проволоке?	182

VII. НАД ЖИЗНЬЮ (СТИХИ, статьи, рассказы и ПИСЬМА)

В. И. Чернышев. Новая русская философия	188
Ф. И. Тютчев. Россия и Революция	228
Анатолий Мозжухин. Тайна псевдонима	238
Ольга Мальцева. На снятие Блокады. Стихи	278

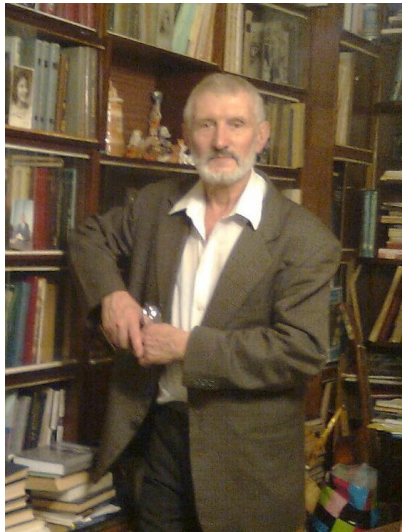
**I. ПОЭЗИЯ, ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОЗА,
Философия как искусство**

В. И. Чернышев

**НОВАЯ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ
ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО
(странички из дневника)**

**СТИХИ ...
до и после встречи Нового года**

СТРАНИЧКИ из ДНЕВНИКА.

4 декабря 18г., среда, 9-47. Когда-то я работал учителем математики то в школе, то в институте, то на разных курсах, мне приходилось иметь дело преимущественно с теми, кому математика давалась плохо (кому математика давалась легко, с теми я «имел дело» в меньшей степени, им и так все было понятно, после краткого изложения теоремы и ее доказательства или после чтения странички из учебника. Я и сам пошел учиться на матмех, чтобы иметь много свободного времени, после лекций я мог заниматься чем угодно, мне не надо было перечитывать учебник – или если я пропустил лекция, или при подготовке к экзаменам; затруднения встречались, но я их преодолевал, переписывая теорему и ее доказательство по-своему, потом я даже написал замечательный учебник Высшей математики, он существует, но страна не хочет учить своих студентов, пользуясь хорошим учебником – так, эта страна не хочет даже ездить из города в город, пользуясь хорошими дорогами, ездит по плохим – почему она так поступает, я все еще не понимаю, так же как Достоевский не мог понять, почему его Полина ведет себя так непредсказуемо. Приведу один пример школьницы, которая понимала математику без моих объяснений. Она была пятиклассницей, сидела за первой партой, мы влюбились друг в друга – вот не знала того советская или постсоветская власть, можно было бы меня упереть лет на двадцать в тюрьму строгого режима! И мы с нею затеяли игру: некоторые темы я задавал ей на дом для самостоятельного изучения по учебнику, с тем, чтобы она потом вместо меня проводила урок, объясняла тему, отвечала на вопросы, ставила оценки. Она превосходила меня как учительница. Читая теперь про Ариадну, дочь Марины Цветаевой, которой в 18-19 годах, сто лет назад, было шесть и семь лет, я вижу, что мы с той девочкой были отчасти как Марина с Алей – Ариадной. Родилась ли Аля гениальной, или Марина вдохнула в нее гениальность в младенчестве, в два года, как и во вторую доченьку, Ирочку, умершую в три года, но уже проявлявшую себя как гениального ребенка? Иногда мне кажется, что дети многие гениальны, как и дрова многие умеют гореть, но не все умеют их зажигать.)

Итак, некоторым школьникам и студентам математика все же давалась плохо, я с ними занимался более усердно, и они все в конце концов ее понимали. Некоторые мои учителя меня поэтому называли гением преподавания, и как бы то ни было, но мне помогали выплывать из житейских стремнин, я даже окончил университет, даже женился и даже пока живу. Приобретя еще в детстве высокое мнение о своих способностях, я решил, что смогу ответить на все жизненные вопросы и объяснить людям, что правильно и что неправильно, и «кто виноват и что делать». При этом я думал, что есть Бог – высшая сверхъестественная сила в мире, который помогает таким благонамеренным людям направлять мир к лучшему, обладая Волей, подобной благой человеческой волей, только более могущей. Помочь мне и подобным было просто, надо было только помочь нам составлять правительства своих народов, ибо самый захудалый царь обладает большими возможностями для влияния на людей, чем самый великий ученый и поэт, философ и оратор. Но в

конце концов я разочаровался в Боге. Я вижу и знаю, что существует солнце и оно согревает мир сильнее, чем костер, который я могу зажечь, есть дождь, который поливает больше, чем я свой огород – все, что я делаю хорошего, я делаю подобно силам природы. Я вижу, что камни падают вниз, повинувшись силе тяжести, или тяготению. Вещественные предметы впитывают свет и воду и тепло. Некоторые вещества в соединении с кислородом начинают гореть, выделяя тепло. Если мир был **создан**, то свойства всего, что в нем есть, или были присущи «зародышу мира», или далее в мире как-то появились, в том числе силы притяжения, благодаря которым снег и дождь падают вниз – если мир случайно-хаотически изменялся, то и это предположение не отменяет необходимость понять, как же все таки всё менялось так осмысленно, что и снег и дождь, и полезные ископаемые, и вода и воздух... Но это пока неживая природа (в которой так много осмысленного). А живая Природа, которая менялась миллиарды лет в сторону усложнения и осмысления – только ли случайно-хаотически? Аристотель говорит, что миру присуща **телеология** – *целесообразность*, своего рода *сюжет романа*, а частным предметам присуща **энтелехия** – *предназначение* (совокупность качеств, благодаря которым они способны себя проявить, как женщина способна родить ребенка – не случайно-хаотически эта способность в ней появилась; или как даже дрова способны гореть и сгорать, обогревая мой дом, и в них заключено предназначение). Я вижу и чувствую неживую и живую природу, как читатель воспринимает стихи хорошего поэта, я непосредственно чувствую *целесообразность* как солнечное тепло, заключенное в мире в разнообразных формах – я ощущаю мир не как грудку случайно наваленного мусора, который якобы перегнивает и производит из себя лопухи, превращающиеся в человека, но как мир, в котором заключены и **способности** к изменению и потенции тех будущих состояний, через которые мир проходит. Уже в первой главе романа заключены его последующие главы, в водороде и кислороде заключена вода, как в идее счетности заключен натуральный ряд и в нотном ряду заключена музыка. В мире, который способен развиваться по заключенному в нем плану, который в себе содержит и **первый день творения** и свои последующие дни, как в замысле романа уже почти заключен роман, который автору еще предстоит написать, в этом мире Бог уже существует (ибо *целесообразность и предназначение* – это не материя и не вещество) – или Бог существует прежде мира и содержит в себе мир (или мир является его эманацией). Но это все неважные частности, важное – это существование крыла птицы еще до того, как якобы случайные микроскопические изменения в отдельных особях начнут его хаотически создавать. Итак, я вижу мир и божество, естественное и сверхъестественное (план творения и творческую энергию), я вижу глину, из которой лепится мир и человек – и ваятеля, который из нее лепит – видя это, ощущая солнечное тепло даже когда солнце скрыто за облаками, я понимаю, что я религиозен. Мировая творческая сила, творческая энергия, Дух, пронизывающий не только вещественные формы мира, но и само бытие, то есть и время и пространство – это Бог. Является ли он и Личностью, обладает ли он и волей? Художник и даже крестьянин, возделывающие роман и огород, являются и личностями и

обладают волей, иначе им трудно будет осуществлять свою миссию – мировой дух, творческая энергия, пронизывающая мир, тоже, вероятно, не только некая всеобщая воля мира, не только способность Творения, и поэтому верховный Творец словно бы подобен человеку, то есть обладает личностью и волей (сверх всего) – но меня даже не это интересует, вот солнце нас согревает, личность оно или не личность, в конце концов не так важно в сравнении с тем, что оно нас согревает. А важно вот что: солнце с отдельным человеком в какие-то личные отношения вступать не будет – но будет ли вступать в такие личные отношения с человеком Бог? Или даже с народом? Вмешивается и будет ли вмешиваться Бог в наши российские дела? Прикажет ли он министрам не продавать Забайкалье Китаю, а там и всю Сибирь, не обглаживать Россию в угоду всемирному Капиталу? В Новгородской области леса выпилены, что не выпилено, искорежено, луга и поля заросли ольхой, нефть и газ скоро кончатся, мы рантье, сидящие на наших природных богатствах, мы не думаем о будущем наших детей и внуков, вот в Гаити плодовые деревья все проданы, народ сегодня нищий, а народ Доминиканской республики, рядом, на этом же острове, благоденствует, туристы к ним ездят, соседи завидуют и всех ненавидят, и туристов предостерегают к ним ехать – убьют и ограбят! Не хотите же и вы, русские, чтобы и мы стали таким гаитянским народом? Сегодня ночью читаю о дочери Марины Цветаевой, мама ее, гениальная русская поэтесса, повесилась, брат погиб, отца ее расстреляли, саму Ариадну (Алю) посадили в тюрьму в 38-м году – ни за что, в 46-м освободилась, два года побыла на воле, сослали навечно на Колыму – **ЗА ЧТО?!** Ольгу Берггольц в тюрьме били, она потеряла ребенка. **ЗА ЧТО?** Я в этом не виноват. Вы в этом тоже не виноваты. Русский народ в этом... виноват или не виноват? А ведь еще миллионы крестьян умерли с голоду до раскулачивания, при раскулачивании и после него. **ЗАЧЕМ?** Не буду требовать, чтобы народ мне назвал виноватых. Но народ обязан **ПОМНИТЬ** муки своих невинных дочерей. Если Бог есть, и он обладает совестью и волей, то так или иначе он взыщет с народа за этих дочерей, тем более что, согласно Новому Завету, воскреснут 144 тысячи праведников, остальные не воскреснут – куда они пойдут? Меня это колышет, хотя я в вашего бога не верю.

Н.И. пишет – а я его даже перечитываю – пишет он блестяще! – что мы должны достойно и совершенно делать каждый своё дело, то есть копать огород и засаживать его (как я это делаю), писать хорошие стихи (а некоторые мои стихи в ряду хороших поэтов), хорошо учить детей (а я учу и взрослых, пишу критические статьи), помогать нуждающимся а иногда и кому придется – и я помогаю, и об этом пишу в назидательных целях... Но я еще хочу повлиять на Россию. Я не хочу, чтобы она была вконец ободрана (властителям это выгодно для своих богатств, и это ужасно, остальным все равно, и это ужасно вдвойне!). Надо молиться, говорит Н.И., но при этом хорошо делать свое дело, в том числе писать хорошие стихи. Я стараюсь. Христиане (в отличие от Н.И.) приказывают стихов совсем не писать (к этому призывал даже Лев Толстой). Хорошие поэты повлияли на всех нас и помогли стать нам лучше. Помогли ли нам стать лучше христиане? Помогли ли нам молитвы тех, кто за нас молился? Судя по тому, в каком состоянии сегодня образование, медицина и природа в России, ее наука и

ее промышленность, ее дороги, занятость ее населения, **рождаемость** – судя по всему этому, эти молитвы никто не услышал. Оглядываясь на историю, я вижу, что во многих случаях поэты, ученые, философы, полководцы помогали своим народам выдержать испытания и не погибнуть, Жанна спасла Францию от англичан, русские женщины во время войны работали по 15 часов в день и прокормили народ и армию, при безумных военных потерях, когда мужчины 21 – 23 годов рождения остались в живых один из десяти, женщины сумели нарожать новых (почти при непорочном зачатии). Сегодня они устали или мы успели их развратить, рожать они уже не хотят. Но ведь и правительство не пытается нам помочь, надо восстанавливать деревенский быт, сельское хозяйство, надо строить жилье не только для богатых, но и для бедных, надо строить жилье даже для нищих, для всех тех, кто родил хотя бы одного ребенка с обещанием родить еще. Помогает ли нам Бог, будет ли помогать? НЕТ. Он никогда не помогал. (Судя по тем бедствиям, которые выпадали на долю евреев, им не помогал даже их собственный Бог, обещавший о них заботиться). А я ведь помощи прошу не для себя, я только надеюсь, что вот бы прислал грозный боженька царя вроде Петра Великого, раздал бы этот царь своим боярам секиры... ну, что было дальше, вы, надеюсь, помните...)

Кто из нас верующий? Христиане верят, в надежде на личное воскресение, в которое я не верю – да я его и боюсь, что мне в бесплотном вечном существовании в виде листа на древе? Но кто-то из христиан молится за Россию? Нет. Так что мне от их молитв?

Пора подвести черту под моим личным спором с теми, кто противопоставляет Христа культуре и России, дескать, без культуры и России мы проживем, а без Христа нам не прожить. Нам не прожить без многого, не прожить без армии, без промышленности, без грандиозной государственной помощи сельскому хозяйству и деревне, не прожить без примирения с «братским народом Украины», не прожить без вывода Российских войск из чужих государств, не прожить без реформ в области здравоохранения и образования, без реформы политической системы и возвращения государственной власти русскому народу... Или «воцерковление» и молитвы наших грешных православных эгоистов, жаждающих поскорее стать листьями на древе господнем, важнее честной работы на благо родины? Нет, не важнее!

Ну и последнее, и хватит... Что влияет благотворно на человека и народ? Семья? Церковь? Вера? Образование? Культура? Что воровская компания влияет на попавшего в ее «братство» дурно – это несомненно. Что (ограничусь своим личным опытом) среди моих товарищей есть и деисты, и пантеисты, и православные, и атеисты, и язычники, и даже коммунисты, и все они люди превосходные и добродетельные – это тоже несомненно. *Но что принадлежит к одной из этих сект делает человека несомненно лучше, чем чтение книг, образование, музыка и театр – это сомнительно!* Н.И. говорит, что и разбойник может читать Пушкина – ну а разве не разбойники, будучи ревностными католиками и монахами, сожгли всех красивых девушек в Европе как ведьм? Как повлиять на Россию, не имея власти, я не знаю. Но пока меня не сожгли, буду влиять хотя бы на немногих.

9 декабря 18г., воскресенье, 14-47. Я все ищу такой способ объяснять очевидные вещи, чтобы и те мои читатели или собеседники, которым никак не дается сложение дробей с разными знаменателями, сразу все в моих объяснениях понимали и тут же могли дроби складывать.

И вот в очередной раз пускаюсь в объяснения того, что меня от христиан отводит, в чем мы разные, и из-за чего я с ними спорю (ведь с детьми я разный тоже, но не пускаюсь я в споры с детьми, и когда ребенок делает или говорит что-то не так, я ему объясняю его ошибку но не ощущаю того, что мы с ним разводимся, как с христианами и коммунистами, как разводятся два берега реки, когда разводится соединяющий их мост). Да, именно так: с детьми и с обычными людьми. то есть с теми, которые сначала ощущают и понимают себя как жены и мужья, родители своих детей, крестьяне или писатели или ученые, а потом уже называют себя *христианами* или *марксистами* или атеистами или вообще говорят, что все остальное для них не важно, я чувствую почти одинаковость, русскость – а с остальными мы на разных берегах.

Почему это так, что именно нас так существенно разъединяет? Вот об этом я попытаюсь просто и понятно рассказать, как будто по-новому.

1 У многих людей есть смутное или ясное ощущение что над миром и историей есть некая **Высшая сила**, пронизывающая бытие или создавшая его или управляющая им. Эту Высшую силу люди называют Богом, и чаще всего полагают, что Бог не только *начальник* над миром, но и **Создатель** мира.

Идея Бога – это первая из *трансцендентных идей*, присоединяемых к мировоззренческой системе религиозного человека.

2. Но при этом человек *религиозный* в христианском смысле испытывает чувство вины, греховности, он исповедует Восточный миф, представленный в Библии, о сотворении мира и человека Богом-Отцом и о **первородном грехе человека**, состоящем в том, что Ева и Адам (первые сотворенные Богом люди) вкусили запретный плод с древа Познания, познали стыд и *половой инстинкт*, то есть притяжение друг к другу, в результате чего и началась биологическая жизнь человечества, рождение детей и затем семья и государство, цивилизация и культура, история народов и привычная жизнь человека.

Деист чувствует и понимает, что мир пронизан духовными божественными энергиями, что мир так же матерьялен, веществен, то есть состоит из плоти, как и духовен, и мир не создан сразу таким, каков он ныне, то есть актуально, но он был создан в некоем первичном виде с потенциями и планом развития и затем развивался, то есть эволюционировал. Мир создан Богом в таком же смысле, в каком Роман пишется автором и механизм создается инженером – но мы понимаем, что инженер не может создать паровоз прежде колеса и паровой машины, и у промышленно-технического развития существует своя логика (она разворачивалась на наших глазах от теорем Фалеса до рычага и винта Архимеда, от паровой машины Уатта до передачи и преобразования электрической энергии и далее) и соединенность мироздания с Планом творения выражена в идеях Аристотеля о **телеологии** и **энтелехии**).

Атеисты и материалисты, отрицающие Дух и творческий замысел, растворенный в Бытии, как сила тяготения растворена в веществе, не отрицают

того, что мир развивается, но это развитие приписывают случайному сочетанию случайных движений, как под порывами ветра собираются у препятствий груды листьев. Они плохо учились в школе и их теперь, вероятно, трудно научить глубоко мыслить, но их детей необходимо будет учить в хорошей школе и они научатся рассуждать и понимать. Во всяком случае, они способны работать и в поле и за станком и даже за чертежной доской или компьютером, но **проповедники** первоначальной духовной (трансцендентной) *гипбели* человечества, философия жизни которых укладывается в слова апостола Павла, что *надо жить аки спящий во гробе*, к той творческой работе и жизни, которой живем мы все, по-видимому даже не способны.

Но теперь важно объяснить, что именно разделяет "работников мира" и "работников превратно понятого неба." Мы считаем и уверены в том, что созданы духовной силой (Богом), как и весь мир, с целью, которую мы постигаем в результате нашего духовного и интеллектуального развития, культурного и цивилизационно-исторического (да целью человека может быть и преодоление того одиночества, в котором пребывал Бог, пока Природа и мир пребывали в первозданном Хаосе, как целью и моей частной жизни является преодоление той тьмы незнания и одиночества, которые я испытываю в современном российском *падшем* обществе – не потому падшем, что женщины рожают, вместо того чтобы превращаться в листья на Древе Господнем, а потому падшем, что мужчины и женщины живут словно бы в наркотическом сне и НЕ рожают, не заботятся о благосостоянии России и Народа, живут для ничтожных удовольствий, оторваны от культуры... да и от всяких представлений о высшей жизни, даже наивных, как у христиан.

3 А христианское учение воспитывает народ и человека в **покорности** сложившемуся порядку вещей, яростно борется с потребностью человека улучшить мир, стать сотрудником Бога в развитии мира. Необходимо жить с **чувством вины**, испытывать ее постоянно, даже испытывать *страх божий*, то есть необходимо жить словно преступник на каторге, умоляя Бога и господ о прощении – и это чувство внушается, конечно, **рабам божьим**, которые одновременно являются рабами господ в классовом обществе. **Миф о грехопадении** насаждается всей машиной классового общества в пользу властвующих и богатых.

4. Но недостаточно лишить человека воли, запугав его несуществующей виной. Необходимо, чтобы он был благодарен своему ложному Богу за якобы проявляемые к нему милость и любовь. Христианство явилось удивительным развитием иудаизма: иудейский Бог сурово карал человека за грехи, отчуждая его от своего небесного Блага, Сын Божий был послан на Землю, чтобы помочь человеку, он провозгласил себя Спасителем человека, Христом (*спаситель* по гречески). И мы рассмотрим вкупе с идеями **сотворения человека, первородного греха и вины** еще и идею о необходимости в силу этого **покорности богу** и отказа от всяких попыток изменить общество и мир – вот почему **культура** была провозглашена **врагом веры**. Но мир ведь все же был не удовлетворителен, он подчинялся дьяволу? Человеку присуща же

потребность в справедливости и мечта о ней? Если он запуган уже до такой степени, что готов смириться со своей печальной участью (ибо он сам **виноват!** якобы), то все же ему жалко деток своих, не все же родители такие изверги, что готовы и детей своих обречь на муки!?

И вместо плодотворной творческой работы по улучшению мира, вместо революционных, часто не обходимых – как хирургическое вмешательство при загнивании отдельных частей человека – преобразований, отсечений и свержений негодных правителей человеку и человечеству была навязана в дополнение к его *чувству и сознанию вины* **идея жертвы и искупления**. Как в романе Достоевского «Преступление и наказание» *надуманное преступление* (ибо нормальный человек не доказывает, что имеет *право на бесцельное убийство*, история человечества нам показывала череду всевозможных убийств, но мотивированных либо пороком, либо ненавистью, либо завистью, либо корыстью, либо мщением...) требует **искупления**, то есть физических и нравственных страданий, своего рода **выкупа**, но при этом и осознания неправоты, вины, так сакральная (хотя и ложная) *первородная вина* человека требовала **жертвы**. **Идея жертвы** дополняла идеи о **творении человека Богом**, преступлении (вине человека перед Богом) и смирении, покорности, отказе от попыток изменения и преображения мира. (*Это так очевидно, что повелителю и его клеветам необходимы покорные рабы!*)

В жертву Богу приносились земные плоды, пища, украшения, в жертву суровому Богу приносились животные и люди, позже евреи и семиты сначала вместо человека приносили в жертву *агнца*, затем частицу его крайней плоти – эта жертва символизировала само преступление, которым являлось деторождение. (А вы заметили, что в Новом Завете нет детей, нет детского смеха, нет игр и игрушек, нет по существу и семьи, нет «полового инстинкта», а только отказ от него? Иисус как то говорит: «Приводите ко мне детей», но в Эпосе, который нам представляет всю Космогонию от Творения до Страшного суда и Конца мира, ребенком сначала условно является сам Иисус, затем рассказывается о рождении детей за границами обыденной жизни и, наконец, череда святых грешниц, отрекшихся от преступного наслаждения: и Мария Магдалина и Мария Египетская и затем миллионы монашек на протяжении двадцати веков! Странно, что сам Иисус был рожден – хотя и непорочно – в то время как мог бы до конца истребить этот мерзкий обычай человека в наслаждении зачинать, в муках рожать, в блаженстве испытывать радость материнства! Какая радость, если это грех?! Но христианство соткано из противоречий, как и марксизм, как и положено сакральным учениям.

Апостол Павел показывает в своих Посланиях необходимость развития идеи жертвы **от человеческого жертвоприношения** (которое не прекратилось, ибо и Инквизиция, и коммунистический террор – это и есть массовое человеческое жертвоприношение, да не задумано ли было в тайных спиритических колбах и жертвоприношение евреев в нацистском германском шабаше вкупе с славянами и другими «недочеловеками») – до **принесения в жертву и самого сына Божия!**? Бог *умер* в муках, искупил лживый грех человека, доказал свою любовь к человеку – и воскрес (т. е. **не умер**).

5. Идея **воскресения** сначала Христа, затем грядущее воскресение человека (правда, ужасно избирательное, для "избранного остатка", всего то праведных колен Израиля) завершает это странное учение о странном сотворении человека и мира, которое оказалось в итоге таким драматически неудачным, с грехопадением (так неудачно Бог сотворил своего человека!), с необходимостью распятия самого Творца (одного из Лиц единого Бога, но как Сын в Отце, так и Отец в Сыне!), с Концом света (это Содом и Гоморра, перенесенные на всю Землю – или на весь мир?) Таков **христианский миф**. Во что же вы верите? Почему и зачем? Готовы вы терпеть порабощение и эксплуатацию. готовы быть покорными бессловесными агнцами, и детей своих обрекаете на такие же муки, даже отказываетесь от истины вместе с Достоевским – так страшно умирать? Или так запугал вас жестокий Бог обещанием вечных мук? Или так прельстила радостная возможность вечно висеть на Древе в виде даже бесплотных листьев?

А тебе разве не страшно? – спрашивают меня христиане. Увы, мы все боимся смерти. В светлом эллинском мире человека с младенчества учили не бояться смерти, нас с младенчества учат ее бояться, хотя одновременно призывают жить аки умереть и жаждать смерти.

Так что же, христианство – это синтез пяти основных идей: **сотворения человека, грехопадения, смирения** и покорности, **жертвы и искупления**, будущего (а точно ли?) **воскресения**? Да.

Ну а необходимость христианского подвига, необходимость для этого взять и взвалить на себя крест и в муках претерпевать земную жизнь? Разве это не самое существенное, как говорится в евангелиях, как проповедует апостол Павел, как проповедует Кьеркегор, противопоставивший **истинных христиан** с крестом на плече христианам теплого земного причастия, которое не требует от них страданий, а умиленных песнопений, что Христос нас всех любит и он уже нас всех спас? Кого же я считаю христианами и с кем я спорю?

Я спорю со всеми: я отстаиваю полноценную творческую жизнь не во имя *собственного сомнительного спасения*, а во имя родины и народа, которых вы отрицаете, жизнь в труде и заботе (о чем в вашем учении почти ни полстрочки), жизнь для тех, кто нуждается в сочувствии и помощи временно или постоянно (дети, дедушки и бабушки, немощные и больные, жертвы случайностей – хотя бы потере работы или кормильца), жизнь во имя помощи культуре, природе, школе и образованию, здравоохранению, законности и порядку, соблюдению прав нас всех, детей свободной духовно и физически России.

Ну а **христианская мистика, горение духа** – разве не это привлекало сердца самых возвышенных, когда власти государства и церкви притесняли сирых и убогих, отбирали последнюю лепту вдовы для своего обогащения?

Жизнь для других, для человека и родины, и горение духа (вдохновляющие самых возвышенных, что можно причислить к шестой и седьмой идеям, поддерживающим христианство), не нуждаются в ветхих и уж совсем обветшавших мифах, такие люди встречаются и среди революционеров ("Овод", Гарибальди, декабристы) и среди разбойников (Робин Гуд, Махно).

Разве **жизнь для спасения России, милосердие, любовь и творчество** – не лучшее поприще для горения духа и духовного подвига?

Но отвергая общество, в котором хотя благоденствовали немногие, но все же процветали иногда и искусства, строились храмы, население умножалось, процветала иногда и культура – и по крайней мере в России в 18-м и 19-м веках разве не процветала культура? Земля была обихожена, строились города, воздух был чист, леса радовали взор, а дворянские поместья возвышали сердца, женщины блистали на балах, избранные стрелялись на дуэлях, армия овеейна была легендами (и конечно, не было среди русских полководцев тех, кто одерживал победы ценою неоправданных потерь, и пренебрежительно замечал что "бабы еще нарожают") – отвергая несправедливое феодальное общество, а затем, устав от ожидания **воскресения** – а хотя и поют в храмах "смертию смерть поправ" – но пока разве кто-нибудь еще воскрес, кроме Сына Божия? Да и то иудеи в его воскресение не поверили – и вот, прельстившись посулами тех, кто обещал "весь мир насилья мы разрушим", но взамен оцепил всю Сибирь колючею проволокой – и что вы мне несете пургу о "вашем счастливом детстве, за которое вы благодарите Сталина", когда я и кино смотрел сквозь колючую проволоку: эски с одной стороны экрана, а мы, дети – с другой? Когда я и учился в лучшей школе Сибири, в которой преподавали бывшие эски, а дети начальников лагерей, с которыми сидел я за одной партой – но там же сидела и неизвестная внучка Махно – рассказывали, что их отцы на танках врывались в составшие лагеря и были беспощаднее к нашим, чем немцы, и это уже было в 55-м году – нет, Сталин еще стоял в гипсе и бронзе, в чугуне и стали по весьям и площадям... но что я говорю? Ну да, отвергнув несправедливое общество, мы принесли в жертву чуть не целый народ, свой собственный, по крайней мере за что мы принесли в жертву своих крестьян? И сколько же миллионов раскулаченных? И думаете, что это не страшнее расстрелов? Я видел, как одного увозили в тюрьму и малолетних детей было не оторвать от него даже дюжим охранникам – разве одного погибшего мало, чтобы осудить **зло**? Разве одной сожженной Жанны мало, чтобы началась Великая французская революция? Обида народа тлеет под золою в деревенской печи даже триста лет, и вдруг запольхает вселенский пожар. Но и неправда, что *надо смириться и терпеть* – если бы мы слушались церкви, если бы мы были смирны как агнцы, то даже Дарвин сказал бы, что нас не спасет даже эволюция! Пусть мы живем не всегда по праву, не всегда по правде, но у нас есть и честь и гордость – и хотя с ними воюет христианство уже две тысячи лет, они еще есть...

И все же – а нельзя ли было изменить порядок вещей, не жертвуя целым народом? Конечно можно. В начале двадцатого столетия в России сохранялось и феодальное общество, были и дворяне, и крестьяне, и купцы; была и капиталистическая промышленность; а в Сибири кооперативы по переработке и сбыту продукции обнимали собою две трети крестьянских хозяйств. *Богатые и неравные* нужны, как и равные, нужны и свободы и права. **Неравенство возбуждает инициативу, право и справедливость ее охраняют** – и этого достаточно для благоденствия целого народа. Но как бы там ни было, пока **народное правительство** не защитит права народа, ничего кроме разора и мора не будет и в самой богатой стране мира, и Бог не поможет – и не захочет помогать!!!

21 января 19, понед., 5-18. ПУТЬ К... или Домостроительство?

1. Володя Меньшиков советует мне объявить себя Мессией и присвоить и *Истину и Путь* (как Христос), или, в крайнем случае, не объявляя себя истиной, выдать себя за Путь к ней. Но не все так просто. Вся моя жизнь прошла словно бы в мечте об Истине, в стремлении к ней, в поисках ее – но одновременно я страдал от **духовного подавления**, жаждал **духовной свободы** прежде всего, прежде чем даже того духа, о котором говорится в стихотворении Пушкина «Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился...». Свобода мне была даже важнее истины.

Но что же ей препятствовало? Во-первых, *духовное подавление*, воля и деятельность тех сил, которые стремятся к тем целям, которым духовная свобода противится или мешает. **Диктатура** – это не только государство запретов, несвободы, подавления, это прежде всего государство, в котором человек лишен зрения и слуха, лишен знаний, подчинен государству и его силам не только через силу, но и потому что уже не имеет собственных сил для сопротивления всем тем давлениям и внушениям, которые испытывает. Более того, уже принимает навязанный ему мир и систему ценностей как свои собственные (ну, например, в условиях *национального подавления* уже не помнит, что он русский, и искренне и самозабвенно считает себя **советским** или **православным**, но не русским. Так в Турецкой империи отнимали детей у пленных рабов и воспитывали как турок, они становились янычарами и были злейшими врагами своих бывших соотечественников.

Русский или православный? Русский или советский? – вставал выбор перед русским и он отвечал: Что это еще за Русь? Что еще за Россия? Или еще более извращенно: православие и есть Русь, русский без православия одна мерзость, как говорил видный славянофил Кошелев; или «советская власть, народо-власть – это и есть подлинная Россия!» – но так как в действительности даже он, задуроченный, видел в этой России либо власть царя (помазанника божия), либо власть партии и *диктатуру пролетариата*, то повторял вслед за платными пропагандистами: «диктатура пролетариата и есть подлинное народовластье»!

Духовное подавление отличается от Несвободы тем, что человек самозабвенно считает своей родиной не Россию, а или Турцию или «духовный Израиль», ему не запрещают быть русским, но он уже и сам им не хочет быть.

2. Ну, итак, не объявить ли мне о себе, что это "*я – путь к истине*"? Но дело в том, что я уже разочаровался в истине как таковой, хорошей или плохой. Дело уже не только в том, что плохо христианство и Христос, плохо марксизм или строительство коммунизма, а в том, что **присвоение истины** человеком, группой лиц «по взаимному сговору», партией, идеологией или церковью – лишает всякого человека свободы (хотя, может быть, еще среди властвующих остаются частично здоровые, не случайно ведь и критика церкви и критика коммунизма поднимаются среди них, а не извне, Лютер, вместе с немецкими князьями разгромил, католическое христианство, молодые комсомольские вожак свергли власть старой коммунистической

партии. Народ после этого покорно пошел за новыми вождями, как прежде шел покорно за старыми. Почти то же самое произошло во Франции в 1789 году, затем в России в 1917).

Франции повезло, новая власть не до конца окаменела, произошла реставрация прошлого режима, произошло частичное размягчение и старой формы духовного подавления, и новой, а в России коммунистическая диктатура окаменела так, как не окаменевала диктатура церкви и государства даже при Иване Грозном и при Петре Первом.

Не произошло частичной реставрации советской власти и после антикоммунистического переворота, "*власть жуликов и воров*" (как ее называет Болотная оппозиция, укрепились *всерьёз и надолго* (по выражению Ильича).

Я, разумеется, в порядке вещей ничего не изменю, я могу только поговорить в угасающий мой день с самим собою, я объясняю себе, в каких условиях и в какой стране я жил и с чем моя жизнь заканчивается. Возможно, если мои Записки сохраняются, прочитает их уже немного размягченный от льда человек и они ему помогут совсем растаять.

Но ведь истина, притом подлинная, не испорченная и истинная, все же существует, хотя бы в Боге? – возражают мне люди схоластической направленности – ну, как существует обратная сторона Луны, даже хотя мы ее не видим, и существует электрон? Но так как и Бог существует лишь поелику мы в него верим, или переживаем, или в нашем умозрении... (сами же христианские отцы утверждают, вслед за иудейскими отцами, что его же никто не видел!) – то и истина существует внутри человека, удостоверяется человеком, его верой, его умозрением или переживанием – ну, в крайнем случае, **откровением** – она, эта истина, существует и в Протагоре, и в Аристотеле, и в Платоне, которые тем не менее между собою спорили, и во мне, а чего ради безграмотные последователи Христа предпочтительнее, например, "сына фарисея" Павла, – чем я, окончивший математический факультет одного из лучших университетов мира, – или предпочтительнее внук Раввина Карл? Ну, в таком случае, я задаю вопрос: Что мы избираем – **духовное подавление** за счет навязывания нам истины, принятой группой лиц по взаимному сговору, как ученики Христа или ученики Маркса, или **Духовная Свобода** собственного размышления, познания и исследования – нам дороже? (заметьте, я даже не говорю о политической или социальной или национальной свободе). И я не говорю, что отвергаю божественную истину, с которою отождествляется Создатель или с которою отождествил сам себя еврейский юноша, пылко стремящийся к свету, но заблуждающийся (как говорят о нем самые снисходительно относящиеся к нему евреи – другие же, многие, называют его обманщиком и лжебогом, как называет его и наш русский Розанов).

Итак, очевидно, что выбор между заблуждением и обманом должен быть сделан в пользу **свободы**. Или еще не очевидно? Тогда задержусь. Кто же все таки Христос? Халкидонский Собор, постановление которого обязательно как для католиков, так и для православных, отчасти и для протестантов, говорит: "Итак, следуя за божественными отцами, мы все единогласно учим

исповедовать Одного и Того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, Совершенным по Божеству и Его же Самого Совершенным по человечеству; Подлинно Бога и Его же Самого подлинно человека: из разумной души и тела. Единосущным Отцу по Божеству и Его же Самого единосущным нам по человечеству. *Подобным нам во всем, кроме греха* (Евр. 4:15).

Прежде веков рождённым из Отца по Божеству, а в последние дни Его же Самого для нас и для нашего спасения (рождённого) по человечеству из *Марии Девы Богородицы*.

Одного и Того же Христа, Сына, Господа, Единородного, познаваемым в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо.

(При этом) разница природ не исчезает через соединение, а ещё более сохраняется особенность каждой природы, сходящейся в одно Лицо и в одну Ипостась.

(Учим исповедовать) не рассекаемым или различаемым на два лица, но Одним и Тем же Сыном и Единородным, Богом-Словом, Господом Иисусом Христом.

Как изначала о Нем (изрекли) пророки и наставил нас Сам Господь Иисус Христос и как предал нам символ отцов наших."[4]

Упоминание Марии как Богородицы настаивает на размышлениях, которые являются основой на разделение христиан на множество направлений. Русские православные (особенно женщины) почитают Марию как истинную Богоматерь и иногда ставят ее даже выше Христа, и в сознании многих она не совсем человек, на родила Спасителя; в это же время протестанты всячески стремятся умалить ее значение – но и те и другие рассуждают как то окольно, не совсем по существу – по-видимому, есть запретные темы. Начну с Розанова (это не я богохульствую, это он! Розанов с изумлением и возмущением говорит о том, что не благословляется церковью рождение детей. Все то, что ему предшествует, объявляется чем-то низким и мерзким, и основой падения человеческого рода, **первородным грехом**. Но Бог решил воплотиться в человека – и вот что странно: ему подвластно даже оживление умерших, и собственное воскресение – неужели ему не подвластно воплощение иным путем, нежели низкий и мерзкий, хотя бы родиться на стебле лотоса? Но уж если родился, как и мы все, от женщины, то зачем твое учение чуть-чуть не приглушит обличение женщины – или она тебе не мать? Да и далее твое поведение ни о чем другом как о презрении к матери не говорит, и что сбежал от матери в синагоге, и что отказался встретиться, когда она пришла тебя проведать, и не раз восклицал, что враги человеку домашние его! Но все же она кормила тебя своим молоком!

Но есть и более важные обстоятельства и вопросы. Розанов возмущен тем, что православные веруют, что и после рождения сына Мария-дева осталась девой – впрочем, мне это все равно, пусть бы и так, есть нечто поважнее.

Но Иисус родился, в положенное время был отнесен в храм и над ним произвели обряд обрезания, и он стал нормальным еврейским ребенком, принятым в лоно иудейской религии, то же самое было и с учениками его, но все они позже отрелись от своей матери церкви (синагоги). И все они бежали

из Израиля, бежали в частности и по причине своей сектантской нетерпимости – а вы забыли, как совсем недавно советская власть клеймила тех, кто от нее отрекался, и как на днях вы сами клеймили Солженицына за то, что он посмел рассказать о преследованиях не только инакомыслящих в СССР, но и чаще всего без всякой причины (в деревне кулаков и подкулачников – есть что-то рациональное в обвинениях, а в городе просто по доносам, по недоброжелательности, по разнарядке, иногда за неосторожное слово, а то за родственников, не там живущих, а то за принадлежность к научным направлениям, вдруг огульно причисленным к враждебным советской власти) Но так вели себя и христиане, бог его знает за что сжигавшие своих недавних однополчан. Но как вы себя ведете, друзья мои, я уж ума не приложу, как вы можете молиться Христу, отвергнутому коммунистической властью, вы, вчерашние комсомольцы, как вы можете почитать Сталина, осужденного Коммунистической партией (из 20 миллионов человек), не в пример более преданной долгу и государству, чем клика Ел--на и Ч--са (не знаю, разрешено ли произносить запретные фамилии вслух, поэтому привожу вымышленные имена вымышленных персонажей), и как вы можете поклоняться Дэн Сяо Пину, главному в партии, но идущему по капиталистическому пути, противоположному «Сталин и Мао слушают нас!?»

Но ведь я говорил о деве Марии, родившей Иосифа, ставшего Богом, соединившего в себе две природы, человеческую и Божественную, и обе в полноте, и хотя неслиянно, но нераздельно – при этом не в том дело, как произошло божественное зачатие, для Бога ничего невозможного нет (хотя, впрочем, несносный Розанов напоминает, что и развитие младенца в чреве матери и его рождение должны были идти по обычным законам нашего человеческого бытия – но и это лишь косвенно важно. Я верил, что отцом Иисуса был Дух Святой (или Бог-отец? – впрочем, это тоже не столь важно, они тоже нераздельны, хотя и неслиянны – но матерью точно была Мария, и со стороны матери, каким бы духовным, а не материальным, ни было «зачатие», оно было, не могло не быть точно таким же, как у всех женщин. Чертова наука генетика при этом говорит всякие грубости о семени и мужском и женском (впрочем, в Священном Писании слово Семя в этом смысле употребляется очень часто, даже когда речь идет о прародителе человечества Аврааме и о пророках, так что никакого святотатства в рассуждениях о зачатии и о осемени не может быть, даже в советское время Высоцкий о себе говорит, что "зачат он был ночью порочно и явился на свет не до срока", да и выражение "*непорочное зачатие*" содержит в себе это слово *зачатие*, из-за которого, я уже было испугался, меня могут привлечь. Иисус был зачат, как бы то ни было. со стороны матери так же. как и его братья и сестры, которые потом приходили к нему его проведать, а он не вышел – или в евангелии речь шла о каких-то других братьях и сестрах? О детях Иосифа? О детях братьев и сестер Марии (о которых в евангелии не говорится)? Так вот, Иисус был зачат, младенец начал развиваться по тем же законам, что и мы ... Но – предполагает ли этот термин «зачатие», что яйцеклетка женщины, как и положено, была оплодотворена? И эта женщина была и биологической

матерью Иисуса, а не инкубатором (это не я богохульствую, рассуждая о совершенно естественных вещах, ... – но что пишут протестанты, не признающие деву Марию за богородицу? Кем же она была с их точки зрения? «Местоблюстителем патриаршего престола?» Она *зачала* от Духа святого – но она *зачала*, значит, было оплодотворено ее семя (яйцеклетка), и плод начал развиваться, и она стала матерью, родив полноценного ребенка, который был потом **обрезан** в синагоге и стал в конце концов *еврейским юношей* (как о том пишет протестантский пастор в своей исповеди), поелику у евреев национальность определяется по матери. Но неясным остается биологическое происхождение ребенка. Если бы Иисус соткался из воздуха (а он сам однажды сказал, что "Отец небесный из камней сих может создать детей Аврааму") или родился в цветке лотоса, я не возражал бы сему рассказу. Но коль скоро он родился в результате непорочного зачатия, и коль скоро православные очень щепетильно настаивают на том, что Мария и после рождения ребенка осталась девой, а протестанты настаивают на том, что она по существу не может считаться богородицей, то я слышу голосовые заявления, смысл которых теологически не прояснен, что подрывает всякое доверие к мыслительным способностям христианского богословия. В евангелии сказано, что Мария *зачала* от Духа святого. Но от глубоко-мысленных людей, слишком тронувшихся нападками монахов и евнухов и апостолов на размножение людей, хотя они и не высказываются против размножения хлебов и домашних животных, приходилось слышать, что в связи с воплощением Иисуса Христа, Сына Божьего, речь должна идти о **партеногенезе** – так называемом «девственном размножении», при котором женские половые клетки (яйцеклетки) развиваются во взрослый организм без оплодотворения. Но тогда какова роль Духа святого? Чисто назидательная, учительная, воспитательная? Или богословие стыдливо, как институтка, закрывает на эту проблему глаза? Но тогда зачем в Священном писании (Ветхом завете) так много говорится об «отцах и детях», ничуть не смущаясь? Нет, ребята-богословы, если Марию считать единственным родителем Спасителя, и за отца и за мать, то это будет такое умаление отцовского начала, которое покоробит даже меня, сколь бы ни был я благожелателен к девам.

И все же, что означают слова Иисуса «*Азъ есмь истина и путь*»? И в чем состоит его истина и в чем состоит его путь? Поскольку все разъяснения всех недоумений мы получаем только от правящей партии, будь это партия апостола Павла и реформатора Лютера, или от Иоанна и Павла совместно, при их несоединимом двуединстве, или ... но из какого корня произрастает православие, кто в его генезисе важен, помимо Иоанна и греческих богословов, я затрудняюсь сказать, ... Поэтому (учитывая и многое другое, о чем еще речь будет идти впереди), я торжественно заявляю, что не претендую ни отождествлять себя с истиной, ни объявлять себя *путем к истине*. Более того, я заявляю, что отказываюсь от каких либо прав на Истину, христианскую или коммунистическую, даже от прав на истину позитивистскую, научную.

3. Итак, *я не истина и не путь к истине*. Но не это главное. Я мог бы сказать, что истина существует, и кто-то вправе от ее имени нас учить – но вот это именно я отрицаю. Я разочаровался в самой идее истины, ибо она стала орудием духовного подавления. Само понятие истины, возможность ее присвоения, ее тотального отождествления с тем или иным учением дает широкие возможности для духовного подавления, что меня страшит даже более, чем невежество. Пусть я буду не знающим истину, чем *ослепленным* ею. А я подозреваю, что большинство тех, кто истину нашел, в себе или в других, нашел вовсе не истину, а иллюзию, или даже тех прекрасных обнаженных дев, олицетворяющих истину, которых в «Письмах о девстве» живописует Блаженный Иероним, который видел в действительности бесов. Разве каждый из нас, молод он или не совсем, не знаком уже с множеством истин, которые, в особенности в последние десятилетия, лопались как мыльные пузыри? Пятьдесят лет назад и в отношении христианской истины почти никто не сомневался, что она ложна, даже из тех, кто сегодня ее вдруг нашел, не сомневаются в том, что это истина лже-спасителя, и иудейские богословы – и вчера и сегодня. Ну а истина коммунистическая? Много ли ее приверженцев, хотя совсем недавно она шествовала по миру и все «прогрессивное человечество» на нее молилось? Одно несомненно – человек, нашедший истину, становится обычно *несносен*, он не может спокойно выслушать оппонента, не стремясь лихорадочно ему возразить или схватить за грудки, он не терпит в принципе отличное от своего мнение, он плохо уживается с людьми, теряет вкус к литературе (так как читает книги теперь под одним углом зрения), хуже относится к людям (это я замечаю даже на самом себе, как бы я ни изгонял идеи истины из своего мировоззрения, подспудная мысль, что был чаще прав, чем другие, мешает мне их ценить более действенно и справедливо).

Но что же вместо истины, что надо искать, к чему стремиться? **Надо искать не истину, а духовную свободу.**

И что ж, ни о ком нельзя сказать, что он не прав, так же как никто не может быть уверен в своей правоте? И воистину, «на вкус и цвет товарища нет», а «кому как нравится», то и верно, как утверждал Лев Толстой?!

Нет, жить в мире такой относительности тоже невыносимо, верить, что граф Хвостов имеет не меньше прав на восхищение, чем Пушкин, и что невозможно доказать, что слабое поэтическое произведение действительно слабо, ложная философия ложна, безобразие безобразно и зло воистину зло, а пролетарская диктатура вовсе не народовластие – нет, так верить, значит перестать доверять и слуху и зрению, и осязанию и обонянию. Нельзя только позволять злоумышленникам присваивать себе исключительное право на меру и критерий и тащить граждан в коммунистические застенки и на костры инквизиции. Как бы там ни было, существует и суд и спор и столкновение мнений, существует критика и совесть художника и философа, существуют и ошибки и заблуждения, существует и прозрение – и у сомневающийся и у уверенных. Следует и отстаивать свое мнение и подвергать сомнению – а там уж как выпадет карта, как сложатся звезды, расчертить до конца всё нельзя...

4. Но являюсь ли я *духовной свободой* или путем к такой свободе? Можно ли сказать, что те, кто слушает меня, обретают свободу, подобно тому, что сказал Христос: «*Познайте истину и истина сделает вас свободными!*»?

К счастью, и это не так. У каждого человека свой собственный путь к духовной свободе, иногда и через заблуждения и через иллюзии, иногда и через ослепление неправдой, как показал Артур Кёстлер в романе «Спящая мгла». Но надо все же "читать и умные книги", к чему призывал нас Владимир Высоцкий, и слушать светлых людей. Среди зла трудно остаться честным, и всегда трудно отделить пшеницу от плевел, а сегодня, когда мы во власти лжи и духовного подавления с помощью всемирных средств охмурения, даже предсказывать боюсь, не ждет ли нас всеобщее растление, падение и дикость.

Возможно, я являюсь лишь примером противодействия лжи и неправде, способен ли я научить других моим собственным поискам духовной свободы? Пока, в течение всей моей жизни, в которой я был счастлив знакомством и дружбой с удивительными, светлыми и умными людьми, которые в том числе благотворно повлияли и на меня, мне не удалось повлиять ощутимо ни на одного человека, даже в мелких разногласиях никто и ни в чем со мною не соглашался, и ни очевидное зло коммунистической диктатуры ни перед кем я не обличил, ни историческое зло христианства.

Зачем же я продолжаю писать, что ныне пытаюсь я сказать своему читателю, если еще кто-то меня читает?

Но все же за последние два года, пока я издаю наш журнал, я слушаю и тех, кто мне возражает, и, как ни странно, но отчасти меняюсь.

Я призывал их стать свободными, они же продолжали верить то Марксу, то Ленину, то Сталину, то Христу, то тем дьяволятам, которые сегодня вцепились в Россию. И все же... Кто хвалит Сталина? Очень часто это те, кто уже отчаялся найти средства и путь к справедливости, у них только осталась мечта: вот пришла бы сильная личность, Наполеон, Марат, Робеспьер, Иван Грозный со своими опричниками, Ленин и *Сталин*, Берия или Андропов, генерал Кутепов, Колчак, Навуходоносор, ну пусть хоть *Нечистая сила!* – но кто-нибудь, кто бы шарахнул по всей этой сегодняшней нечисти, пусть даже чрезмерно, пусть даже погибли б невинные – но те чтобы уж точно погибли!

А я лишаю их даже этой надежды, я разоблачаю и тех и других – потому что все плохи (кроме одного Колчака, его полюбила прекрасная женщина и была ему верна, уже поэтому он не может быть плохим!).

Нет, думаю я теперь, пусть они верят во что угодно, в кого угодно, в леших и в домовых, как бывает, что все хуже, так бывает и наоборот: все, кроме сегодняшних, лучше! Лучше Третьяковский (не говоря уж о Пушкине), чем «Евгений – не гений», лучше Николай Палкин, чем члены Политбюро, ставшие русскими самодержцами, лучше Крез чем Дери--ска и вся олигаршая рать, лучше даже (возможно) Тамерлан чем Гитлер...

Пусть верят и в советскую власть и в коммунизм. Дело в том, что террор, через который прошла Россия, и разруха через которую она проходит ныне, это подлинная история, а вера то, что уже прошедшее зло лучше, чем нынешнее, всего лишь иллюзия. Но иллюзии менее опасны, чем ложь.

Вот так же, пусть верят желающие и в христианского Бога. Та ли это вера, которая насаждалась в мире в течение двух тысяч лет и временами обладала неограниченной властью, позволявшей уничтожать целые культурные эпохи, замедлять развитие цивилизации, помогать обращению в рабство большей части народа (например, Крепостное право в России)? Та ли вера, которая уничтожила Александрийскую библиотеку, эллинскую математику и механику – да и всякую античную ученость, кроме богословия и житийных рассказов? Нет, сегодня христиане и христианки, – это преимущественно образованные люди, возможно, некоторые из них не удовлетворены или собственными успехами или окружающей жизнью – а разве я сам ею удовлетворен? Или своими успехами и вообще результатами собственной жизни? Во что же они верят? Они верят в доброго и всемогущего Бога, который поможет им в их чаяниях – ну хоть отчасти, верят в воскресение, верят в благотворное влияние и веры и церкви на худшие стороны повседневной жизни – и что плохого в их вере? Я доказывал им, что христианство плохо – но христиане ли они? По учению Кьеркегора о христианстве узкого пути и христианстве широкого пути они в лучшем случае христиане широкого пути – но христианство ли это? Лучше спросить у самого Христа, и он отвечает: «всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». Ибо «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и (не) следует за Мною, тот не достоин Меня.» И еще: «если кто хочет идти за Мною, **отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною,**» Так вы уже следуете за ним, вы уже с ним? Если нет, то сказано? «Кто не со мною, тот против меня».

Вы верите, что в Христе все благо мира. Но «в тот день, когда Сын Человеческий явится. ... в тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращай назад. ... Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее. Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется; две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая останется; двое будут на поле: один возьмется, а другой останется.» – вы уверены, что вас ждет воскресение? Что оно обещано вам? Ибо «как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов». «ибо много званых, а мало избранных.»

Итак, будьте христианами, или думайте, что вы стали христианами, зайдя однажды в храм и прослушав церковную службу. Ибо вы не оставите, я надеюсь, ради Христа ни детей своих ни родителей. (О том же, не надо ли оставить ради него свою Родину, Спаситель не говорит, ибо о родине он не говорит совсем, но апостол Павел говорит, что *отныне несть ни еллина ни иудея*, но все братья во Христе – но если вы и на это решитесь, то уж я точно не знаю вас больше, и мне все равно, христиане вы или нет.)

5. Итак, я не христианин, и не марксист, не вхожу в какую-либо партию, не ниспровергатель или защитник, я скромный (нескромный) писатель и философ, спорю я только с **идеями** и вступаю в споры с людьми, чрезмерно назойливо их навязывающими другим. Есть христиане и марксисты, есть в мире буддисты и даже огнепоклонники. И я уважаю право каждого поклоняться огню или воде, но при этом не заливать соседей снизу и не поджигать мимо идущих.

Это я сформулировал *Первую Заповедь*, которую я выстрадал и положил в основание своей жизни и нашего журнала (а надо заметить, что заповеди свои я выстрадывал в течение более чем полувека).

Вторая моя Заповедь состоит в том, что ничто не однородно, даже солнечный свет, который, как известно, разлагается на *радугу цветов*, вероятно и *божественный свет* или свет, который струится от самых чистых небесных источников (например, от ангелов и святых) тоже представляет собою радугу – да почему бы и нет? Надо ли ангелам так уж перед нами "возвышаться", чтобы гнушаться солнечным (то есть небесным) или каким либо земным светом и изобретать специально для себя свет *однородно светлый*? И поэтому не презирайте землю и не спешите раньше времени ее отвергнуть, хотя и сказал ваш Учитель «*В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир*». Так ли уж надо и вам побеждать мир? Но что я говорю? Кто из вас готов оставить семью и ту жизнь, которою живет, и уйти из побежденного мира – возможно, имеется в виду монастырь или церковное призвание? Зачем же тогда лицемерное возглашение, что вы христиане? Ну, такие ж, как я? Об этом пишут многие, у нас Страхов и преподобный Игнатий Брянчанинов, Серафим Саровский и Оптинские старцы, в Европе Кьеркегор, который в конце концов сказал, что не бывает широкого пути, а только *подлинное христианство* (узкого пути), после чего он и бросил кольцо к ногам Рeginy, своей невесты – готовы ли вы оставить невест или жен? Впрочем, сегодня христианство во всей Европе представляет собою только театр, поэтому я заключаю мир с вами, пусть вы ходите в свой театр, а я в свой, где Полина играет Бетховена или Скрябина, только бы вы не говорили, как славянофилы, что русский человек без православия – только мерзость.

6. Человеческая Личность как Млечный путь и Бог как Космос

Народ и Личность, Личность и Бог – эти две пары теперь будут источниками моих умозрений (или предметами их, если считать, что источник в моей душе... или в культуре народа). И я буду вас защищать.

И я буду писать теперь так, что буду постепенно поправлять свои предположения и выводы, и писать буду для таких же как я, хотя бы вы и говорили мне, что вы христиане или марксисты – как будто я никогда не был ни христианином ни марксистом? Да был, и еще раньше вас! Подлинные *верующие несносны*, даже читать их писания тяжело, слишком уж они облачают нашу повседневную жизнь – не разбойников, не власть имущих, не золотых вампиров, а нас с вами, обыденных людей, которые ничего не делают плохого. Мы, по их мнению, слишком плóхи, хотя ведь можно сказать, что даже питьевая вода, так сказать, грязновата, но пить ее можно. Более того, совершенно чистая вода, дистиллированная на 100 процентов, абсолютно ядовита – не так ли и «истинные верующие»?

7. Так к чему же я все таки стремлюсь и к чему призываю вас?

Движим я был мыслью о единении нашего малого круга писателей, поэтов, критиков, именующих Россию в качестве общего стержня. Но как всегда – начинаю за здравие, кончаю за упокой. Еще вчера я доказывал, что мне не важно, какие взгляды на историю страны и литературы у каждого из нас, ибо я уверен, что все мы движимы любовью к России прежде всего, но начал писать – и начал обличать вместо единения то марксистов, то православных, то монархистов, то якобинцев... Нет, так дело не пойдет. Спокойно. Мы все думаем одинаково, только выражаемся различно. Мы думаем: хорошо бы сейчас построить мост над прудом, и через этот мост ездить в Индию... ах, нет, об этом мечтал Манилов. Нет, мы думаем: хорошо бы пришел Сталин и всех оккупантов повесил – или об этом мечтала Зоя Космодемьянская в селе Петрищеве? И хотя в ее героизме было не все правильно, не надо было поджигать крестьянские избы, но в этом виновата не она, а те, кто этой бедной девочке дал такое задание, она же была не меньшей героиней, чем и панфиловцы, стоявшие насмерть под Москвой, и если бы пришел Сталин, и повесил мародеров, то я бы первый проголосовал за него – но начал ли бы он с мародеров, вот в чем вопрос? Вот так и Спаситель: то скамьи перевернул в Храме, то возгласил, что он пришел к грешникам, и для оправдания постановил, что в сущности **мы все грешники** – но это неправда, уж моя бабушка точно не грешница, она не раскаялась – но она была крестьянкой, а не блудницей, ей не в чем было раскаиваться; она не пошла в юродивые или монахини, но ей надо было прокормить и воспитать семерых детей, слава богу, дед вернулся с войны, сначала с Гражданской, потом с Отечественной, да в промежутке из тюрьмы. Ну что мне с этого христианства, которое не прославляло человека труда, а только юродивых, монашек, блудниц и грешниц? Суворов воскликнул: *«Я русский, какой восторг!»* А ваш православный славянофил... тьфу!

Ладно, ничего не поделаешь, нам придется и спорить и ругаться, но цель у нас состоит не в том, чтобы заставить пересмотреть свои взгляды, покаяться и воскликнуть: *я больше не буду* – а в том, чтобы мы видели глубже или смотрели высь дальше, и либо в глубине либо в **выси** увидели, что в действительности мы ближе друг к другу, чем нам кажется.

Недавно где-то я прочитал слова Горького, что Лев Толстой с Богом, как два медведя в одной берлоге... Ну и ничего? Я совершенно уверен, что Бог не потребовал от Толстого покаяния.

Вчера на философском собрании один из нас проповедовал, что суть православия в словах Серафима Саровского о стяжании духа святого. Так есть ли среди нас хоть один православный в таком случае? Или кто-то уже стяжал дух святой? Или кроме отшельников остальные вообще никуда не годятся? Поэтому на прощание несколько слов, объясняющих, что мы и с европейцами плохо понимаем друг друга, а тем более со своими. В туристическом автобусе едут через лес по России финны, и спрашивают водителя, не пора ли им в «кое куда»? Водитель остановил автобус и возгласил: *Мужчины налево, женщины направо*. Через полчаса все возвращаются и жалобно объясняют: «Полчаса искали, не нашли»... Увы, *умом Россию не понять!*

8. ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО

*Взгляните – декабрь не сошел ли с ума?
 То ветер, то дождь вперемежку со снегом.
 Привычная к стуже земная зима
 Целуется с талым пьянеющим небом.
 Продлите ж, прошу вас, последний глоток!
 Горячие губы – края у бокала!
 Один поцелуй – и октаэдр строк –
 Как много для счастья! Как, Господи, мало!*

.....
 Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
 Попробуйте, сразитесь с нами!
 Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
 С раскосыми и жадными очами!
 О, старый мир! Пока ты не погиб,
 Пока томишься мукой сладкой,
 Остановись, премудрый, как Эдип,
 Пред Сфинксом с древнею загадкой!
 Россия – Сфинкс. Ликую и скорбя,
 И обливаясь черной кровью,
 Она глядит, глядит, глядит в тебя
 И с ненавистью, и с любовью!...
 Да, так любить, как любит наша кровь,
 Никто из вас давно не любит!
 Забыли вы, что в мире есть любовь,
 Которая и жжет, и губит!
 Мы любим все – и жар холодных числ,
 И дар божественных видений,
 Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
 И сумрачный германский гений...
 .....
 Александр Блок

«Скифы» это общественно-литературная группа, заявившая о себе двумя одноименными сборниками (1917 и 1918), ... В группу входили: А.Белый, С.А.Есенин, Н.А.Клюев, А.М.Ремизов, Е.И.Замятин, О.Д.Форш, М.М.Пришвин, П.В.Орешин, художник К.С.Петров-Водкин, ... писатели и деятели искусства и культуры, объединившиеся вокруг литературного критика и публициста Р.В.Иванова-Разумника. ....своеобразного «почвенничества» с революционным уклоном, тесно связанного со взглядами А.И.Герцена, в т.ч. с его убеждением в невозможности приобрести **духовную свободу** без предшествующей ей политической и социальной революции. ...уделом «мятущихся духовных скифов» провозглашалась «неудовлетворенность и непримиримость», а «проповеди тихого, умеренного прития жизни, тихого, размеренного

житейского горения» противопоставлялась «вечная революционность» исканий «непримиренного и непримиримого духа», «благоразумию» – «святое безумие». ...«Мещанин», «поклоняясь духу компромисса», по мнению идеологов «скифства», «губит искусство – в эстетстве, науку – в схоластике, жизнь – в прозябании, революцию – в .. реформаторстве». ... «Скифская» идея... проявилась прежде всего в апологии русской стихии, духовного бунта как основы индивидуально-всеобщего творчества. Все «скифы» были едины во мнении, что революция – это начало нового мира, начало Царствия Божьего на земле, а духовный максимализм, катастрофизм и динамизм «скифства», соединившись с достижениями русской революции, должны открыть новый путь к «настоящему освобождению человечества, которое не удалось христианству». ...сборники «Скифы» (1916-18); лево-эсеровские газеты «Знамя труда» и журнал «Наш путь» (1918-19); Вольная философская ассоциация (1919-24) ...берлинское издательство «Скифы» (1920-25), а также направление русской эмигрантской мысли 1920-30-х «Евразийство». «Скифы» ...приняли Октябрьскую революцию... в духе восточной стихии и **«крестьянского социализма»** с анархо-утопической окраской. ... Блок («Двенадцать», «Скифы», «Интеллигенция и революция») ... Со временем почти все «скифы» отошли от морального релятивизма. Белый уже в статье 1921 «Так говорит правда» прямо призывал к возврату к традиционным этическим ценностям. **Источник: <https://www.litdic.ru/skifv>**

Примечание редактора к Русской истории: Разгром ожиданий лучших, опозоривание их надежд, глумление над ними, невиданное в истории духовное рабство, наступившее вслед за так называемой Великой Октябрьской революцией, сначала физическое уничтожение образованного сословия, затем уничтожение лучшей части крестьянства (названное раскулачиванием), искусственно созданный голод – не будем говорить о политических компаниях 30-х годов, как раз яснее без них – что это как не **целенаправленный погром русского народа?!** И этому еще можно искать оправдание?

Но мы еще живы, и наша задача найти новые основания жизни вместо растлившегося и истлевшего социализма, последние годы которого, превратившиеся во всеобщее общественное застолье с чахлой закуской, были балаганом еще пущим, чем распутищина – или это был «Пир во время чумы?» Я всматриваюсь. Не перевелись и сегодня романтики социализма – но именно потому, что кроме марксистского социализма с его ненавистью к «породе», образованности, культуре, есть еще русская **почва** и русский почвенный социализм, отчасти крестьянский, отчасти дворянский – хотя ни крестьян уже нет ни дворян – но память о них осталась. Только не в зюгановской партии, созданной по заказу Ельцина. искать социалистические и национальные корни. Итак, с марксистско-большевистским социализмом Ленина-Сталина надо навек попрощаться, даже если они обещают к стенке ставить и «комиссаров в пыльных шлемах» Но социализм даже в России связан и с лучшими именами: Бакунина, Герцена, Михайловского, Плеханова, Иванова-Разумника.

Итак, перенимая эстафету у «скифов», то есть у русской вольности, «бури и натиска», у общинного самоуправления, у Бакунина, Герцена, сибирского кооперативного движения 1908-1915 годов (его успехи впечатляющи!) – в эстетике перенимая эстафету у Блока, Есенина, Разумника, Ремизова, Пришвина, Петрова-Водкина, у русской красочной живописи (в том числе театральной и прикладной) конца 19-го – первой трети 20-го веков, у русского оперного театра и великой национальной русской музыки (включая ко всем перечисленным многое из искусства русских в изгнании), мы должны найти новые основания жизни, для этого найти их в поэзии, литературе, искусстве... но не бывает возрождения без Новой философии, следовательно, изучение классической русской философии и создание того, чего в ней не достает – наша еще более важная задача!

Как пишет Николай Петрович Ильин в своей книге «Трагедия русской философии», она начинается с Ивана Киреевского, который наметил программу русской национальной философии, основанием которой является концепция **существенности**.

«Проследив весь ход философского развития И. В. Киреевского, я попытался показать, что **ядром его программы является метафизика человека**, то есть понимание того, что **именно человек**, а не «абсолют», не «трансцендентальный субъект», не «мировой дух», не «мировая материя» и проч., **является подлинным предметом философии как таковой.**» – пишет далее Николай Петрович. Но этот человек существует не отвлеченно в отвлеченном бытии, а **«в единстве в нем личности и народности.»**

В этих немногих словах выражена вся программа Новой русской философии, к созданию которой мы и должны приступить – и приступаем.

Но эту философию мы строим не в пустыне. Нашими предшественниками, кроме Киреевского, являются Василий Розанов и Николай Яковлевич Данилевский с его **Теорией культурно-исторических типов**.

Почему же нашими предшественниками не являются славянофилы, с их убеждением, что **русскость** без православия – это мерзость? – (притом, сказал это один, а думали так, и более страстно, все они, эстафету у них перехватил их якобы антипод Вл. Соловьев – и по иронии судьбы и нынешний, мелкий, поелику тот все же был великий, а ныне, самостоятельно, или тоже в эстафетном забеге, после англичан и американцев, немецких нацистов, троцкистов, ленинцев, марксистов – все русофобы, без отличия, инородческие или русопятские, важно, что всех их бесит именно *русскость!* – вот именно потому славянофилы и не имеют отношения к новой **русской философии**, что она у них христианская.)

Если в *целостном человеке* – который, конечно, никогда не является целостным (как не существует и «мир как целое», вопреки Страхову) – продолжает далее Н. П. Ильин – преобладает, подчиняя себе человека, *личность* (иначе говоря, субъективность, субъектность, насыщенная сиюминутная *индивидуальность*), то человек является или космополитом или интернационалистом или христианином или марксистом; если же существенно преобладает, растворяя в себе личность, *народность*, то его мировоззрение вырождается в узкий *национализм*.

В норме личность вырастает из народа, как цветок из почвы, вне нормы мы имеем перекасти-поле, «безродного космополита», т.е. человека без родины или родиной которого является весь мир или где больше платят, так же вне нормы пираты, разбойники, аллигархи, шпионы, международные революционеры, наемники, перебежчики, вроде Ондрия в «Тарасе Бульбе». Христианин в своей сущности (как и марксист) – это человек, лишенный народности, или для которого народность заместилась своим суррогатом, «царством не от мира сего», «небесным Израилем», или, для марксиста, «прогрессивным человечеством», во имя которого можно уничтожить и собственный отсталый народ. Розанов сказал «Россия провалилась в яму, вырытую человечеству христианством.» Но этой же ямой является и марксизм и глобализм.

Я заметил, что человек, погружившийся в одни только проблемы своего народа: сионист, активист национального движения, национальной культурной группы, например, землячества – еще способен соучаствовать в общенародной жизни, но партийные или религиозные сектанты уже пропадают даже как товарищи и собеседники (они беседуют только с Истиной).

Кстати, еще один штрих к социализму, и к социалистическим теориям «светлого будущего»: Шафаревич показал в своей книге о "Социализме как явлении мировой истории", что в его основании лежит **воля к смерти** (и именно этим, конечно, объясняются и частота самоубийств, и уныние как интонация жизни, вопреки бодряческому официозу, но характерной чертой социалистического строительства является и непреходимая бедность, голод, замученность, недостаток – чего угодно, сочувствия, улыбки, смеха, задора, оптимизма – и вот читаю у Б. Парамонова (в дополнение к Шафаревичу): *«Нищета и есть цель социализма!»*

Ну так что же мне делать. Как мне примириться, как воссоединиться с разорванными частями моего народа? Ведь речь идет не о том, что **«истинные христиане»** или **«настоящие большевики»** отличаются от меня не больше, чем Пушкин. Лермонтов, Блок, Иванов-Разумник, Есенин, Данилевский, Толстой – русские писатели и поэты и философы, чем Колчак и Деникин, Суворов и Потемкин – русские генералы и военачальники – нет, между мною и теми именно метафизическая, даже трансцендентная пропасть, им их идеал даже больше, чем культура и истина, чем народ и семья!!!!!! (Сказал же Достоевский, что лучше он останется с Христом, чем с истиной – что же он, Полину бы пожалел или свою вторую жену, или Страхова – которого и **не** пожалел в своих записках, так вряд ли жалел он и **дружбы**, то, что было сердцевиною в духе не христианина Пушкина? И я понимаю, что после ужасов нашей Гражданской войны и нашего Террора, которые были сродни Реформатским войнам в Германии, которые были именно религиозны, «когда в Провансе вы уничтожили альбигойцев-катаров, штурмуя их города и уничтожая всех, ибо папа сказал, что Бог сам разберется, кто из них еретик, и кому в рай, а кому в ад. (И я думаю: не обещание ли воскресения после Страшного суда и последующей райской жизни после смерти так обесценило жизнь человека и приучило смотреть на него как на солому, которую стб́ит сжечь на стерне?!)», и не обещание ль «светлого будущего», рая на Земле?

Но *существенно* я об этом скажу в философии *народности*, а пока вернусь к заявленному желанию *соединить всех* – и православных, и русских, и "русских немцев", и "русских тунгусов" (уже совсем не диких), всех русских инородцев, включая цыган и евреев, под крылом нашей общей России.

Что же будет основанием, если не *церковь* (а разве церковь тождественна *русскости*?), если не *партия* (какая партия была в России национальной? Хотя как только произносились слова «русский народ», начинался заполошный крик о русских фашистах – и кто инспирировал этот крик? Государственные структуры, ответственные за пропаганду).

Это то же самое желание, что у Христа «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! *Се, оставляется вам дом ваш пуст.*» – но нет, последние чудовищные слова Христа я никогда не скажу, так же как не повторю слов о плаче и скрежете зубовном, рассеянных на страницах евангелий – а мы умиленно повторяем сказки о нем, как учителя любви, «ибо бог есть любовь» – в чем же проявляется любовь богов и пророков? Они все жестоки как Атилла, вождь гуннов, сказавший о себе! «Я Бич Божий!», как и те, кого называли божьими молотами, и кто ими воистину и был.

Любит ли Бог человека, любовь или страх являются источниками праведности? Например, Конст. Леонтьев пишет, что только Страх Божий! Так считает и богословие, Леонтьева же должны знать русские читатели, как и Розанова – ну а Розанов? Уверяет ли он нас, что «Христос нас любит и уже спас нас», как о том говорят бродячие евангелисты (по улицам) с Библией в руках? Воистину, невежество – мать православных неопитов, видимо, обделенных материнской любовью в детстве. Доказал же Кьеркегор, что подлинное христианство именно и состоит в том, чтобы отречься от земной жизни, а все остальные «так называемые христиане» не более чем зрители разговоров о религии в пьесе Ибсена «Бранд». Розанов пишет: «... Ибсену была известна заметка, приведенная Грегоровиусом в "Истории города Рима", что когда Григорий Гильдебрандт еще был монахом и проводил свои реформы, то пятывшееся перед ним духовенство, довольно слабое и довольно грешное, говорило: "Это какой-то *святой сатана*". (Ибо).. он был так беспощаден к человеческим слабостям, вообще к человеку, даже к тому, что нормально в человеке, но только слишком *обыкновенно*, – как вот и этот протестантский "Бранд".» В своей Исповеди я много пишу о «гуманизме» христианства, которого там и не ночевало... ну надо же, ребята, хоть что-нибудь читать, а не только смотреть сериалы, поэтому... хватит.

Сегодня мы все одинаковы, нет среди нас «христиан горных высот», Великих инквизиторов, Троцких и Сталиных... люди как люди, только сбита нас с толку сначала Революция большевиков, потом изменение курса корабля. И православие, и социализм городских обывателей – это только часть риторики и театральные увлечения: я хожу в Мариинку, вы рядом в Собор, ну так и оставим ненужные споры и продолжим *литературную и философскую критику*, оставив игру в *православный социализм* для утешенья сердец.

СТИХИ до и после встречи НОВОГО года

* * *

Напрасно я к стихам прибег,
Молился зря чужому Богу,
Искал Руно, Завет, Ковчег...
Вот к своему иду порогу.

Что дорого нам в мире зыбком?
Во-первых, хлеб, родимый дом,
Вода, одежда, труд... улыбка
Жены, детей – и смерть – потом...

Зачем же я перебираю
Слова и пробую на вкус?
Ищу ль, как все, дорогу к раю?
Кто я? Крестьянин? Воин? Трус?

Зачем я вышел в поле рано?
Вспахать, засеять? Прополоть?
В моей душе проснется ль рана,
Когда вонзится жало в плоть?

И, как и все, изнемогая,
Я закричу: Прости, утешь!?
...Гремит заслонкой дорогая:
– Устал ты. Блинчиков поешь!

16 декабря

* * *

Темно, но сыро. Холод льнет,
Я в нетерпении день листаю...
Забиться, что ли, в волчью стаю?
А то своя, глядишь, сожрет!

Но холод льнет! Ах, слишком сыро,
Промокло небо... Что за черт?
Возможно, я – на крыше мира...
Возможно, сам я – третий сорт...

Возможно, нет и темноты,
И не возьмут и в стаю волчью
Я думал: с гением "на ты" –
Но нет: "на ты" я был лишь с ночью,

С ее невидимым мостом
В грядущий мир, с ее химерой,
С ее незнанием и верой,
Что только ночь – надежный дом...

Не потому ли в нетерпении
Я тороплю и ночь и день,
Что страх, усталость, раздраженье,
И сознаваться в страхе лень...

Но бред и страх и холода
Со мной дружны как кредиторы.
Опоры в прошлом нет. Лишь споры ...
Нет чуда. Проза и вода...

конец декабря 18

* * *

Падает всё из рук,
С неба – то дождь, то снег,
Жизнь – натянутый лук,
А смерть – безумный "*Побег
из времени*"... В этом суть
Поисков и потерь.
Сказано: *Не проси, не верь,
не бойся забыть...* Забудь!..
-----

* * *

Нет счастья в жизни, все не так,
Дрова сырые сохнут плохо,
Нас злая мучает эпоха,
Горит и печка кое-как,
Любой болван нас одолеет,
Хороший вряд ли порадеет,
Пока с горы не свистнет рак.

Но все же в комнате тепло,
Даль расширяется с рассветом,
И в окнах высохло стекло,
И скоро доживу до лета,

И утром выйду в огород,
И вскрикнут розы и тюльпаны:
Ты разуверился, ну вот,
А мы уже от солнца пьяны!

И ты немного потерпи,
Пока метель твой мир оденет.
Ну, бабу снежную слепи,
Она до лета не изменит.

Ну, снова разожги дрова.
И глядя, как огонь неистов,
Послушай Гайдна или Листа.-
Забудь про деньги, про права!
А там, глядишь, мир поумнеет,
Добро неправду одолеет,
И даже высохнут дрова!

Конец декабря 18

* * *

Мне показалось: *я умру!*
И даже пуще: *умираю.*
И флаги плещут на ветру,
И птицы вещие к утру,
И заросла дорога к раю.

Мне показалось: *дух изсяк!*
И даже плоть изнемогает,
Меня злословят все и всяк,
Богатый, бедный и босяк,
И в коридоре свет мигает...

Что делать, братцы, как спастись
От этой горестной напасти?
Бороться пуще с злобой власти,
Предаться бденью – новой страсти,
Мне приказующей: *Трудись!?*

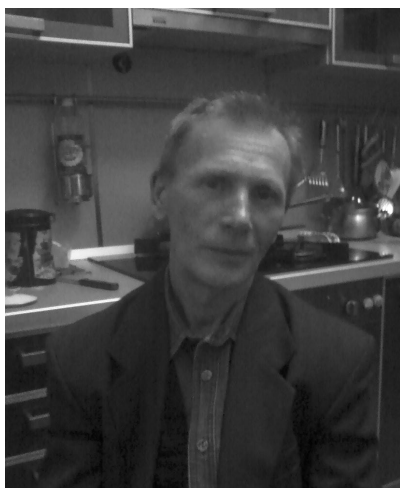
Но как, когда изнемогли
Уже житейские пределы?
– Окстись, в тебе ведь звўки целы,
Созвўчя живы: ўм внемли!
И открывая новый день,
Забудь о хворях и невзгодах!
Мать всех болезней – только лень!
Рубашку новую надень –
Ты новорожденный, ты в рóдах!
Тебе прозрѣнье суждено –
Зато и мучает оно.

Вдруг я проснулся. Вновь иду
Уже к неведомому краю.
Забил снаружи дверь в аду,
Нашел заросшую гряду –
Пропалываю дорогу к раю...
январь 19г.

Вячеслав Овсянников

МИНИАПОЛЮРЫ

Вячеслав Овсянников

Грезящий

Ему надо в одно учреждение, он глухой, просит сопровождать, чтобы помог объясняться с чиновниками.

– Ты можешь грезить, сколько твоей душе заблагорассудится, видно ты так устроен, – предупреждает он меня язвительно, – но, когда ты со мной, уж будь любезен сосредоточиться на вещах реальных!

Идем пешком, тут недалеко, через дворы, ноябрьская хмарь. Черная вода брезжит. Лист-утопленник мрачно смотрит на меня оттуда.

В учреждении, куда мы зашли, скопление пожилых людей в поношенной верхней одежде. Старики и старухи заполнили коридор, стоят и покорно ждут своей очереди. Все они за какими-то справками или квитанциями, выдают в кабинете в конце этого темного, как туннель, угрюмого коридора. Тут много калек и инвалидов. Он, кого я сопровождаю, протискивается сквозь толпу к той двери (я не отстаю) и пытается войти. Ему только спросить. В очереди возмущение. Толстая старуха в очках визжит, как зарезанная:

– Куда прешь! Спросить, как же! Много вас таких, спрашивающих! Влезет и пропал. Клещами уже оттуда не выгатишь. Становись в очередь, пьяная харя!

Но он не понимает, что от него хотят.

– Я ведь глухой, – показывает на свое ухо.

Делать нечего, становимся в конец очереди. Очередь движется быстро. Из двери каждую минуту выходят с бланками. Наконец и мы у этой двери с неразборчивой табличкой. Он скрывается в кабинете. Я остаюсь в коридоре. Думаю о чем-то своем. Не помню, о чем. Кажется, о том, что вот я ради него готов терпеть эту толчею, эту давку и духоту, этих отвратительных старух в заплеванном коридоре омерзительного учреждения, это я-то, который ненавидит чиновничество лютой ненавистью и обходит такие места за километр. Только величайшая нужда заставит меня сунуться сюда. И вот ради этого человека я торчу тут уже час и терплю невыносимую пытку, муки адские. Да это и есть настоящий ад...

И тут из кабинета выходит обратно он. Сердитый. Не то слово. В ярости. Набрасывается с упреками: почему я не пошел с ним в комнату! Он, оказывается, звал меня несколько раз, а я ничего не слышал. Кто из нас глухой, спрашивается? Как я думаю: зачем он взял меня сюда с собой? Чтобы провести время в милых разговорах? Для этого я ему не нужен. Он взял меня, чтобы объясняться с чиновниками. Они задают какие-то вопросы, а он не может ответить. Он – глухой. Неужели непонятно? Так говорит он, возмущенный. А я ошеломлен. Я буквально убит этими его словами. Действительно, почему я не вошел вместе с ним? Почему оставил его, глухого, без помощи?.. Непостижимо...

От всех этих волнений он устал, поедет на транспорте. Остановка. Подошел автобус. – Это наш автобус! – говорю ему. – Ты уверен? – глядит он на меня тяжелым взглядом. Он понимает меня и не слыша моих слов, но глухота сделала его чрезмерно подозрительным, он в сомнении, колеблется. Сейчас дверцы закроются. – Конечно, наш! Как раз идет в ту сторону, к твоему дому! – настаиваю я на своем и насильно ташу его за рукав к автобусу. Влезаем, и автобус движется. Едет, едет автобус, кругами, зигзагами, среди кварталов, по шоссе, потянулся какой-то пустырь, места незнакомые.

– Ты уверен, что мы едем в ту сторону? – опять забеспокоился он. – Ты уже когда-нибудь ехал этим маршрутом?

– Нет, никогда, – признаюсь я честно, – но по моим соображениям он должен был ехать как раз в нужную нам сторону.

– Твои соображения! – язвительно и гневно восклицает он. – Явно не туда едем. Завезет к черту на кулички. Спроси кондуктора – куда идет автобус.

И я спрашиваю женщину кондуктора с сумкой на животе и красной повязкой на рукаве пальто.

– Едем к метро «Ладожская», – отвечает она. То есть в противоположную сторону. У меня мутится в глазах, и я уже ничего не в состоянии понять.

Выходим на остановке. Пустырь, ветер, метет сырой снег. Темнеет, сумерки. Мы тут одни. По шоссе с ревом проносятся грузовики с бревнами в кузове. Он отвернулся от меня и молчит. Лучше бы ругал на все корки. Стою у столба, как побитая собака, всматриваюсь в туманную даль шоссе: когда там забрезжит автобус. Выплывают, останавливаются. Все не те да не те. Наконец, наш. И мы едем в нашу сторону. Ошибки быть не может. Всё точно. Он смягчился, ворчит:

– Если уж ты такой придурок, что вскакиваешь, куда попало, лишь бы ехать, то это твое дело, раз у тебя такая блажь в башке, только другого-то не тащи с собой и не вовлекай в свои сумасшедшие авантюры. Открыватель новых путей! – добавляет он иронично.

Я так потрясен случившимся, что желаю только одного – умереть. Убить себя, тут же, перед ним. Уничтожиться. Он видит, что со мной, и говорит хмуро:

– Кончай дуришь.

Волна

Жду. Каждые 50 лет после арктического шторма рождается сверхмощная волна высотой 50 футов и эта титаническая 50-футовая громада докатывается до Австралии. И мастер бега по волнам ее там ловит, чтобы оседлать и лететь. Это сёрфинг. На летучей досочке нестись в мировом просторе. Волна рождается в сердце Вселенной. Услышь ее приближение, лови момент и лети, сросшись с ней, на ее вершине. Сейчас ты бог бега! Бог полета! Меня поймет только тот, кто видел хоть раз этот десятиэтажный водяной небоскреб, замерший перед крушением. Туманно-синяя, мерцающая громада, где из окон всех этажей глядят жуткие морды морских чудовищ, обитателей древнего, доисторического океана. Я слышу за месяц, как она рождается в реве шторма у ледовых берегов Гренландии и идет сюда через три океана, грандиозная, покачивая бедрами, идет ко мне на свидание, единственная в моей жизни, услышав в моем зове родной голос. Весь этот месяц я сам не свой, дела не дела, сон не сон, все из рук валится, томлюсь в смраде города, в ляжке семьи, работ-хлопот, тошно от двуногих сборищ, личин, слов. Бегу на пустынный морской берег, жду, всматриваясь в горизонт. Вот она уже там, растет, растет, ближе, ближе... «Не упусти свой шанс, парень!» – говорю я себе. Я могу жить только так. Засыпаю и тут же просыпаюсь. Волна туманно стоит за моим окном и смотрит на меня, лежащего навзничь на кровати. Вот она уже у моего изголовья и смотрит мне в лицо, сверху вниз. Этот высокомерный, полный презрения и дразнящего вызова титанический взгляд. Я не отвожу глаз, я выдерживаю поединок. Опять погружаюсь в сон... Крутятся вихри пузырей, качается опрокинутая кверху килем шлюпка... «Я плачу, я стражду» поет Шалапин, ретро-голос, грамзапись, старая, старая, как древние боги Земли. Крутится где-то за стеной пластинка-планета на заезженном граммофоне. «Уймитесь, волнения страсти».

Голоса моря, опять они зовут меня. И я плыву против течения, увенчанного трезубцами древних владык. Облака-убийцы, узнаю повадку хамов и хамелеонов, не успел захлопнуть окно, лезут в дом, пришли по мою душу. Воск в ушах, Итака в тумане. Как они сладко поют, маня моряков на райские острова, суля неслыханное блаженство, их голоса высасывают сердце, всю кровь до последней капли. Гурии с когтями грифов. Лук и лира Гераклита, тетива и струны – натянуты, стрела летит в цель, поет Аполлону. Страсти. Голоса скорби и страха, хор смертных. Душа влажна и плакуча. Ива, Офелия. Логос глубок. Седой след на воде, вечно волнующейся. Колыбель зыбей. Этот ускользящий путь живет одно мгновение, его уже нет. Смыт. Мертвая зыбь.

Ноябрь. Ливень звезд, Леониды. Тот, кто влюблен в царственный череп. Танец с саблями в огненном круге. Блеск дамасской стали. Книга моря – надо ее переплыть, скользя глазами по строкам змеистых волн. Взлететь на гребне девятого вала. Твой сёрфинг, твой звездный миг. Далеко внизу туманится провал, с такой высоты не разглядеть, спокойное ли море, или сейчас там

бушует шторм. Какая-то посудинка давно уже бултыхается там; ползет, ползет мимо, сонная муха. Ни к чему нам с тобой ни календарь, ни часы. Дурная человеческая привычка. Достаточно солнца, луны и звезд. А хотя бы и их вовсе не было, погасни все светила – что за беда! Ни огонька, ни искорки. Зачем свет? Нас двое во всем мире – я и моя Волна.

Шторм разбушевался. Тут не до шуток. Богиня Нут с серьгой Полярной звезд. Ночь хлынет. Глаза в ушах, око седой совы-сивиллы. Иона бежит от лица Господа. Неотвратимо, спираль вовнутрь, в грудь, вглубь, в перламутровую пустоту раковины-сердца. В лето 6527. Приде Святополк с печенегы в силе тяжьце. Сопки Мурманска. Выборы губернатора. «Курск» спит на дне, ждет Судного дня. А мои ти куряни – сведоми кмети. Палестинцы, головы в черных мешках с прорезьями для глаз, автоматы у плеча дулом в небо. Президент Израиля Барок, Иерусалим в огне. Кровь брата моего вопиет к тебе, владыко!.. Бе же пяток тогда, восходящую солнцю, и ступишася обои, бысть сеча зла, яка же не была на Руси, и за руки емлюче сечахуся, и ступашася трижды, яко по удольем крови тещи. К вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа.

Плоть бунтует. Ах ты, плоть! Запряжем тебя, плоть, в плуг и борозди пашню с широкими полями рукописно-безбрежных бессонниц, ставя точки буйков-выстрелов на краю строки, как стук костяных шаров в бильярдной, в подвале на Сенатской, в бездонном провале подо мной. Ночь, дождь, четверг. Водяной кий бури расшибся о ту скалу с медным Змием и Всадником.

Что я бормочу? Я ловлю на себе любопытные и подозрительные взгляды пассажиров. Это я час назад прочитал в газете затертое, как монета, хотячее выражение «Северная Пальмира», и оно пристало к моему языку, словно лезвие топора, которое лизнул на морозе. Не отирать же с мясом и кровью. Надо нести эту секиру в тепло, в дом – чтоб оттаяла. Мороз разрисовал стекла троллейбуса яркими перьями льдистых пальм и павлинов, и посреди них изобразил загадочный древний город, вставший во всей красе из горячих песков в сердце Азии. Эти дворцы и колонны, озаренные южным солнцем. Кто-то проковырял ногтем лунку во льду: там проплывают массивные слоновьи ноги колонн, мрамор матово светится, опушенный изморозью. Твое чудище, Монферран! Ах, Пальмира, Пальмира! Мечта-чайка...

Капли дождя бегут по темному стеклу, прочерчивая свой скоротечный путь, спешат к своей катастрофической цели, к пункту утрюмого назначения. Скучно писать, как все пишут. Вот что движет этим изнуренным пером. И то далекое седьмое ноября, и сырой снег, и тревожное ожидание. Три сосны, три сестры, скрип двери, порог-туча, сторукий стон за горой, женский голос, гостя с поезда. Этот путь сохраняет смятение и тревогу десяти давних, полузабытых зим. Снегопад, косматый медведь с черно-хвойной шерстью, тополя-вихри. Стою в очереди за индийским чаем в булочной на Почтамтской улице. Дают по одной пачке. Шафранное солнце над Тянь-Шанем. Метель, снег сыплется, черное пальто в гусиных перьях. – Последняя! – кричит торговый халат. Зря стоял. С ночного дежурства, бессонный, бессознательный, в дыму бреда. Кобура жабы, под мышкой, на опер-ремне. Троя, Пальмира.

Зенобия, царица моих злополучных дум. Та, прямая, как выстрел, аллея гордых колонн в Сирийской пустыне. Белый мрамор, певучий зов. Клинопись птичьей прогулки на древнем песке. И опять, еще и еще – песок, безбрежность пустынь, и в новой пустыне все тот же мираж – моя Волна!

Эту лестницу я вызубрил наизусть, как гамму, иду по ней лунатиком, восхожу по шербатым ступеням. Выше, выше. Знаю каждую выбоинку, как любимую страницу, в любую погоду сюда заглядываю, в снег, в дождь. Дразнят звуки и запахи, волнуют ароматы и музыка. Какая-нибудь заигранная до оскомины мелодия вдруг молнией жалит сердце, потрясает до слез... Нет, я понимаю, конечно, я отдаю отчет в том, что со мной происходит. Нервы-тряпки, растерзаны... И что-то еще... Опять призрачно брезжит в белых ночах, визжит и машет с гуляющих набережных неотцветшей черемухой. Вот я расскажу вам один забавный случай из моей жизни. Нет, простите, забыл. О чем я? Ненужно, жутко. Это из другой жизни. Да. Из другой, не моей жизни.

Геракл оперся о мраморный костыль в зимне-знакомом саду. Тельняшки в заснеженных аллеях делают гимнастику. На дне высохшей Невы расставлены белые эмалированные тазы, наполненные кровью, по ним идут босые ноги, переступая из таза в таз и окрашиваясь по щиколотку в красный, как мак, цвет. Поле цветущих маков. Где твой отец, твоя мать? Тени мертвых слетятся сюда и спросят: что тебе от них надо?

Железный рубль, грянув об пол, покатился, гудя, в угол комнаты; колесо поезда, лязгая по рельсу; одинокое, тяжелое, железное колесо без поезда, колесо с профилем Ленина. Постой! Я о другом. Летающие муравьи, это они тебя приветствуют здесь в час мучительно-великолепного летнего вечера. Самцы умирают в брачном полете. Жизнь муравьев-самцов 6 месяцев и кончается брачным полетом. После оплодотворения самки – смерть. Королева вуду Мари Лаво. Это она! Помнишь? Ты познакомился с ней в Танзании. Нгоро-нгоро, кратер вулкана. Трокай, древняя столица Литвы. Дар божий – это удар божий. Сапогом в пах. По яйцам черепах. Чайка летит, стена. Антарктида, тайна голубой бездны. Как вырастить грудь. Грудь великой Волны. Обратись к хирургу в бронированном колпаке. Старатели в Калининграде роют янтарь в глубоких глиняных ямах. Художник-аквалангист в маске под водой рисует кораллы – невиданной красоты олени рога. Альбом для Жака Кусто. Полнолуние над озером Дун-тин. Свиток из собрания, Токио. Но я опять не о том... О чем я?..

Египетский мост, тот самый. Ах, какая кошечка красивая, с золотым передничком и с короной! И дым из фабричной трубы, и этот голубой январский день, и я бегу на свидание, бегу, боясь опоздать. Резка стекла, зеркал. Фонтанка 137. Удар по глазам. Ремонт. Рельсы разворочены, щебень. Дальше разорвано, взорвано. Врезаны вены. Набережная. Устье Невы. И – раскрываются всемирные моря... Португалия, Австралия, древний материк Му. Успел! Вот она, на горизонте! Растет, растет, надвигается, сокрушительница берегов, ужас континентов, первая и последняя – твоя Волна!

Керосин

Зима. Мне десять. Мать послала за керосином. Керосиновая лавка в другом конце поселка на самом его краю. Серый, дощатый сарай, земляной пол, тусклая лампочка, продавщица в ватнике, в валенках. Керосин в круглом открытом резервуаре посреди сарая, что-то вроде широкой, врытой в землю бочки. По мере расхода керосин туда надо накачивать ручным насосом. Я и качаю эту длинную ручку, из трубы льется красивое, синее. Меня зачаровывает таинственная полутьма и льющаяся струя пахучей жидкости. Продавщица спрашивает, сколько мне надо литров. – Шесть с половиной, – отвечаю я. Банка у меня нестандартная, ни на какую не похожая, кубическая, с резкими гранями, второй такой нет в поселке. Ставлю свою емкость на доску-подставку, продавщица втыкает в горлышко воронку и, черпая латунным черпаком, наполняет банку. Шесть раз, шесть черпаков. И еще половинку. Я протягиваю плату, рубль с чем-то, без сдачи. Иду домой по зимней дороге, тащу тяжелую банку, перекладывая из руки в руку. Банка трется о штанину, больно бьет ребром по ноге, керосин поплывавает из-под неплотно закрытой крышки мне на штанину. Я весь перегнулся на один бок. Тащить еще далеко, чуть не километр да еще в горку. Мать дома ждет топливо, без него обед не сварить. На керосинке готовим. Рука у меня замерзла, варежка рваная, не спасает от мороза, еле терплю, хоть плачь. Половину пути прошел. Ой, как много еще осталось!

Поцелуй

Мне 14. Учусь в школе. Седьмой класс. Школа в конце поселка, на бугре. За школой обрыв, поросший орешником. До горизонта – совхозные поля. Здание школы старое, каменное, с ржавой башней на крыше. Бывшая финская кирха. Над этой башней вьются, хлопая крыльями и каркая, мрачные вороны стаи. При школе яблоневый сад. Ожидаются майские заморозки, убьют цветы, погибнет завязь. Директор школы нам объявил: чтобы спасти сад, старшие классы во главе с учителями будут дежурить в саду, всю ночь жечь костры и дымом окуривать цветущие яблони, оберегая их от заморозка. В первую ночь дежурил наш класс. Жжем валежник по всему саду, дым окутывает нежные яблоневые цветы, теперь им холод не страшен. Затеяли игру. Тянуть жребий – свернутые бумажки. Выигреш – поцелуй. Вынул и я свое счастье. Кричат: выбирай! Нравилась мне одна, самая красивая в классе. Подошла, улыбается, губы подставила. Вокруг хохот, рев: – Целуй, целуй, дурак! – Я отвернулся и ушел из сада. Сидел под обрывом. Меня искали, звали. Я не откликался. Смотрел на темнеющее передо мной бескрайнее поле.

Способность верных суждений

Некрасивая конструкция моста рухнет – утверждает Пифагор. Число, играя на лире, подтвердит его правоту. Математика – мать Атлантид и городов Солнца, как ее не воспеть, как ей не поклониться. Краса уравнений сияет в сполохах полярного неба, и технический рай раскрыл объятия для счастья всего человечества. И я слышу: песенный бред лишнего в мире, лишнего прав поэта хрустнул, раздавленный в стальных тисках квадратного корня. Кто рассудит физиков и лириков? Суд Париса и суд Соломона, яблоко раздора, секира золотого сечения из зазеркалья Алисы в стране чудес? «Пойди туда, не знаю, куда; найди то, не знаю что», – посылает ищущих истину русская сказка. «Чушь! Всё чушь, все ваши суждения и рассуждения!» – прошелестела улитка в саду, прячась в раковину, как Джозеф Беркли в свой солипсизм. Игра по правилам тоскует по своей игре без правил; мера, томясь в своей измеримости, алчет вкусить неизмеримого. Гусь, летя над прудом, не хочет в нем отражаться; пруд не желает в себе отражать летящего гуся. «И темный бред души, и трав неясных запахов» все еще ускользают от циркуля и логарифмической линейки, от микроскопа и телескопа. Все еще ускользают.

Античный мост через Гвадиану в Испании длиной в 755 метров

Меньшиков Владимир Петрович

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПОЭТ (СТИХИ)

Владимир Меньшиков родился в Пинежском районе Архангельской области в сентябре 1953 года. После школы работал в лесоустроительной экспедиции, служил в армии, потом закончил Ленинградский пединститут, факультет истории. Живет в Петербурге. Член СП России с 1993 года.

Автор поэтических книг «Оккультная оккупация», «Звероисповедание», «Гармонь снопа», «Стихотворения», «ГОЭЛРО горла», «В начале тысяче-летия», «Русский простор», «Прорыв», «Приладожье», «Похвальная грамота», «Предыдущий оратор».

Лауреат литературных премий России (1997) и (2002).
Награжден юбилейной Есенинской медалью

2017 (Год Петуха)
(К столетию Октября)

Что за бред, за провокация:
На проспекте Стачек вдруг
Мельтешит иллюминация,
Совершая сотый круг.

Ускорения январские
Без особого греха:
Это руки пролетарские
Раскружили Петуха
Разноцветно-буржуазного,
Чтоб швырнуть, и чтоб – протак? –
Улетел с проспекта праздного
Под увесистый тесак.

Это жертвоприношения
На сварожий, древний лад?..
После цветоистощения
Тьме советской будешь рад?

Из общаг видать, как светится
Дохлый Кировский завод.
В горле злое слово вертится
В адрес нынешних господ.

По утру втяну я весело
Чернышева в разговор:
Вдруг швырнут буржуиства Петела
Под журнальный злой «Топор»?

Рубанут лихие авторы,
Брызнет кровь, взметнется пух...
Сообщат реаниматоры
Из горсети: «Свет потух»
С добавленьем «И петух».

Впрочем, скоро зашевелится
И рекламно закружит.
Все тут верятся: метелица,
Дед Мороз, пугана, жид...

Координаты проживания

Над февральскою Форелью
Да поверх пяти общаг
Нынче вывешен метелью
Примиренья белый флаг.

Прыгай, прыгай, но, пожалуй,
Стяг знаменный не сорвать
Да с заменю на алый,
Что вздымал мятежно рать.

Прыгать всякую минуту
В дворовых сугробах – вял.
Чемпионом по багату
Никогда-то не бывал.

А не то б от всякой сетки,
Хоть тюремной, хоть любой,
Оттолкнувшись, я бы, детки,
Улетел опять на бой.

Хоть зима тепла, но вязко,
А поэт немолодой...
На рукавчике повязка
С пролетарскою звездой.

Я живу в рабочем гетто
Под названием Форель,
Где моя постель согрета
Девкой с кличкою Метель.

Грудь обрезала об раму,
Пролезая через щель,
Но оправдывает драму
Согревательная цель.

Юго-запад Петербурга.
Желтый Ленинский проспект.
По статистике придурка:
Шесть церквушек, восемь сект.

Кировский городок

*«Здесь будет город-сад!..»
В.Маяковский*

Назвав свои координаты,
Отмежевался от села?
Давненько в Питере палаты
Определила мне страна.

Пусть это бывшая общага,
Хотя не бывшая еще,
Но пролетарская ватага,
В общение – не мягкий шелк.

Знать бы фасоны нервных тканей,
Тогда бы мог открыть салон
Пошива кукол для восстаний,
Боев и жутких похорон.

Повсюду Мягкие игрушки,
А чтоб смягчить рабочий фронт,
Приказом питерской верхушки
Вокруг общаг – евроремонт.

В такие годы стали тише
И злее выходцы села:
Частенько в общежитской нише
Визжат подобием сверла.

Трудясь на Кировском заводе,
Желая «выкрутить» свое,
Бросают взоры при подходе
На элитарное жилье.

Здесь и фонтанчик, и прудочек
(как Маяковский накатал),
Колонны, башенки, садочек,
Но правит этим – капитал!

Пролетарский поэт

В Петербург лютосолнечным летом,
Посетив луговые места,
Возвращался крестьянским поэтом,
А чуть-чуть пролетарским не стал.

Увольненья, невыплаты денег
На заводе, где спущенный стяг,
Что пожухлый поэт деревенек
Пожелал поддержать работяг.

На себе цеховые тельняшки
Рвать боялся Балтийский завод.
Даже фабрики голые ляжки
Не прикрыли в разгуле свобод.

Я ж, сменивший крестьянскую блузу
На фабричную, не удержи́м,
Учинил перед Кировским «бузу»
(Не театром – Заводом большим)...

С грандиозным заводом-театром
Позапугался и через боль
Осознал – не исполнит с азартом
Пролетарий Великую роль.

Сам навряд ли фартово сыграю,
Так как в ярком престижном строю
Пролетарских поэтов я с краю
Или самым последним стою?

Зазеваешься так лет на десять
(Как умеет зевать наш завод),
Так ярлык боевитый повесят
На другого, кто громко взревёт.

Первым хитро поставлен Горшенин*,
Инженерик с формальным стишком.
Пусть получит от женки торшером,
Утюгом или детским горшком.

30 лет пареньку, а прорвался
 Через ВОХР до фабричной трубы,
 С ней, с другими всю крутит вальсы,
 Не свалил на цеха, в снег их бы.

Обогнали меня формалисты,
 Но они и с запойной тоски
 Не начнут на рабочих молиться
 (Ссыканут – я надеюсь – мочиться)
 Возле новой Почетной Доски.

Отодвинут я нынче в сторонку
 (Не прочитан, замолчен, забыт...),
 Темноватых дымов похоронку
 Над заводом читает зенит.

-----
 *Это молодой стихотворец, названный реаниматором «производственной тематики» за случайный заводской стишок

Напился со зла

Разозлили вновь меня деляги
 Нашего российского СП...
 Угодил в ментовку, где с отваги
 Да с портвейна матерщинно спел.

Лежа голосил, уткнувшись в ноты –
 В пятна личной крови на полу.
 В протокол вписали доброхоты:
 «Гнал аतिकремлевскую хулу.

Требовал Медведева Димона
 Иль медведя, чтобы с ним гулять,
 Да еще буденовку фасона
 Не такого, чтобы «тишь да гладь».

А в стране – чемпионат планеты
 По футболу. Иностранцев тьма.
 Да еще язычники-поэты.
 Всё! Конец ему! Шизо*! Тюрьма!».

-----
 *Шизо – штрафной изолятор

В жару

Холодильник вовсе не могильник,
Не кладбище, где диктат креста.
Просто постоянно и мобильно
В нем освобождаются места.

Мертвецов кладут навечно в ямы,
А продукты здесь – на малый срок...
Только посмотри, ну, гробик прямо
Сладенький коричневый сырок.

Вот бы буженинки-буржуинки!..
Вдруг через стекло услышал «кар».
Подошел к окну смотреть кар-тинки.
Охватил березы и осинки
Черный полыхающий пожар.

Тысячи ворон, сгруппировавшись,
Став чернушным пламенем-огнем,
Полчаса метались, искричавшись,
В духе оккультизма летним днем
И помчались вдруг на водоем.

«Погасить себя желают вроде.
С высоты нырнут...» – сопел сосед,
Что трубил на Кировском заводе
В дни коммунистических побед.

А теперь завод пустяшный, вздорный,
Где цеха – гробы для соцтруда?
Не накроет ль стаей – тканью черной –
Полдень скорбно зеркало пруда?

Но изобразили птицы тут же
Плащ гигантский (острый капюшон),
В коем жуткий Монстр ли, русский Ужас
Сверху озирал микрорайон.

Все ж вороны двор не опалили,
Не обуглили и взяли курс
Не на Невский, где дворцы и шпили,
А к Урицку, к магу Жанне Фурс...

Невский проспект

Нет, этот Невский все-таки статичен,
Хотя здесь в полдень толкотня всегда.
Как Сирано, указкой носа тычет
Высокий юноша туда-сюда.

Здесь много вздорного, вдруг девка ляжет
На плитку возле станции «Метло».
Бедняжке не хватает оживляжа,
Хотя б поездки на метле в метро.

Понятно каждому, что здесь не лоно
Природы, нет ни рощ, ни озерца.
Как будто туши поросят – колонны
Белесого имперского дворца.

Их парни смуглолицые ножами,
Уже «скоблядь», на всю Россию ржа.
– Вы с образом, Володя, пережали!
– Да нет, скорей всего, что не дожал.

Кудряшечки-колесики под шляпкой
На голове молоденькой «овцы»,
Как будто перевернутый – с коляской –
Почти дециметровый мотоцикл.

Здесь столько лиц культурных,
рожиц хамских,
Понагляделся близ метро поэт
За пять минут или за десять – дамских,
Тонюсеньких, английских, итальянских,
Выходит, что не питерских, а «гамских»,
Сиамских, самских, срамских сигарет.

Здесь столько всяких авто, юбок, сумок
Даже с весёлой лейбой «СССР»...
Конечно, этот Невский без придумок,
Без поэтической поддержки сер.

Названия улиц

Резвилась топонимия
В совдеп- и в капгодах.
Не вытравила ль химия
Названья в городах?

Искал с утра Кошерную
Средь прочих улиц тут.
На летний Питер серную
Пролили – кислоту?

Играет полдень муторный
В известные слова,
А «мусор гор» есть Мусоргский,
И муза гор жива?

Решенье командíрово
Кавказцам невыходных мест:
Построен мост Кадырова,
Хоть слышался протест.

Я бегаю и рыскаю
Как некий экстремал.
Еврейскую, Арийскую
Средь улиц не сыскал.

Сентябрьский день

День, как мальчик близ школьной доски, произнес:
«Речка, рыбина, рябь, катерок и рябина»
И повсюду совать стал свой остренький нос,
Хоть его обломать может пьяный детина.

День чуть-чуть не сгорел от бензиновых слез,
Он над ЦПКО ссыпал прах Буратино.
Чиркал шпиль об Неву... Все поджег не в серьез.
Всё в пожарах листвы на осенних картинах.

Перед парком Победы есть бар «Бар-бар-ис»,
Нет, название сменили бы на «Бар-бар-оса».
Это город, где тихо, где рыскает риск,
Где всегда нервно ждут слухов ли, информвброса.

Солнце, словно слепец с белой тростью-лучом,
Как «Зенит» нынче рухнул в турнирную яму,
Так что есть горевать петербуржцам о чем,
Превращая любое событие в драму.

Надо сильными быть, и на крик «Рви гантель!»
Поднимай поскорей, поритмичней, почаше
И крестись, и молись, чтоб гудел ДВИГАТЕЛЬ,
И продлилось движенье к прошедшему счастью.

Листья и урчание

На асфальте, как обычный сор,
В час полуденный валялись листья.
Принял петербургский серый двор
Их за лоскутки, лохмотья истин.

Можно и в лохмотьях зимовать,
Но В. В. не разрешит в лохмотьях.
Залетали в фортки – на кровать
К парочкам по типу: лох и Мотя.

Близ подъезда «мóто» заурчал,
То подобье вихревого ветра
Выпустил накрученный «Урал»,
Поднимая листья на полметра.

Ветер, ветер, нынче чаще вой,
Уноси листву к помойке жалкой.
Дохлый окунь с жесткой чешуей
На земле валяется мочалкой.

Развонючей рыбой натирай
Спины улиц по распоряженью.
Листья желтые летели в рай,
А попали в красный ад сожженья.

Корчится промышленность в стране.
Хочется под храм сдать планетарий.
Поднимайся в невской стороне
Аж до туч взъяренный Пролетарий!

Невеликий октябрь

К 100-летию Революции

Ничто здесь не забыто, даже вальтер,
Метла и бунт в преКрасном Октябре!..
Три парика валялись на асфальте
В довольно узком питерском дворе.

Как будто три горошины перцовых
Помятых и больших – для остроты.
Предназначение париков не новых
В прикрытии голов, что не пусты.

Подобный был у Ленина, который
На явки уходил, а не в загул.
Он в этом плане был всегда фартовый
И с Революциею вальсанул.

Кружения, Переворот, как в танцах,
Но что я про горячий прошлый век?
А ежели о нынешних повстанцах,
То в тренде мусульманин Питер-бек...

Идет истории подгонка, вёрстка,
Кипит борьба за деньги и права.
Три парика, как будто три наперстка,
А под одним из них есть голова.

Прудо-продукт

Было то ли утро, то ли утречко.
Был то ль день или еще не день.
Плавать серокрылым услым уточкам
По ноябрьскому пруду не лень.

(Если стану вопрошать подробно я:
То ли секс или еще не секс? –
То по-доброму иль не по-доброму
Получу «лещей» и «щей» от всех).

Утки плавали, вставали на уши,
Обращая к небесам задки.
Вспомнились зачем-то летчик Аушев,
Горы, бородатые братки.
Разрезали гладь пруда – довольные,
Оставляя за собой следы,
Как нашивки острые, угольные
На курсантском кителе воды.

Китель на плаву, а где, товарищи,
Сам курсант? Ужель ушел на дно?
Мощные военные пожарища
Не гасить парнишке все равно.

Сколько лет учиться: два... четыреста
Делу ратному, искусству битв?
Запросто здесь втюриться ли, втыриться
Вдыриться в девах под легкий «бит».

Правда, наступили дни холодные,
Ну а если что случится вдруг,
То загладит все проблемы водные
Утка, что похожа на утюг.

А вон та крякуша неказистая,
Как примерзла... Вдруг в конце концов
Высидит к зиме большое, льдистое,
Серое нудистское яйцо?

А вот из него Гиганта Русского
Высидеть красиво не дано.
От Проекта дворового, узкого
Толку никакого все равно.

Настюха-муха

Возлегаешь на снегу,
Словно муха в белой чашке,
Отлупить, бранясь, могу
За рюмашки и промашки.

У тебя закончен вуз,
А ребята – работяги,
Поглядев на твой конфуз,
Сплюнут около общаги.

Встань и следуй на кровать,
Пьянь, принцесса-маргиналка.
Толку мало – здесь наддать.
Ты как труп. Сугроб как свалка.

Стал пореже сыпать снег,
А не то за час завалит.
Замполит(р) дружок Олег
Вдохновит на бой едва ли.

Если только на запой
Со смертельным продолженьем.
Отодвинет бог запор,
Снег пойдет на понижение.

Понимаю, на кровать
Добираться трудно, тяжело.
Муха, как тебя достать
Из огромной снежной чашки?

Пробуждайся, воскресай,
(Надо же, напилась в стельку)
Поднимайся в небеса –
Лечь на тучу, как в постельку.

Мне в тебя вдохнуть бы Дух,
Понести бы, взяв на руки...
Воскрешенье падших мух –
Это воскрешенье муки?

Призраки Лиговки

Здесь угарный Лиговский проспект,
Если просто – Лиговка, Лягавка.
Свой менталитет и свой аспект,
Атеизм, кошмары, глюк для Главка.

Я пофантазировать мастак:
Если Ленина – вождя и мэтра
Закопают все ж на «Лит. Мостках*»,
Памятник поставят в сотню метров!..

Вон две церкви, словно каблук,
К ним приделать туфли в 200 метров,
И поставить в них с большой тоски
Великаншу в одеяньях ретро.

Жизнь вдохнуть, и пусть себе царит,
Ходит (за три шага) на Литейный.
Пусть болеет громко за «Зенит»
И за петербургский СКА (хоккейный).

Только не попасть ей в «Ледяной»
Из-за роста... Так пускай ребятки
Режуся за Петербург родной
На открытой игровой площадке.

Тут же вспомнишь и не умолчишь
Об энтузиазме соцреалий,
Ведь работали в цехах без крыш,
А в хоккей на «цементе» играли.

Получу заслуженный ответ,
Но воскликну, не боясь скандала,
Что романтика советских лет
Нам в больших победах помогала.

Над собой немного подуря,
Подойду к стене и смерть утешу:
Оборву листок с календаря
И себя, насмешника, повешу.

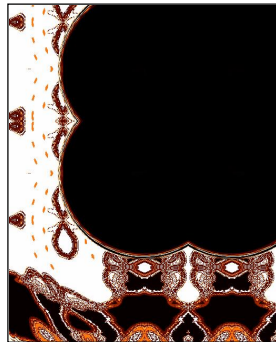
-----
*«Литераторские мостки

Сергей Николаев

(Из стихов 2018 г.)

«Ротмистр в медвежье шапке» –
комп. графика автора

Сергей Анатольевич Николаев
Г.р. 1957, г. Ленинград

Автор 21 книг: стихи, проза, пьесы, хоккототемы, эссе, комп. графика.
Закончил заочно рус. отд. филолог. ф-та ЛГУ.
Работал топографом, экскурсоводом, охранником, преподавателем и т.д.

Сон наяву

Я вышел как-то на Неву
И сон увидел наяву:
Маньяк бандита уколошил,
Вампир накакал им в калоши,
И крикнул бывший пионер:
«Вот их бы всех – в СССР!».

Чиновники лакали шнапсы,
А буржуи слюнили баксы,
А наркодилерши в скриншотцах
Поджали губки, словно овцы,
Предпенсионный кайфодил
Постпенсионный кайф ловил.

Бомж размышлял, как жить мохнато,
Профессор – как взбодриться матом,
Фрейдист склонял нас ко греху,
А я писал про чепуху:
Про то, как вышел на Неву
И сон увидел наяву...

Фейсбучная чуча

Привязав к ногам пружины
И на лбу набывчив жилы,
Мчались мы сильнее силы
Как пожарный в керосине.

Ведь не с бухты, не с барахты
Мы ускорили брандвахты,
А затем, что стало ясно:
Жить без скорости опасно.

Вслед мяукали созвездья,
Что фартовы мы донельзя.
Верно, всяк у нас фартовый
(Если не отдал швартовый).

Но швартовы бросив в кучу,
Чтобы чучу зафейсбучить,
Мчались мы быстрей дрезины
С потребительской корзиной!

Лечение музыкантов

В Викторианскую эпоху
Лечили лабухов неплохо:
Чертя на манекене вензель,
Больной показывал болезни.

А доктор, словно бы он в трансе
И в хирургическом пасьянсе,
По вензель-музыкальным формам,
Не увлекаясь хлороформом,

Порывшись в атласе роскошном,
Для жизни в будущем и в прошлом
С академической сноровкой
Бац – пациенту установки:

Мол, *ре* не пугай с *до-диезом*,
Когда колбасишь джаз-железо,
А дал фальшак, лабай – не охай,
Кругом Виктории эпоха!..

Забавная песенка

*Я был батальонный разведчик,
А ён – писаришка штабной,
Я был за Расею ответчик,
А ён спал с моею женой...» –*

Хлебнув валаамского «морсу»,
Весёлой дорогой в ангар,
Седьмую смоля папиросу,
Охраннику пел «самовар»...

Записка о МеФистоФеле

«МеФистоФель с конфектной коробки
Поначалу был вкрадчиво робким.
А когда муж ушёл мой на службу,
Предложил деткам мячик и дружбу.

Повязал бонне бантик-шармантик,
А кухарке дал денежный фантик,
Шпицам выдал по вкусной котлетке,
Покатал всех нас на драндулетке.

С «Ме» вторым мы сыграли в макао,
С «Фисто»-3 пили «Эйнем» какао,
С «Фелем», ах!, «Абрикосова» кофе.
Присмотрелись – один МеФистоФель.

Как индус в синема – настоящий,
Не запрёшь ты его в фотоящик.
Натромбонив нам купрумно в уши,
В ад забрал наши грешные души.

Он в трюме повелел им скитаться,
В полночь лишь разрешив возвращаться,
Чтоб без слёз, с никакими глазами
Мы, Вам, доктор, о нём рассказали...»

Реклама витаминов «Шапито»

В цирке «Шапито» вечная жизнь,
Чтоб глотать огонь, метать ножи.
Вечная жизнь в цирке «Шапито».
Я здоров как бык, а раньше был кто?

Несомненно, «Шапито» – это цирков цирк,
В нём для мозга фосфор, для зрения цинк.
Кто-то каркнет: «Шапито» – это фигня!»
Но мне 100 000 лет, а взгляни на меня!

***

Я люблю гулять между Петровым и Водкиным,
Пить кофеёк в кондитерской «Сёстры»,
и в кафе-кондитерской «Сёстры»,
И в кофейнях между Римским и Корсаковым,
Где попавшие в переплёт рассказывают друг другу
(И мне) о не том компоте, о не том коленкоре
И не том Федоте.
Я гулял здесь и раньше, буду гулять и потом,
Когда проснусь между Питером и Ленинградом,
Между Петербургом и Санктом...

***

Он был во чужом пиру похмельем,
И его не понимал никто, даже он сам.
А особенно он не понимал себя,
Обозревая с чёртова колеса
Всех своих дядюшек-перекатикайфушек,
Тётушек-перешмотушек,
Бабушек – в ушах камушек,
Дедушек – без колёс велосипедушек,
Братьев-сватьев-кумовьев-муравьедов-муравьев,
Сестричек-лисичек с парашютом спичек,
Детишек с ноутбуком фишек,
Внучат напрокат, и внучек – тех ещё штучек,
И их нянюшек-барабань-тарабанюшек,
Пришедших сюда искать его.
Но вдруг он сказал чёртову карусельщику:
«А, ведь, согласитесь, что эта
Эскадрилья-камарилья-гамадрилья
С бандеролью-бандерильей –
Не самая скучная эскадрилья
В парке аттракционов...»

Наблюдение за распорядком дня механических существ

Троллейбус №1895, в котором дизайн вычурных линий,
Животный и цветочный орнамент
И окна в цветных витражах Модерна,
И трамвай №1928, где кожа зебры и крокодила,
Телефоны и радиоприёмники, инкрустированные
Слоновой костью и баобабом Ардеко,
Возвращаясь из индивидуальных Вселенных,
Встречаются лишь в Трамвайно-Троллейбусном парке
Имени большевика-трамвайщика А.П. Леонова...

*** Наблюдение: на обратной стороне зеркала
троллейбуса было число 1885.*

Рюмка молока

Я выпил рюмку молока,
Ведь я ещё живой пока,
А в голове (мыслишку взвесь)
Не только то, что вовсе *весь*,

А то, что не умру совсем.
Нас антиэнтропийных семь:
Один фейсбучит: фейс-бу-бу,
Второй с подругой на дубу

(Где всё у них кайфó-кайфó),
Смартфонит третий комильфо,
Четвёртый видит мир сквозь-сквозь,
А пятый рэпом врэпит гвоздь,

Шестой Джек Пот джекптнёт легко,
Седьмой лакает молоко,
Точней, млекпъёт, ведь он не кот.
А Млечный Путь нам всем оплот.

Таков йогический приём –
Мы (то есть я) в нём всемером,
Бессмертны мы ещё пока
Посредством рюмки молока!

Добрый совет

Бродяга, люмпен, нищий, бомж, гужбан
Попёрлись как-то сдуру в кегельбан.
Швыряли и бухали до утра,
Что ж, алкокегли – клёвая игра:

Бросок левой – диоптрий не найдёшь,
Кидок правой – костей не соберёшь.
Финал для гоп-команды был неждан:
Всех отметелил кеглями гужбан.

Ты фыркнешь, в этой притче смысла нет?
Не буду спорить, добрый дам совет:
Проверь того, с кем прёшься в кегельбан –
Дружбан тебе он или не дружбан.

Фефе и галифе

Гурманна жизнь столичная,
А я не лыком шит,
На улице Наличной я
Брал денежный кредит.

А проценты халявные,
Фефекали: – Постой,
Тебе отключим главное –
Фартовый твой настрой!

И впрямь – из фарта выперли,
А дамочки: – Фе-фе!
Мол, наизнанку выверни
Карманы галифе.

Не мог не удивиться я –
Пакетик специй вшит...
Но Северной Столицею
Я и без специй сыт!

Музкерогаз +

Свиновальдшнепс, вспяньённый джазом,
В академических штанах,
С зоомузычным керогазом
Так представлялся: Аристарх.

Сюжет замылен и невнятен
(Ведь левый галс – не правый галс),
Но меломанам был приятен
Свинячий свинг, вальдшнепный вальс!

Случай

Шли: пранкер в мыслях о пранаяме,
Панк в косухе с фурункулами,
Эмо в декольте на семь персон
И клипмейкера в трусах
На австралийских верёвках.

А навстречу им праздношатающиеся,
Зеваки и ротозеи в цилиндрах,
В шляпках с африканскими перьями
И с зелёными лампионами
На ветках, растущих из одежды.

Но шли внутренними путями
В разные стороны они...

**Урок противопожарной
безопасности**

Дама в дым напилась у брандмейстера,
Ей халву подарил он из вестерна.
Возразила ему,
Что он гонит чуму,
Но не вняла намёку брандмейстера...

Мажорное

Эскимосский Будда,
Эвенкский Лао-Цзы,
Словно рыбу удят,
Тасуя тузы,
А Сократ чукотский
Под уздцы ведёт
Их время по-флотски
Туды-сюды вперёд!

Эгобуреломство

Рано или поздно всех на слом –
Одноразовых людей с многоразовым умом.
Поздно или рано всех в металлолом –
Многоразовых людей с одноразовым умом.

Будущих людей с бывшим умом,
Бывших людей с будущим умом –
Всех на слом, всех в металлолом!
А меня – в бурелом...

**Из кн. «Искусство плыть на встречный ветер».
Книга из семи книг стихотворений, 2018.**

Театр других «Я»

Водители аэростатов,
В чьих жилах «Мозилла» и «Хром»,
Красавицам всё, чем богаты,
Запишут на DVD-ROM.

Водители зверь-дилижансов
По Царствам хрящей и хвощей
Покажут принцессам мимансом
Скорлупки орехов вещей.

Водители единорогов
Водительницам мыслеформ
Споют о смертельных дорогах,
Где Волю из фляг хлещут в шторм.

А души их лунной бумагой
Дымятся в Театре ночном,
Где скрипка становится шпагой,
Где мы представленье начнём!

**В предчувствии
рассказа обо Всём**

Где механизм «Небесной снасти»?
Где аппарат «Ходи с бубёй»?.. –
Пусть нам ответят ваши масти,
Бумажный Шар, Воздушный Змей!

В академических изданиях
Ни слова нет о чердаках
В разрушенных старинных зданьях,
Где вы козырно... в дундуках!

Вы в картографии изгой,
Ведь ваши хронокарты – пыль.
Поскольку нет в вас силы воли,
У вас конструкция «Утиль»!

Бумажный Шар и Змей Воздушный
Дундушным вспыхнули вином
И продундели: «Здесь нам душно,
А там – Весь Свет для нас *иной!*»

... Чужим ушам не верю даже
В час разговора по душам,
А жду, когда Весь Свет расскажут
Бумажный Змей, Воздушный Шар!

После выхода из зазеркалья*(Искушение скепсисом)*

В зеркалье ура канцелярским фиглярствам?
Иль фейкам научным? Иль спазмам ума?
Быть может подземным напыщенным царствам
Иль странным лекарствам, чьё имя чума?

Иль в шариках ртути гримасам растений,
Фуфлу 100%-ых фуфырных фефёл?
Неужто и впрямь мы лишь грустные тени?
Весёлые ж бросили на произвол

То древо, где мы были вечные братья
И сёстры? Где, видя фиглярство теней,
Надели из листьев мы фраки и платья,
А шляпы из ветра, что неба синей?

Чтоб в мире убогом, нелепом и сиром
К познанию разбитых зеркал нас влекло,
Мы воздухом были, водой и эфиром,
Огня и земли зазеркальным стеклом...

Аттракцион весны

Когда из сосновых стволов ЦПКиО
Выходят космонавты и космонавтки,
А снег уже деликатес,
Это свидетельствует о том
Что во всю ивановскую
Шпарит аттракцион весны
С праздником простоватых
Глагольных рифм!..

В дацане

Я думал: – Как избежать бед?
Не заблудиться как меж снами?
И вдруг латунный шпингалет
Увидел я в буддийском храме.

– Ответ, почтеннейший клеверт,
Он от болезней иль цунами,
От мук любви иль зла монет
Привинчен «в ноль» к оконной раме?

– Знай, странник, что его секрет
Наипростейшей проще гаммы:
Сей шпингалет пять сотен лег –
Флэш-USB для далай-ламы!

Владелец 3 хронометров

Дождь. И больше ничего.
А в дожде как бы фантом:
Вон, вы видите его –
С непочиненным зонтом?

Чтобы зонтик починить,
Нужно, в общем, ничего:
Время, деньги, жажду жить,
Вот ведь, только и всего.

А чтоб временем владеть,
Нужно меньше ничего:
Три хронометра надеть,
Три хронометра всего.

Первый – так, для ничего,
А второй – для чепухи,
Ну а третий для того,
Чтобы с ним писать стихи!

Город Бардадым **

Для кого-то это
Песен барда дым
Или шум мотора:
Ба-рда-ба-рда-дым...

Лепят мне со смехом:
– Все уедем в Рим!
Плюнул и уехал...
В город Бардадым.

Дамы здесь червовы
Создают уют,
Дамы здесь бубновы
Песенки поют,

Короли пиковы
Отдают салют,
Короли трефовы
Водочки нальют.

Праздничные лица,
Фейерверк мастей,
Лишь не съединиться
В бешенстве страстей.

Тут уж не до смеха,
Тут пожёстче Рим.
На хрена ж я ехал
В город Бардадым?

** Бардадым (устаревшее, бытовое) – карточный король чёрной масти.

Тот же Жако ***(Для детей +)*

Разгрызай науки,
Пялься в календарь,
Но шарманки звуки
Те же, как и встарь.

Раскрути, шарманщик,
Колесо судьбы –
Счастье, как и раньше,
В двух шагах ходьбы.

... Изумлён монетой,
Звякнувшей легко,
В модный фрак одетый,
Господин Жако.

Выкрикни советик,
Жарких стран божок,
С счастьем мне билетик
Вытяни, дружок!

*** Жако – вид попугаев серого
цвета с красным хвостом.*

Карт-бланш

Я, выпив валерьянки,
Пошёл в туман гулять
И вижу – с обезьянкой,
Стоит какой-то тать.

Он в inferнальной шляпе,
В чешуйчатом плаще,
Не хиппи и не яппи,
Не хипстер, а ватсе...

Сказал мне: – Дай полтинник
И счастье получай.
В своей судьбе малинник
Увидишь невзначай!

Банкнотку обезьянка
Лапчонками берёт
И из жестяной банки
Записку достаёт –

Без надписи, туфтянку.
Что ж, можно рисковать:
И стал я валерьянкой
Успешно промышлять.

И стал я не обманщик,
Не тать и не ватсе –
Ну, словом, валерьянщик...
В чешуйчатом плаще!

Под ° Фаренгейта

Я керосиновый пожарный
И медью мелочи оброс,
Кручу с мартышкой инвентарной
Шарманки антикварный форс...

Контрразведка. 1914 г.***(Фильм-Нуар)*

– Её явки? – В трактире
«Жар-Стрекоза». (Заочны).
– Её телефон? – «Сименс».
Ловит пароли сачком.

– Шифры её «Ундервуда?»
– Пахнут ладаном ночью.
– А днём? – В твоём «Ремингтоне»
Поют научным сверчком...

** В основе фильма - напечатанное энтомологическими символами письмо, найденное в механическом яйце Фаберже, находящемся в швейной машинке Зингера, спрятанной в рояле Бехштейн.

***

Вот улица Курляндская –
Здесь чудное «Цимлянское».
Вот улица Лифляндская –
Здесь как в раю «Кубанское».

Где ж улица Эстляндская?
А тут нужна фантазия –
Хлебни взамен «Шампанского»
Привет от Стеньки Разина**!

*** Ул. Эстляндская в СПб сейчас ул. Степана Разина.
На ней был однимённый пив. з-д.
с одноимённым и сейчас изготавливаемым сортом пива.*

Та ещё песенка

Всякая, блин, в голову лезет лабудá,
Мол, на свете жили в масть дамы-господа.
Каркали, покуда вдрызг не сошли с ума –
Ворон Воронович сам и его кума.

Каркали, а в голову пёрлась чепуха:
Хороша ушицаца, плоха ухаха.
Власть ли шняга такова – позже разберусь:
Курица, плоха, мол, ха, а хорош ли гусь?

Каркали дурацкие как бы дребедень.
Спросишь, чё накаркали? А во какую хрень:
Стала жизнь приличная, как мешок монет,
Типа всё отлично, мля, только кайфа нет...

Хип-хоп переформат

Я слоняюсь ночью по торговым рядам.
Раньше был я Змей, а теперь Адам.
Ева пляшет шейк, плонув давно
В научно-популярное о яблоке кино.

Ночью я шатаюсь по торговым рядам.
Теперь я Змей, а раньше был Адам.
Ева пляшет брейк, не плюёт на весь свет,
Она припоминает с яблоком сюжет.

Ночью не стреляют, не перепродают,
На прилавках пусто-пусто, в голове уют.
Я и раньше, и сейчас и Змей, и Адам,
И шляндаю ночью по торговым рядам.

А Время демонстрирует мне менуэт
(Сняв маску Евы), но меня здесь нет.
Сбросив маски, я теперь не Змей, не Адам –
Я не шляющийся ночью по торговым рядам...

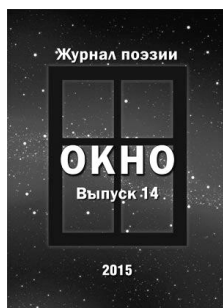
Йо! Йо!..

Маргарита Токажевская

РЕКА ЖИЗНИ

Мария Амфилохиева

ДОРОГА ПОДНЕБЕСНАЯ

Редакторы-учредители журнала
Маргарита Токажевская и Мария Амфилохиева

МАРГАРИТА ТОКАЖЕВСКАЯ**РЕКА ЖИЗНИ**

***

Зелёное и синее стекло,
И свет, и тень от мягких драпировок,
И рыхлою оранжевой метлой –
Букет из пижмы.
Стрелки. Полвторого.

Я начинаю этот натюрморт,
И думаю о чём-то постороннем,
Возвышенно небрежном, как – эскорт
За крытою каретой... В зале тронном

Дворца, что именуется душой,
Два мальчика играют на паркете...
А кто-то третий только что ушёл...
Вот-вот за ним уйдут и эти дети.

И в глубине таинственной стекла,
Рефлексах и внезапности акцентов
Скрывается вся жизнь, что утекла
Рекою очарованных моментов...

2001

***

Фольгой золотую обёрнутый дым предзакатный,
На нём – силуэтом – чернеет полёт аккуратный,
Почти что недвижимый – туман собирающей птицы,
И поздней тоскою не плачет душа – веселится.

И город ночной утомлённые смежил ресницы –
Он хочет покоя, но бабочкам зимним не спится,
Они всё щекочут его стариковскую кожу,
И горбится город, на снег опускающий ношу –

Мешок, где хранятся шумы и усталость прохожих,
С небесных высот на игрушечных гномов похожих,
Мешок обнимает зима – ей одной он и нужен,
А город уходит туда, где гуляют по лужам

В дырявых сапожках – весну сторожащие дети,
И город им дарит в хрустящих обёртках конфеты,
И с ними смеётся, и только под утро он снова
Опять запирает весну на щеколду засова
В своём утомлённом зимою морщинистом сердце,
Где есть потайная, цветами увитая дверца.

2003

Неизъяснимое

Этот мир, невозвратный и нежный,
С бесконечной ранимой душой,
Этот голос, до странного прежний,
Но опять почему-то чужой.

В зимнем сумраке гаснущий иней,
От рассвета не тающий снег,
Тишина от небесности синей,
И неслышно идёт человек.

И касается тенью подвижной
То скамейки, то тени другой
В этом городе осени лишней
Над всегда терпеливой рекой.

Он уходит, и, вновь появившись,
Будто право имеет – опять,
С каждой улицей города слившись,
На мосту одиноко стоять.

2003

* * *

Толчея в переходах метро. Ожиданье трамвая.
Скрежетанье. Умение ото всего отрешиться,
Глядя прямо в себя или странную книгу читая,
Вспоминая, что дома селёдка, чеснок и горчица,
И отсутствие хлеба. А в булочной мёрзнут кассиры.
Получаешь буханку в озябшие руки, мечтая
Очутиться в объятых соскучившейся квартиры,
Где на ёлке звезда, серпантин, мишура золотая.
И в замочную скважину ключ непокорный вставляя
Потихоньку подумаешь: жаль, что никто не откроет,
Не согреет мне руки, и пёс, ни хвостом ни виляя,
Ни бросаясь на плечи... А, впрочем, нытьё... За игрою
В неповторную жизнь – невозможно соскучиться скоро,
Сковородка чугунная вечно прослужит, и в окна
Светят звёзды. Не видно на улицах сора,
Да ткачи-фонари всё сучат голубые волокна.

2003

***

Я сумею ещё надышаться
Одиночеством зимних полей,
А ведь мне не обещано шанса
Стать наивнее и веселей.

Становлюсь я грустнее и строже...
И теперь, проходя по мосту,
Понимаю: нет правды дорожке,
Чем почувствовать ложь за версту.

Пусть не знаешь, куда возвратиться,
Потому, что сломали крыльцо,
И кричит безымянная птица,
И метель обжигает лицо.

Но светлеет за тьмью и стужей
Невесомой пороши печаль,
И качается статью верблюжьей
Неожиданно всплывшая даль.

2004

***

Тёплый свитер домашней вязки.
Хорошо, когда есть кому
Свитера плести или сказки...
Хорошо когда по уму
И по совести: лето красно,
А зима снеговым-бела,
Хорошо бы жизнь не напрасно,
Хорошо б для добра была.
А когда напоследок стая
Прокружит над большим селом,
Хорошо б заря золотая
Осветила тех за столом,
Кто остался терпеть и верить,
Что любви без надежды нет...
И того, кто стоит у двери,
Сквозь себя пропуская свет...

2005

ЗИМА

О, как вы были хороши,
Дни разноцветных одиночеств,
Как бы надежд, как бы пророчеств
Моей обиженной души.

Заиндевав, почти слепой,
Мой дом задумчивый пугался:
Ведь может забрести любой
На отблеск тишины и вальса –

Я танцевала иногда –
То яростно, то отрешённо,
То радостно, то раздражённо,
Но кто мог заглянуть сюда,

Где, то сиренев, то крылат,
То безыскусен, то искусен
Мир бабочек, цветов и бусин,
Где свечи до утра горят...

2008

***

Я вредные ела конфеты,
Читала стихи до утра,
Бросала чужие монеты
В низинную реку с бугра.

Ехидные вирши писала
И, чтоб не бояться людей,
Бескровные губы кусала
В предчувствии новых идей.

И, в комнате маленькой ёжась
От холода и пустоты,
Кляню я свою непохожесть
На чьи-то простые мечты.

2008

***

Не сплю. Болит висок. Стучится птица
Бесмыслия – в оглохшее нутро
Души, а солнце круглое садится,
Неверящим в движение – назло.

На ломаном наречии искусства
Пытаясь объяснить свои пути,
Светило разворачивает чувства
Сиренево-оранжевый сатин.

Вот матовость, вот блеском волноватым
Идёт поток, ленивый и густой,
Как будто чей-то голос виноватый,
Неслышимый над этой красотой.

2009

А. Иезуитову

Угловатые складки. Неспешного бархата синь.
Одевание в бархат богатых и знатных рожениц.
Полнорукая знахарка скажет короткое «Сын!»,
И рассыплется слово на сто золотых отраженьиц
На хрусталинках люстр. Уважительно лента вздохнёт
На батистовом чепчике новорождённого мира,
И у дальней праправнучки ручку заноза кольнёт,
И от солнечных зайчиков порозовеет квартира
На шестом этаже, где на грани пустот и пластмасс
Нет ни памяти рода, ни старых часов на камине,
Только плещется синим в глазах, только, светом струясь,
Непонятная девочка ищет себя на картине
В прошлогоднем журнале, где среди никчемных реклам
Приютилось упрямство того непрожитого дома,
Где уже примеряют потомков к почётным ролям...
Для чего эта полночь безлунной тоскою бездонна....

***

У киргизского озера Караколь,
У горы с названием Билуби,
И в пустыне каменной, где дракон,
И где люди женятся по любви,

Вышивают ангелы твой платок,
В голубом и розовом, Фея снов,
Там галантус – маленький звень-цветок
На картинах – подписью вместо слов.

Холодеют синие васильки,
Катятся в ладони слезинки лис,
И опять не пишется ни строки,
Хоть, конечно, все они удались.

2009

***

Эти красные тюльпаны
Для весьма пригожей пани,
Эти листья винограда
Для узоров на стене,
Эта жизнь наполовину
То за гранью, то на грани,
Эти вечные повторы
Лунных полночей в окне.
Эти страхи-неотвязы
По отдельности и вместе,
Эти свисты бумерангов –
На пути не становись.
Эти яблоки раздора
В подгоревшем пресном тесте.
Эта каменная пристань
Под несносной кличкой жизнь.
Этот берег, на котором
Мне запомнилось растение,
Что цвело упрямо-звонко
В неприятном октябре.
Эта тень, которой нету,
Что была когда-то тенью,
Этот дом, что я построю
На придуманной горе.
Эти правила без правил,
Где бездарно всё, как связка
Да и нет в один дырявый
Растянувшийся чулок.
Эта древняя привычка,
Эта новая рассказка –
Ждать, что сбудется желанье
В невозможный вечерок...

2011

***

Этим воскресным вечером слушаем
Луи Армстронга, луну над Исаакиевским собором,
Между всеми морями и всеми сушами
Сидим на бревне под горбатым забором.

Слушаем, иногда забывая, какая планета
Сейчас под нами – жалеющая или карающая,
Не всё ли равно, бругто или нетто
Или то, чего знать не пора ещё,

Что-то появится в обличье кого-то
И поднимет нас, разведёт на разные останки
На долгие миллионнозимние годы,
Чтобы мы навсегда поняли, как это – одиноки...

***

Можно очень рано войти в литературу,
стать знаменитым, бросить писанину,
вернуться в забытую родную Тулу,
лучше под Тулу, гнуть на огороде спину,
окучивать, полоть, поливать огурчики,
цветущий картофель, само собой разумеется,
смотреть фильмы с участием Гурченко,
слушать сто раз подряд "Старую мельницу".
Сидеть на завалинке и радоваться,
что вовремя спасся
из литературной пасти...
Позволить себе и вовсе забыть себя в литературе,
любить литературу на расстоянии
тридцати сантиметров от глаз...

Но, если вы никогда не бывали в Туле,
помните, что Тула не ждёт вас...

Мария Амфилохиева Дорога поднебесная...

С дальнего детства преследует меня память нескольких песен. Верней, романсов. Верней, память о первом от них впечатлении, которое в память врезалось до боли – буквально и не отпускает по сей день, хотя и не вспоминается ежедневно. Живет оно где-то под кожей, не отбросишь, не вынешь...

Среди них особенно памятны два. Оба услышаны по радио в то время, когда об авторстве еще не задумывалась. И в школе еще не училась. Поражало слияние музыки и стиха в невыносимое единство, от которого не просто слезы наворачивались – плакалось долго. Но главное все же не музыка, не мотив – слова, будто всегда в душе жившие. Спавшие, возможно, а потом вдруг ненароком разбуженные. Откуда память об этом духовном опыте? Загадка, над которой и голову ломать не хочется. Где-то в генах, наверное, заложено. Много позже только узнавала, угадывала полузнакомые-полузабытые слова, выясняла, кто их вспомнил и так прекрасно до меня, до нас донес. Вспомнил, не сочинил – потому что они изначальны, как все то, что в них говорится.

И то и другое – совершеннейшая классика. М.Ю.Лермонтов «Выхожу один я на дорогу» и И.С.Тургенев «Утро туманное, утро седое». И написаны почти в одно время, почти в одном возрасте, только у одного автора – на заре туманной юности долгой жизни, а у другого – на последнем году земного пути.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;
Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.
Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.
Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далёкое,
Слушая ропот колёс непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

1843

При всем различии двух стихотворений в них и много общего. Конечно, это тема дороги. Для меня родина, Россия – всегда дорога. Поле, холмы, полузаросшие колеи со слабо протоптанными редкими проходящими тропками по ним. И непременно небо над головой – синее с облаками наполовину. Некая неприкаянность, вернее подвешенность в пространстве, когда если есть цель, то лишь далекая и неясная, до которой лучше не доходить. Не доходить, потому что состояние дороги – лучше, привычнее, честнее, свободнее.

Даже лирический герой Лермонтова, мечтающий о покое и гармонии в конце пути, на самом деле не о конце жизни мечтает, а короткой передышке, а потом – о новой дороге, потому что уходит в область мифа, где в безграничном космосе летит среди звезд шарик Земли, на котором растет темный дуб, под которым дремлет задремавший у дороги богатырь, над которым звенит песня любви, напоминающая спящему, что путь его не окончен. Утро настанет - и надо будет идти дальше.

У Тургенева нет в пути даже такой краткой остановки. Или она уже миновала. И его герой движется сквозь воспоминания о былых встречах под звуки звенящего в памяти любимого голоса туда, где разлук уже не бывает, где широкое небо сливается с широкой степью и все исчезает в тумане бесконечно длежащего утра, не сулящего ни дня, ни ночи тому, кто в дороге всю жизнь.

В сущности оба стихотворения – об одном и том же. Именно о том, что, вероятно, заложено в нашем российском менталитете. Ибо при наших просторах, в которых становится бессмысленным любая мысль о времени, потому что просторам этим присуща только вечность, странная пространность нормальна и неминуема.

Наверное, потому русская душа кажется загадочной. Да нет в ней никакой загадки, кроме той, что составляет ее суть, а потому заметна только со стороны, чужому взгляду. Простор она впитала, безграничность и

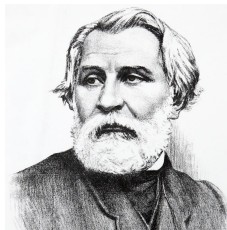
бевременность. Понятие бесконечности для нас просто и даже по-своему уютно. «И нет конца, мелькают версты, кручи...» - что же странного в этом? Никакой странности, ведь слова «страна», «странник», «странность» и «пространство» - родственны генетически. Странная страна, в которой «простору много, валит снег и стелет шаль, бесконечная дорога убегает...»

Путник и странник – ничуть не синонимичны. Путнику важно держаться дороги, пути пролагать к далекой и неясной, но все-таки цели. Странник ветром несом, и цели его самому ему неведомы. Путник – временное состояние, вынужденное даже, странник изначально извечен. Он не из пункта А в пункт Б и даже не от рождения к смерти движется. Он часть простора, ради которого простор этот создавался, его сущность и воплощение. Он бесконечность, сведенная в точку и в любое мгновение готовая из этой точки снова развернуться до безграничности. В этой системе нет координат, даже жизнь и смерть – звук пустой, условность, принятая в угоду чужеземным гостям, а то ведь и вовсе с ними общего языка не отыскать. Впрочем, что говорить-то с минутным попугайчиком попусту? Лучше спеть, и, «пока звенит тоской острожной глухая песня», путь незаметно коротается. Вот и постоялый двор. Оставим уставшего иноземца за столом сил набираться, а нам – дальше, к далям неведомым – такова доля-дольняя, по горам да по долам, «по долинам и по взгорьям» - в неведомое. «Эх, дороги, пыль да туман, холода тревоги да степной бурьян...».

Впрочем, стоит ли много говорить о несказанном? Не поставить ли на этом прямо сейчас многоточие – как следы, уходящие в дорожной пыли. А песня – она вечна.

Иван Сергеевич Тургенев родился 9 ноября 1818 г., Орёл, Орловская губерния, Российская империя
Умер 3 сентября 1883 г. (64 года), Буэнавиль, Франция

В минувшем году исполнилось **двести лет** со дня рождения великого русского писателя, по праву разделяющего пальму первенства с Львом Николаевичем Толстым и Федором Михайловичем Достоевским.

Портрет певицы Полины Виардо
Карл Брюллов

II. ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

Александр Медведев

МАСТЕР УМИРАЮЩЕГО СФИНКСА

МАСТЕР УМИРАЮЩЕГО СФИНКСА

Искусство полно тайн, нельзя сказать ни об одном шедевре: о нём известно досконально. Особенно, когда его история переплетается с мифологемами, глобальными идеями.

Петербург славен памятниками, многие в ауре легенд. Охочие до мистики наслышаны о тайне сфинксов у Академии художеств, но об исторической её стороне знают единицы. Суть тайны очерчена почти гамлетовским вопросом: быть или казаться?

Быть Москве Третьим Римом или третьестепенной столицей окраины Европы, пропитанной азиатским духом? Вопрос открыт. По Малевичу: «го, что мы открыли, уже не закрыть». Рука не поднимется закрыть бутылку вина, если в ней ещё хотя бы слабый плеск. Так актёр, открывший в себе черты персонажа, вживается – римлянин, евразиец, кто угодно, и это неисчерпаемо. Главное, забыть себя, не сделав попытки узнать, кто ты на самом деле. И надо ли? Хорош, плох сценарий, играй. Человек играющий, homo ludens, а русские люди – играющие не на шутку. Иногда, правда, шутят по этому поводу.

Миф о Третьем Риме заслонил реальную жизнь Москвы - России. Так и с Петербургом. Быть или не быть ему пусту? Миф о городе-призраке искажает картину прошлого и настоящего удивительного города, вынуждает видеть на нём маску призрака, костюм иностранца, мифического, впрочем. Так и увидишь! Среди сырых снегов – египетские сфинксы, странники в столь странном месте. Как не вспомнить Мицкевича:

У зодчих поговорка есть одна:
Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана.

Проницательный, как и положено поэту: два месяца побыл в Петербурге, и всё понял, разгадал тайну города. Но оставим сатанизм тем, кто верит, что сваи в Петербурге вбивали рабы, а в Венеции и Риме – боги.

Откуда эта идея, стяжка севера и юга, узловатая нить магии, тайных знаний? Крепка ли? Сказать: сфинксы на Неве появились для красоты, – кто поверит? Они для тайны, без тайн, легенд, город не город.

Легенды. Алексей Венецианов, классик бытового жанра русской живописи, академик Академии художеств, в марте 1821 года посвящён в ложе Лабзина «Умирающий Сфинкс». В ней же поручительством Новикова посвящен Дмитрий Левицкий, знаменитый художник-портретист, автор картины «Екатерина-законодательница». Александр Фёдорович Лабзин – вице-президент Академии художеств при президенте А. Н. Оленине, питомец И. Е. Шварца и Н. И. Новикова, масон высоких степеней, талантливый переводчик мистических книг, его бюст и сегодня можно увидеть в Русском музее. 15 января 1800 года Лабзин основал ложу «Умирающий сфинкс», стал

великим мастером. В октябре 1822 года за дерзкий и остроумный отзыв о влиятельных вельможах отправлен в отставку с поста вице-президента Императорской академии художеств, выслан из Петербурга. Десять лет спустя, перед Академией художеств появляются египетские сфинксы. Умирающий сфинкс, не живой, и не мёртвый, какая удачная символика для спекулятивной фантастики «петербургского мифа».

Наполеон перехватил было идею Третьего Рима у русской монархии, завоевав Европу. Стал владыкой, подобно Юлию Цезарю, вырвав это право в сражениях, в том числе в Египте. Там он прикоснулся мистической тайны, оттуда началось возвышение, стремительный взлёт, от египетских пирамид к семи римским холмам славы. Египетский поход сделал Бонапарта Наполеоном. Именно в Египте он вспомнил: имя его от Наполи, Неаполь – новый город, он приступит к обновлению мира!

После знаменитой Битвы у пирамид 21 июля 1798 года Бонапарт, желая обосноваться в Египте и вернуть ему статус центра мира, создаёт Научный институт, о чём 22 августа вышло постановление. Официально в документе указано: цель создания Института в «исследовании, изучении природных явлений, промышленной деятельности и исторических событий этой страны».

Наполеон решает привезти сфинкса в Париж. Подолгу и не раз глядявался он в гранитный лик, и однажды увидел нечто, тайный знак из глубины веков заставил спешно покинуть армию, броситься в Париж.

Англичане же неспешно перевезли из Египта в Британский музей и другие сокровищницы множество объектов, культурных и мистических. И хотя на сегодня Британией в значительной мере утрачены колонии, имперская сущность остаётся неприкосновенна. Британская монархия хранит открывшуюся ей тайну мирового господства, тайну египетского сфинкса.

В античности в Египет отправляется Гней Помпей, соперник Цезаря и соправитель Рима. Он не увидел тайные знаки, указатели к императорскому трону, Помпея убили по приказу египетского царя Птолемея XIII, угождающего Риму. Их узрел Цезарь. Он возвёл на трон Клеопатру, и получил посвящение.

Все дороги ведут в Рим, самая короткая – через Египет. И – самая тёмная.

Александр I, победившему Наполеона, открылось: России не быть Третьим Римом, откуда не получит египетского посвящения. Русские дипломаты, учёные, вплотную приблизились к тайне сфинксов: мистические изваяния могут способствовать подлинному имперскому посвящению России. У Академии художеств устанавливают магических сфинксов, два символа: имперское могущество и тайные знания.

Александр I слишком доверял англичанам, или они искусно подводили его к вынужденной доверчивости. Британия всегда опасалась укрепления России, и после свержения русскими корсиканского чудовища, властителя Европы, не могла допустить мистического посвящения русской монархии.

Александр I, царственному мистик, не удалось направить светоносный луч от дельты Нила к зеркальной ей дельте Невы. Решение задачи легло на плечи брата, Николая I.

В. С. Татищев отыскал слова Николая I, сказанные вскоре после восшествия на престол, французскому чрезвычайному послу графу Сен-При: «Брат мой завещал мне крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное дело...». Фразу обсуждали во всех европейских кабинетах. Неслучайно государь подчеркивал преемственность восточной политики, Россия давно смотрела в эту сторону. Но истинных устремлений не раскрывала.

8 августа 1834 года тридцатидевятилетний действительный статский советник Авраам Сергеевич Норов увольняется в отпуск «для поклонения Гробу Господню». В тексте официального документа дополнительное указание: «При проезде через Александрию войти в непосредственное сношение с генеральным консулом полковником Дюгамелем о способах к выгоднейшему приобретению и доставлению из тех мест в Россию некоторых аптечных материалов и сделать по этому предмету подробный доклад» (с выдачей на расходы 3 тыс. рублей). На первый взгляд, текст – свидетельство давней осведомлённости русских государей об изобилии лекарственных растений в Египте. Ещё в XVII веке паломник Арсений Суханов сообщал в «Проскинитарии» о покупке в Египте в «государеву аптеку» 130 золотников (более 500 г) таинственного «андрагрыза» («мужского корня»). Для шифровальщиков, современников Норова, слова «некоторые аптечные материалы» могли указать и на нечто иное. Вот и более раннее паломничество Суханова не ограничивалось интересом к церковной дискуссии с Иерусалимским патриархом Паисием о перстосложении. В «Проскинитарии» Арсения Суханова просматривается и не столь очевидный интерес: основной путь паломничества 1649 года пролегал по турецким владениям, Суханов подробнее описал турецкие крепости и укрепления, их фортификационную силу и слабость, исполнив роль военного разведчика. Неслучайно и Муравьеву, посетившему в 1830 году Палестину и Египет, оказали финансовую поддержку, высочайше одобрив «смирненное желание быть в местах освященных». Андрей Николаевич Муравьев, молодой офицер и путешественник, поэт и историк церкви, первым из русских увидел сфинксов, откопанных археологом Яни. Он организовал перевозку сфинксов в Петербург.

Русская монархия вплотную подошла к воплощению идеи Третьего Рима. «Никогда дотеле имя наше не было в такой силе и славе на Востоке», – подчеркивает А. Н. Муравьев в книге «Путешествие ко святым местам в 1830 году». И добавляет: даже «Царьград в 1830 году имел вид только южной столицы России», «казалось... во дворце посольства русского решались судьбы империи Оттоманской».

Могли ли на это спокойно смотреть из Лондона?

Для доставки сорока шести тонных сфинксов из Александрии в Петербург Муравьев зафрахтовал итальянский парусник «Буэна Сперанца» (Добрая Надежда). Английская королевская разведка подготовила операцию по уничтожению сфинксов в порту во время погрузки, но её осуществить не удалось – английская точность споткнулась о русское авось, график доставки сфинксов в порт, время погрузки, бригады такелажников несколько раз менялись. Тогда в набираемую команду корабля внедрили человека с

заданием любыми способами не допустить доставки мистического груза в Россию. Ему это удалось. Наполовину. Английский шпион подрубил канаты таким образом, что даже при небольшом шторме массивные сфинксы неминуемо сорвались бы с палубы в море. Шторм, действительно, разыгрался, и серьёзный. Не выдержав качки и ударов волн, подрубленные канаты лопнули. Один из сфинксов сдвинулся, но уперся в спасательную шлюпку, продавил её борт, но и расщеплённая, она препятствовала соскальзыванию изваяния в море. Тогда шпион, рискуя быть сбитым волнами, перерубил канат, крепивший шлюпку, и ящик со сфинксом беспрепятственно ушёл в пучину. Шпиона швырнуло на мачту, он потерял сознание и лишь чудом остался жив.

По другой версии капитан велел рубить мачты, так нередко спасали корабли от верной гибели в шторм. Обязанные верёвками, несколько матросов приступили к делу. Воспользовавшись суматохой, плохой видимостью, шпион перерубил канаты, удерживающие сфинкса. От второго сфинкса его отбросила волна, и он выронил топор.

«Буэна Сперанца» доставила в Петербург вместо двух одного сфинкса.

Электрическая батарея двухполюсная, источник египетского мистического могущества также состоял из двух компонентов, сфинксы символизировали царскую и жреческую власть. Одно без другого недолговечно. Николая I огорчило известие об утонувшем сфинксе, он запретил оглашать его, идея Москвы–Третьего Рима должна жить, и получить развитие во что бы то ни стало именно сейчас, здесь в Петербурге.

Возвращаясь из Петербурга, «Буэна Сперанца» потерпела кораблекрушение.

Царь поручил Алексею Николаевичу Оленину, президенту Академии художеств, в кратчайший срок изготовить копию доставленного сфинкса, дабы ни у кого не возникло сомнение в утрате подлинного.

Как Менгс – рисует сам,

Как Винкельман красноречивый – пишет.

Таков Оленин, портетируемый Константином Батюшковым. Оленин, знаток античности, приложил много усилий, пополняя академическое собрание скульптурными копиями. Ему надлежало найти достойного монаршей воли художника для изваяния царственного колосса с челом, исполненным думы.

Оленин нашёл художника.

Фёдор Львов, ученик Ивана Петровича Мартоса, заслуженного ректора скульптуры Высшего художественного училища при Академии художеств, был сыном крепостного художника. Его отец, Пётр Львов, внебрачный сын князя Владимира Семёновича Львова и горничной Авдотьи Хромовой, получил вольную, и сын его Фёдор имел законное основание для поступления в училище при Академии.

Бедный, но чрезвычайно талантливый и работоспособный, Фёдор Львов добился по протекции Мартоса должности управляющего каменоломни в

Олонецкой губернии, поставляющей гранит для архитектурных проектов Императорской Академии, и готовился к отъезду. Он без сожаления намеревался покинуть Петербург и по личным мотивам, оставаться отвергнутым женихом было выше сил. Оленин сочувственно отнёсся к молодому скульптору. Он не мог предоставить Львову наилучшего лекарства от любви, новую влюблённость, но верный способ не пасть духом, достойную всепоглощающую работу дал. Фёдор соглашается стать затворником, как минимум, на год, а может, и дольше. Пусть Лиза знает, кого отвергла, большого мастера, работающего государев заказ. Только она не узнает, и никто не узнает. Чувство тайного превосходства над более удачливыми сокурсниками, юношами из богатых семей со связями, остудило жгучую обиду. Авторство тайного заказа известно на небесах, знает государь и довольно, думал Львов.

На Литейном дворе соорудили деревянное строение, мастерскую. Из полковой канцелярии Преображенского полка прислали двух солдат надзирать за ходом работы и обеспечить секретность.

Особой трудности с копией, а вернее, вариацией уцелевшего сфинкса у Фёдора Львова не было. Куда более сложной ему виделась работа мастера Самсона Суханова, изваявшего громадную гранитную «Царь-ванну» для Баболовского дворца в Царском Селе. Ванна вечной молодости – тайные ритуалы, расчёт, наука, искусство. А сфинкс... Изучая анатомию животных, он лепил, резал, вырубал фигурки собак, коз, лошадей, получалось убедительно. Сфинкс египетский – стилизация, упрощённые формы, гладкая, условная поверхность, с этим ли не справиться?

Странная, впрочем, фигура.

Фёдор смотрел на сфинкса, освобождённого из ящика, провёл рукой по сбитому нижнему краю, ощупал повреждённую бороду. Всё повторимо. Улыбка – здесь загадка. Глаза без зрачков, но видят, это от улыбки ощущение жизни, сфинкс прозревает вечность. Глаза, губы резать вполсилы, намёком, зритель сам дозреет, увидит невидимое, только направь его зрение, построй нужный угол. А вот уши сфинкса почему-то ближе к натуре, минимум стилизации, проработаны подробнее других частей изваяния.

Приступив к работе, Фёдор понял: самое сложное – фриз с иероглифами. Пришлось комбинировать знаки с подлинного сфинкса. Сомневался, ну как найдётся кто, читающий египетскую премудрость? Спасал кураж художника, Фёдор забывал о возможном разоблачении, старательно переносил совок, соколов, полукруглые чаши, веретёнообразные пики в альбом, чтобы затем начать гравировать на камне, на постаменте сфинкса. Работал, забыв себя.

Вскоре Львов понимает: почётный заказ обернулся полной изоляцией, выйти во двор можно лишь ночью в сопровождении преображенца, облачившись в солдатскую форму. Для немногочисленных знакомых он отбыл в Олонецкий край, о нём никто не вспоминал. Любопытствующих о сарае или складе, спешно возведённом на Литейном дворе, удовлетворило объявление: хранится убранство строящейся набережной перед Академией художеств.

Постепенно Львов начинает задумываться о дальнейшей судьбе, что станет с ним по окончании работы? Всё навязчивей кружение обрывков легенд о печальной участи мастеров секретных ходов, тайников, строителей уникальных сооружений: по исполнению работы, могущественные заказчики ослепляли, а то и убивали их, избавляя от пожизненного несения тягостной тайны.

На изготовление сфинкса ушёл год. Ощущение угнетённости, не покидавшее Львова, неожиданно отступило, чуть появилась возможность короткого общения. В последний месяц Фёдор занемог, переутомился, и вот простуда. Преображенцы вызвали доктора, он осмотрел художника, назначил постельный режим. Оленин, обеспокоенный задержкой, дабы не усугубить положение, вызвал сиделку.

Два дня у Львова был жар, бред.

Очнулся – сидит девушка. Показалось, Лиза?

– Надежда, – поправила девушка. – Вам уже лучше.

Львов смотрел на неё. Откровенно любовался лицом: чёткий овал, охваченный белым платком, будто гипсовая маска оттаивает, статуя просыпается.

Через несколько дней уже мог сидеть на топчане, порывался встать, но Надя, ссылаясь на распоряжение доктора, воспротивилась.

– Вам скучно, понимаю. Работу хотите доделать. – Она посмотрела на дверь в мастерскую. – В горячке всё рвались: работать, государев заказ, работать!.. Бредили.

– Что ж говорил?

– Лизу звали. Сокрушались: холодна, сфинкс надменный.

– Так сказал?

– Не так, громче, раз почти в голос закричали. А что это сфинкс?

– Возьмите ту папку, – Львов указал на полку, – откройте.

Надя стала рассматривать гравюру с пирамидами на заднем плане, а на переднем – сфинкс. Затем подошла к двери, приоткрыла, но вход загородил солдат.

– Ой!

Скучавший преображенец оживился, распрямил плечи:

– Нельзя. – Расплылся в улыбке, преградил вход. – Даже красивым нельзя.

На следующий день художника навестил Оленин. Ободрил:

– Если в срок уложимся, государь обещает пенсионерство в Италии. Вам – три года!

Они осмотрели сфинкса. Оленин сдержанно похвалил художника, попросил с тем же тщанием завершить работу.

Львов с новыми силами приступил к последнему этапу, начал шлифовать сфинкса.

Спустя неделю, на ночной прогулке, солдат, что не пустил Надежду в мастерскую, сообщил:

– Сестра-то ваша, милосердия, умерла.

– Как умерла?

– Утонула. Говорят, с Исаакиевского моста упала.

Чуть рассвело, в мастерскую пришёл чиновник.

– Смоленцев, капитан Особенной канцелярии квартирмейстерской части Главного штаба. Имеем сведения, что Надежда Семёнова, сестра милосердия, получила лестные предложения из некоего Смита, английского инженера из Адмиралтейства, наклонявшего её к шпионству. Её кончина располагает помыслить, что она имела осведомлённость о секретной работе, которую вам высочайше доверили, господин Львов...

– Господин капитан! Я никак не дал повода...

Смоленцев развернул письмо в осьмушку листа.

– От людей в доме Смита мы получили копию письма, датированного днём предполагаемой гибели Семёновой. Смит пишет: «... для большей уверенности посылаю ещё раз Вашему превосходительству достоверные подробности, подчерпнутые из донесения нашего агента, копию с которого я вам уже отослал. Из этих сведений и последующего дополнения Вы увидите, что в действительности находится и происходит в известном Вам месте Васильевского острова...» Разумеется, оригинал писан по-английски, к тому же шифром.

– Как же вы...

– Не стоило труда. – Смоленцев заговорил, будто старый знакомый. – На столе под сукном лист бумаги, а сукно с обратной стороны натёрто порохом. Вам, как художнику, известен эффект копировальной бумаги.

И другим тоном, чиновничьим, заключил:

– До выяснения, господин Львов, высочайшим повелением вы отстраняетесь от работы.

– Но ведь...

Смоленцев, тотчас вернув себе выражение участия, упредил объяснение художника:

– Не беспокойтесь, полировкой мы займёмся сами. Как видите, наша канцелярия в вопросах художественного ремесла тоже осведомлена. А сейчас пожалуйте за мной.

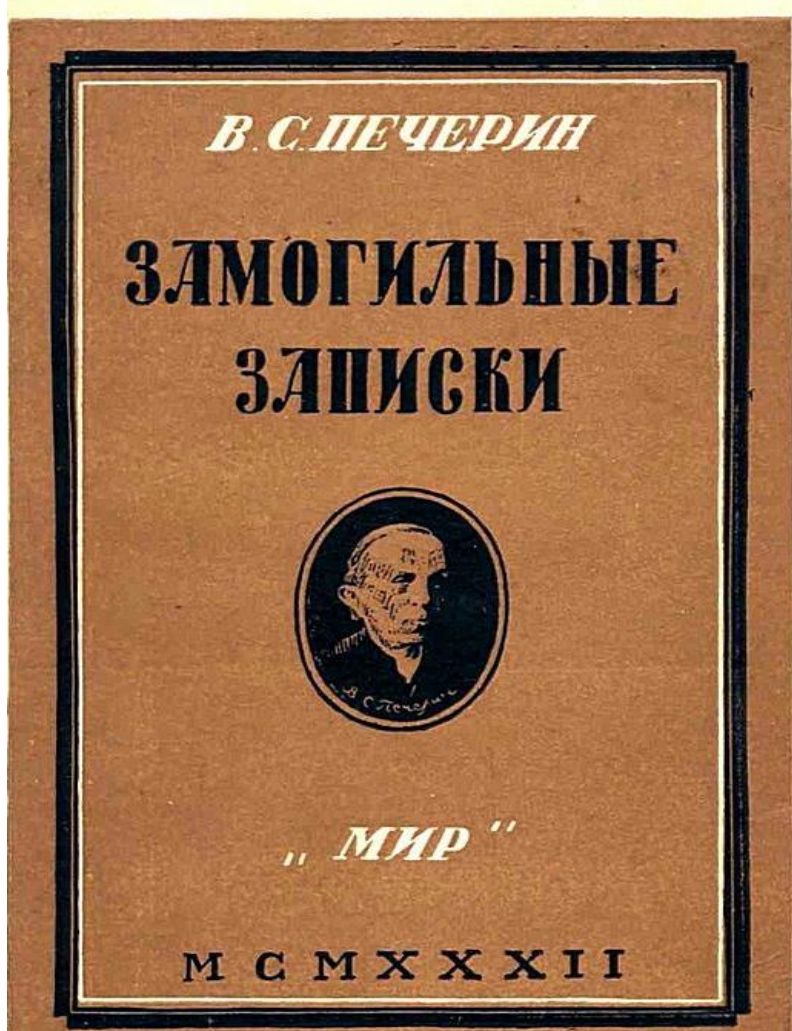
«Петербургские сфинксы уникальны по качеству исполнения и по своей иконографии. Царь в облике сфинкса изображен как одно из воплощений солнечного божества, на его плечах — широкое ожерелье усех, на голове — парадный царский платок клафт и па-схемти, корона Верхнего и Нижнего Египта. К сожалению, короны наиболее пострадали от времени и в 19 в. были скреплены металлическими штырями, которые, постепенно покрываясь коррозией, разрушали гранит»

В популярных описаниях сфинксов не указано, отчего они пострадали, да и металлические штыри, вставленные Фёдором Львовым, были заменены при реставрации сфинксов к празднованию 300-летия Петербурга. Реставрационные работы неожиданно дали повод исследователям вернуться к тайной истории сфинксов, в это время наполнялась и наша папка с материалами для книги о мистике и тайнах искусства.

IV. ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ
("Лишние" русские люди)

Продолжение. Начало в №8, №9, №10

В. С. Печерин. ЗАМОГИЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ
(продолжение. Начало см. в №8, №9, №10)

Сказание о Капитане Файоте и его Камердинере

*В часы,
Свободные от подвигов духовных,
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидетель в жизни будешь.*
Борис Годунов.

В лето от Р.Х. 1838 в городе Льеже в Королевстве Бельгийском жил был морской капитан английской службы – он же был на половинном жалованье – а имя ему Эдуард Файот. В старые годы у него был свой собственный корабль и с ним он объехал полсвета, да и в Питере побывал, откуда и вывез приятное воспоминание о некоем квартальном, вытянувшем у него не одну синенькую... У капитана был камердинер, лихой парень 22-х лет – кровь с молоком – бельгийского происхождения – имени и отчества не помню. Капитан был Сократ; а камердинер был, положим, нечто в роде Алкивиада. Но скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Итак благословясь начнем.

Глава I. О капитане и нечто о борде.

Вашей милости известно, что я вышереченному капитану Файоту подал челобитную и приложил к ней руку с заветным знаком: G.O., что по нашему значит Великий Восток. В ответ на мое писание капитан прислал несколько листочков собственного сочинения для перевода на французский язык. Знать, он хотел прежде изведать, силен ли я во французской грамоте. Я тотчас вскарабкался на верх в мою конуру, где кроме моей кровати еще стояли двести другие, поставил маленький столик перед постелью, достал бумаги, чернил и перо и с особенным удовольствием принялся за более сродное мне ремесло. Работа шла, как по маслу, перевод вылился полный и круглый по всем правилам французской фразеологии. Мои новые приятели Камбель и Макналли пришли меня навестить: «Ну что, как ваш перевод идет?» – Да он уж готов. – «Неужели? очень хорошо! пойдём же вниз, да выпьем по чарочке предварительно, а там вы нам прочтете». Мы сошли вниз в питейную и выпили по чарочке предварительно; я сел на стул, а мои два Аристарха стояли передо мною. Я читал с чувством, с толком, с расстановкою, как будто перед какою-нибудь академиею наук. Камбель, знаток французского языка, воскликнул: «Прекрасно! отлично! Дайте, я сейчас же отнесу это к капитану». Он отправился с рапортом к капитану, а капитан через него прислал мне *пять франков*. Не могу описать, какое это было сладостное ощущение. Это были первые деньги, заработанные моим честным трудом. Хозяин тотчас подбежал и подал мне счет. Я с ним расплатился и у меня еще осталось два франка с небольшим. После этого я вырос несколькими вершками, выпрямился, прибодрился. Я чувствовал, что я уже не бродяга, не нищий, а порядочный человек, имеющий деньги в кармане и платящий свои долги! В избытке

блаженства, с переполненным сердцем я пошел прогуляться и зашел на толкучий рынок в tel de ville купить себе – что вы думаете? пряник? или сосульку? – нет! не угадали! я зашел купить – стереотипное издание греческого классика – помнится *Ксенофонта* Memorabilia Socratis¹, т.-е. первое, что мне попало под руку. С этою покупкою я воротился домой и бросился на постель. После двухмесячной бродяжничной жизни мне хотелось освежить себя умственным занятием, отдохнуть, понежиться немножко – хоть с этим пошлым рассказом о пошлом старике Сократе. Уединение и тишина не долго продолжались! Слышу, кто-то кряхтя тяжелыми стопами всходит по лестнице. Отворяется дверь – входит солдат в полном вооружении, в кепи, в шинели, с ранцем на спине, с ружьем в руках. «Sapristi! как же я устал!» Он тотчас сложил свои воинские доспехи и бросился на постель. Отдохнув немножко, он посмотрел на меня очень пристально – улыбнулся, кивнул и, поднося горизонтально руку ко лбу в знак приветствия, сказал: «Bonjour, camerade!» – Bonjour, monsieur!² – отвечал я. – «А ведь я сейчас угадал, что вы республиканец!» – Как же вы это угадали? – спросил я. – «А вот по этому» – указывая на мою бороду. – В то время бороды были несомненным знаком республиканца или сен-симониста! «Ну что ж, брат! по рукам! Ведь и мы виды видали, по свету ходили да и за свободу сражались!» – Очень рад, сказал я, протягивая руку, встретиться с товарищем и собратом по республике. Ну скажите ж, где вы этак сражались за свободу? – «Да уж где мы не перебивали? Мы и в Польше были». – Неужели? как же вы туда попали? – «Мы на кораблях туда ходили». – Помилуйте! как же это? – в Польшу-то на корабле! – «Par dieu! мы стояли на якоре в Лиссабоне». – А! понимаю: вы были в армии Дон Педро!³ Очень хорошо! И так да здравствует республика и – pereat Geographia⁴

Еще оставалось у меня несколько сантимов: на что бишь я их истратил? Погодите – а! теперь припомнил: я отправил франкированное письмо в Мец к аббату Бюро. В этом письме я объяснил ему причины, помешавшие мне явиться к нему в назначенный день по обещанию; благодарил его за данные мне 15 франков и обещал возратить их при первой возможности и заключил крайним сожалением о том, что мне не позволено было остаться во Франции и – «participer aux grandes destin; es d'une noble nation!»⁵ Такова была

¹ «Воспоминания о Сократе» греческого историка и философа Ксенофонта (V-IV в. до н.э.), являющиеся важнейшим источником сведений о жизни и учении греческого мудреца.

² Добрый день товарищ! – Добрый день, сударь!

³ Т.-е. в армии б. бразильского императора Педро I, отрекшегося в 1831 г. от престола в Бразилии и в 1832 г. ставшего во главе восстания против своего брата, Мигуеля, короля Португалии. Опираясь на громадное недовольство, возбужденное в стране правлением последнего, и на набранный среди эмигрантов и иностранцев армию, Педро разбил армию Мигуеля, 24 июля 1833 г. взял Лиссабон и был провозглашен королем.

⁴ И да погибнет география!

⁵ И принять участие в великих судьбах благородной нации.

тогдашняя моя риторика! Мне и в голову не приходило, что Россия-то именно та свежая дорога, которой великие судьбы только что начинаются, а Франция – отжившая свой век, нарумяненная маркиза, о которой можно сказать то же, что Беранже сказал о Европе вообще:

Une vieille sur des bequilles
Qui ne croit plus à la vertu⁶.

Но таков был дух нашего времени или по крайней мере нашего кружка: совершенное презрение ко всему русскому и рабское поклонение всему французскому, начиная с палаты депутатов и кончая Jardin Mabile-м!⁷

Но я уж слишком заболтался, а капитан давно меня ждет. Камердинер отворил дверь: милости просим, пожалуйста. – *Soyez le bienvenu!*

Капитан Файот был человек лет 50-ти, хорошо вымытый и выбритый англичанин, в черном завитом парике.

На этом довольно обыкновенном лице сиял какой-то тихий отблеск милого простодушия и неистощимой доброты сердечной. Он принял меня очень, очень радушно, не смотря на то отворачивание, с каким того времени англичанин должен был смотреть на небритого человека. Но капитан был выше этих предрассудков, тем более, что он принадлежал к радикальной партии и понимал значение бороды. В одном только случае он немножко спасовал и сделал маленькую уступку: к нему приехали из Англии какие-то родственники – долговязый Reverend⁸ в коротких штанах, шелковых чулках и башмаках, и столь же длинная пожилая мисс. Тут он просил меня не приходиться к нему в эту неделю. «Потому что, вы знаете, сказал он с милым замешательством: у них свои предрассудки». Он очень боялся, чтобы они не провели, что он в близких отношениях с небритым человеком. С тех пор все переменилось в Англии. После Крымской войны борода вошла в моду и сделалась не только не подозрительною, но даже признаком чистейшей аристократической крови. Герцог Кембриджский носит прекрасную окладистую бороду, а у здешнего⁹ вице-короля графа Спенсера огромная рыжая борода, как-то веером, точно как у какого-нибудь деревенского старосты. Когда-то у

---

⁶ «Старуха на костылях, не верующая уже в добродетель». Беранже (1780–1857) – популярнейший французский поэт – песенник, создатель политической песни – сатиры, особенно выдвинувшийся в эпоху возвращения Бурбонов, когда его стихи, беспощадно бичевавшие монархию, дворянство и попов, пользовались широким распространением в революционной парижской среде, в среде ремесленников, солдат, студентов, вообще городской бедноты; Беранже – также автор многих веселых застольных песен, в которых воплощен протест богемы против сытой жизни мешан – рабов буржуазной морали, ее пренебрежение к соблазнам «золотого тельца».

⁷ Через два года после этого (1840) аббат Бюро, услышав о моем обращении, написал очень дружельюбное письмо к моему духовному отцу аббату Монвиуссу: он старался всеми силами привлечь меня в Мец, сулил мне золотые горы; je lui ierai un sort, писал он, но мой sort или жребий был уже решительно брошен в другую сторону итак я в Мец более не возвращался. *Прим. В. С. Печерина.*

Jardin Mabile – увеселительный сад.

⁸ Священник.

⁹ Ирландского.

нас высшие чиновные классы перестанут *бриться* ? – что Герцен назвал *пошлым варварством*. И действительно, в этом нам не перешеголять американских дикарей: они не только что бреют, но еще выделывают узоры на лице: вот вам бы еще до *этого* совершенства достигнуть. Наполеон I пророчествовал России всемирное владычество, когда у нее будет царь с бородою (un czar; barbe): кто знает? Бог даст, мы и до этого доживем!

Но довольно о бороде: теперь ее значение известно целому свету.

Капитан приказал камердинеру дать мне сюртук и рубашку. Сюртук, с позволения сказать, был не первой молодости – немножко потертый на локтях и с прорехами под мышками, но даровому коню в зубы не смотрят. Все ж таки я думал, что в этом наряде я имею вид порядочного человека, т.-е. рг; sentable! Но я вскоре был разочарован. Нашелся какой – то добрый поляк, очень скромный и степенный человек в долгополом семинарском сюртуке, дававший разные уроки в городе, он принял во мне живое участие и отрекомендовал меня какой-то даме для английских уроков. Я пошел ей представиться. Она осмотрела меня с головы до ног, слегка улыбнулась – в глазах ее было написано по-русски: *хорош зусь!* а по французски она отвечала: «Очень хорошо, я за вами пришлю!» И никогда не присылала.

Капитан тотчас посадил меня за работу. «Да сделайте милость, пишите поразборчивее и самыми крупными буквами так, чтоб не трудно было читать». Бедный капитан! он думал, что в *ложе* так мало обращают внимания на его речи именно потому, что они не довольно четко переписаны. Я припомнил свои занятия в *Временной Комиссии* для решения счетов печатных дел прежнего времени у Синего моста, и принялся писать, не только канцелярскими, но даже евангельскими буквами. Сначала я работал в особенной комнате, но после он посадил меня в свой кабинет, на мягком комфортабельном канapé, заваленном бумагами и книгами. Это было раздолье. Иногда работы было немного – я читал какой-нибудь роман или чинил перья – точно какой-нибудь чиновник иностранной Коллегии. Так я проводил целые дни в тишине этого кабинета. На этом мягком канapé развилась и созрели многие и многие мысли, из которых сложилась вся моя последующая жизнь.

А капитан сидел за своим бюро и писал, писал, все писал.

Капитан был человек популярный: к нему часто заходили по утрам знакомые посидеть, потолковать о том, о сем, особенно о политике. В то время в пущем разгаре был спор между либералами и католиками особенно по случаю предложения в палатах – выдать архиепископу мехельнскому 40 000 франков на *первый подъем* для получения кардинальской шляпы в Риме. «Ну, скажите! на что это похоже?» – говорил капитан: «народ должен платить 40 000 франков за одну шляпу для этого господина. Пойдите-ка на зеленый рынок: там сидят дюжие дебелые фламандские бабы, у них отличные шляпы с широчайшими полями – настоящие кардинальские: их стоит только перекрасить в красный цвет, и все это будет стоит несколько франков». – Вот этак капитан подшучивал над его высокопреосвященством. Во время этих бесед я держал свою позицию, т.-е. сидел, как столоначальник за своим столом с пером в руке; но, впрочем, принимал участие в общем разговоре и в бутылке хорошего бордо, каким капитан обыкновенно потчивал своих гостей.

Однажды пришел к нам вовсе неожиданный посетитель: толстый, приземистый, широкоплечий, смуглый, краснощекий, весь в прыщах, миссионер, с очевидным намерением обратить капитана в *истинную веру*. Капитан принял его очень учтиво, поднес ему стакан славного бордо и завел общий разговор о веротерпимости, христианской любви и пр. Миссионер был так заколдован любовью хозяина, а может быть и его вином, что посидевши немножко и допивши свой стакан, он раскланялся и удалился во-свояси, не заикнувшись ни слова об истинной вере. Я внутренне хохотал, а вино в самом деле было хорошо. Капитан опять сел за свое бюро и писал, писал... Однако ж, пора вам сказать, что такое он писал. Произведения его не отличались оригинальностью: он просто вырезывал лоскутки из проповедей *Блэра*¹⁰ да из передовых статей радикальной газеты: *Weekly Despatch*¹¹, сшивал их белыми нитками и потом давал мне выгладить утюгом и придать французский фасон; но я этим не довольствовался, а иногда на этом поле я сам от себя вышивал новые узоры, т. е., говоря без фигур, я вставлял в этот перевод целые фразы и тирады собственного сочинения и самого ярко-красного цвета. От этого происходили презабавные сцены в масонской ложе. Почтенные члены были вне себя от изумления, никак не могли понять, откуда взялась у капитана такая необычайная прыть. Некоторые даже нашли нужным серьезно ему заметить, что он слишком далеко увлекается своими революционными идеями. А он ни душой, ни телом не виноват. Все это было дело секретаря. Не правда ли, и у вас это иногда случается? – Он сам мне рассказывал об этих сценах не без некоторого самодовольствия. Это очень льстило его добродушному самолюбию, что его принимали за большого революционера. Наконец, по английской пословице, выпустили *кошку из мешка* (the cat out of the bag), тайна открылась и я сделался известным целому городу своим знанием французского языка. Этим, правда, не мудрено было блеснуть в Льеже, где даже газеты издавались каким-то безграмотным людом и отличались своею пошлостью и грамматическими ошибками. Зато уж я неусыпно трудился, изучая *la Grammaire des Grammaires*¹² так, чтоб не сделать ни малейшего промаху против правил языка. Вследствие приобретенной мною известности, пастор реформатской церкви – именно, помню, обратился ко мне с просьбою предпринять перевод книги *Штрауса: Das Leben Jesu*¹³ – на французский язык. Я тотчас согласился по-русски, т. е. на авось, ни мало не принимая в соображение трудности этого предприятия. Когда я перевел один печатный лист, прежде нежели итти далее, нашли нужным посоветоваться с каким-нибудь сведущим литератором. Таковым

---

¹⁰ Blair (1718–1800) – знаменитый шотландский проповедник и профессор риторики, реформатор церковного красноречия, которому он придал характер моральных поучений.

¹¹ «Недельные вести» (английская газета).

¹² Грамматику грамматик.

¹³ «Жизнь Иисуса» – одно из крупнейших произведений, вышедшее из рядов левых гегельянцев. Его автор – Давид Штраус (1807–1874) – развивал ту точку зрения, что евангельские рассказы об Иисусе являются мифом. Книга вышла в 1833 г. и оказала очень большое влияние на развитие современной мысли.

считался в Льеже некто г. *Фурдрен* (Fourdrin), автор нескольких драматических пьес в романтическом роде. Он подал свое мнение: «Я полагаю, что это очень верно с подлинником; ошибок против грамматики нет; но все ж таки это не по-французски. *Se n'est pas français*». – И он был совершенно прав. Такая книга, как Штрауса *Leben Jesu*, вовсе не переводима. Ее надобно передумать французскою головою, пересочинить и переложить на французские нравы, – что после и было сделано, кажется, г. Литре¹⁴. Несмотря на неудачу, пастор заплатил мне за этот печатный лист 20 франков – это было началом моего знакомства с Фурдреном; знакомство превратилось после в теснейшую дружбу. Фурдрен был отчаянный республиканец, но вместе с тем благороднейший человек во всех отношениях. Он выдумал средство помочь мне самым деликатнейшим образом, так что я долго даже и не подозревал, что от него получаю пособие. Но об нем поговорим позже. Он заслуживает особенной главы.

Капитан Файот был в полном смысле *человек народа*, *homme du peuple*. Иногда по вечерам он, подобно Гарун-Ал-Рашиду, переодевался в синюю блузу и отправлялся в кофейню, где обыкновенно собирались ремесленники и рабочие. Тут он их потчивал пивом и беседовал с ними о их нуждах и о средствах улучшить их состояние, а иногда и практически помогал им: сунет тому или другому франк и полфранка в руку. Да и со мною он точно так же обходился, как с ними.

Однажды он сказал мне: «Сегодня воскресенье – работать не годится: вот вам полфранка, пойдите прогуляться за город, да выпейте кварту пива за мое здоровье», – что я буквально и исполнил.

Капитан давал мне 5 франков в неделю, а под конец дал 30 франков сразу. Больше от него требовать было невозможно. Средства его были очень ограничены, а просителей у него была бездна, потому что на материке воображают, что каждый англичанин непременно должен быть богатым. Иногда я у него обедал, но обед его был очень, очень скромный.

Мне придется не раз еще говорить об нем в этой летописи. Память его навсегда останется для меня священной. Он первый приютил меня, прокормил и обогрел, как эту бедную стрекозу, что

Лето красное пропела,
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.

Nic explicit liber primus de Capitano – deinde incipit liber secundus de Camerario. Deo gratia!

Имя капитана Файота не погибло в Бельгии, какой-то его родственник Файот заведывает железными дорогами.

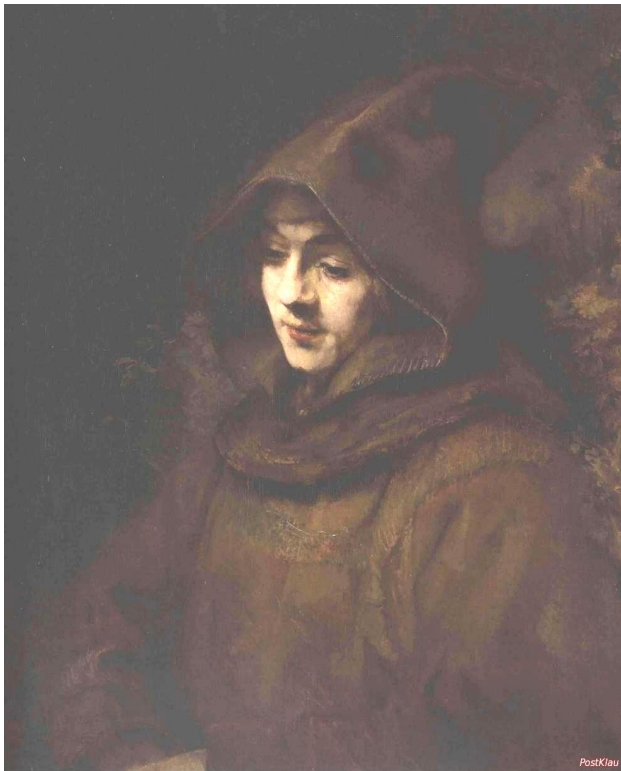
Здесь кончается книга первая о Капитане – отсюда начинается книга вторая о Камердинере. Благодарение богу

---

¹⁴ Литре – французский философ-позитивист (1801–1881), действительно перевел книгу Штрауса на французский язык и издал ее в Париже в 1839–1840 гг.

В. Г. Исаченко, художник

Мой Рембрандт

М. Ю. Лермонтов

На картину Рембрандта

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Всё то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступленьем
Высокий ум его убит;
Всё темно вокруг: тоской, сомненьем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с природы
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.

1830-31

В. Г. Исаченко, художник

Мой Рембрандт

Поводом для написания этого очерка стало главное событие в художественной жизни Петербурга – выставка голландской живописи (Лейденской коллекции). Среди 82 картин было представлено 12 полотен Рембрандта.

350 лет тому назад в Амстердаме завершился земной путь Рембрандта (1606-1669), а в 1956 году в Ленинграде отмечали 350 лет со дня его рождения. Тогда в Эрмитаже открылась выставка Мастера, привезенная из Голландии, в городских библиотеках художники и историки с любовью и особым почтением рассказывали о великом голландце. По радио звучала драма в стихах Дмитрия Кедрина «Рембрандт», созданная в 1940 году. Почему такое внимание именно к этому художнику?

В 1716 году Петр I приобрел для своего любимого Монплезира картину «Давид и Ионафан». Это была первая картина художника в России (ныне в Эрмитаже). Довольно скоро Рембрандт стал в столице своим, родным. Его не называли иностранцем.

Посмотрев эту выставку, я, ученик девятого класса, стал самостоятельно изучать его жизнь и творчество. Работы произвели на меня сильнейшее впечатление, но справедливости ради можно отметить, что у голландского гения немало вполне заурядных и даже немного раздражающих своей назойливой натуралистичностью работ («Ослепление Самсона», «Похищение Ганимеда» и др.). Но у кого их нет? Рембрандт многогранный, можно сказать всеобъемлющий мастер. Безграничен мир в его офортах, и даже быстрый набросок под его рукой превращается в полноценное произведение искусства (тростниковое перо, кисть, сангина...). Скажу больше: без исследования этой «кухни» (натурных рисунков и набросков) никто никогда не прикоснется к тайне его души, его характера. Он всю жизнь рисовал и писал себя, и все эти автопортреты не повторяют друг друга, и изучать их чрезвычайно увлекательно и полезно.

Одновременно с Рембрандтом работал его старший современник Франс Хальс – «художник целой республики» (слова Ван Гога), который ушел далеко вперед, став прямым предшественником импрессионистов. И вот, как Пушкин и Лермонтов в поэзии, в живописи стоят рядом два гиганта, дополняющие друг друга, – Хальс и Рембрандт, а нам остается лишь пытаться (почти безуспешно) разгадывать магическую силу, мастерство и обаяние искусства каждого из них.

О Рембрандте написано великое множество хороших книг и статей, сказано немало правильных слов о колорите, светотени, психологической характеристике его образов, о богатстве светотональных отношений, о пластике, рисунке и т.д. Можно присоединиться ко всем самым высоким словам о художнике, но, пожалуй, лучше всех о нем сказал Эжен Фромантен – живописец, писатель и искусствовед – в своей книге «Старые мастера»:

У Рубенса было все, как говорят, за исключением самых чистых и самых благородных влечений. И действительно, в мире прекрасного можно найти два-три ума, которые ушли дальше, взлетели выше и потому ближе, чем он, увидели божественный свет и вечную истину. Так же и в мире духовных ценностей, в мире чувств, видений и грез есть глубины, куда спустился лишь Рембрандт. Рубенс не проникал туда и даже не подозревал о них.

Давно замечаю, что персонажи портретов Мастера живут даже за пределами своих рам и музейных залов как наши современники. Я вспоминаю не только лица, но и руки, говорящие о прожитой жизни, причем художник на первый взгляд щедро делится с нами секретами своего мастерства. Мы как будто ощущаем движение руки художника и кисти, которая является естественным продолжением руки. Возникает диалог модели, автора и зрителя, однако постижение этого процесса происходит лишь с приобретением собственного человеческого и творческого опыта. Впрочем, и тогда тайна искусства Рембрандта остается тайной, и каждое поколение будет прикасаться к этой тайне.

*Вола разодранная туша,
Старушки лик и путь Христа.
Какую не затронет душу
Твоя судьба, твоя мечта...
Все преходяще, бrenно, смертно,
И раю на земле не быть,
Но Ты с палитрой у мольберта
В веках грядущих будешь жить.*

У каждого отрезка времени свой Рембрандт. Когда-то, в конце пятидесятых, я увлекался его офортами и рисунками и без труда находил рембрандтовские мостики, группы деревьев и домики с заборами в Стрельне, Озерках и Парголово. Понятия времени и пространства для меня тогда не существовали.

В начале восьмидесятых сотрудница библиотеки Эрмитажа, слегка улыбаясь, положила передо мной раскрытую книгу – роскошный альбом «Рисунки Рембрандта» (голландское издание) и спросила: «Узнаете?» На рисунке, выполненном тростниковым пером, были изображены прислонившиеся друг к другу стога сена, покрытые сверху дощечками, а за ними – деревенские хижины с черепичными кровлями, и только они, эти крыши, говорили о том, что это не ярославская губерния. Я не раз рисовал и писал подобные стога и под Ярославлем, и близ Стрельны, где их создатель был из Ярославля.

Этот рисунок Рембрандта (как и многие другие) всегда в моей памяти. И еще одна любопытная деталь: в правом нижнем углу похожий на меня (но в шляпе, а не в берете) художник рисует эти стога. Подобные рисунки нередки у Рембрандта.

В одном из альбомов обнаружился живописно исполненный рисунок «Музыкант». В эрмитажном зале Рембрандта есть картина, композиция и название которой повторяют этот рисунок. Но название у нее уже другое – «Странствующий музыкант». Ее автор – ученик Рембрандта Арт де Гельдер, а головы детей скорее всего написал учитель. На эрмитажном автопортрете Гельдер изобразил себя с офортом Рембрандта.

В одном из эрмитажных залов, посвященных искусству Германии, привлекает своей свежестью натюрморт работы другого ученика Рембрандта – Христофора Паудисса. Есть в Эрмитаже прекрасный этюд мужской головы, который когда-то сотрудник музея, специалист по голландской живописи (автор знаменитой книги о боях на ленинградском фронте) Н.Н. Никулин считал работой гениального трагически погибшего ученика Рембрандта Карела Фабрициуса. Этот рано сложившийся мастер некоторое время был учителем Вермеера, мало похожего на своих голландских современников. О Рембрандте напоминает «Девочка у окна» знаменитого английского портретиста Джосуа Рейнольдса (Эрмитаж). Это повторение картины Рембрандта.

Судьбы творений Рембрандта в Эрмитаже сложны и даже драматичны. Некоторые оказались за рубежом, другие получили новые атрибуции, но искусство Рембрандта живет не только в его произведениях, но и в работах его учеников и наследников и даже никому неизвестных художников, как, например, в изумительной, психологически точной повести Гоголя «Портрет». Эрмитажную «Старушку» копировал Репин (в ГТГ), а Серов писал себя в шляпе «а ля Рембрандт», свою жену и некоторых знакомых в рембрандтовской манере. Голландца боготворил Кустодиев, которого привозили в Эрмитаж с Введенской улицы к выходу с Миллионной, и он многие часы «беседовал» с великими «стариками» (старыми мастерами), прежде всего с Рембрандтом. В доме Бенуа на улице Глинки, слушая разговоры о путях развития нового русского искусства, утомительные и бесполезные споры о западном искусстве, Кустодиев спросил у эстетов мирискусников: «Искусство едино. Разве Рембрандт не наш?» Споры прекратились.

Так в чем же отличие Рембрандта от других мастеров XVII века? Это было время гигантов, национальных школ. Невозможно утверждать превосходство одного из них. Веласкес, Сурбаран, Мурильо, Рубенс, Ван Дейк, Ливенс, Иорданс, Хальс, Пуссен, Лоррен... Каждый из них – планета. Но у Рембрандта – глубочайшее (лермонтовское!) постижение трагичности жизни, несмотря на все ее светлые стороны, и отсюда сочувствие, сострадание к человеку – ребенку и старику, мужчине и женщине. Отсюда – глубокая печаль в лицах, руках, осанке, движениях его персонажей. Строго говоря, в каждом портрете незримо присутствует автор. Эти портреты – для внутренних диалогов, неторопливых бесед с художником и его моделями, но только не для экскурсионного пустословия о светотени, колорите и пр.

Под впечатлением картины Рембрандта «Монах-капуцин в высоком капюшоне» Лермонтов написал стихотворение «На картину Рембрандта».

Это стихотворение юного Лермонтова (1830-1831 гг.) вызывает у вдумчивого читателя сложнейшую гамму чувств и переживаний, а лично у меня – гордость за моего соотечественника, проникшего в самую сердцевину творчества Рембрандта, мироощущение которого заметно и в других произведениях русского гения («Вадим», «Княгиня Лиговская» и др.). В своем стихотворении поэт дал соответствующий живописному образу портрет сына Рембрандта, рано умершего Титуса. Эту картину Лермонтов видел во дворце Строгонова и на гравюре. Ныне картина находится в Рейкс музее в Амстердаме. Можно быть уверенным, что творчество Рембрандта повлияло также на Лермонтова-художника.

Через два столетия после Рембрандта его соотечественник Ван Гог заслужил неофициальное звание «Рембрандт нового времени» и это совершенно верно – его живопись и графика духовно и душевно сродни Рембрандту, о котором Ван Гог сказал очень много прекрасных и точных слов.

Наш современник, замечательный пейзажист Николай Ромадин из одного эрмитажного двора написал картину «Зал Рембрандта». Поздний вечер. Тишина. И в этом безмолвии светятся окна зала, где живут «Даная» и «Блудный сын», в правом верхнем углу которого фигуры персонажей вызывают в памяти виденные мной когда-то образы некоторых наших икон. Непостижимо, но факт! Мудрый и широко образованный Ромадин (крестьянский парень из бедной семьи) хорошо понимал и чувствовал художника, и перед его картиной или в эрмитажном дворике уместно вспомнить и о Рембрандте, и о Ван Гоге.

Самая «рембрандтовская картина в русской живописи – это «Меньшиков в Березове» нашего гения – колориста и психолога Василия Ивановича Сурикова. В 1913 году на выставке «Бубнового валета» он заметил и благословил молодого Роберта Фалька, который уже в пятидесятых годах создал свои, быть может лучшие произведения в рембрандтовском духе, а после кончины, в 1962 году был обруган Хрущевым с подачи чиновников от искусства.

Рембрандтовская атмосфера ощущается в некоторых «Сказках» Салтыкова-Щедрина («Христовая ночь», где вспоминается также и Ван Гог), в его «Губернских очерках» и особенно в небольшом лирико-трагическом рассказе «Миша и Ваня». И в этих, и в других произведениях великого русского писателя – рембрандтовские краски, рембрандтовская истинная любовь к человеку, а не абстрактный ренессансный гуманизм. Щедрин, как и Рембрандт прожил 63 года. Есть даже нечто общее в их судьбах. Поистине, сама Земля рождала гениев в разных своих углах, а История соединила их в одну семью.

Мargarita Токажевская

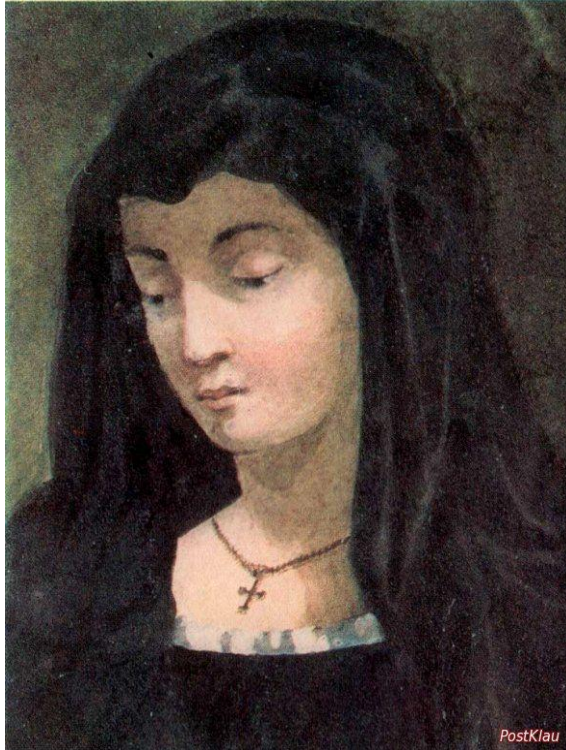
Перед картиной Рембрандта "Возвращение блудного сына"

Сначала пришли китайцы,
одна женщина в инвалидной коляске.
Они вовсе не хотели остаться
и запомнить красные краски.

А краски пылали, краски пылают
на фоне темнот и коричневых правил,
зажигающие, испепеляют.
Думается, что он расплавил
не одно ледяное бездушие,
своими красными утверждая
веру во всё лучшее,
в горние небесные дали.

Я сижу долго перед этой картиной,
охранник в чёрном костюме тревожно замер.
Не бойся, дай мне помолчать с гением
в этом, отгороженном от всего мира, зале...

М. Ю. Лермонтов*Портрет Вареньки Лопухиной в костюме испанской монахини*

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.
И новым преданный страстям
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный – всё храм,
Кумир поверженный – всё бог!

Фёдоров Александр Евгеньевич

ЛЮДИ ДОЛГА И ШУДРЫ: 1917 – 2017

опубликовано

Система Планета Земля, -М.: ЛЕНАНД, 2017

Печатается с незначительными сокращениями.

«Мы не свободны от самих себя»

Л.Ш.

Архиепископ Лука

(в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) — русский хирург и духовный писатель, епископ Русской православной церкви, с мая 1946 года — архиепископ Симферопольский и Крымский. Лауреат Сталинской премии по медицине 1946 года.

Начало Второй мировой войны застало Войно-Ясенецкого в третьей ссылке. С первых дней Великой Отечественной войны Войно-Ясенецкий требовал предоставить ему право лечить раненых. Он отправил Калинин телеграмму следующего содержания: "Я епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являюсь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта и тыла, где мне будет доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука".

Вскоре разрешение было получено. В его операционной было множество икон, перед операцией больные прикладывались к кресту, висевшему у него на груди.

Всё познаётся в сравнении. Если до событий 90-х гг. мы постоянно обращались к дореволюционному прошлому, и даже сравнивали экономику с 1914 годом, то сейчас мы всё чаще и чаще смотрим на Советское прошлое с ностальгией. Не все конечно. В чём же причина, что многие, несмотря на массивное очернение советского прошлого в СМИ, видят в нём много хорошего? Об этом моя статья. Но прежде надо объяснить, что такое «Люди Долга» и что такое «шудры».

Мы привыкли делить людей на умных и глупых, на образованных и необразованных, на богатых и бедных, «белых» и «чёрных», или «белых» и «красных». В марксизме людей делили по «классовому признаку». Этот подход остался донныне в гуманитарных науках.

Подходов к разделению людей очень много. Но есть среди них один, который сразу определяет «кто есть кто» и «что есть что». Это деление людей на тех, кто выполняет свой долг, и на тех, кто даже не знает что это такое. Такое разделение людей существует в любом обществе, а в Индии оно стало основой для разделения на варны (европейское название – «касты»).

Долг – это то, что человек должен делать, для чего Бог привёл его в этот мир. Зачем? – на этот вопрос отвечают по-разному, но все, кто живёт идеалами традиционного, т.е. религиозного общества, сходятся в одном – зачем бы я ни пришёл сюда, я должен выполнять свой долг. Понятие о долге – религиозное понятие, ведь, в сущности, любой наш долг, даже по отношению к семье, – это долг по отношению к Богу. Если «нет Бога», то нет и долга. Понятие о долге основывается на абсолютных моральных ценностях. Если *добро* может «диалектически» перетекать в *зло*, и «всё на свете относительно», то долга нет. Так же как нет и Заповедей – всё позволено. Во имя «идеалов» можно убивать, особенно если «идеалы высокие». Например, устроить *Исламское государство*, или организовать теракт, «бороться с царизмом» – расстрелять детей, как это сделали исполнители и организаторы расстрела Царской семьи. Можно и слуг расстрелять – идеалы-то «высокие».

В зависимости от того, какой долг исполняют люди, в Индии они делятся на 4 варны: брахманов, кшатриев, вайшьев, шудр. Три первые варны («дважды рождённые») резко противопоставляются последней. Люди этих варн обязаны делать то, что от них требует долг, и за уклонение от этого исторгаются из варн и переходят в разряд шудр. Шудры обладают полной свободой. У них нет никакого долга, единственное, что от них требуется – это служить высшим варнам. В остальном они свободны – у них нет моральных обязательств, им всё позволено. И многие из них *всё себе позволяют* – сейчас в Индии отмечается резкий рост алкоголизма и сексуальных насилий, но это происходит только у шудр.

Если шудре можно всё, то жизнь «дважды рождённых» строго регламентирована и трудна, особенно жизнь брахманов. Брахман обязан изучать Веды – это его священная обязанность, обязан совершать богослужения и очищения. Если на его еду посмотрит шудра, он не имеет права её есть – она осквернена. Брахман не имеет права пить вино, есть мясо,

он может жениться только на брахманке. Он не имеет права даже смотреть на женщину нецеломудренно. Он не может лгать.

Принадлежность варнам не связана с социальными слоями – есть очень бедные брахманы, и очень богатые шудры. Есть шудры, окончившие университеты, есть шудры, занимающие высокие административные должности. И, наоборот – многие брахманы имеют невысокий общеобразовательный уровень (однако они знают Веды!), занимают низкие административные должности, часто бывают небогаты. Но они пользуются авторитетом среди населения и к ним обращаются для разрешения трудностей жизни. Шудры авторитетом не пользуются.

Индийская система деления на варны возникла в незапамятные времена. И сначала, как говорится в древних книгах, когда все люди выполняли свой долг, варн не было. Но постепенно люди начали уклоняться от исполнения долга и возникли варны. Первоначально переход из варны в варну был достаточно прост – в Махабхарате сказано, что шудра, выполняющий долг брахмана, становится брахманом. Существовали обряды посвящения в брахманы людей из других варн.

Своеобразная система варн существовала и в России. Были сословия: потомственное духовенство (брахманы), дворянство (кшатрии), крестьяне и купцы (вайшьи). Эти социальные группы необходимы в любом обществе. Смешение варн, смешение сословий неизбежно ведёт к распаду общества, его упрощению, вырождению и гибели. В Индии считается, что когда перед концом Мира наступит последний период «Кали-юга» то произойдёт смешение варн.

Для того, чтобы читатели лучше поняли, о чём идёт речь, назову некоторых Людей Долга и некоторых типичных шудр.

Людьми Долга были: герои повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка» Пётр Гринёв и капитан Миронов, митрополит Пётр (Полянский) (см. [2]) и все Новомученики Российские, Архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) – известный хирург, патриарх Гермоген, князь Александр Григорьевич Щербатов (см. [7; 8]) и его сын кн. Александр Александрович (см. [5; 6]), Юрий Васильевич Кондратюк, Зоя Космодемьянская, Молодогвардейцы, добровольцы Народного Ополчения, ликвидаторы Чернобыля. Людьми Долга – созидателями, были многочисленные инженеры, рабочие, крестьяне – все, кто выполнял свой долг, т.е. делал то, что судил делать Бог.

Назову общеизвестных шудр. Это Смердяков из романа Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы», это Швондер и Шариков из повести Михаила Булгакова «Собачье сердце», это декабристы, изменившие присяге, Мазепа, нарушивший клятву, связанную крестным целованием, большинство представителей второй и последующих волн эмиграции из России.

Человек Долга страдает, когда он лишён возможности исполнять долг, жизнь для него теряет смысл – в этом причина трагедии многих людей в период Перестройки. В этом и причина ностальгии по СССР у людей

старшего поколения. Либералам-«мемориальцам» этого не понять – потомки шудр, делавших революцию, и сами шудры, они понимают только деньги, на которые можно устроить «добробыт» – сытую, беспечную жизнь со «всеми удовольствиями», а главное – жить не работая. Человек Долга не работать не может, шудра – принципиальный паразит.

Вот уже более 200 лет идёт борьба «За свободу». Все революции XVIII – XXI вв. шли и идут под этим лозунгом. Но понимание *Свободы* у Людей Долга и у шудр абсолютно разное. Для Людей Долга *Свобода* – это возможность исполнять свой Долг. Для шудр – это возможность полностью отказаться от долга и морали – т.е. «делать что хочю», или «ничего не делать», но при этом иметь всё.

Что свойственно Человеку Долга? Человек Долга служит Государству, семье, воспитывает детей. Он хочет лишь одного – иметь возможность исполнять свой Долг. За это приходится порой и бороться. Человек Долга считает «добро» и «зло» абсолютными понятиями, которые не могут соединяться, и уж тем более переходить друг в друга «при определённых обстоятельствах».

В конце индийской книги о Долге «Апастамба-дхармасутре» сказано: «Знание ... *шудр* – завершение всего знания». Поэтому остановлюсь на некоторых «отличительных признаках» шудр.

Прежде всего, надо заметить, что шудры разнообразны – это и люди, занимающие высокие посты, люди порой весьма представительные, богатые, с дипломами вплоть до академических, и – бомжи, хиппи, уголовники. Шудры бывают очень умными и образованными, с прекрасными манерами, бывают – глупыми, тёмными и невежественными. Но всех их объединяет одно – отсутствие чувства долга и моральных ограничений.

Шудра «всегда прав», ему «всё позволено», ему «все всё должны» – государство, родители, супруг или супруга, дети – он же никому ничего не должен. Шудра лишён чувства благодарности и уважения к кому бы то ни было. Он обидчив и мстителен, и не знает, что такое прощать. Ради достижения своих целей он способен на всё – продажность, готовность изменить – неотъемные его свойства. Тем, кто сильнее – он угождает, тем, кто слабее – хамит. Шудра постоянно борется за свои «права», всё критикует и всем недоволен. Нравственные абсолюты им отвергаются начисто – для него всё относительно: *добро* – это *зло*, а *зло* – это *добро* – в зависимости от его, шудриных, интересов. Ложь и сила – основа его жизни. Он и понимает только язык силы, – смирение, уважительное отношение воспринимаются им как *слабость*. А слабого надо унижить – это возвышает его в своих глазах.

Шудры никогда ничего не создают, они не в культуре, а в халтуре. Их всегда с избытком в непроизводственных профессиях: финансах, торговле, журнализме, шоу-бизнесе.

Мечта российского шудры – влиться в мировую паразитическую систему – *интернационал шудр*, и жить в Париже, Лондоне или Америке. Он ненавидит Россию. Ненавидит просто потому, что он шудра. В России, в отличие от Запада, шудру считают не «передовым и современным», а именно *шудрой*.

События 1917 года были подготовлены и осуществлены шудрами. Шудрами были царские генералы, нарушившие присягу (т.е. свой долг), предавшие Царя в марте 1917 года. Шудрами были все члены Временного правительства – они же все члены масонских лож. Шудры организовали октябрьский переворот и разрушили Российскую империю.

У всех этих людей начисто отсутствовало чувство долга. Кто активно поддерживал их? – маргинальные элементы города и деревни (в деревне опорой большевиков были дезертиры и бездельники) и интеллигенция. На первый взгляд кажется странным, что в одном лагере оказались подонки и «образованные» люди. Но это только на первый. И те и другие порвали с традицией – одни из-за своей аморальности, другие из-за гордыни ума. Любая традиция ограничивает человека, а шудре нужна свобода.

История СССР – это, в сущности, две истории – одна история Людей Долга – тех, кто созидал, кто восстанавливал страну после Гражданской войны, крепил оборону, защищал Родину во время Великой Отечественной войны, осваивал Космос. Другая история – это история шудр – швондеров и шариковых. Это они писали доносы, гнобили людей в лагерях (см., в частности [13]), предавали Родину во время войны – более миллиона советских шудр служили в немецкой армии. Люди Долга генералы Дмитрий Михайлович Карбышев, Михаил Фёдорович Лукин, Иван Ефимович Петров защищали страну, а шудры власовы и красновы воевали с советскими солдатами, верными Долгу. Они стреляли не в Сталина и его окружение, а в простых мужиков, в карательных экспедициях убивали русских детей, стариков и женщин.

Но шудры не способны создать государство, не способны защитить его. И потому те из них, кто был поумнее, поняли, что для самосохранения им нужны Люди Долга. Даже на бытовом уровне – ведь не пойдёшь делать операцию к швондеру или шарикову. Вот и понадобились Преображенские (врач из повести «Собачье сердце»). Пришлось повернуться лицом к русской культуре, которую они гнобили все 20-е гг. Другой не было – не на бесписьменных же языках создавать атомную промышленность – Уолл-стрит уже готовил удары по СССР. В 30-е годы «разрешили» П.И.Чайковского и А.С.Пушкина, ввели в школьную программу русскую историю, заговорили о патриотизме, о долге, о совести. Возникли творческие союзы – композиторов, архитекторов, писателей. Осенью 1942 года были упразднены комиссары, а в 1943 году вернулись к «офицерству» и к «дореволюционным» погонам. Провели выборы Патриарха и разогнали Союз безбожников. Была создана общедоступная система образования и профессионального обучения. Система очень высокого уровня, позволившая построить мощное государство. Любой человек в СССР мог получить высшее образование и овладеть той профессией, которая была ему по душе.

И Люди Долга получили возможность исполнять Долг. А это для них – главное. Шудрам этого не понять. Их лозунг периода СССР – «Они делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем» (они – это правительство). Люди Долга смотрели на жизнь иначе. Они работали и тогда,

когда им не платили, и даже сами готовы были платить за возможность работать. Мы работали в геологии не ради денег – нам было интересно работать, и мы знали, что работаем для своей страны. Это было главным, а не коэффициенты, надбавки и проч. Это хорошо показано в фильме «Территория».

Среди Людей Долга были коммунисты и комсомольцы – они видели, что Партия на их стороне и вступали в неё. Комсомолкой была Зоя Космодемьянская, коммунистом – генерал Матвей Кузьмич Шапошников, отказавшийся выполнить приказ ЦК КПСС о подавлении танками выступления рабочих в Новочеркасске в 1962 году.

История СССР не является целью настоящей публикации. Отмечены основные моменты, и достаточно. Цель – обратить внимание на то, что не было никакого «ужасного СССР» – было государство Людей Долга, которыми, к несчастью, управляли шудры, в конце концов предавшие его (это им свойственно) – шудра Горбачёв сдал страну Америке.

Поэтому, мы, Люди Долга, можем гордиться своим прошлым, и не только СССР, но и дореволюционной Россией. Мы на протяжении столетий удерживали Мир от шудризации. Мы открыли эру Космоса, мы победили фашистскую Европу в 1945 году. Нами были сделаны замечательные открытия. Но главное – мы могли жить, выполняя свой Долг – т.е. мы были по настоящему свободны. Память о нашем прошлом мы должны передать нашим детям и внукам.

Люди, приученные смотреть и думать в соответствии с «классовым подходом» часто говорят, что были «искренние коммунисты», которые хотели всем людям добра, что идея была хорошая, и нужно ещё раз попытаться её осуществить – построить общество на коммунистических идеалах. Однако, согласиться с этим нельзя. Всё, что было хорошего в СССР, было создано Людьми Долга – а люди эти, партийные или беспартийные, продукт не коммунистического, а традиционного воспитания, основывающегося на религии. Коммунистическая, т.е. революционная этика, неприемлема для верующих людей. Приведу слова Человека Долга – митрополита Петра (Полянского), сказанные им на допросе в ГПУ: «Социальная революция строится на крови и братоубийстве, чего Церковь признать не может. Лишь война ещё может быть благословлена Церковью, поскольку в ней защищается отечество от иноплеменников и православная вера» [2].

Безусловно, были среди активных революционеров и искренние люди, но не они составляли основу этого движения. В большинстве своём таких людей просто использовали те, кто боролся за свои, шудринские интересы.

О тех, кто занимался политикой в XX веке, прекрасно написал Клаус Фритцше – немецкий лётчик, стрелок-радист, посвятивший свою книгу «тем простым русским людям, которые проявили человечность и милосердие к пленным немцам»:

«Вернувшись из плена на родину, политически активную часть человечества я стал подразделять на три категории:

1-я категория – верующие в правдивость идеи. Из них выжимают последний сок, ими жертвуют в боях и для пропаганды, с них взимают последнюю копейку для финансирования борьбы за власть. Они, в конце концов, остаются в дураках, несмотря на то, что по характеру они добрые и справедливые.

2-я категория – верующие в целесообразность присоединения к движению. Правдивость идеи им не важна. Все сомнения на этот счёт проглатываются. Они разговаривают на языке властителей, закрывают глаза на явные преступления своего лидера, молча одобряют смертный приговор лучшему другу, делая всё это во имя своей карьеры.

3-я категория – борющиеся за верховную власть. Первое условие для проникновения в этот круг полубогов – готовность к убийству своих собственных родителей и лучшего друга во имя того, чтобы овладеть властью и сохранить её за собой.

Подобно миру красок, где тысячи оттенков являются результатом смешивания трёх цветов – жёлтого, синего и красного – так и в политическом мире есть переходные формы между смежными категориями. Но политически активный человек должен знать, что хочет он этого или нет, рано или поздно окажется в одной из этих категорий» [9].

Революции 1917 года были одним из этапов борьбы банковской «закулисы» США за мировое господство. План свержения монархии и расчленения России был подготовлен на Уолл-стрит задолго до этих событий (см. [11; 12]). – В России создавалась и финансово поддерживалась оппозиция – масонские, либерально-демократические, социалистические, революционные организации. Финансировались различные издания, проводящие идеи «Свободы», «Прогресса», «Безбожия». То есть, разлагавшие население, вытравливающие мораль и чувство долга, постепенно превращавшие людей в шудры.

Весной 1917 года из США в Россию прибыли «начальники». Один из них – Лев Троцкий, тесно связанный с Уолл-стрит (см. [10]), получивший гражданство США в 1916 году лично от президента Вильсона. Точно так же в 1918 году из США прибывает адмирал Колчак и становится «Верховным правителем России». Прибыл он в американской военной форме.

Тесно связан с «Уолл-стрит» был и организатор убийства Царской семьи – Яков Свердлов, имевший большое влияние в уголовном мире (см. [4]). В марте 1918 года президент США Вильсон послал на его имя приветственную телеграмму открывшемуся в Москве съезду Советов. Родной брат Якова – Зиновий, усыновлённый М.Горьким, и ставший Пешковым, крупный масон, поддерживал отношения с американским банкиром Я.Шиффом, и принимал участие в подготовке государственного переворота против Государя – он был посредником между масонскими кругами Франции и революционными кругами в России. Не случайно, летом 1917 года, капитан французской армии Зиновий Пешков был назначен представителем Франции при правительстве Керенского. Когда большевики пришли к власти, французы послали в Москву именно Зиновия, и он имел встречу «по служебным делам» со своим братом Яковом. О чем шёл разговор, неизвестно, но летом 1918 года Пешков направляется в Сибирь, становится военным советником при Колчаке в военной миссии генерала Мориса Жанена, влиятельного масона.

Другой брат Якова – Вениамин Свердлов, проживая в США, был сотрудником банка «Кун, Лейб и Ко» и доверенным лицом банкира Якова Шиффа. В 1918 году Вениамин вернулся в Россию, и был определён к Дзержинскому в Наркомат путей сообщения.

Ленин, двойной агент, получал деньги с той же «Уолл-стрит» (см. [12]) через стокгольмский банк «Ниа-банк», созданный в 1912 году крупнейшим германским банкиром (и одновременно одним из руководителей немецкой разведки) Максом Варбургом, родной брат которого, Пол Варбург, стал вице-президентом Федеральной резервной системы США.

Эти шудры, стоявшие во главе страны, проводили политику «Уолл-Стрит».

В 50-е – 60-е гг. правители СССР, связанные с мировой «закулисой», приступили к осуществлению плана Даллеса, и прежде всего, возобновили борьбу с религией. Постепенная шудризация населения, оторванного от Бога, позволила им осуществить переворот 1990-х гг.

Пришедшие при поддержке США к власти шудры тут же начали с уничтожения нравственных абсолютов. Бжезинский тогда писал: главное условие нашей победы в России – сокрушение Русской церкви.

Был брошен лозунг: «Всё, что не запрещено законом – разрешено». Законом человеческим, который можно менять в любую сторону. Кража государственного имущества сделалась нормой, даже в СМИ давались рекомендации, как обойти законы и положить в карман. Началось уничтожение системы образования и профессиональной подготовки. Если в Советское время героями были Люди Долга – о них писали, снимали фильмы, то теперь героями стали воры, бандиты, проститутки и все те, кто может «хорошо цапнуть».

Вот уже четверть века страшную ненависть шудр вызывает период 30-х – 50-х годов, период, в который произошло возрождение русской культуры, когда Люди Долга получили возможность исполнять долг. Люди Долга считают этот период расцветом страны.

Сейчас в СМИ раздаются голоса о том, что нам необходимо общее примирение – уравнивать «красных» и «белых», «революционеров» и «монархистов», поставить всем общий памятник, и признать всех «идеалистами и патриотами». Как всегда кивают на Европу – в Испании примирились. Уже установили памятную доску фашисту Маннергейму (в 1939 - 1944 – верховный главнокомандующий армии Финляндии, фактический руководитель страны, ставшей союзником Германии) в С.-Петербурге – надо и с фашистами примириться, тем более что у Маннергейма были до 1917 года заслуги перед Россией. Осталось поставить памятник Мазепе – герою Азовского похода.

Но всё дело в том, что в отличие от европейских революций и гражданских противостояний, в России вопрос имел религиозные, а не экономические истоки. Там сражались друг с другом шудры – за материальное благополучие. Здесь – противостояние Абсолютных нравственных ценностей и антиценностей – *Добра* и *зла*, примирение которых невозможно. *Добро* никогда не может примириться со *злом*, а *зло* – с *Добром*. То, что уже давно стало нормой на Западе, совершенно неприемлемо для носителей русской культуры (см. [14]).

Глубокое непонимание событий 1917 года и последующей Гражданской войны вызвано тем, что все эти события рассматриваются исключительно как явления материального мира. А это явления духовные. Но даже в материальном мире это не была война «белых» (монархистов и православных) и «красных», а война «красных» и «розовых» – по своим методам они мало чем отличались друг от друга. Лидеры тех и других сотрудничали с мировой закулисой, интересы тех и других лежали преимущественно в материальном мире. Единственное принципиальное отличие – так называемые «белые» не кощунствовали, не убивали священников и прихожан, не грабили церкви.

В действительности же это была борьба Абсолютных ценностей и антиценностей в душах человеческих, чего участники событий в большинстве своём не осознавали. Эта внутренняя борьба приводила к принятию той или иной политической точки зрения в зависимости от конкретной ситуации и духовной зрелости. Порой точки зрения менялись, и человек переходил от одних к другим. Это случалось довольно часто. И лишь много позже Гражданской войны возник миф, что носителем Абсолютных ценностей было белое движение, а антиценностей – красное.

Да и о каких нравственных Абсолютах западноевропейской цивилизации можно говорить? В языках Западной Европы нет слова «совесть» (раз нет слова, то нет и понятия) [14], ложь стала нормой политической жизни. В Хорватии католическая церковь не просто поддержала усташей, устроивших геноцид сербов, но священники и монахи лично убивали людей. Кардинал Алоизий (Степинац), архиепископ Загреба активно помогал усташам, благоволил им и папа Пий XII. В 1988 году папа Иоанн Павел II причислил Степинаца к лику «блаженных». В Словакии профессор теологии священник Тисо возглавил фашистское правительство (1938 – 1945 гг.), был лично ответствен за смерть десятков тысяч людей, казнён в 1945 году, но сейчас среди католического духовенства раздаются голоса о его реабилитации, как жертвы советского режима. На Украине униатское духовенство сотрудничало с фашистами. Митрополит Андрей (Шептицкий) лично участвовал в формировании дивизии СС «Галичина». В настоящее время проходит процесс его беатификации – причисления к лику блаженных Католической церкви.

Французы, голландцы, чехи, бельгийцы – приняли в 1939 – 1940 годах «новый порядок», и с полной отдачей работали на оккупантов – никакого массового сопротивления (придуманного в советское время) в действительности не было.

В Германии времён III рейха простые обыватели покупали изделия из кожи людей. И золу из крематориев лагерей смерти – на удобрение полей. Немецкие учёные и преподаватели использовали в качестве экспериментального и учебного материала узников концлагерей – опыты и занятия со студентами часто оканчивались умерщвлением «подопытных». После войны западноевропейские суды не нашли в этом состава яв преступления.

В 90-е годы началась подготовка нашей страны к «новому мировому порядку», создаваемому Уолл-стрит.

Суть порядка состоит в следующем: наверху кучка богатых негодяев – банкиров США, рядом – обслуга, и внизу – трудовой ресурс – шудры – «планктон», у которого не должно быть ни нравственных абсолютов, ни истории, ни языка, ни культуры («Массовую культуру», созданную для шудр, культурой назвать нельзя). Шудрами легко управлять – они внушаемы и продажны, а в случае переизбытка спокойно уничтожают друг друга.

Для осуществления этой схемы в Мировом масштабе, в 60-е – 70-е гг. в западных странах был запущен проект массовой шудризации молодёжи. Известно, что в возрасте 12 – 15 лет дети отходят от семьи и авторитетом для них становятся сверстники. Это и было использовано, и используется до сих пор – созданы и продолжают создаваться специальные программы, включающие издания, фильмы, передачи, разлагающие подростков. Так было сформировано новое отношение к жизни у нового поколения, приведшее сейчас уже к однополым бракам, эвтаназии, свободной продаже наркотиков, запрету на собственное мнение, лишению родительских прав тех, кто пытается этому противостоять.

Продвигают новый мировой порядок шудризованные политики, запросто уничтожающие, без всяких угрызений совести и сомнений, сотни тысяч людей – вспомним Хиросиму и Нагасаки, войны, устроенные США в Ираке, Ливии, Сирии. Из «демократических» устремлений, ради устранения якобы «бесчеловечных режимов», убиты сотни тысяч людей – на порядки больше того, что приписывается устранимым «злодеям правителям».

На очереди стоит ликвидация России – сейчас лишь она мешает господству американских банкиров – люди, живущие в ней, всё ещё сохраняют представление о нравственных абсолютах. Именно отказа от них и требует у нас сегодня так называемый Запад, а по существу, Уолл-Стрит, т.к. Западная Европа никакой самостоятельной роли уже не играет. Сейчас она просто уничтожается – заселяется так называемыми «мигрантами». Процесс этот организован США и оплачен. Прибывающие в Европу мигранты – типичные шудры, лишённые каких бы то ни было культурных традиций – единственное, что их интересует – это *пособие и ничего не делание*.

И всё же, нам не следует унывать. На извечный вопрос «Что делать?» есть только один ответ: Выполнять свой долг. Всё остальное – как Бог управит.

В 1925 году, незадолго до ареста митрополит Петр (Полянский) записал свои мысли о предстоящем ему пути: «Меня ожидают труды, суд людской, скорый, но не всегда милостивый. Не боюсь труда – его я любил и люблю, не страшусь и суда человеческого – неблагоприятность его испытали не в пример лучшие и достойнейшие меня личности. Опасаюсь одного: ошибок, опущений и невольных несправедливостей, – вот что пугает меня. Ответственность своего долга глубоко сознаю. Это потребно в каждом деле, но в нашем – пастырском – особенно. Не будет ни энергии, ни евангельской любви, ни терпения в служении, если у пастырей не будет сознания долга» [2]. Слова священномученика Петра (Полянского) относятся ко всем Людям Долга.

Литература.

1. Апастамба-дхармасутра. Апастамба-грихьясутра. Мантранатха / вступ. ст., пер. с санскрита, коммент., прил. Н.А.Корнеевой. –М.: Наука – Вост. Лит., 2015, 438 с. – (Памятники письменности Востока. CXLV / редкол.: А.Б.Куделин (пред.) и др.).

2. Коскелло А. Священномученик Петр (Полянский): недипломатичный архиерей. // Pravmir.ru Православие и мир. (10 окт. 1912 г.). Электронное издание, сайт: <http://www.pravmir.ru/svyashhennomuchenik-petr-polyanskij-nediplomatichnyj-arxierej/>

3. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, предисловие и комментарий Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. – М.; Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987, 799 с.

4. Мультиатули П. Чёрное семейство: Яков Свердлов и его братья. Покаяние.ru (8 марта 2015) (Электронное издание) (сайт: <http://www.pokaianie.ru/article/masons/read>)

5. О войне, любви и вере: Переписка князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой 1904 – 1905 гг. // Сост. А.Е.Фёдоров, И.Г.Менькова, Д.А.Меньков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. -544 с. (сайт: <http://www.sherbatovo-hram.ru/index.php/library.html>).

6. Чистяков В. Н. «Первое есть служба». // Под самым прекрасным флагом. Сборник исторических миниатюр и повестей. –М.: Русская панорама», «Техинвест-3», 2011, с.367 – 392 (первая публикация: Альманах «Марьино». Вып. 5. М., 2000. С. 92–120).

7. Фёдоров А. Е. Князь Александр Григорьевич Щербатов. Размышления над биографией. //Марьино, (вып. 5), -М., 2000, с. 49 – 91.(так же в кн.: Щербатов А.Г. “Обновлённая Россия” и другие работы. – М., “Русская панорама”, 2002, с. 356 – 389).

8. Щербатов А. Г. «Обновлённая Россия» и другие работы. – М., «Русская панорама», 2002. (сайт: <http://www.sherbatovo-hram.ru/index.php/library.html>).

9. Фриттше К. Вынужденная посадка: записки немецкого военнопленного (-М., 2006).

10. Чавчавадзе Е. «Лев Троцкий. Тайна мировой революции». Документальный фильм (2007). /реж. Галина Огурная).

12. Стариков Н. 1917. Разгадка «русской» революции. – СПб.: Питер, 2012. – 416 с.

13. Головкина (Римская-Корсакова) И. В. Победенные. –М.: Имперская традиция, 2004.

14. Фёдоров А. Е. Ценности, которые невозможно объединить. Славяно-Арийский мир и Западная Европа // Система Планета Земля: 200 лет Священному союзу (1815 – 2015).

–М.: ЛЕНАНД, 2015, с.35 – 63. (Сайт: <http://nadisa.org>).

Автор благодарит А.В.Рачинского за ценные замечания, дополнения и обсуждение статьи; Л.П.Грот за обсуждение рассмотренной темы.

У. ЛИКИ. ЛИЦА. ЛИЧИНЫ
(литературная и философская критика)

Есть скрытая гармония превосходнейшая явной:
в ней бог смешал и утаил глубоко различия и разницы.

Гераклит

Галина Дюмонд
Водолей

Вячеслав Овсянников

В ТЕНИ ВОДОЛЕЯ

Галине Дюмонд —
от Водолея!
В знак дружбы!

В. Овсянников

11.07.2017г.

Выше портрет Вячеслава¹ на фронтисписе подаренной мне книги «В тени Водолея»² Есть фотографии, изображения и в других книгах. Прекрасные фотографии. Но именно здесь я узнаю его, его настоящего, во всей его сути! Упрямый подбородок, напряжённые лоб и шея, крепко посаженная голова – простота облика и вместе с тем сила. Никакой рост, упругость мышц не смогли бы так передать внутреннюю силу характера, как эти скупые, казались бы, штрихи. И взгляд... В предыдущем эссе «*Мой Лермонтов*» я не полностью привела высказывание художника М. Е. Меликова о Лермонтове. А теперь, думаю, стоит продолжить: «Я никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова... по моему мнению, один только К. П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению «вставить огонь в глаза») ». И вот – взгляд Вячеслава... пристальный взгляд, взгляд изучающий, по Цветаевой – «взгляд к обороне готовый».³

И ещё...

«В знак дружбы... ». Если ещё учесть, что тираж 16 экземпляров...

Водолей – самый позитивный, самый загадочный знак Зодиака по моим, не могу их назвать фундаментальными, познаниям астрологии. Астрономией я в своё время увлекалась и звёздное небо, на уровне любителя, конечно, знаю не плохо. А астрологию... Я очень скоро поняла, что рождённые под одним и тем же знаком могут так отличаться друг от друга, что и гороскоп, даже если учесть расположение других планет и светил, может оказаться – «пальцем в небо». И всё же меня резануло «Водолей – совокупность ангела и дьявола» в эпиграфе предисловия, настолько, кажется, это не соответствовало не только Вячеславу, но и самому знаку Водолея, ведь даже во всех средствах массовой информации при вступлении в эпоху Водолея звучал такой позитив, такие надежды на обновление, на поворот к лучшему... Отыскала прежние свои записи – слишком всё сумбурно. Пришлось обратиться к Валентине⁴, она к этому относилась всегда серьёзной. О! Наташила она мне столько книг и не только гороскопов там всяких, восточных, западных, друидов, лунных узлов⁵, но и «Сны и их значение», «Физиогномика», «Нумерология», «Буква имени и особенности характера», столько навывёргивала ещё и из интернета, что я во всём этом буквально погрязла. Любопытных совпадений оказалось довольно много, но, хоть убей, ничего похожего на такую "совокупность". И всё же какая-то потаённая память не давала покоя – что-то подобное я уже где-то когда-то читала. И наконец – Томас Манн! Достаяю из шкафа один за другим тома. Вот: "... нельзя отрицать, да это никогда и не отрицалось, что в сияющей сфере гения тревожно присутствует демоническое начало, противное разуму, что существует ужасающая связь между гением и тёмным царством..."⁶. (У Томаса Мана речь, правда, идёт о гениях, но, по утверждению тех же астрологов, у Водолеев в этом деле самый большой рейтинг)... "Никогда и не отрицалось...". Удивительно, как тревожит, как волнует нас эта "совокупность", эта "связь". Не потому ли так нами любим и так забываем "Демон" Лермонтова?

Вячеслав... Имя русское, славянское, православное. "Вяче" – большее, "слав" – слава. Наиславнейший. Рожденные под знаком Водолея притягательны своей человечностью, они готовы прийти на помощь даже незнакомым людям. Люди уважают их за честность и справедливость, тянутся к ним, так как они словно бы излучают свет. Не ищут лёгких путей. Великие труженики и терпеливцы. Это одинокие бегуны на сверхдлинную дистанцию в целую жизнь. Собственное самоусовершенствование – вот их девиз. Упрямые, честолюбивые, но обычно не стремятся стать большими начальниками. Они патриоты, стараются принести пользу родине ⁷.

Подписываюсь, зная его более 25 лет.

Более 25 лет... Но что я о нём знаю? Кроме творческих – отношений никаких. На литературные темы – ради бога, а обо всём другом – клещами выскрывать. Впервые ощущала себя настырным корреспондентом.

Не исключено трудное детство и юность...

Вячеслав: «Отец – офицер, фронтовик, командир танка, тяжёлые ранения. Мать – медсестра в военном госпитале, блокадница. В 1948 г. отец демобилизовался, перебрались на жительство под Ленинград, работал начальником гаража в Красном селе. В 1954 г. отец умер, 33 года. Отказала почка. Другая почка была удалена, осколочное ранение. Мне было семь лет...»

В юности может быть неразборчив в отношениях с людьми и связаться в сомнительную компанию. Его слава может оказаться "дурной".

Вячеслав: «Была у меня ещё дружба с Юрой Ловеико, чрезвычайно предприимчивым, испытывающим постоянную потребность в опасных приключениях и рискованных забавах. Именно с ним я впервые попробовал курение и выпивку, с ним мы отправлялись тайком ночью с нашего чердака (там мы с ним спали отдельно от всех, безнадзорно) воровать клубнику на соседних огородах и однажды чуть было не попались. Это он уговорил меня украсть лодку на озере. Сбили замок и долго прятали её в камышах, пока хозяин не выследил нас, гнался за нами на другой лодке, а мы, напрягаясь из последних сил (мы ведь ещё мальчишками были, а он здоровенный мужик), всё-таки догребли до берега, бросили лодку с вёслами (а вёсла-то были наши, сами сделали; замок новый, купленный) и убежали».

Водолеи стремятся к большим путешествиям, новым ощущениям, неведомым горизонтам.

Вячеслав: «В 1971 г. закончил Лен. высшее инженерное морское училище им. Макарова. Работал на спасательных судах Балтийского морского пароходства судовым электромехаником, побывал в заграничных рейсах, Европа, Куба, Канада, Африка».

Водолеи поступают так, как считают нужным, не согласовывая своих действий ни с кем. Их поступки трудно порой объяснить. Им уютнее стремление к будущему, даже если на их пути воздвигнуты одни препятствия.

Вячеслав: «В 1974 г. уволился из флота, год работал инженером на экспериментальном заводе в Красном селе. За год окончательно убедился, что техника не моё, что мои способности в гуманитарной сфере. Стихи сочинял ещё в школе, но серьёзно к этому никогда не относился. Уяснив для себя, куда клонит меня действительный мой интерес, решил полностью посвятить себя литературе. Устроился на работу в архив на должность младшего архивиста., стал посещать ЛИТО при Д.К. им. Цюрюпы., которым руководил Дмитрий Резников. Именно там я впервые узнал о существовании Цветаевой, Пастернака, Мандельштама, Хлебникова. К стыду своему – я даже не слышал о них в свои двадцать семь лет! Таково было моё позорнейшее невежество!»

Водолеи спокойно относятся к слабостям других, но себе поблажек не позволяют.

Вячеслав: «Необходимо было срочно навёрстывать упущенное. Отныне я всё своё свободное время проводил в Публичной библиотеке».

... первый брак может быть неудачным, зато во втором воцарится гармония.

Вячеслав: «В 1976 г. я женился. Чтобы обеспечить семью, я уволился из архива (там я получал очень маленькую зарплату) и поступил на службу в милицию, в полк охраны. Этот полк охранял объекты особого назначения, в том числе архивы, музеи и ту же Публичную библиотеку. Так что, как я считал, моя новая работа вполне соответствовала моим склонностям, я буду делать благое дело – охранять культурные ценности, очаги духовности. Но брак наш оказался неудачен. И хотя у нас родился сын, мы через три года супружества развелись.

В 1978 г. я познакомился с моей второй женой Ларисой Константиновной Моршиной. Наш брак оказался счастливым. Мы прожили вместе уже тридцать восемь лет».

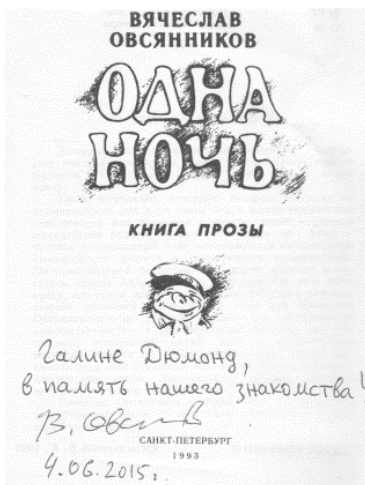
... выбирают свой собственный путь, не могут следовать догмам в любой области, часто отличаются в литературной работе.

Вячеслав: «В 1978 г. стал посещать Литературное объединение Виктора Сосноры. Соснора для меня стал мощным катализатором и определителем. В многолетнем общении с ним я сумел определиться – кто я. Без этого общения такого бы не произошло. Прочитав черновые наброски моего рассказа про милицию, он сказал: «На эту тему в советской литературе ничего настоящего не написано, только дешёвая беллетристика и детективщина. Никто не написал о милиции правду изнутри, без прикрас, как она есть. Ты превосходно знаешь этот материал. На этой теме можно сделать настоящее открытие. А сделать открытие редко кому удаётся». Так, с благословения Сосноры, я стал писать прозу. Через год я показал ему готовую повесть «Страдания сержанта Быкова». С рекомендательным письмом Сосноры я отправился в журнал «Нева». Но, увы, повесть моя была отклонена, как

противоречащая узаконенной идеологии и эстетике. Зав. отделом прозы Лурье сказал мне прямо: «Если мы опубликуем такую вещь, нас всех расстреляют вместе с автором. В лучшем случае редакцию уволят, а вас отправят в Сибирь, в лагерь. Этого вы хотите?» Я этого не хотел и благополучно ретировался».

В дальнейшем эта повесть вошла в первую, изданную в 1993 г., книгу Вячеслава «Одна ночь». Из предисловия Сосноры: «Автор – человек не ординарный и не вписывается в литературную “милицейскую форму” в традиционном представлении. Он – не бытовой беллетрист, а, скорее, мифолог и писатель склада Андрея Белого. Милиция для него лишь среда, его герои живут более по литературным законам, нежели по реальным. Милицейская тема для Вячеслава Овсянникова – не удобное зеркало для “отображения действительности”, а благоприятный материал для гротескного осмысления жизни. Хотя в интереснейших реальных деталях его прозы много правды, нельзя принимать весь этот страшный будничныи быт за полностью достоверные копии. Это – сгустки абсурда, гротеска, метафор, которыми оперирует автор. Вячеслав Овсянников – новый голос в современной петербургской прозе. И этот голос своеобразен и чрезвычайно актуален».

Эту книгу Вячеслав подарил мне в день нашего знакомства, в тот несчастный день, когда сгорел «Дом писателя» на ул. Воинова 8. Мы выходили из горящего дома последними. Эта, небольшого размера книга, произвела странное впечатление. И содержанием, и манерой письма. По тем временам... Порой даже становилось жутковато. Я носилась с ней, где только могла. В результате кто-то у меня её «зачитал». Много лет спустя я пожаловалась Вячеславу на горечь утраты и... через некоторое время вновь получила её в дар.

И всё же... Казалось бы – чего же ещё? Но – дата! Там ведь стояла дата того памятного дня, когда мы с Вячеславом, Кутузовым и Лепеховым выходили, задыхаясь, прикрывая рты шарфами, последними из горящего здания. Как дороги иногда бывают для нас, казалось бы, какой-то незначительный штрих, всего лишь одна дата.

Итак, библиография:

Человекопад. СПб., 1995г.; Дни с Л. СПб., 1998; Стокрылая стая. СПб., 1998; Рак на блюде. СПб., 2000; Лопающиеся пузырьки. СПб., 2004; Загинало. СПб., 2006; Прогулки с Сосновой. СПб., 2009; Тот день. СПб., 2015; В тени Водолея. СПб., 2017.

Из всех перечисленных книг у меня до последнего времени не было только «Стокрылой стаи», единственной книги стихов. Я узнала о ней, уже работая над этим эссе, мучая Вячеслава своими журналистскими наскоками. Так странно. Я всегда воспринимала его как прозаика со дня знакомства, с этой, подаренной мне книжки «Одна ночь». А жаль...

Я не знала, что Вячеслав писал стихи ещё будучи школьником, затем, когда плавал по морям, океанам, работал в архивах, в охране.

Что посылал свои стихи авторитетным поэтам.

Вот из ответа Павла Антокольского: «Что-то в Вашем творчестве, – точнее же в ваших исканиях и в попытках выразить себя в слове и в ритме, заинтриговало и заинтересовало меня. Безусловно, Вы человек одаренный, талантливый. Ваша изощренность в слове, чувство языка и чувство необжитых участков русской речи заслуживают одобрения⁹».

Одобрительные были отзывы и от А. Межирова, А. Кушнера.

Особенно мне стало жаль, когда я стала вновь просматривать его книги. Выше уже говорилось, что когда-то, посещая ЛИТО, Вячеслав ужаснулся своему «позорнейшему невежеству» и всё своё свободное время стал проводить в Публичной библиотеке, навёрстывая упущенное.

Знания они /Водолеи, Г. Д./ впитывают легко и свежо. Получают их они только им известным способом.

Как вдумчив, как дотошен его звуковой анализ поэтических строк: «... у Блока: “Змеишься в чаше золотой”. Как красиво поставлены эти два “З” в начале и в конце. И также: «И над твоим собольим мехом гуляет ветер голубой». Эти два “Г” в начале и в конце – дивно стоят. И два “Б” – чистая связка двух строк, и “твоим” с “ветер”. Вот она – магия!»¹⁰

Вряд ли кому-то пришла бы теперь в голову мысль об «упущенных возможностях» Вячеслава. Приходится ли теперь удивляться звуковой игре и в его стихах:

Морское утро

*Море – в бризе, и сразу –
разворот бирюзовый,
и крылатые фразы
чаек – зори и зовы!*

*Это снова и снова –
шум бунтующей влаги
в океанах отваги!*

*Снова на воду лягут
буйно-алые флаги,
и заплывет на ряби
солнце – крепкий корабль.*

И, выплываясь

голубою

губою,

разобьётся волна в звонко-знойном прибое!

Будут чайки над брызгами в искрах галдеть!

Будет утренний мир, расширяясь, гудеть!¹¹

Как призыв бодрости, радости жизни эти, идущие через всё стихотворение раскатистые “р” и звонкие “з”. А эти стихи ведь написаны ещё до его упорной работы над собой.

Жаль. Но Соснору, наверное, чутьё не обмануло, да и – «победителей не судят»:

Вячеслав Овсянников – лауреат премии ж. «Изыщная словесность» (2007), премии им. Н. Гоголя в номинации «Нос» (2007), премии им. В. Голявкина (2017) за книгу «Прогулки с Соснорой» и Всероссийской литературной премии им. А. К. Толстого (2017) за книгу «Прогулки с Соснорой».

Читая, точнее – изучая «В тени Водолея», я просто поражалась энциклопедическим познаниям Вячеслава, и не только в области литературы.

Новые научные теории, новые технологии, новые философии и религии привлекают их.

Интересные рассуждения о музыке, живописи, религии, цитаты, эпизоды, незнакомые мне имена. Спотыкалась: «А это – кто? А это – о чём?» Не понимала. Возвращалась. Перечитывала. Лезла в словари. Теперь уже я начала комплексовать насчёт своего «позорнейшего невежества».

Удивительно, как много зависит от подготовленности читателя к восприятию написанного. В своё время я послала только что вышедшую книгу «Лифт идёт в парк» старшей сестре Александре в город Печору. Ей отнесли книгу в больницу – она уже не вставала.

(Когда-то сестра с подружкой, совсем ещё молоденькие девчурки, решили стать учительницами. И пошли пешком из села Усть-Цильма в город Сыктывкар – посмотрите по карте. По с трудом проложенным дорогам от поселка к поселку, морозно, порой увязая чуть ли ни по колено в снегу. Устали, присели отдохнуть на какой-то бугорок. Так было тихо, так хорошо им было обнявшись, в сон уже клонило. Если бы случайно – в таких местах, да ещё в морозы, неделями мог никто не пройти и не проехать – какой-то мужик не увидел их... Кстати, как потом оказалось и сидели-то они на таком же несчастном, окоченевшем уже и занесённом снегом. С трудом в деревне какой-то заброшенной их отходили. Но ноги... Всю жизнь потом сестра с ними маялась).

Как она книге обрадовалась! Но, как писали мне, потом сказала: «Ничегошеньки (!) не понятно. А читать – интересно».

Почему-то я вспомнила это сейчас. Тогда же я просто пожалала плечами – и чего тут непонятного? Всё предельно просто. Теперь же... Ведь сестра не была таким уж "неподготовленным" человеком: всю жизнь учительствовала, любила читать. И на прежние мои книги не было такой реакции. Но прежние – всё больше про любовь стихи, про взаимоотношения, про Айседору. Были, конечно, ещё и новеллы. Как писал Г. Муриков, их «формально можно было бы отнести к "деревенской" прозе, если бы не совершенно особый взгляд автора на изображаемое». Особый-то особый, но пусть формально, а всё же почти все события происходили в сельской местности.

События повести «Лифт идёт в парк» развиваются в Петербурге. Предисловие написали и Н. Коняев и Г. Муриков, послесловие С. Макаров. У них не было ко мне никаких вопросов.

Но обсудим хотя бы один эпизод:

*«Лиза пыталась прислушиваться,
но очередным мощным шквалом
их перехлестнуло
через кровлю Салтыкова-Щедрина,
она сделала попытку ухватиться за Минерву,
но и её
вместе со всеми, находящимися на крыше,
поволокло потоком вниз.*

.....

*Тяжело и редко взмахивая крыльями,
приседая на левое,
он всё же оторвался
от бурлящего внизу месива
воды, камней, людей, обломков
и медленно нёс её мимо Екатерины.
И тут неожиданно для себя,
протянув руку и схватившись за жезл,*

*Лиза соскользнула с ангела.
 Инерционным вращательным движением
 её забросило на руку Екатерины.
 Было неудобно сидеть
 между жезлом и вытянутой вниз рукой:
 жезл впиался в бедро,
 холод «каменной её десницы»
 пронизывал до костей,
 но другого места не было.
 Куда ни посмотри –
 головы, головы, головы...
 Как в дурном сне.
 «Почему так много подданных?» –
 Лиза хорошо знала,
 что их должно быть только девять
 (десять вместе с Екатериной –
 так она запомнила)».¹²*

Что может быть непонятого для петербуржцев в этом эпизоде? И далее, где вдруг, кажется ни с того ни с сего, упоминаются Суворов, Державин, Дашкова? Причём тут Минерва? Да, ради бога. А для тех, кто никогда не только не видел, но никогда даже не слышал о памятнике Екатерине? Никогда не спускался в метро, не читал произведений А. Кима о наших городских ангелах-хранителях? – не привелось вот.

Никогда не задумывалась над этим. Может, нужно всё уточнять, разъяснять? Но какое б тогда получилось занудство!!! – проблема... Мне бы тогда самой было это неинтересно.

Так и с необычным письмом Овсянникова, отличающимся крайним художественным экстремизмом на всех уровнях текста: экстремизм стиля, гротеск, лаконизм, динамика и взрывчатость действия, мгновенные скачки кадров, как в кинематографе, короткая летучая фраза, заострённость слова, метафоризм, предельная напряжённость, предельное состояние языка и психики, мифологизация реальности.

Думаю, у ближайшего окружения его, судя по высказываниям литературоведов, критиков, мастеров слова, владеющих всей полнотой новых литературных веяний, вопросов к Вячеславу не возникает.

Так литературовед А. Медведев в статье "Штрихи и строки" пишет о его прозе: «"Одна ночь" фантастические /не по жанру, по сути/ повести из жизни милиционеров. Овсянников в этом цикле – Тарантино рассказа. Фильмы "Криминальное чтиво", "Бешеные псы", "Убить Билла" вспыхивают в памяти при чтении ментовских блюзов Овсянникова. Зрелищно, острота преувеличений, абсурд обыденности. Абсурд получает какой-то мистический оттенок, вероятно, влияет манера изложения, незаметным образом скупа и пошлость повседневности оборачиваются кошмаром... Цикл милицейских

рассказов и повестей Овсянникова – несомненная находка для смелого режиссера и пронизательного продюсера. Обидно, что для этой находки не нашлось пока ни того, ни другого»¹³.

Не нашлось. Позже писатель Николай Тропников также безуспешно предлагал милицейскую повесть «Загинайло» на телевидение, где он когда-то работал. Повесть, за которую присуждена была в 2007 г. премия имени Н. Гоголя.

Неординарны в своих взглядах и поступках.

Вячеслав: «Предпочитаю не высказывать напрямую своё отношение к тому, что изображаю, а делать это неявным образом, косвенно, чисто художественными средствами. Через показ, а не рассказ. Через ауру, духовное излучение произведения в целом. Ассоциативностью, суггестией, намёком. Есть, конечно, и использование приёмов сюрреализма, и поэтики абсурда, а также примитива, и многое на острие новейших авангардистских приёмов, но в целом, как я думаю, получилось что-то вполне реальное, какая-то жуткая и весёлая в своей фантазмагорической жути чисто русская гремучая смесь». (...«*чисто русская гремучая смесь*». – Мне это понравилось. – Г.Д.)

Вячеслав: «Концовки рассказов у меня, как правило, неожиданны и парадоксальны. Это как будто спонтанные прорывы, казалось бы, логически никак не согласованные с сюжетом, с ходом повествования, некие символы, абсурдные, нелепые, выскакивающие, как чёртики из шкатулки – образные сгустки скрытого до сей поры смысла. Напоминают коаны дзен-буддизма. Писатель Владимир Алексеев говорил, что это у меня магические символы вдруг выскакивают, как у Кастанеды. Не только в конце, но и посреди повествования. Не знаю насчёт Кастанеды, но алогизм возникает у меня действительно непреднамеренно. И всё же это и подсознательный приём».

Из русских мои ориентиры – Гоголь, Хлебников, Андрей Платонов, Добычин.

Произведения, написанные в последние годы, свидетельствуют о новом периоде в творчестве Вячеслава. Так В. Можайский пишет: «В рассказе “Севрюгины” (2007) стиль становится резко графическим, чему способствуют стремление высказаться как можно кратче, жёстче и лаконизм изложения, даже аскетизм, использование предельно экспрессивных приёмов. Овсянников даёт возможность читателю увидеть сокрытые смыслы за оболочкой слова: намёком, внушением, ассоциацией. Каждая фраза становится отдельной, самодостаточной картинкой. В художественной структуре такой прозы преобладают принципы разговорной речи, когда произносятся не все слова, но понимают всё, о чём не договорено и не упомянуто. Писательскую позицию и эстетические принципы Овсянникова

можно сравнить с прозой Л. Добычина, в ней происходит замена традиционного в беллетристике фабульного построения сюжета монтажом. Художественной единицей текста становится не абзац, а фраза, микрокадр. В такой поэтике важна чистота звучания каждого атома образно-смысловой структуры, это первоэлементы искусства, его монады. Внимание обращается к микромиру, к ценности минуты, индивидуально неповторимого. Радости и трагедии жизни, происходящие у кончиков пальцев, задевающие ресницы открытых на мир глаз равны космическим катаклизмам¹⁴.

На меня рассказ «Севрюгины» произвёл одно из самых сильных впечатлений. Наверное, потому, что сразу всплыл в памяти «Ворошиловский стрелок». Прекрасный фильм! Впервые оправданная личная месть, когда "положенные" органы преступно равнодушны, бездеятельны. Но, но, но... Вот в конце фильма «Место встречи изменить нельзя», когда внутренне почти опустошённый Шараров возвращается домой и видит главную героиню живой да к тому же с ребёнком на руках, который, как он только что узнал, отдан неизвестно кому... Говорухина по телевидению спросили – почему? Ведь по первоисточнику героиня погибает. Он ответил, что ему хотелось оставить хоть какую-то надежду. Я не знала этого, но я приняла предложенный позитив, так как в ходе действия ничего не предполагало о неизбежности её гибели. А в «Ворошиловском стрелке» тоже в конце фильма главная героиня сидит с гитарой и безмятежно напевает песенку. Прошло всего ничего с момента, когда её изнасиловали трое негодяев. Не верю! – «по Станиславскому». Или не с таким выражением лица, или другую песню, другим голосом... Не может это так быстро пройти, а может и никогда не пройти. Не верю в за уши притянутые хеппи-энды, да простит меня Говорухин оттуда. У Овсянникова в «Севрюгинах» никаких «развесистых клюкв», он идёт до конца и этим выигрывает в правде. Уверенность в человеческом достоинстве оставляет в душе больше позитива, чем американизированные хеппи-энды.

Характер Водолеев неоднозначен. Сатурн делает их меланхоликами, предающимися грустным воспоминаниям, а Уран толкает к бунтарству, к разрушению старых традиций

Вячеслав: «Наверно, я из тех, о ком сказал Экзюпери: “Когда я читаю книгу, в которой мне всё ясно, у меня остается ощущение, что меня обманули”. Но я бы выразился ещё резче: “ощущение, что меня оскорбили”.

Ещё я могу сказать о себе словами Мандельштама: “Я мыслю опущенными звеньями”. Можно добавить: “Мыслю отброшенными мостиками и сожжёнными мостами, паузами пропастей между вскриками слов”».

*О поэзии**В. Овсянников*

Гроза, сорвавшая с себя маску. Лик её ужасен. Её магические заклинания и прорицания, её глаголы-молнии. Это не сладкопевная Муза, дочь Аполлона и Мнемозины. Нет, – это Медуза-Горгона, Пифия, Сивилла, библейская Дивора и скандинавская Вэльва, кельтская Фея Моргана, египетская Исида и аккадская Иштар. Поэт – искра этой грозы. Поэт – Соловей-разбойник, круто налившийся свист, Див верху древа, пробудившийся орёл. Или – шёпот, робкое дыхание, трели, серебро и колыханье сонного ручья, отблеск лунного света на рукаве, мотылька полёт незримый, звезда на трепещущих мокрых ладонях, огонёк за рекой? Орган всеотзывчивости, отклик лирического сердца, всемирное соловиное эхо? «Таков и ты, поэт». Долг поэта – умереть с песнью на устах. Знаем, знаем: поэзия живёт смертью своих любимейших птенцов-певцов – поэтов. А поэт идёт себе по миру, беспечнейший из созданий, перед распутьями земными, исполнен думами златыми, не замечаемый никем, смиренный, тихий и босой, за благословенною своей звездой. И в том ему отрада, что ничего не надо нищете его святой. Он – автор молитв и гимнов. А автору надобен только звон, а кроме того ни что. Автору надобен вечерний звон¹⁵.

Этим небольшим произведением, надеюсь, мне удалось хоть на минуточку, хотя бы ненадолго, погрузить вас в магию его прозы-поэзии.

Хотелось бы поместить здесь полностью и ещё одно, поразившее меня, его произведение. Представленные здесь отзывы, да пожалуй и все остальные, всё больше о технике, о стиле: авангардизме, алогизме, аскетизме, экстремизме, постмодернизме, ассоциативности, метафоризме – на полстраницы можно было бы ещё этих «эксков» и «измов». Я о другом, но опять же из «измов» – о лиризме. Но так как полностью – невозможно, вот хотя бы фрагменты:

... поднимемся по этим ступеням, откроем стеклянную дверь, отыщем какой-нибудь укромный уголок, хотя бы здесь под лестницей, у лифта. И она начинает читать мне свои стихи. Ведь именно для этого мы и встретились. Читает одухотворенно, эмоционально. О любви, всё о любви. Стихи заворачивают. Заговоры и заклинания. Магия. Опасные это стихи...

... Трясёт весь день. Давно я уже не был так взволнован. Никак не унять эту дрожь. Не пишется, не читается. И ночью эта жестокая тряска не утихает, не даёт спать. Выхожу на лестничную площадку. Сумрачно. Ветер в заснеженном переулке...

... Гуляем. О нет, не сказал бы, что это сон в долине Дагестана. Всё в снегу, сосны, ели, суровый север. Замёрзли, как кочерыжки. В кабине только и можно согреться. Мимо летит тусклый зимний день. И Цветаева, Орфей... А губы повторяли: жаль!..

... *Слушать её стихи, слушать, как она поёт. Я пропал, совсем пропал... На стенах картины неизвестного художника, загадочные фантазии, отблески миров иных. Лучшие бы что попроще, на твёрдой почве, на земле. Домик в деревне, леса, поля, луга. Вот бы где жить да жить, с ней вдвоём, неразлучно и счастливо, и забыть обо всём на свете. Обо всём на свете...*

... *Не спится. Оказывается и ей – тоже. «Захотелось с вами поболтать». Читает мою книгу с возрастающим восхищением, по пять страничек в день, чтобы как можно дольше продлить это удовольствие. Горюет, что когда-нибудь всё-таки книга моя кончится. С каждой прочитанной страницей у неё растёт ко мне какая-то странная, непонятная ей самой нежность...*

... *Душный воздух квартир полон недомолвок и подозрений. Новая шапка и новый шарф. Куда ты? На свидание? С ней? Выхожу на проспект. Ветер с Фавора. Преображающий, победоносный, покоритель сердец. Все женщины мира, нежные и чуткие, ищут встречи с тобой. Это у тебя душа молодая, вот ты и рвёшься с цепи, седой пёс...*

... *Увидела, как ты прижимал свою книгу к груди. Так мать прижимает новорожденного младенца. Это судьба. От судьбы не уйдёшь. Кондитерская на углу. Швабра уборщицы гонит вон. Они закрываются. Ветер, холодный мартовский ветер продувает, легко одеты. Вот два дурака! Обнимаются, целуются. При всех, на остановке. Так я прославлю её на весь её городок...*

... *Где-то я уже слышал эти стихи. Их читают тени гаснущего дня на талом снегу. В них притаился змей-искуситель. Смотри! Какой закат! Мировой пожар! Он сожжёт всё небо, всю землю, и нас с тобой...*

... *Вагон. безумная парочка, совсем ошалели, море им по колено...*

... *Весь май ураганный ветер. На заливе шторм. Стихия бьёт о берег совы. Болит, жжёт в груди. Я любовь узнаю по боли...*

... *На остановке мужчина и женщина. Глаза обведены тенью. Прощаются. И зачем так трагически принимать к сердцу? Можно подумать, что расставание для них равносильно смерти. Счастье или беда? Боюсь – беда. Или счастья без беды не бывает?..*

... *И вот этот день. Яркий, солнечный июньский день. Кто-то бежит по нашему переулку, как преступник, застигнутый внезапным окликом. Мужья, посевев в долготетнем семейном плавании, бросают своих старых жён и уходят к другим, помоложе. Бес сокрушает им ребро. А безутешные жёны выбрасываются с седьмых этажей. Вот ещё одна стоит в раскрытом окне. А другую поезд уносит на север. Архангельск, Соловки. Прости, прости. В нарастающем стуже колёс горестный стон: «И большие я тебя не увижу?!»¹⁶.*

Прекрасно как. Как больно. Я плачу. Не припомню, когда, чтобы над книгой... Давно такого не испытывала. Казалось бы – всё сказано. Но как! Так деликатно всё и так безгрешно. Плетёт, словно тончайшую паутину, и на всё наброшен как будто загадочный флёр.

Или вот ещё:

«...Капелька на оконном стекле, замёрзла, дрожит, чего-то ждёт от меня. Слова ждёт? Ласкового словечка? Любви, нежности? Чтобы я назвал её жемчужинкой...»¹⁷

(Сомневаюсь, что сможете привести в пример что-нибудь подобное по тонкости душевного состояния из современной литературы.)

Хочу процитировать ещё одно любопытное, как мне кажется, высказывание, не о Водолеях, но, как уже упоминалось выше, у Водолеев здесь самый высокий рейтинг:

«Гениальность вообще имеет к производительности весьма касательное отношение: гений не тот, кто написал больше, и даже не тот, кто написал лучше. Гений редко эволюционизирует, ибо менять манеру могут таланты. А гений всегда один и тот же, ибо не меняется чертёж мира. Талант что-то выдумал и воспроизвёл, а гений что-то уловил, что-то бывшее всегда и до поры не открытое. Гений, по выражению Толстого, приходит, как власть имеющий. Жизненный – биографический – дар гения сопоставим с литературным, и судьба его выстроена по тем же законам, что и его тексты (а иногда и единственный сохранившийся текст, и ничего, все верят). Гений может писать так, что его никто не понимает, а может не написать вовсе ничего. Он открывает новые территории, а иногда даже новые парадигмы, то есть принципиально новый угол зрения на уже открытое, – а поскольку эти территории могут оказаться непригодны для жизни, у гения может не быть читателей и уж подавно – последователей»¹⁸.

Тут уместно вспомнить фрагмент Гераклита: «Есть скрытая гармония превосходящая явной: в ней бог смешал и утаил глубоко различия и разницы».

А Райнер Мария Рильке перекликается через века с Платоном, его мифом об Эресе: «... ибо искусство есть тоска по целому».

Вячеслав: «Это и о моём, о моей тоске, моих поэмах в прозе, особенно о «В тени Водолея», где всё интеллектуальное и рациональное культуры, истории и жизни перевоплощено в антиинтеллектуальное и иррациональное, в самоликвидацию, в узоры и вихри, спирали и зигзаги, молнии, углы безумия, гулы раковин, сны, поэзию».

Скупость на слова, на выражения чувств и мыслей, аскетизм художественных средств. Пространство и время не материальные, не физические, а внутренние, психические, сновидческие, духовные. Всё одновременно происходит, и здесь, и там, и в одном месте, и в другом,

бесконечно далёком от этого в реальном мире, но в духовном – всё тут, рядом, всё – здесь и сейчас. Духовное пространство и время колоссально сжаты, в точку, во вспышку самодостаточного мгновения. Все события, все голоса мира, всё, что творилось и творится, в истории, в космосе, в доме, в крови своего сиюминутного пульса, жизненного трепета – всё слито, в одной фразе, в одном её вздохе, вскрике, стоне. Все шумы всех эпох гудят в раковине сегодняшнего мимолётного сна.

Неуловимые, ускользающие состояния. Живопись и музыка. Коллаж из жизни и цитат, точных и изменённых, по-своему повернутых, то в кавычках, то без них, цитаты скрытые, намёком; и целые куски. Фраза – самоцветная и музыкальная, узорная, певуче-цветной рисунок. Фраза за фразой, всё это складывается в многоликое целое, в многозначную и многозвучную симфонию, поэму.

Вячеслав:

«Живописно-музыкальная плоть мира, трепещущая, чувственная, эта цвето-музыка бабочки-однодневки, танцующей свой предсмертный танец»...

Находясь в окружении людей, они в то же время могут быть одинокими и непонятными. Астрологи утверждают, что Водолеев люди поймут лишь спустя полсотни лет, так как они живут будущим и только изредка ступают на эту грешную землю.

«Что такое со мной? Все мерещилось в мозгу: этот свой внутренний голос, свой язык, на котором я говорю, только я один, и никто, кроме меня, на нём не говорит. Вот никто и не понимает меня, когда я говорю на этом моём языке, он такой серебристо-сиреневый, птичий, что ли. Чтобы меня понимали, я говорю на их общем, человеческом языке, который для пользования, а свой прчу подальше...»¹⁹.

Позвонил Алексеев, утешал:

«Не грусти. Что ты грустишь. Ты – писец. Ты написал свой папирус. Теперь можешь жить спокойно и копить себе на похороны. Ты своё дело сделал. Что тебе ещё? У тебя в жизни был твой фараон. И ты испытал подъём, когда писал. Неужели тебе этого мало?»²⁰.

Вячеслав: «У меня в груди вместо сердца было зеркальце, грустное кривое зеркальце мечтателя и фантазёра; я споткнулся о знак зодиака, льющий из чёрной урны воду забвенья, и выронил это зеркальце; и вот оно разбилось и разлетелось на много-много осколков и стало звёздами, большими и маленькими звёздами этой, не знающей предела, Вселенной».

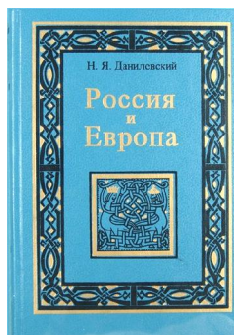
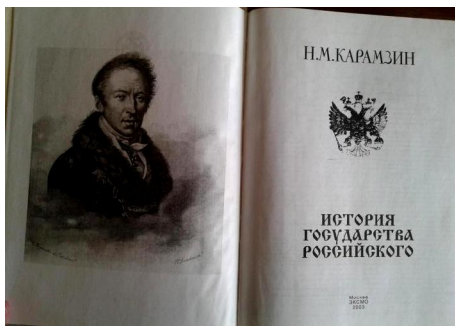

Примечания:

- 1 Художник А. В. Медведев
- 2 В. Овсянников. В тени Водолея. СПб., 2017
- 3 М. Цветаева. Сочинения. т.1. М. 1984
4. О Валентины см. эссе «Альтаир». /Г. Дюмонд, «Вот ведь оно как бывает», СПб., 2012/.
5. Л. Д. Столяренко. Ваш жизненный путь. Ростов-на-Дону. 1997
6. Т. Манн. Доктор Фаустус. Собр. соч., т.5, М., 1960
7. Здесь и далее жирно, курсивом, если не указано особо, выписки из перечисленных выше книг или из интернета.
8. Г. Дюмонд. Душу мою поразившие. Книга 1, СПб., 2017
9. Из письма П. Антокольского от 12 февраля 1977 (Личный архив В. Овсянникова).
10. В. Овсянников. В тени водолея. СПб., 2017
11. В. Овсянников. Стокрылая стая. СПб., 1998
12. Г. Дюмонд. Лифт идёт в парк. СПб., 2009
13. А. Медведев. Русский журнал. № 3, СПб., 2017
14. Энциклопедический словарь “Литературный Санкт-Петербург, XX век. СПб., 2011
15. Русский журнал, № 3, СПб., 2017
16. В. Овсянников. Последний всплеск. Русский журнал, № 3. СПб., 2017
17. В. Овсянников. В тени Водолея. СПб., 2017
18. Д. Быков. Советская литература. М., 2015
19. В. Овсянников. В тени Водолея. СПб., 2017
20. Там же.

V. ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ СУДЕБ

К СТОЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА

Издательство «Глаголь» и Спб-университета,
вступ. статья и составление А.А. Галактионова

Александр МЕДВЕДЕВ. СВЕТ ОТЕМНЁННОЙ ПРАВДЫ

Из книги Александра Пыльцына

Г. Н. Ионин. Правда и ложь

Письмо Жукова Жданову

Карамзин. Царствование Иоанна Грозного

В. И. Чернышев. Претендую ли я на истину в последней инстанции?

А. МЕДВЕДЕВ. СВЕТ ОТЕМНЕННОЙ ПРАВДЫ.

В. Одоевский назвал Пушкина Солнцем русской поэзии. Продолжая подобный перифраз применительно к писателям современной Российской Федерации, я бы назвал Солженицына – Луной, отражающей Солнце правды. Именно Луной, ибо, отражающая свет, она имеет и обратную, теневую сторону.

Нет, пожалуй, на сегодня в обществе иного писателя, кроме Солженицына, личность и творчество которого воспринимались бы столь же полярно. Кто-то видит его автором, по словам Л. Чуковской, «возвращающим нам родной язык, любящим Россию, как Блоком сказано, оскорблённой любовью». Другие разделяют мнение Шолохова, что «Он душевно больной человек, страдающий манией величия. Но если он не больной, то он открытый и злобный человек и ему не место в рядах писателей».

Одни уважают его за то, что он «прочистает мозги и даёт в руки читателей прекрасный инструмент познания реального мира», относят его труды к «исследованиям высочайшего уровня». Для других он – «злостный клеветник на советскую историю», так как преувеличил статистику репрессий 1930–50-х годов и вызвал возмущение «разоблачением» М. Шолохова как автора «Тихого Дона».

Гоголевский г-н Поприщин раскрыл секрет изготовления Луны – она «обыкновенно делается в Гамбурге...» и посетовал: «прескверно делается. Я удивляюсь, как не обратит на это внимание Англия».

В случае с Солженицыным *Англия* (Запад) как раз обратила внимание на этот «лунный» феномен отражения света правды. В далёком 1984 году в Лондоне вышла книга «Солженицын». Её автор Жорж Нива, славист, профессор Женевского университета и «поэтам друг», как назвал его в стихах Б. Окуджава.

Книгу открывает фраза, в которой можно усмотреть элементы определённого программирования читателя:

«Вероятно, рискованно с моей стороны предлагать русскому читателю разбор самого русского из писателей, какого дало нынешнее возрождение русской словесности».

Слова европейского профессора для российского интеллигента испокон века закон. Если сказано человеком Запада, да издано в Лондоне, что писатель – самый русский из всех современных русских, стало быть, так оно и есть.

«Самому великому из ныне живущих писателей России» слал в 1970-м году поздравление с присуждением Нобелевской премии французский коммунистический еженедельник «Леттр франсез», возглавляемый бывшим сюрреалистом и дадаистом Луи Арагоном.

Ж. Нива, назвав Солженицына самым русским писателем из нынешнего возрождения русской словесности, вполне имеет на то основание, когда речь о словесности эмигрантской. Он приводит пример интервью 1979 года. В нём Солженицын «цитирует эмигранта Янова и ведёт скрытый спор с Андреем Синяевским и его журналом „Синтаксис“». Он говорит, что «нынешняя русская эмиграция – не более, чем хвостик еврейской, он спорит с русскоязычными израильскими журналами, где, например, жестоко

высмеивается „деревенская проза“, самое живое из течений в сегодняшней советской литературе». Poleмика, ограниченная крайне узким эмигрантским кружком, представляется Солженицыну в ложной перспективе лингвистического гетто этой же самой эмиграции, даже настоящей „травлей“ России! «Подлинный язык, подлинный русский физический тип („чистые, как озера“, глаза олонских мужиков), русская музыка, русские нравы – всё идет от Руси крестьянской!» – уверен Солженицын.

Уже в 1972 году, отмечает Ж. Нива, Солженицын «громко приветствовал Шукшина, Можаяева, Тендрякова, Белова, Солоухина, Юрия Казакова». В 1979 году он заявил, что пять или шесть советских писателей (имен не называл, чтобы им не повредить) представляют собою сегодня вершину мировой литературы. Ж. Нива готов биться о заклад, что Солженицын имел в виду Распутина, Белова, Астафьева, Залыгина, Можаяева. Солженицын подчеркивал, что впервые слово берут крестьянские писатели, которые пишут языком, свободным от всякого „европеизма“, что для него крайне важно. «Хоть они и советские писатели, хоть их и печатают в СССР, они насквозь проникнуты этическими и религиозными ценностями русского крестьянского мира».

Солженицын категоричен в высказываниях. Он не предполагает, не выдвигает гипотез, не полемизирует, дискуссия, академическое оппонирование не для него, он – пророчествует. На это Ж. Нива замечает: «Великие убеждения несут в себе долю ослепленности, есть теневая сторона в великих истинах». Это тeneвое, «лунное» свойство Солженицына вызывает и не позволяет утихать ожесточенным спорам вокруг его имени.

«Антисемит ли он? несправедлив ли к патриарху Пимену? не знает меры в осуждениях? схематичен в исторических толкованиях? совсем не по-христиански ненавидит уголовников в лагере? чересчур скор в обвинениях против Шолохова? неоснователен в своем приговоре Америке?» – вот едва ли часть вопросов к писателю, перечисленных в книге.

Признавая подлинными кровь и нерв русского крестьянского мира в советских писателях, Солженицын парадоксальным образом не может принять непрерывность истории России. Он исключает советский период как несвойственный духу и укладу русского народа. Бердяев в «Русской идее» проводит параллель разрушительной ярости большевизма и неистовости Петра в ломке основ русской жизни, он относит оба явления к традиции русского максимализма. Солженицын же развивает тезис о привозном характере революции, её инородности. Он видит революцию плодом зарубежного учения, охраняемого латышами и венграми, она навязана народу, который в двадцатом веке пострадал больше других.

Не оказывает ли Солженицын медвежью услугу русскому народу, не принижает ли его, выводя за спиной Ленина и большевиков всемогущую сатанинскую фигуру еврейско-русско-немецкого социалиста-афериста Парвуса? Именно из него он делает тайного подстрекателя двух русских революций. Без всякого основания, как свидетельствуют участники событий (например, Борис Суварин, один из основателей Компартии Франции), он превеличивает значение этого международного авантюриста. Парвус, зловец кукловод в описании Солженицына, принимает гипертрофированные

размеры в фильме В. Хотиненко «Демон революции» (2017) с Ф. Бондарчуком в главной роли.

Странно, но Солженицын, кажется, не задумывался, что найдя «козла отпущения» – инородцев, виновных в крахе Российской империи, он «замыливает» существо проблемы, что тем самым он обеляет истинных виновников трагедии, и что нерешённый вопрос неминуемо будет возникать в новой России?

Поговорка *Англичанка гадит* родилась не на пустом месте. Со времён Иоанна Грозного тайное и явное влияние туманного Альбиона на политику России не ослабевало вплоть до Февраля 1917 года. Корни масонства – немецкого, французского, шотландского изводов укрепились на российской почве ещё с восемнадцатого века. Пугачёв, декабристы, террористы-народовольцы, да и убийцы Распутина, так или иначе, лили воду на «лондонскую мельницу», расшатывая устои империи. Однако непрослительно только их рассматривать вольными или невольными исполнителями чужеземных коварных замыслов. Считать так, значит, не знать и не уважать русский народ. Считать так, значит, принимать как должное, что непрослительно долгое время Россию населяло два народа: белая и чёрная кость, между которыми пролегалла непреодолимая стена непонимания.

«Во что превратился добрый русский народ? Почему он преобразился в жадного зверя, жаждущего крови?» Такие вопросы породил 1917 год и Гражданская война. Они, наверно, естественны для дам приятных во всех отношениях, но странны для человека с душой, человека видящего и слышащего, памятливого. Он знает на них ответ и ответ горький: пришли дни расплаты за преступное безразличие к жизни русского народа.

Но как же трудно это принять!

«Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все, как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские» – ужаснулся Бунин при виде народа в заре революции. Тонкий знаток народа отказался признать *такую* его русскость, и дни расплаты нарёк *окаянными*. Ему в этом следует Солженицын, не приемля свет правды, который в веках проявлял одну и ту же истину: русский бунт не полыхнёт на пустом месте, а тем более по иноземной прихоти. От долгих трений начинают тлеть искры обиды народной, прежде чем займётся пламя мести. И тут уж, конечно, инородцы не преминут погреть руки.

«Вы хотите узнать, что случилось с народом. Он просто потерял терпение. Он слишком долго оставался безответным. Он слишком долго безсловесно переносил испытания. (...) Теперь он больше не может покоряться».

Таков ответ Горького русским монархистам («Письмо к русским монархистам» (1920) о причинах революции. Ответ не устраивал и до сих пор не устраивает не видящих бревна в собственном глазу, не желающих признать в самом российском общественном и государственном укладе причины революции.

Можно убрать имя Горького из названия петербургского театра (БДТ), которое он носил шестьдесят лет, можно обличать его как партийного литератора и человека, всю жизнь прожившего в роскоши. Можно сместить с

классического пьедестала, водрузив на него Солженицына. Многого можно ожидать сегодня, кроме того, чтобы услышать убедительные возражения Горькому о причинах революции в России.

Образ Луны, отражающей солнечный свет, имеющей обратную сторону, возник некоей метафорой образа Солженицына – писателя, идеолога, личности, взыскующей Правды. Оглядывая судьбу Солженицына, возникает следующая «лунная» метафора – «лунатизм» писателя-пророка. Так раньше называли болезненное расстройство, при котором люди совершают какие-либо действия, находясь в состоянии сна. Хожения во время неполного пробуждения провоцируют на действия, свойственные бодрствующему человеку. Часто простые и безопасные, они могут становиться опасными: хватание за воображаемые предметы, жестокое поведение. Глаза сомнамбулы открыты, но выражение их тускло и остекленело.

Сознавал ли Солженицын, что им манипулировали, когда в 1963 году Хрущёв дал отмашку на публикацию «Одного дня Ивана Денисовича»? «Стагистическая правда», разоблачающая культ личности Сталина, сверкнув на XX-ом и XXII-ом съездах КПСС, должна была, отразившись в литературном произведении, стать «сердечным чувством», неопровержимым никакими доводами. И это чувство – вины, заблуждения, покаяния за полувекоевое строительство коммунизма – заставило немалую часть советских людей скептически смотреть на тиражируемый образ Ленина, одобряющий их жизнь фразой: «Верной дорогой идёте, товарищи!»

Магическое «полнолуние» «Архипелага ГУЛАГа» в свою очередь ввело в состояние «лунатизма» ещё большую часть советской интеллигенции – «образованщины» по хлёткому определению Солженицына. Понимал ли он, что в то же время и его сверхактивные действия становятся действиями «лунатика» с такими симптомами, как «хватание за воображаемые предметы» – идеи в его случае; «жестокое поведение» – с близкими, друзьями, с коллегами, с горячо любимой Россией?

В этом удивительном состоянии Солженицын продолжал пребывать и в США. Ему предоставили прекрасное по американским меркам жильё, он получал гранты, голос его звучал по всему миру. Он оказался сверхмощным информационным оружием массового поражения, направленным Западом, – всё той же пресловутой *Англичанкой, неустанно гадящей*, – оружием, направленным на разрушение Советского Союза.

Было бы неверно назвать его «полезным идиотом» – искренним человеком, не ведающим, что его протестный, пророческий потенциал направлен на разрушение того, что ему свято, – то есть тем, кем манипулируют. Солженицын отдавал себе отчёт, с кем и с чем он совершенно сознательно *бодался*. Странное это состояние, похоже на то, когда переутомлённому человеку снится сон, неотличимый от яви.

По возвращении в Россию, освободившуюся от *большевицкого* (Солженицын писал именно – *цкого*, а не – *тского*, по аналогии с *дурацким*, как он объяснял) гнёта, его постигло сильное разочарование пробудившегося человека. Выяснилось, что он служил делу, которое в итоге противоречило его глубоким убеждениям.

Пророк вернулся в ельцинскую Россию, но не стал её духовным лидером. Та великая Россия, за существование которой он положил жизнь, была не нужна властной либеральной группе. Даже его одобрение расстрела Ельциным Дома Советов в 1993 году не поменяло отношение власти к нему и его идеям. Возможно, тогда с его глаз спала тусклая сомнамбулическая пелена, и он увидел истинный результат *бодания*, которому предавался всю свою долгую жизнь. Не *телёнком*, молодым, отчаянным и упрямым, вознамерившимся проломить *дубовый* забор острога, в котором томится народ России, увидел он себя, а *крыловской свиной*, подрывающей корни *векового дуба – России?*

Он не совсем внятно, но всё-таки осудил расстрел Дома Советов, правда, позже, чем его давние оппоненты Максимов и Синявский.

Наблюдая, как гибнет при Ельцине народ, он написал работу «Сбережение народа». В конце жизни Солженицын по существу косвенно признал величие и значение Сталина, который дал советской России мощный разбег. Могло ли быть иначе, когда он увидел, что вместо культа личности, который он неистово разоблачал, создан и всемерно укрепляется куда более бесчеловечный культ денег и потребления? Этот культ оправдывает совмещение несовместимого: празднование на государственном уровне столетия автора работы «Сбережения народа» вслед за повышением пенсионного возраста россиянам.

Мог ли представить Солженицын в 1978 году, когда произносил речь в Гарварде, что все те претензии, которые он выдвинул Западу как цивилизации, менее чем через тридцать лет можно будет предъявить новой России, освободившейся от *большевицкого ига?*

Он говорил о западном обществе, но ведь и в современной России «открылось неравновесие между свободой для добрых дел и свободой для дел худых. И государственный деятель, который хочет для своей страны провести крупное созидательное дело, вынужден двигаться осмотрительными, даже робкими шагами, он всё время облеплен тысячами поспешливых (и безответственных) критиков, его всё время одёргивает пресса и парламент. Ему нужно доказать высокую безупречность и оправданность каждого шага. По сути, человек выдающийся, великий, с необычными неожиданными мерами, проявиться вообще не может – ему в самом начале подставят десять подножек. Так под видом демократического ограничения торжествует посредственность».

На сегодня почти по Маяковскому: мы говорим Солженицын, подразумеваем «Архипелаг ГУЛАГ». И это усыпляет. Не пора ли проснуться и переменить один из синонимов на более актуальный для современной России? Не пора ли с именем писателя связать его «Речь в Гарварде на Ассамблее выпускников», прозвучавшую 8 июня 1978 года? Выступив с критикой современного на тот момент Запада, он пророчески обозначил настоящее России, захваченной *разрушительной, безответственной свободой*, когда *Общество оказалось слабо защищено от бездн человеческого падения*.

Г. Н. Ионин
ПРАВДА И ЛОЖЬ – ДЛЯ ТОГО, КТО СОЛГАЛ

Кто хочет сказать правду – верен ей. Он не лжет. Он не говорит ничего такого, что в его сознании противоречило бы тому, о чем он знает, что это правда. И такие люди есть. И среди них есть такие, которые так поступали всю жизнь.

Но человек слаб. И, наверно, каждый мог бы поймать себя на лжи, которую он когда-то сказал. Ребенком. Юношей. Взрослым. Старцем. Он солгал, но зачем? Предложим условную формулу. Если она вредна, мы ее потом обезвредим. Итак...

Есть люди, которые лгут ради того, чтобы полнее и громче сказать правду. А есть люди, которые громко и полно говорят правду ради того, чтобы солгать. Эти две возможности, противоположные друг другу, важно различать не только в жизни отдельных людей в том или ином возрасте, но и для множества людей, объединенных какой-либо идеей, или для целых народов. И, если можно условно олицетворять, – для целых эпох национальной и мировой истории.

Лжет человек, лжет партия, лжет государство, лжет большинство народа. Лгут они ради чего? Или ради чего они говорят и используют правду? Ради правды или ради того, чтоб солгать?

К сожалению, сказанное выше не игра в софизмы. Ложь и правда востребованы. И будут востребованы всегда. Но мы до сих пор не умеем правдиво соотносить и оценивать каждый из таких вариантов – с правдой и ложью. У нас все просто. Солгал – значит совершил это ради лжи... Сказал правду – значит все ради правды...

А на деле, думая так, – и в том и в другом случае – мы порою лжем более крупно и тяжело. Ибо самые основы духовной культуры в таких случаях используются как источник лжи.

Религия – один из таких источников. Если она сознательно аргументирует ложь. Наука лжет, когда не признается в том, что ее знания по многим вопросам не полны и не окончательны. Искусство лжет, когда теряет органику воссоздаваемого им человеческого опыта или когда сознательно подменяет ее.

Но они же, эти основы духовной культуры – источники правды. А с правдою, по нашей формуле, та же сложность, если она ради лжи.

Что же нам делать? Хорошо знать – ради чего и то, и другое? И что в итоге итогов? И в этом вопросе и в этом ответе – нисколько не лгать?. Возможно ли это? И да, и нет! И что же тогда? Замкнутый круг?

Проблему каждый решает по-своему. А правоту и правду, как всегда, покажет и выявит опыт. И во всех случаях необходимо одно – различие правды и лжи.

Сказанное олицетворено личностью и творчеством человека, того, которому 11 декабря сего года исполнилось бы сто лет. Его знает весь мир.

Допустим, А. И. Солженицын солгал – с помощью правды. Но такой правды в искусстве слова не было до него. И вот именно она, эта правда, привлекла к себе миллионы читателей и способствовала началу целой эпохи в нашей истории. И в ходе полувека люди задавали себе наш вопрос – ради чего?. Да, ради чего эта правда? И боялись ответить и отмахивались от самих себя.

И полвека лгали себе, пока не пришли к полному эпохальному краху. И сейчас от него – многие, и очень часто – спасаются – тоже с помощью лжи.

«Художественное исследование» ГУЛАГа – великая правда. И это поистине великая книга. Но не только читатели, автор сам, скрытно или открыто вопрошал: все ли в этом исследовании правдиво. Солженицын вроде бы не претендовал на полноту и научность. Взамен ста и двухсот фактов у него было, условно говоря, два, три. Поэтому и открытую правду нужно было бы, по словам исследователя, делить на сто или на двести.

На самом деле ГУЛАГ, наверно, был еще страшнее. Много автор не досказал, не вспомнил, о многом не догадался. И за то просил даже простить его... Есть ли здесь у Солженицына хоть какая-то ложь преувеличения? Даже если она есть, знать его правду было необходимо. Тогда. И, может быть, еще более необходимо сейчас.

Правда реальных судеб. Документальная. Статистическая. И правда художественного постижения. Вот авторские слова: «Там, где научному исследованию надо преодолеть перевал, там художественное исследование тоннелем интуиции проходит иногда короче и вернее»...

Но – теперь самое главное! Полнота и сила этой документальной и художественной правды зависит и от того, ради чего автор ее открывает миру. Ради правды противодействия насилию, как это сделал бы Лев Толстой (и сделал в романе «Воскресение»), или ради разрушения той государственности, частью которой был ГУЛАГ?

И вот автор вступает в поединок не только с определенным режимом, но и с государством как таковым. И мы знаем, что это одна из идей Солженицына. Но опять-таки ради чего? Чтобы разрушить страну? Или только империю на территории этой страны? Да, он готов отдать не только одни Курилы. Вот кое-что из его признаний: «Сохранимся ли мы физически государственно или нет, но в системе дюжины мировых культур *русская культура – явление своеобразное, лицом и душой неповторимое. И не пристало нам обреченно отдаваться потере своего лица*»

И еще: «Духовная жизнь народа важнее обширности его территории и даже уровня экономического процветания. Величие народа – в высоте внутреннего развития, а не внешнего». Что здесь правда? Что ложь? Видимо, здесь и то, и другое (если учесть сегодняшние геополитические обстоятельства). Но различает ли автор в своих речах ложь и правду? А мы сегодня должны различать?

Лев Толстой уже говорил подобное (статья «Патриотизм или мир» и многое другое). Но у него было учение. И в нем – правда и неправда. Но не было лжи. А у нашего автора, который не делает ссылок на Льва Толстого, есть учение? Или только претензия на него? И потому неправда становится ложью?

Вот еще один из примеров.

Солженицын хочет, чтобы народ, отделившись от государства, возобновил земство и перешел к самоуправлению на местах. Мысль тоже не новая. И если она повторена, то...

Неужели автор верил в утопию постепенного объединения островков местного земства в Общероссийское Земское собрание, которое выразит волю всего народа и заменит собой государство (Россия в обвале. Русский путь. 2006)? А быть может, здесь и обнаружили мы одно из проявлений великой лжи, ради которой открывалась миру великая правда? Кто поверил? И кто солгал?

Об общине и земстве писали до Солженицына. Лев Толстой тоже был против государства. Но эти и другие предшественники проповедовали в иной системе и в другое время. В 2006 году подобные модели кажутся чудовишно наивными и примитивно лживыми. Так или не так?

За этими примерами встает уже упомянутая выше более общая проблема, В самом деле, спросим себя. Имеют право народы пытаться строить царство божие на земле? Советский проект, пусть и на атеистической основе, без веры в небесное божье царство, – попытка создать такое царство.

Ненависть ко всему советскому означала принципиальное отрицание таких попыток, пусть и неудачных на практике. Пока... Именно в созвучии с этой ненавистью и была объявлена правда о ГУЛАГе.

Вспомним самое начало 1-й части, главу «Арест». Подробно и впервые в литературе рассказано не только об ужасах самой ситуации ареста – «Я? За что-о?», но и о многообразных и психологически невероятных, неисчислимо многообразных формах ареста. Честно говоря, таких форм, вероятно, не было нигде, кроме как в СССР.

Но выглядит она как общие многообразно-типовые формы любого тоталитарного насилия над ни в чем не повинными людьми. А речь идет именно о советской системе. Здесь нет даже попытки вскрыть ее внутреннюю логику, то, как могло такое быть в нашей советской стране. И вот тут именно в книге правда граничит с ложью присущей ей недосказанности.

А у Пришвина в его «Осударевой дороге» – откровенная сказка о том, как эски строили Беломорканал и перевоспитывались в процессе этой стройки. Прямая ложь ради высокой правды, как ее понимал тогда Пришвин.

В советской системе было свое благо. И Солженицын это знал, но решил, что это не надо знать.

Так легко было отбросить весь советский опыт, с его ужасами и героикой, И мы (многие из нас), вслед за Солженицыным, сегодня готовы этот опыт тоже отбросить.

Где тут правда, где неправда, а где глубинная ложь?

Для Данте, на которого Солженицын ссылается («В круге первом»), обман более страшный грех, чем насилие. В аду казнь за этот грех – ближе к Люциферу. К центру земли. Да и самый страшный грех – предательство – обман в действии. И не надо забывать, что у Данте символ Обмана – дракон с правдивым и благородным лицом.

Кстати, в лимбе у Данте не просто сохранены поэтом от адских мук праведники-нехристиане. Они томятся в круге первом о той истине, которая есть, но им недоступна. Значит, за кругом первым у Данте стоит вся система правды, которую поэт предназначен увидеть, со всеми градациями добра и зла. А у Солженицына этого в принципе нет. Ссылка на «Божественную комедию» неполна, неточна и некомпетентна. Но она характеризует автора повести. Он видит в советском опыте только ад.

К концу жизни Солженицын кое-что поправил в себе. Он, как мы знаем, не стал диссидентом, соблюдая свою, независимую позицию. Он спорил с тем, что творилось у нас в девяностые годы. Вопреки себе он был против развала Советского Союза. Это важно. И все же с одной поправкой. Он ни разу не признался в своей недавней неправоте. Развитие требует исповедальной честности. Иначе оно «сдобрено» самообманом.

В том, что сказал Солженицын – художник и публицист, мыслитель и проповедник, содержатся неотразимо верные, хотя и не всегда впервые провозглашенные истины. Как художник-документалист он сделал великое дело. Инициация лагерной и другой, исторической правдой – непереносимое условие нашего возрождения. Особенно важен в этой связи рассказ «Случай на станции Кочетовка». Здесь показано – как именно человек становится колесиком и винтиком системы насилия.

Солгал Солженицын или не солгал в главном, – выявит время. Самое важное ясно уже сейчас. Далеко не всем. Но ясно. Более полвека прошло. Нам надо сделать то, что сделал и что не успел (или не захотел) сделать он. До конца, не щадя себя, пересмотреть наш исторический опыт. Не жертвуя никакой, даже самой для нас мучительной правдой.

Памятник Солженицыну вполне символичен. Он память о необходимости разбираться во всем, что остается загадкой для нас и для мира.

Заседание секции критики. Столетие СОЛЖЕНИЦЫНА

27 декабря, четверг, 12-15. Я не часто бываю в Казанском соборе, вижу его, проезжая по Невскому, уже не редко, а еще чаще вспоминаю, вместе с другими выдающимися строениями Петербурга, или проезжая мимо них под землей, или просто по какому-то постороннему случаю. Так можно было бы сказать, что Солженицын – это Казанский собор среди людей, имеющих значительное отношение к моей жизни.

Но есть еще множество людей, о которых приходится читать или слышать, с которыми наша жизнь пересекается или которые на нашу жизнь в меньшей или большей степени влияют, например, царь, его министры, политики – ну, скажем, Ч---с, которого все ненавидят, который нашу страну разорил и опустил, встречается то с Ротшильдами, то с Кудринными, то с Набиуллиными, а те, в свою очередь, встречаются с нашим царем, которого все любят и который ни за что не отвечает. И я понял, что или на самом деле Ч---с работает царем или императором, только по каким-то причинам он и их окружение это скрывают (а мы знаем, но не хотим говорить, чтобы наши внуки не привлекли и нас самих к ответу за то, что мы Россию предали, и не стали ее защищать) – или он работает Подставой, Клоуном для битвы, с нами сильные делают, что хотят, а нам подсунули куклу, чтобы мы на нее наш гнев обращали, мол: *У, рыжая морда! Ужо тебе!*

Да нет, ничего не будет. Он свои деньги за то, что работает рыжим, исправно получает, те, кто разрушают нашу страну, вне подозрения, и так мы благополучно скатимся в пропасть.

Если не произойдет чудо. Хотя чудес, увы, не бывает.

Хотя, впрочем, некоторые не слишком большие чудеса в моей собственной жизни бывали.

Итак, мы говорим сегодня о Солженицыне. Разговор этот не должен стать праздным, мы много о нем читали и слышали, знакомы с его книгами и выступлениями, читали и критиков, разбирающих жизнь и творчество Солженицына, одна дама выступала перед нами с разбором Матренина двора, и я был потрясен, как все верно и как я ничего не замечал. Известный публицист и историк Егор Холмогоров пишет и о Солженицыне и о Шафаревиче, его статьи я перепечатал в нашем «Журнале с топором», он их существенно защитил, в частности, показал, что о потерях русского народа за годы коммунистической власти Солженицын говорит объективно, опираясь на известные ныне исследования историков и обнародованные документы, никогда не врет (в отличие от советской власти, которая нам безостановочно ВРАЛА все семьдесят лет своего господства, и это каждый знает, только по каким-то причинам не хочет признавать, или скрывает от самого себя, как не признают христиане ни крестовые походы, ни инквизицию, ни террор против старообрядцев, которые составляли четверть русского народа). Еще Холмогоров исследует вопрос о возможном еврейском происхождении Солженицына и доказывает, что это **миф**. Дело в том, что Солженицын – это болевая точка нашей души, нам больно до нее дотрагиваться, мы ее укутываем разной чушью, покрываем мифами – а нам надо лечить самих себя,

лечить русский народ и русскую историю, и тогда мы увидим, что и в споре с бесноватым царем Иваном Грозным прав победитель под Казанью князь Курбский, и в споре с Распутиным и императорским двором виноваты Николаша и Алексаша и царский двор (который, надо сказать, почти поголовно участвовал в масонском антирусском заговоре вместе с Керенским, и с генералами Генерального штаба (Бонч-Бруевич, с одумавшийся позже генерал Алексеев, ... не считая и всех тех, о которых лучше меня знает господин Муриков.)

Россия в 17-м году пережила смертельный кризис, к власти пришли антирусские силы, хотя Русь медленно прорастала сквозь всё, как это было и при татарах, и Солженицын – это потрясающий пример такого прорастания сквозь самого себя: он начал как типично советский и коммунистический молодой человек с свежим талантом (по образованию он математик, но учился потом даже у режиссера Завадского на актера), потом воевал, нечаянно попал в лагерь и на шарашку, встретил множество умных людей (а надо признать, что подавляющее большинство самых умных или сидели или были расстреляны, или подверглись другим репрессиям, которые затронули как минимум треть русского народа, оттого-то сегодня в России и бабы не рожают: все смертельно устали, одни – сидеть, другие – сажать! Вы не видите, как тяжело сейчас нашим органам сажать безвинных, только когда надо деньги отобрать, появляется живость!

Я Солженицына знаю лучше подавляющего большинства – не то чтобы много подробностей, нет, не в них дело, а в сопереживании, в ПРОЖИВАНИИ во многом похожей судьбы и жизни. Он жил и писал, живет и пишет (теперь уже через критиков и историков) ту самую подлинную жизнь, что и я. Вот почему.

Я сначала деревенский, потом городской, советская власть прокатилась катком прежде всего по крестьянству, городские даже виноваты перед нами за этот каток, то приезжали у нас через комбеды всё подчистую забирать, то расстреливать детей у восставших тамбовских мужиков (какому Гитлеру это снилось?), то поднимать целину с помощью каких-то идиотов Нагульновых, то раскулачивать справных крестьян и даже бедных, но держащих голову не пряча глаза, обзывать их подкулачниками и отбирать последнее и ссылать в Сибирь, а то и на лютую смерть (прочитайте уже не Солженицына, а Тендрякова и Виктора Астафьева, прочитайте Бориса Можаева, да и Есенина с Клюевым). Итак, родился я на краю мира, в маленькой сибирской деревушке, где не было ни электричества ни автомобиля ни трактора, потом построили рядом лагерь, сквозь колючую проволоку которого я стал смотреть вместе с эсками кино. Так, можно сказать, я начал читать архипелаг ГУЛАГ. Похожим образом его, кстати сказать, начала читать и Маргарита Токажевская. Уже в Питере я ходил на домашние встречи геологов, открывших для нашего народа все самое значительное и в алмазах, и в нефти, и в других полезных ископаемых, которым мы много обязаны, и как ни удивительно, все сплошь сидели или были сосланы в Северный Казахстан. Потом я редактировал «Историю геологических открытий»... а напишите историю нашего ракетной

промышленности – знаете ли вы, что создатели «катюш» все до одного были расстреляны, и наши Королев, Глушко и Туполев «мотали» по десятке? Ко мне на домашние литературные вечера тоже ходили недострелянты, например, переводчик Корана Теодор Адамович Шумовский и легкомысленный этнограф Лев Николаевич Гумилев (но с ним, правда, дружба не сложилась, хотя я в журнале Мера о нем и его письма печатал).

Гулаг был вселенской раковой опухолью, пронизавшей всю русскую страну и задевшей не только тех, кто был ею съеден, но и других, я жил и учился в Краслаге (городке, где находилось Управление Красноярских лагерей), сидел за одною партией с детьми начальников лагерей и чекистов... Отец моего товарища потом застрелился – разве он не жертва Гулага? А его кто-нибудь посчитал? Учили меня лучшие учителя в мире, и школа наша завоевала недавно первое место в России, но все мои учителя были жертвы Гулага, хотя антисоветчиком среди нас всех оказался только я один. Но может быть, я народный мститель за них всех? Кто-то ведь должен сказать правду? Кто-то им должен посочувствовать? Разве не изломаны были их судьбы, не всем даже удалось выйти замуж, и воспитывали они приемных детей, то есть своих учеников. Правда, наша семья была одной из самых благополучных. Погиб на войне мой отец Иван и брат матери Василь, вот почему я стал Василием Ивановичем. А когда начал Хрущев кампанию размораживания России, то мои младшие тетки схватили первых освободившихся, одна бывшего вора в законе, под ее влиянием ставшего святым, а вторая бывшего бандеровца (я с ними немало выпил и они меня любили, ничего они о лагерной жизни рассказывать не любили, да я и сам слишком и без них уже надышался лагерным воздухом России).

Полил ли грязью Солженицын Россию, очернил ли он русский народ?

Сначала, в 62 году я прочитал «Один день Ивана Денисовича» и был возмущен, так меня поразила сравнительно благополучная, почти райская жизнь ээков (а я сам жил потом, после деревушки, в поселке, который состоял из бывших или нынешних ээков (бесконвойных – днем они были вольными, а вечером уходили в лагерь). Потом я понял, что эта повесть гениальна еще и своей почти неправдой, идиллией вместо ада, даже не чистилищем. Это житийная почти лубочная повесть, житие русского мужика в условиях лагеря, как «Василий Теркин» - такое же житие в условиях войны. На самом деле, конечно, было мрачнее и чернее, и более жестоко. Дело в том, что воспоминания оставили люди молодые и сильные, они пострадали меньше, потому что ад скорее скатывался с их стальной кожи, поэтому не мрачно и «Погружение во тьму» Олега Волкова (я был на его даче и на письменный стол положил номер журнала, в котором напечатал письмо к нему), не мрачны и рассказы Жженова и Виктора Астафьева... А академик Лихачев подарил моей пятилетней внучке Настеньке свою книгу, на последней странице ее нарисовал «остров» Архипелага Гулага, то есть Соловки, и нарисовал окно из камеры, в которой он сидел, и был он радостен и светел.

Нет, никакой черноты и тем более «чернухи» не нахожу я в его книгах, ни в «Одном дне», ни в «Круге первом», ни в «Раковом корпусе» (а я его перепечатал на пишущей машинке, теперь уже не понимаю, зачем...

Возможно, этот роман был запрещен? За что? Тоже не понимаю. Да, попробуй понять властителей душ! То они объявляют рождение детей «первородным грехом» и за это лишают человека и вечной жизни и рая, то преследуют почти невинные романы – разве «Белая Гвардия» Булгакова или его рассказы в журнале Недра в 22 году еще невиннее? Но их же печатали! Или и Булгаков облил грязью советскую Россию?

Нет, ни неправды ни лжи нет в сочинениях Александра Исаевича, если только не считать неправдой, что подлинную безобразную и омерзительную жизнь в условиях липкого страха и ужаса (террора – лат. **terror** «страх, ужас») он, конечно, **просветлил**. И в «Одном дне» изображена *почти идиллия* лагерной жизни, а в «Круге первом» – *совершенная идиллия*.

Принялся я писать статью к сегодняшнему собранию, конечно, поздно, ни написать ее не успею, ни зачитать написанное, но я ее напечатаю в следующем номере журнала вместе с статьями других.

Сначала меня смущало то, что о чем бы я ни начинал писать, в большой степени разговор заходил обо мне самом, получалось вроде: Толстой и я, Пушкин и я, Розанов и я... Наконец, я понял существо дела достаточно глубоко и теперь знаю, как надо. Вот путешественник Арсеньев написал книгу: Я и Уссурийская тайга (или иначе – «в дебрях Уссурийского края») – в то время как несомненно Уссурийский край его превосходит – но так и меня превосходят и Солженицын и Толстой и Пушкин, но и я себе интереснее в единстве с русской литературой и русскими писателями, и они тоже. Так и каждый из вас интересен, а особенно интересно и важно для меня и других наше восприятие великого человека. Россия в 17 году была заморожена, ледяной панцирь накрыл ее, казалось, на столетия – и вдруг без революции произошел раскол в нашем обществе, сама Коммунистическая партия почти покаялась в своих преступлениях, по крайней мере большинство эзков сначала освободили в 53-м году, после смерти кровожадного тирана, потом, в 56-м, и тирану воздали должное, и у нас в Краслаге уже в тот день, когда было напечатано постановление 20-го съезда о «Культе личности», горели во дворах присутственных учреждений костры (и во дворе нашей школы), где *священная инквизиция* сжигала образ вождя (в Истории инквизиции рассказывается, что очень часто, если подсудимый умер или сбежал, сжигали или его труп, выкопанный из земли, или чучело из соломы), так что мы поступали по-христиански. В 56-м начались реабилитации... И что же, некоторые мечтают, чтобы сегодня реабилитированных снова объявили преступниками, если Солженицын лжец, или тех, кто был досрочно освобожден, посадили доживать? Но мы еще продолжим наш спор. Или на Страшном суде – уж Бог-то должен наконец провести свой съезд среди ангелов и отчитаться за всех? Или в Конце света... -----

Отвечу на упреки в адрес несостоявшегося пророка (да ведь и Христос не состоялся в своей стране и даже его распяли, и немало инквизиция распинала потом за Христа не виноватый в его смерти еврейский народ). Ответ мой прост. Разве Солженицын сверг советскую власть? Разве ее кто-нибудь защищал из 270 миллионов советских людей? За что ж на него гонения?!

(Произнес ли я мою речь – не помню...)-----

Читая Карамзина: Глава III

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО. 1569-1572 г.

В Декабре 1569 года он с Царевичем Иоанном, со всем Двором, со всею любимою дружиною выступил из Слободы Александровской, миновал Москву и пришел в Клин, первый город бывшего Тверского Великого Княжения. Думая, вероятно, что все жители сей области, покоренной его дедом, суть тайные враги Московского Самодержавия, Иоанн велел смертоносному легиону своему начать войну, убийства, грабеж, там, где никто не мыслил о неприятеле, никто не знал вины за собою; где мирные подданные встречали Государя как отца и защитника. Дома, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Клина до Городни и далее истребители шли с обнаженными мечами, обагрят их кровию бедных жителей, до самой Твери, где в уединенной тесной келии Отроча-монастыря еще дышал Св. старец Филипп, молясь (без услышания!) Господу о смягчении Иоаннова сердца: тиран не забыл сего сверженного им Митрополита и послал к нему своего любимца Малюту Скуратова будто бы для того, чтобы взять у него благословение. Старец отвечив, что благословляют только добрых и на доброе. Угадывая вину Посольства, он с кротостию примолвил: "Я давно ожидаю смерти: да исполнится воля Государева!" Она исполнилась: гнусный Скуратов задушил Св. мужа; но, желая скрыть убийство, объявил Игумену и братии, что Филипп умер от несносного жара в его келии. Устрашенные Иноки вырыли могилу за олтarem и в присутствии убийцы погребли сего великого иерарха Церкви Российской, украшенного венцем Мученика и славы: ибо умереть за добродетель есть верх человеческой добродетели, и ни новая, ни древняя История не представляют нам Героя знаменитейшего. Чрез несколько лет (в 1584 году) Святые Мощи его были пренесены в обитель Соловецкую, а после (в 1652 году) в Москву, в храм Успения Богоматери, где мы и ныне с умилением им поклоняемся.

За тайным злодейством следовали явные. Иоанн не хотел въехать в Тверь и пять дней жил в одном из ближних монастырей, между тем как сонмы неистовых воинов грабили сей город, начав с Духовенства и не оставив ни одного дома целого: брали легкое, драгоценное; жгли, чего не могли взять с собою; людей мучили, убивали, вешали в забаву; одним словом, напомнили несчастным Тверитянам ужасный 1327 год, когда жестокая месть Хана Узбека совершалась над их предками. Многие Литовские пленники, заключенные в тамошних темницах, были изрублены или утоплены в прорубях Волги: Иоанн смотрел на сие душегубство! - Оставив наконец дымящуюся кровию Тверь, он также свирепствовал в Медном, в Торжке, где в одной башне сидели Крымские, а в другой Ливонские пленники, окованные цепями: их умертвили; но Крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив и самого Иоанна. Вышний Волочек и все места до Ильмена были опустошены огнем и мечем. Всякого, кто встречался на дороге, убивали, для того, что поход Иоаннов долженствовал быть тайною для России!

Из интернетской помойки. **МАРШАЛ ПОБЕДЫ.**

Документ №1. (с сокращениями) .....

"Учитывая все изложенное, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признавая, что т. Жуков за свои поступки заслуживает исключения из рядов партии и предания суду, сделать т. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания.

2. Освободить т. Жукова с поста командующего Одесским военным округом, назначив его командующим одним из меньших округов

3. Обязать т. Жукова немедленно сдать в Госфонд все незаконно присвоенные им драгоценности и вещи."

Документ №2 Письмо Г.К. Жукова А.А. Жданову. 12 января 1948 г.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

Товарищу Жданову Андрею Александровичу

Объявленное мне в ЦК ВКП(б) письменное заявление бывшего моего адъютанта С. по своему замыслу и главным вопросам является явно клеветническим.

Первое. Обвинение меня в том, что я был враждебно настроен к т. Сталину и в ряде случаев принижал и умалчивал о роли т. Сталина в Великой Отечественной войне, не соответствует действительности и является вымыслом. Факты, изложенные в заявлении С., сострепаны С. ....

.....

Пункт обвинения меня в непартийном выступлении во Франкфурте перед «союзниками» не соответствует действительности, что, наверное, может подтвердить т. Вышинский, ... На приеме в 82-й парашютной дивизии я был вместе с Соколовским, Серовым и Семеновым. Я там не выступал, а все, что говорил, считаю глубоко партийным.

Второе. Обвинение меня в том, что я продал машину артисту Михайлову и подарил Слаvinу, не соответствует действительности. ....

Третье. О моей алчности и стремлении к присвоению трофейных ценностей.

Я признаю серьезной ошибкой то, что много накопил для семьи и своих родственников материала, за который платил деньги, полученные мною как зарплату. Я купил в Лейпциге за наличный расчет:

1) на пальто норки 160 шт.

2) на пальто обезьяны 40-50 шт.

3) на пальто котика (искусств.) 50-60 шт. и еще что-то, не помню, для детей. За все это я заплатил 30 тысяч марок.

Метров 500-600 было куплено фланели и обойного шелку для обивки мебели и различных штор, т.к. дача, которую я получил во временное пользование от госбезопасности, не имела оборудования.

Кроме того, т. Власик просил меня купить для какого-то особого объекта метров 500. Но так как Власик был снят с работы, этот материал остался лежать на даче.

Мне сказали, что на даче и в других местах обнаружено более 4 тысяч метров различной мануфактуры, я такой цифры не знаю. Прошу разрешить составить акт по фактическому состоянию. Я считаю это неверным.

Картины и ковры, а также люстры действительно были взяты в брошенных особняках и замках и отправлены для оборудования дачи МГБ, которой я пользовался. 4 люстры были переданы в МГБ комендантом, 3 люстры даны на оборудование кабинета главкома. То же самое и с коврами. Ковры частично были использованы для служебных кабинетов, для дачи, часть для квартиры. ....

Относительно золотых вещей и часов заявляю, что главное - это подарки от различных организаций, а различные кольца и другие дамские безделушки приобретены семьей за длительный период и являются подарками подруг в день рождения и другие праздники, в том числе несколько ценностей, подаренных моей дочери дочерью Молотова Светланой. Остальные все эти вещи являются в большинстве из искусственного золота и не имеют никакой ценности.

О сервизах. Эти сервизы я купил за 9 200 марок, каждой дочери по сервизу. На покупку я могу предъявить документы и может подтвердить т. Серов, через кого и покупались сервизы, т.к. он ведал всеми экономическими вопросами. ....

Серебряные ложки, ножи и вилки присланы были поляками в честь освобождения Варшавы, и на ящиках имеется надпись, свидетельствующая о подарке. Часть тарелок и еще что-то было прислано как подарок от солдат армии Горбатова.

Все это валялось в кладовой, и я не думал на этом строить свое какое-то накопление.

Я признаю себя очень виноватым в том, что не сдал все это ненужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно.

О гобеленах я давал указание т. Агееву из МГБ сдать их куда-либо в музей, но он ушел из команды, не сдав их.

Четвертое. Обвинение меня в том, что соревновался в барахольстве с Телегиным, является клеветой. Я ничего сказать о Телегине не могу. Я считаю, что он неправильно приобрел обстановку в Лейпциге. Об этом я ему лично говорил. Куда он ее дел, я не знаю.

Пятое. Охотничьи ружья. 6-7 штук у меня было до войны, 5-6 штук я купил в Германии, остальные были присланы как подарки. ....

Шестое. Обвинение меня в распущенности является ложной клеветой, ... Я подтверждаю один факт - это мое близкое отношение к З., которая всю войну честно и добросовестно несла свою службу в команде охраны .....

Прошу Центральный Комитет партии учесть то, что некоторые ошибки во время войны я наделал без злого умысла, и я на деле никогда не был плохим слугою партии, Родине и великому Сталину.....

Я даю крепкую клятву большевика не допускать подобных ошибок и глупостей. Я уверен, что я еще нужен буду Родине, великому вождю тов. Сталину и партии. .... Член ВКП(б) ЖУКОВ

Опубликовано: Маршал Г.К. Жуков. Хроника жизни. М. 1999. -----

Из книги Александра Пыльцына

СОЛЖЕНИЦЫН – КЛАССИК ЛЖИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА

[Моя задача (пишет автор)] – раскрыть его как человека **непорядочного, подлого, лживого...**

гл. 1. Катастрофическое разрушение СССР принесло страдания... и преждевременную смерть десяткам миллионов бывших советских граждан. Эти массовые жертвы ... на совести Солженицына, ставшего нобелевским лауреатом именно за это,

гл. 2. *Автор даже доказывает, что «Критика Сталина» в переписке Солженицына – продуманное дезертирство с фронта», для чего якобы он и придумывает антисоветскую группу и вовлекает в нее своих друзей и даже жену.*

(Далее «исследователь» нам сообщает):

«Солженицын в своих «правдивых» сочинительствах рассказывал об ужасах советских лагерей, а сам почему-то отделался довольно легко – получил 8 лет. «По тем временам это совершенно неестественный, очень уж малый срок. Для сравнения приведу хорошо известный мне факт: моему отцу **только за ругательство в адрес Сталина** в 1942 году дали 8 лет. А тут те же 8 лет за **создание антисоветской группы, да ещё с конкретными целями и планами свержения государственной власти!**»

«Кириллу Симоняну следователь дал почитать солидную тетрадь в 52 страницы, которые были исписаны столь знакомым ему почерком «друга Сани». На каждой её странице доказывалось, что *«он, Симонян, с детства был настроен антисоветски, духовно и политически разлагал друзей ....., пытался создать нелегальную организацию... С 1940 года систематически вёл антисоветскую агитацию... разработывал планы насильственного изменения политики партии и государства, клеветал ... на Сталина».*

«Так как **страх загнал его с фронта за тюремные решетки**, ему нужно как-то отличаться и снова быть первым и в новых условиях, как школьнику или студенту в прошлом, чтобы избавиться от лагерно-тюремных «неудобств». [Не правда ли, чудный язык?!]

... ..

«По признанию самого Солженицына, он в своё время дал подписку о «сотрудничестве» с органами следствия (значит ещё **до осуждения!**) ... Поэтому он становится... **секретным информатором**. Это непреложный факт, что именно эта подписка привела его в разные «шарашки» [в одной из шарашек сидели Туполев, Королёв и Глушко, Тимофеев-Ресовский после лагеря *сидел* в другой], из которых он почти половину срока пробыл в «Марфино». Сам профиль и секретный характер научных исследований в «Марфинской шарашке» дал повод спецслужбам направить туда Солженицына, как **секретного информатора**». [А какая осведомленность!]

Спецтюрьма или «шарашка» «Марфино» – это особая тюрьма, где собраны лишённые свободы учёные и крупные специалисты, охраняемые, как важный секретный объект. Помещалась она в старинном здании бывшего Александрово-Марфинского приюта, ...в котором ещё со времён борьбы ВЧК с бес-

призорностью был детский дом. Нет ни глухо зарешённых окон, ни параш, ни нар, хорошие (правда, «двухэтажные») кровати, чистое постельное бельё. После войны сюда вселился научно-исследовательский институт связи, в изолированной части его работали заключённые из числа специалистов, среди них были физики, математики, специалисты в области радио- и телефонной связи. ... По свидетельствам его обитателей это был фактически *привилегированный и засекреченный, охраняемый лагерь*, где специалисты работали над проблемами и заданиями особой важности. Органы безопасности тщательно отбирали людей, которых туда направляли». [Уж не он ли и отбирал?!]

 Мемуары Натальи Решетовской «В споре со временем» (1975), Читайте подробнее на FB.ru

Я читал ее воспоминания тогда же, в 1975 году, и они произвели на меня очень хорошее впечатление, хотя говорили, что санкцию на их публикацию дало КГБ. Думаю, несмотря на публичную кампанию обвинений Солженицына как «литературного власовца», Комитет не имел оснований пытаться опорочить его в мемуарах его жены.

Ни о Солженицыне ни о его первой жене мне не приходилось слышать ничего неблагоприятного. Читал я кое что и из полемики Солженицына с эмигрантами из СССР, в частности его полемику с Яновым, который мне нравился по его книге «Российский абсолютизм» (кажется, так). Обвинялся Солженицын (на Западе) в русском национализме и даже шовинизме. Что до антисоветской группы, которую создавал Солженицын, десять лет назад я прочитал о том, что в 70-м году я тоже планировал взорвать памятник Ленину, это было сказано в Записке председателя КГБ Андропова в Политбюро. Ни на следствии ни на суде эти обвинения не прозвучали, видимо, и члены Политбюро уже понимали цену таким обвинениям.

В конце пятидесятых – начале шестидесятых годов были слухи о том, что Сталин – английский шпион, я в это верю, тем более что свекор моей двоюродной сестры, близкий друг Никиты Сергеевича, как то сказал при мне (я тогда у них гостил), что скоро это будет официально обнародовано. Вообще, Россия такая страна, что исторические откровения надо объявлять в Посланиях патриарха, чтобы они становились религиозными истинами. Кстати, я уже писал о том, что Глушко однажды после посадки разговаривал с Королевым и упрекал его в лживых показаниях, на что тот ответил: «Значит, тебя не так били, как меня». Поэтому не надо повторять клевету, надо спорить достойно.

Еще одно, последнее воззвание!

Дорогие друзья! Я родился примерно когда и вы все, но у меня были родные и друзья, родившиеся раньше меня, и кое что я успел увидеть их глазами; были в руках и книги, некоторые были написаны в третьем веке до нашей эры, а иные еще и раньше, и мы все, и вы и я, учились по ним в школе, в школьном курсе геометрии мы начинали с теоремы Фалеса, который ее сформулировал даже за шестьсот лет до рождения Иисуса из Назарета, потом учили вместе Родную речь, и там среди пословиц и поговорок русского народа учили «Береги платье снову, а честь смолоду»... Правда, я, как и вы, не был на Сенатской площади в то злополучное и великое утро 14 декабря 1825 года (но предки моих знакомых и даже нашей с женой подруги там были и махали золотой шашкой), не участвовал, к сожалению, ни в Революции ни в Гражданской войне (в которой прадед стрелял в деда за белых, а дед стрелял в прадеда за красных, жили они потом мирно, хотя и не разговаривая, в одной и той же сибирской деревушке), не участвовал в Отечественной войне (в которой воевал и погиб мой отец, сначала у стен Ленинграда на реке Свири, потом на линии Маннергейма, который тоже сначала был русским офицером и присягал императору)... В пять лет я выковыривал мерзлые картофелины из мерзлого поля, из которых мы испекли с мамой драников (через ПЯТЬ лет после войны – и это важно отметить, в 1812 году Москва тоже сгорела, и двести тысяч крестьян разбежались по окрестным лесам, но через пять лет Москва уже не была пепелищем)... И я уже начал мыслить и понимать. Сначала я прочитал книгу о Николае Полевом, выдающемся редакторе и писателе, родом из Иркутска (Пушкин с ним был в прохладных отношениях, а Николай Палкин сослал в деревню за резкий отзыв о «Борисе Годунове» Пушкина), потом прочитал книгу о Николае Копернике (вы его помните, он был монахом, хотя и не соглашался с библейскими рассказами о том, что Земля плоская и царь Иисус Навин остановил Солнце, когда это Земля вращается вокруг солнца, а не наоборот, кто не знает или забыл, запишите.) Потом я прочитал Категории и Этику Аристотеля, из первой я узнал о Логике, из второй усвоил понятие **Добродетели**.

В десять лет сквозь колючую проволоку, сидя около нее с вольной стороны Зоны, я смотрел кино (в деревне же кроме крестьян, коров и лошадей и собак ничего больше не было). В это же время в правлении колхоза я уже читал вслух колхозникам газету и объяснял им смысл международной политики, за что мне начисляли трудовые, хотя я колхозником еще не был, как и Матрена в рассказе Солженицына, я был только сыном крепостных (кто не знает, у колхозников не было права уезжать из колхоза от управляющего – председателя, что и было *Крепостной зависимостью* – от слов «прикрепить к земле»). В 1962 году я прочитал книгу Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и был недоволен таким же приукрашиванием действительности, как и у других советских писателей, «лакировщиков», за что А.И. полагалась Ленинская премия, но что-то «не срослось»). Надо сказать, что при Сталине (а я уже читал газеты и книги, и хорошо помню плакаты, висевшие в каждом углу вместо икон «Болтун – находка для шпиона!», как после Сталина на

каждой улице Ленина – а они были за каждым перекрестком в городах Ленина и неЛенина – висели длиннейшие *транс-паранты* «Слава КПСС!») – при Сталине в сердцах окрестных жителей жил ужас. *После Сталина сначала наступила свобода*. Потом, говорят люди с плохой памятью, не стало хлеба. Кому это говорят жители городов и их дети, если Русь была когда-то крестьянской и деревенской, и это было благо, «бабы рожали!» – для Жукова и других, но хватало даже на войны и расстрелы – и великий город был только раз, в великую Смуту, когда трупы людей валялись на дорогах – но это было обычным явлением во все годы Советской так называемой власти, и не только голод в Поволжье, но и во всех южных областях, и на Украине, и при раскулачивании, и при Блокаде, и даже в Сибири, и в Вологде умершие от голода крестьяне тоже валялись на улицах, как об этом пишет Тендряков, и на Колыме «умерли **все!**» - заканчивает свой рассказ Варлам Шаламов, бывший троцкист (ну, это, на мой взгляд, доказывает, что русский народ в массе своей не только простодушен, но и не шибко большого ума.) И с чего вы вцепились в несчастного Солженицына, будто он нагоняет тоску и ужас? А вы читали Андрея Платонова «Котлован» и... забыл... ? Кстати, и язык почти тот же, что и у А.И., так же прыгает как воробей от слова к слову, но никто почему то не доказывает, что Платонов бездарный писатель – но впрочем, так как я перепечатал на машинке «Раковый Корпус» и «В круге первом», то больше четверки за эти романы я не могу поставить, «Погружение во тьму» Олега Волкова и страшнее и ослепительнее. А десять лет назад прочитал я Славу Овсянникова, его Соснора оптимистичен, но что вы скажете о его «**Це менто паде**»? Или «**Загинайле**»? Это покруче даже, чем «Вий» Гоголя! Но никто не нападает на Славу за то, что он развенчал «Великую эпоху антикоммунистической революции», которая, конечно, такая же **ПОШЛОСТЬ**, несусветная пошлость, как и эпоха развитого социализма с ее плакатами во всю улицу, так что при трагедии ТЕРРОРА меньше задыхались. Но как можно было день и ночь слушать эти ЛОЗУНГИ и восхваления, этот энтузиазм, соцсоревнование, строительство, награды героям, восхваления, пафос труда, пафос единения, слияния, восторга, радости, взаимопомощи, братства, дружбы, борьбы, победы, ... с ним сравним только пафос **любви к ближнему**, коленопреклонения, любви к богу, жертвы, слез умиления, прощения, мщения прощания и завещания ... Господи, да не надо мне воскресения, я ведь там сдохну от удушья, вися одним из листков на Древе господнем, не опускайте только меня в вар и смолу, я ведь никого не обидел, никого не ударил, никого не предал... и пусть под зеленым дубом буду я лежать хотя бы в виде желудя... да ладно, пусть даже пуля ударит и я все позабуду и станет ничто! С этой христианской любовью, с его искуплением моих несуществующих грехов я умру с тоски даже воскреснув!

Знаете, когда я слушаю Piano concert Баха в исполнении божественной Полины, народ сидит в молчании, никто не стоит на коленях, никто не крестится и не прерывает речь вождя неистовыми аплодисментами, я думаю и понимаю, что жизнь прекрасна, но только либо надо уже умереть, либо не выходить на улицу. И иногда я понимаю, зачем ожилá (воскресла) любовь к

Сталину – все же он покарал хоть два-три злодея, в том числе Тухачевского, отбиравшего младенцев у матерей в обмен на их скрывающихся в Тамбовских лесах мужей. «Надо примириться с историей» а но как же Рахиль, которая *плачет о детях своих и не хочет утешиться?* И как же христианское человечество оплакивает своего Бога уже две тысячи лет (хотя он воскрес) и не хочет простить ту невежественную толпу, которая вскричала «Отпусти нам Варавву!?» И так ли Варавва был плох? (я не сравниваю одного и другого, но эта толпа могла и обмануться, как мы не так давно обманулись на посулы Ельцина – надо ли нас ненавидеть две тысячи лет?).

1962 год. «Солженицын якобы открыл нам глаза. Но одновременно вогнал в мрак»... Но это уже было время невероятной свободы, когда **за слово** впервые в русской истории перестали расстреливать («выйди к кремлевским воротам, просто крикни "Верую!", тут тебе и настанут пытки и казни Навуходоносора!» – пишет протопоп Аввакум еще в 17-м веке, не только до большевиков, но и до Петра Первого, которого Мережковский называет "первым большевиком».

Я в это время издавал на Матмехе Стенгазету, *собственную*, читало ее тысяча человек (так что это было не только время духовной свободы, но и время великого чтения, даже ректор прочитал и обозвал меня «зеленым», но никому в голову не пришло меня расстрелять».) В это же время я продолжил знакомиться с девушками, но одновременно знакомился – по бытийным обстоятельствам – с многими выдающимися мужчинами, как ни странно, я уверен, что все мои знакомства планировались и совершались не по моим прихотям, а я словно бы проходил специальные курсы обучения, от курса к курсу). Какие же это был удивительные люди! Забегу немного вперед, в 80-м году мы в гостях у Татьяны Ивановны Лещенко-Сухомлиной (у нее есть замечательные Воспоминания, не помню, упоминает ли она в них меня, и эта удивительная женщина, певица и поэтесса, была вдовой половины выдающихся мужчин 20-го века (например, великого скульптора Цаплина) – и Т.И. говорит моей жене «Васенька совсем сошел с ума, он пишет любовные стихи этой дурочке, а она их разбрасывает по полу). «Дурочке» было в то время 13 лет, Т.И. – ... впрочем, у нее возраста не было...

Вернемся в 60-е годы, когда «пропал» хлеб, он, конечно, был, но в белые булки добавляли горох. При этом в Академической столовой на столе был салат из свежей капусты – бесплатно. Мы, студенты, бегали в Мариинку на оперу, в Тюз смотреть Людмилу Петровну Жукову (потом за ее громадным столом на Кронверкской напротив Петрова-Водкина япил водку с Мусатовым, с Гейченко, с Перепёлкиным, с Казариновой, с Тейхом-старшим.), бегали в БДТ... Конечно, я был тогда очень молод, поэтому солнце светило ярче и девушки были красивее. Тетушка моей одноклассницы мне рассказывала в 59-м году (мы сидели с нею в Летнем саду), как в конце октября 17-года к ней с подругой клеился вечером молодой матрос, и тут бабахнула пушка Авроры, подруга со страху описа... (впрочем, о девушках нельзя рассказывать такие нелепости). Как ни удивительно, в те 60-е годы я был немного другой, я ходил по общежитию и девушкам рассказывал, как нас создал Господь из персти земной, и как неправы и Маркс и Дарвин. Сегодня я знаю, что все было

несколько иначе, но читаю Шрёдингера, великого, говорят, физика (думаю, что как математик он был посредственен, во всяком случае, мыслить он не умел), этот самонадеянный физик, хотя и отверг теорию **естественной** эволюции и сотворения человека за счет бесконечно малых случайных изменений, но несет все так же пургу, заменяя их порывами «мутаций». Они по-прежнему не понимают, что такое электрон и атом, но при этом знают, как электроны и атомы сотворили человека. Мне возразят – но как же они создали атомную бомбу? Очень просто: у нас в деревне одна семиклассница, дура-дурой, не знала ни электрона ни атома, ни генетического кода, ни кинематики – *но вот родилá!* Дурное дело не хитрое. И что же я могу доказать и защитникам Дарвина, и защитникам Сталина, и марксистам и христианам?

У меня дома на «Литературно-музыкальный вечер» пришел как-то Виктор Петрович Бамбиндра, воевал, был контужен, профессор-биолог, *но сталинист*, с Т.И. они не сошлись. Ну а что Архимед и Цицерон могли доказать апостолу Павлу и Блаженному Августину, которые были уверены, что учение о плоской Земле – это **горение духа**, а еллинский вздор о «музыке сфер» – это песнь **дьявола**, рыскающего в поисках, *как бы кого поглотить?*

Иногда что-то понять возможно, но чаще кажется, что мы все живем в сумасшедшем доме. В шестидесятые годы, кроме Виктора Петровича, я не встречал сталинистов – ну не было их в России, как и мамонтов, единственный сохранился только потому, что случайно в Зоологическом музее упал в чан со спиртом.

Откуда же и почему они появились? Да когда стая коршунов-воров расклевала Россию, иным поблазнилось – а может быть Сталин расстрелял бы хоть одного? Не потому ли тоска по Сталину? Один русский историк взял у меня записку к Потанину (я тогда издавал Радзивилловскую летопись и готов был денег просить даже у *нечистой силы*), но предупредил, что тот денег не даст, еще в школе его прозвали «Зашей карман» (они были одноклассниками). (Я, конечно в это не верю, рассказываю же только, чтобы предупредить, чтоб и другие не верили, аллигархи, как говорил Алексеев, спасли Россию, вместе со Сталиным). Сталин же ее поднял с колен, она была нищей, пахала сохой, а после войны появились студебеккеры (американские машины по Ленд-лизу), и до Хрущева были в России единственными. Реалии современного общества появились в России (с опозданием на 50 лет) – телевизор, малогабаритные квартиры, пассажирский самолет, газ (вместо угля), электричество, тепловоз, сочинения Достоевского, стихи Есенина ... – только при Хрущеве. Даже легкие автомобили, автобус, троллейбус, целина, философия (хоть отчасти); только при нем вдруг появились и наши гении на свободе!!! (А вы составьте список самых выдающихся людей двадцатого века и отметьте, сколько из них было расстреляно и посажено или покончило жизнь самоубийством!) Но еще несколько слов о «Гулаге». Я помню, с каким восторгом я его читал. Верующие могли бы распечатать рассказ о Козыреве и раздавать на улицах в доказательство истинности веры, справедливость божьего гнева вдохновляла читателя на каждой странице. Эта книга не отвергала ни социализм ни христианство, она обличала только нечистую силу, опорочившую в 20-м веке и то и другое учение... Но хватит!

Утро 24 января. Всю ночь снилось, что я снова сижу в Сумасшедшем доме, где я провел два с половиной года (с 1970-го по 73-й), и Солженицын пишет обо мне новую книгу. Впрочем, если я, не дай бог, прославлюсь, обо мне напишет кто-то из прежних его обитателей (как ныне пишут они про Александра Исаевича), поэтому привожу свидетельство одного из охранников: «*Вот человек, о котором за три года никто не сказал ни одного плохого слова*» – этих слов мне достаточно, я даже отказался от Нобелевской премии (правда, мне ее еще не предлагали). Перед утром болело сердце и мне показалось, что я умираю. Проснувшись, я подумал, что и умирание и сумасшедший дом мне снились, но, впрочем, в нашей России и сон и явь не различимы.

Но была все же и в нашей стране одна особенность, которой не было даже на здоровом и благополучном Западе (правда, возможно, слишком мало мы всматриваемся в их «пепел Клааса», который стучит и в их сердцах?!) – эта удивительная особенность состояла в противостоянии русских властителей дум государственной власти, которую обличал и Василий Блаженный, и великий Рублёв, и Нил Сорский, и государственные деятели: митрополит Филипп Колычев, замученный Иваном Грозным, татарским царевичем, лживо называвшим себя ромеем, для противопоставления русским, и князь Курбский – ну а великие писатели и поэты словно и даны были Русской Земле только для того, чтобы она вконец не запаскудела, и обличение злой и несправедливой государственной власти, особенно начиная с протопопы Аввакума, стало живой водой русской жизни. Набат и рог обличения не ослабевал никогда, даже в самые лютые годы, даже и в вегетарианские поэты обличали и поправляли и не самых жестоких властителей, хотя и подвергались гонениям, и Радищев, и Новиков, и Державин (в своих Записках об устройении в Западном крае), и Карамзин, Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Белинский, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Герцен, Салтыков-Щедрин, Добролюбов, Достоевский, Толстой, Блок, Иванов-Разумник... «далее **все** и везде»...

Нападки же на гениев были чрезвычайно редки и подвергались осуждению, когда вице-губернатор Салтыков задел Достоевского по поводу «Записок из Мертвого дома», Добролюбов ему ответил: «Такие книги пишутся не чернилами с губернаторского стола!»

Что-то сломалось в духовном позвоночнике русского духовного народа, крестьян, святителей и поэтов, и то, что было исключением в 19-м столетии, или было уделом частных писем и дневников, стало основным содержанием литературной полемики. Да, Достоевский обругал Страхова (в дневниках), и он там же выразился, что злобой Лермонтов превосходил даже Ставрогина, Толстой не поехал на открытие памятника Пушкину, возмущенный его «плюбовными стишками», Белинский нападал на Гоголя за «святость», ... но что творится в 20-м и 21-м веках? Не поэтов общественность ныне защищает от царей и их сатрапов (а она защищала даже и декабристов, как великий Лев, а общественность их вынесла на руках из их казематов!), но поэты затаптываются улюлюкающей толпой, а цари поднимаются на рамена! Николая «кровавого» оплакивают как Христа, кровавого Иосифа малюют уже на иконах вместе с некой Матроной, Малюта еще не канонизирован, но ждите, скоро! – и русские князья стали святыми все, даже и Андрей Боголюбский, разоривший «мать городов русских» еще до татар, и Иван

Третий, разоривший и Тверь и Новгород еще до своего лютого внука, и переселивший их жителей не знамо куда, и Борис Годунов, лукавый царедворец, ставший царем, и сумасшедший Павел уже прибавляется в росте, и Николай Палкин занимает на Олимпе место вместо негодного Терца, посмевшего на него восстать, а уж что до опричников и чекистов, то это все сплошь святые, до которых и Сергию Радонежскому еще расти! Даже Лаврэнтий... (оклеветанный Хрущевым), даже Вышинский, великий юрист, хотя и не сын юриста, даже Дзержинский-Менжинский-Урицкий-Троцкий и Иегудил Ягóда. Наши бывшие властители дум все с изьянами, Лермонтов злой, довёл бедного Мартынова до нервного срыва, Пушкин необузданный африканский ревнивца, почти Отелло, поднял руку на красавца Дантеса, Некрасов и Толстой играли в карты, Достоевский не только, ... но ладно, бог с ними – а на что осмелились эти возомнившие себя великими Николай Гумилев, Есенин, Заболоцкий, Павел Васильев и Борис Корнилов, Ольга Берггольц, Марина Цветаева, Клюев, Мандельштам, Пастернак, Солоневич, Александр Блок, Иванов-Разумник, Варлам Шаламов, Олег Волков... бумаги не хватает, а их черновики все исписаны кровью... Не всемирно ли знамениты Николай Вавилов и Николай Александрович Козырев (с семьей его брата мы с женою дружили) – эти воистину Ньютоны двадцатого столетия?! Не великий ли подвижник и мученик архиепископ Андрей, князь Ухтомский (но церковь поклоняется самой себе в лице отступника и отступничества Сергия и сергианства!), ... мы, русские, не только "ленивы и не любопытны", но лживы и не благодарны. Вон мусульмане поставили памятник Теодору (Тадеушу) Шумовскому, единственному в мире переводчику стихами Корана, другу Гумилёва-сына – а мы? Я пытался записывать на доморощенный магнитофон перевод Шумовским эпоса о «Гильгамеше» – но это уже было время, когда я и сам ослабевал и не был уверен, что доживу до утра, ни денег не было, ни сил душевных, хорошо хоть, снова посадили пятнадцать лет назад, и в тюрьме я окреп и снова обжил (вот ведь как бывает!). Но вернемся к Солженицыну.

Сергей Павлович Залыгин [1913 - 2000], русский советский писатель, академик РАН, главный редактор журнала «Новый мир»] – сказал мне, что он голосовал за исключение Солженицына из Союза писателей. Он никак не оправдывал и не объяснял свое голосование, и уж тем более не обличал Солженицына, тогда еще изгнанника, тем более что по его же инициативе в СССР в 1988 году Солженицына начали вновь печатать. Ну и ладно, ответил я, вот и повод для тоста, выпьем за обоих, *один вернул память народу, другой не дал повернуть русские реки!*

Что, сегодня мы лучше разбираемся в советском прошлом? Нет. Сегодня мракобесие снова окрепло и густело, а ложь и клевета начали доминировать и в истории и в общественной жизни. Но ни Историю не отменить, ни ее протекание, ни историософию, ни историографию. В девяностые годы интеллигенция уже сходила с ума, **повернувшись** на Новой хронологии, будто бы ныне идет не 21-й век от Рождества Христова, а всего лишь 11-й, монахи будто бы выдумали раннее Средневековье и сочинили и написали все книги, и не было Вселенских соборов и завоевания Испании маврами... Сегодня (чего не было с 1956 года) вдруг возродилось поклонение Грозному, Сталину, Малюте Скуратову, Берии – и раболепие и **ненависть к свободомыслию** стали новой религией! А во всемирной паутине ложь и клевета и низость полемики стали совсем безумны. Но поэтому надо жить и издавать наш Новый журнал с топором!!! -----

Претендую ли я на истину в последней инстанции?

24 января, полночь. Друзья мои, авторы нашего журнала с топором – вы, быть может, и единственные читатели и критики его – (хотя разве этого мало?) Я уже пытался отменить истину – по крайней мере ту самонадеянность, единственность и исключительность, запрет всяких возражений под страхом смерти, которые навязаны человечеству предыдущим двухтысячелетним развитием философии. Сегодня наступает «*час истины*» (но нет, истину я отменил?... хотя не могу и толстовское «кому как нравится», поставить во главу угла русской философии, тем более что я математик, и я знаю, что и таблица умножения, то есть **логика**, и нотный ряд, и золотое сечение, то есть *основания искусства* и **эстетика**, и ряд чисел Фибоначчи, в соответствии с которым происходит эволюция растительного и животного царства, а не в силу случайностей и мутаций Дарвина и Шрёдингера, то есть **история природы**, и ведьминские числа, открытые Пушкиным и вашим непокорным слугой, служащие мостиком между геометрией и **тайной**, и астрономия: эклиптика, строение солнечной системы, лежащие в основании природы, что доказывает ее неслучайность, - все это, основанное на тождественности тождества, доказывает, что мироздание – это не хаос, а космос, в античном смысле этих понятий, и мир словно бы создан, рассчитан, расчерчен и сконструирован, он инженерно-математический, а не хаотический); но параллельное существование двух геометрий, евклидовой и не-евклидовой, предложенное Лобачевским и Гауссом, русским и немецким гениями, доказывает, что в основании мира находится **свобода**, но не детерминизм – и не произвол, и «*принцип нетождественности тождества*», который я ввожу вместо *постулата исключенного третьего*: «в механике точка, в которой начинается движение, это точка, в которой движения еще нет, но в то же время оно уже началось!? – видите, в нашем мире не соскучишься... – этот принцип дополняет мир живой и неживой природы **миром человека** и позволяет философствовать в пространстве времени и свободы, а не застывшей в вечности истины).

Рассуждения Германа Николаевича Ионина о правде ради лжи и о лжи ради правды очень своевременно подливают масла в огонь наших споров о Солженицыне.

Итак, сегодня еще не час истины – а, может быть, пока не отменится время и свобода и не наступит вечность («перезагрузка» программы мироздания) – мы еще проживем и поспорим и найдем все таки ту истину, которая не отменит свободу, а с нею соединится в **нетождественном тождестве**, как (не будем все рассуждать о Священной Троице, которой, кстати, возражают и евреи, которым вы ведь как раз и поклоняетесь в текстах Ветхого Завета – так вами названного – а я евреев считаю умными и интересными собеседниками, но я им НЕ поклоняюсь, я не поклоняюсь даже восточным сатрапам и еврейским сектантам), – поэтому укажу на тот пример такого бытийного оксюморона, который лежит в основании всей динамики мира, и который пока безуспешно пыталось отменить христианство: двойственность пола, соединение мужчины и женщины, проявляющееся в

единственной подлинной и всеобъемлющей **родовой любви**, рождение нового существа, которое вмещает и мир матери и мир отца, математическая мужская логика и «женская логика» (которая "еще более непостижима и неисчерпаема чем электрон, по выражению ... помните? я его позабыл..) (Да, я возвращаю в философию и даже в богословие **человека** и возвращаю ему его центральную роль, продолжая дело, начатое Киреевским и Данилевским, продолженное Розановым и Ивановым-Разумником).

Вернемся же, однако, к нашему спору о Солженицыне.

Во-первых, прошу авторов нашего журнала меня простить за то, что в данном случае я *словно бы* стремлюсь во что бы то ни стало оставить за собою последнее слово и доказать свою правоту, то есть защитить Солженицына. Нет, я попытаюсь только связать разрозненные концы той сети, которую мы вместе забрасываем в море Истории и Философии, но не буду требовать одно непременно выбрасывать, другое непременно оставлять. Но я попытаюсь все же более спокойно и более математически объяснить самого себя и свое поведение. В значительной степени оно объясняется моими притяжениями любви и дружбы, связывающими меня с окружающими меня мужчинами и женщинами и русским народом, с самим собою как Личностью и Родовым началом как народностью, с Историей и Культурой. Я пытаюсь стать понятным и понять мир и историю, и посылить в мир благо (хотя бы в мою семью, дружескую компанию, хотя бы благоустроить мой дом и огород, благоустроить журнал...) Я еще развиваюсь, узнаю новое и меняюсь, поэтому не стремлюсь *подчинять и изменять под себя* моих собеседников, в отличие от Сократа, Иисуса, Павла и Карла, Ильича и Иосифа, или отрубать им руки или ноги, если они не укладываются в мой аршин. Но если нет из нашего спора о Солженицыне приемлемого для всех вывода, хотя бы частично приемлемого, семинар по Дифференциалу и Интегралу истории (Толстой) не был ли напрасен? ...

Во-вторых, о дружбе и о той силе произрастания, которая мною движет.

В дружбе с девушками я, возможно, к чему-то стремлюсь... но точно не стремлюсь к тому, чтобы она плакала. Достаточно мне того, что плакала моя жена, а я даже еще не могу поручиться, что больше уже она не заплачет. Слаб человек. Да и я не силен. (Грехов хотя у меня нет, но слабости еще есть). Ну и во всякой симпатии я счастлив тем, что испытываю радость от добрых отношений, от того, что меня хвалят, от того, что иногда кому-то помогаю или приношу утешение, например, в последние часы сидел рядом с Сашей Михайловым, Шумовским, Маркиным, в последние дни приезжал к своей матери, к незабвенному товарищу юности Казимиру, пришел к Володе Алексееву (уже после того, как он перебил в своей комнате посуду, разъярившись, что я не пришел накануне в обещанное время... и все же он меня простил, и мы даже выпили, хотя ни ему ни мне пить нельзя). И печатаю я не одного себя, и я счастлив, что двум-трем помог собрать сочинения в более связанное целое, пусть не для «широкого читателя», но хотя бы для вечности – а Володя Алексеев дочитал меня только до восемнадцатой страницы, и это меня умиляет, а Володя Т. меня не читает вовсе, ты мне

говорит, за сорок лет и так уже надоел хуже горчицы)... Есть круг наших общих товарищей вокруг журнала, иные из них начитались в интернете о Солженицыне заказной «порнухи» – я надеюсь, что отчасти они изменятся, но не буду стремиться их воспитывать, не всем нравились даже те девушки, в которых я был влюблен, а Толстой не возлюбил даже Пушкина, а Гоголь отрекся – нет, я их не перестал любить! Но не сказать в защиту своих друзей я не могу. Виктор Петрович Гарнин был для меня чуть не занозой, ночью, после «маленькой», он мне звонил, иногда я отключал телефон, он не любил не только Солженицына, но и Хрущева, даже Твардовского, за то, что... не любил и Белое Движение и царскую Россию и многое еще, что любил я, он был наш общий с Сашей Михайловым товарищ, в чем-то для нас «наказание господне» – но вот он умер, я не успел к нему придти, как обещал, отложил встречу на понедельник... а он умер в субботу... И конечно я благодарен Юрию С., который проводил его и в «последний путь», и даже прах Виктора Петровича отвез на родину (да и пятнадцать лет назад вместо меня отвез его пьяного на такси). (Не скажу, что я слишком хороший, но что друзья у меня чудо, это несомненно! И подруги не хуже, вдруг присылает письмо в три часа ночи М.Т., и пишет: "какое же наслаждение читать ваши письма, ВИ!" – ну, ребята, я буду стараться ... спасибо!) (как видно, я не статью пишу в заключение спора, а письмо.)

Я не могу сказать, что для Александра Исаевича я был достаточно близким человеком, но и не случайным, не одним из толпы, он и выступал по радио в мою защиту несколько раз, и это имело большое впечатление на тех, кто ко мне питал государственную злобу, и заказал мне напечатать два его романа в подарочном издании и был моей работой доволен (те самые, которые я за двадцать пять лет до этого вместе с женой перепечатывал на машинке). Но все же я не уверен, что мои собственные сочинения он прочитал хотя бы бегло, а гениальный Игорь Ростиславович Шафаревич, не менее занятой, те мои книги, которые я ему дарил, и прочитал, и превознес!

В нашем журнале о Игоре Ростиславовиче я напечатал хвалебные статьи, злобных нападок на него не цитировал, хотя в интернете уже в ночь его смерти появились отклики, ругали его евреи за якобы антисемитизм (но некоторые отдали ему и должное), ругали его и русские площадной и отвратительной бранью – за его оппозицию государственной власти. Я глубоко и оправданно понимаю, что Солженицын не сторонник Америки и не противник социализма, более того, я не сомневаюсь, что он симпатизировал и социализму и христианству. Он по существу более глубокий сторонник социализма, чем большинство тех, кто на него нападает (как и Достоевский не окончательный противник социализма... "*широк человек, надо бы обузть*", говорил он – вот и обуживал себя в угоду Христу, чтоб стать листком на древе господнем. Но нет, не стал. **Русские** в листья не годятся, они – **будущие корни обновления мира.**)

Так вот, Шафаревич – великий философ, это гордость русской философии, его книга «Социализм как явление мировой истории» отчасти переключается с Розановым, критики христианства там нет, но она подразумевается, и в

философском отношении я сам вывожу и строю русскую философию после Киреевского и Розанова на Шафаревиче. Но вот странность: интернет наполнен русской бранью в адрес Солженицына и Шафаревича за их критику сталинского социализма, бранят часто неприлично, как обычно бранился Ильич, обзывая матерными словами – что же это за русские, для которых Россия и русский народ – это Сталин, а все остальное в России, всякое свободное слово они ненавидят, как и для славянофилов вся Россия отождествлялась с христианством и с покорностью крепостных царю и помещику? И вторая странность: крепостные взбунтовались и перебили царя и его дворян, но сегодня русский человек оказался в одиночестве, против меня враждебная толпа сталинско-царско-православно оголтелых патриотов, – ну как соединить большевистскую оголтелую антихристову и антихристианскую власть, уничтожившую 90 процентов русских храмов и почти все русское духовенство, с поклонением современных православных Сталину (ну, там в скобках не просматривается ли и Ленин с Троцким?)

Объясню подробнее. В России была Гражданская война, правящее сословие (дворяне, купцы, священники, интеллигенты, буржуа) частично было физически уничтожено вместе с детьми, как древний Бог когда-то уничтожил с детьми Содом и Гоморру – а вы еще доказываете любовь бога к человеку! – а частично бежало за границу, там существует до сих пор Русская зарубежная церковь (не большевистская). В России часть духовенства и верующих, вместе с староверами, создала подпольную «Катакомбную церковь» во главе с архиепископом Андреем (князем Ухтомским) – я его житие напечатал в журнале, не получил от православных ни одного отклика.

Часть недобитого православного духовенства во главе с местоблюстителем патриаршего престола Сергием Страгородским (входившим когда-то в Религиозное общество Мережковского) покорилась во всем советской власти и вместе с нею участвовала даже в гонениях на истинно верующих. Именно эта «сергианская церковь», не соединившаяся ни с староверческой церковью, ни с Русской зарубежной, ни с катакомбниками, создала нынешнюю православную большевистскую церковь. Она и воинствует (в отношении культуры), и даже отбирает памятники зодчества в свою казну – а надо вспомнить, что храмы на Руси строились преимущественно на государственные деньги, то есть за счет всего народа, а не только верующих, и не все и юридически и подлинно являются достоянием большевистской церкви. (А кстати, даже и нынешний патриарх однажды обмолвился о грехах народа, о том, что бедствия на него выпадали в том числе за грехи, в наказание, в том числе и блокада – о, какие вопли раздались в интернете! Так какая же это церковь? Это клуб для времяпрепровождения части народа, которые кроме развлечения ничего в церкви более не ищут). Так вот, я не обличитель церкви и тем более не гонитель ее – да и что я могу предложить простому народу? Не Достоевского же и Розанова, не самого себя, и даже не философов?! Кто нас будет читать? И в театр и в библиотеку большинство народа не ходят – пусть слушают церковные службы. Но я в ту церковь, которая не является преемницей русской исторической церкви, хотя бы отчасти соединяющей в себе русский дух, не пойду. Я приду в нее, когда произойдет соединение

разодранной России в одно целое, и пусть даже московская патриаршая (Никонова и Сергиева), но вместе с Староверческой (Аввакумовой), Катакомбной и Зарубежной – в эту сравнительно русскую церковь я приду.

1. Но, тем не менее, спорить более с православными я не буду, я сотрудничаю и буду сотрудничать и с ними и с огнепоклонниками и буддистами на ниве культуры и человеколюбия, и много о чем мы можем поговорить в журнале помимо церкви... – так что и в самом деле, хватит спорить о том, «кому что нравится»... (Но это я виноват, я был слишком задирист в последнее время, – хотя до большевиков задиристы были они).

2. Камень преткновения – сталинисты. Вот недавно на выборах президента кандидатом был народный аллигарх. Я уже давно знаю, что никаким аллигархам верить нельзя, защиты у них карманы или нет, тем более из зюгановских большевиков-сталинцев, но вот надо же – рискнул. И чувствую себя промокшим в интернетской помойке, где не только спорят и оскорбляют друг друга, но и дерутся. И чувствую себя обманутым идиотом – сколько же можно нам обманываться? Может быть, они все играют в балагане, за что получают деньги? И в то же время – разве мои близкие все на моей стороне? Нет, всё как у всех, одни молятся на храм, другие на нынешнего царя, третьи на прошлого, четвертые на позапрошлого, «нет мира под оливами»... И что мне с ними делать, объявить *домашних своих врагами человека*, как Христос, или *врагами народа*, как Сталин?

Нет, французы советуют: если женщина не права, проси у нее прощенья! – вот я и прошу меня простить за мою правоту. Каждый узнает, где правда, один раньше, другой позже, разве я много знал, когда бедную девочку заставлял носить затрапезные платья, чтобы не выделяться среди других? Разве мне совсем не в чем покаяться?

3. Советская власть и большевизм. Разве они уж так плохи? Разве это не наше светлое прошлое? – Но, видите ли, иногда и стакан водки хватить не вредно здоровому человеку, но есть шутники, которые крошат в водку хлеб, делая тюрю. Большевизм, растворенный в православии – или наоборот – разве это не то же, что немецкий социализм, соединенный с средневековой магией? Моя подруга крестилась на два образа сразу, на Маркса и на Христа – но она была милой и глупой женщиной, а женщине иногда идет даже одежда разбойника, – но вам, друзья мои, я не советую Библию соединять с Капиталом. Мы пережили православие и социализм порознь, одно вслед другому, пока еще живы – но вместе мы их не переживем – или вы надеетесь выжить?

4. И все же советская власть пала. Разгромили ее члены Политбюро вместе с генеральным секретарем и комсомольскими вождами, опьяневшими от запаха денег. Некоторые из них не дожили до светлого будущего, другие все еще гложут нашу страну. Зачем в крушении государства вы обвиняете человека, который уже давно был затворником в своем замке, которого почти никто не читал, который вернулся уже на пепелище страны, в разоренный дом – кто этот дом разорил и промотал наследство отцов? **Да каждый из нас, здесь живших, более виновен, чем он!** Не обвинить ли нам еще и Герцена и декабристов, поэтов Серебряного века, Солоневича и Иванова-Разумника – от них Запад узнал о нашем ГУЛАГе на полвека раньше!

5. В девятом классе, еще в Сибири, я прочитал «Записки из Мертвого дома», и стал читать Достоевского запоем – но одновременно Толстого, Тургенева, Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах», Салтыкова-Щедрин. Роман Достоевского произвел на общество оглушительное впечатление, и дело было не только в том, что общество увидело изнанку жизни, страдания каторжников – но оно задумалось не об абстрактных ближних, а о действительных людях, которые на каторге страдали, над книгой и судьбой Достоевского заплакал Александр Второй, воспитанник Жуковского, читатели вспомнили о судьбах ссыльных поляков (о них упоминается в «Записках...» Достоевского), участников восстания 1831 года, задумалось общество, сильно и живо, над судьбой декабристов, и через несколько лет их встречало с триумфом – когда через несколько лет я читал книги Солженицына, а позже «Архипелаг...», я пережил тот же **катарсис**, те же очистительные слезы, что и при чтении «Мертвого дома» – хотя я знал и переживал и судьбу крепостных – колхозных крестьян своего времени, и судьбу крепостных 18-19 столетия («Путешествие...» Радищева и «Записки охотника» Тургенева мы изучали в девятом классе). Дворяне и городская интеллигенция середины 19-го столетия *между* феодальной истиной Христа, заморозившей мир, ввергшей его в то состояние Вечной мерзлоты, с которой начинается эпос Солженицына, и истиной свободы – выбрало *«истину свободы»*, освободило крестьян и начало демократические реформы; "Александром Вторым" середины двадцатого столетия стал Хрущев, повторивший подвиг Александра. Я понимаю, что городской обыватель (своего рода мелкопоместное дворянство) ненавидит Хрущева за это освобождение, ему почему-то было уютнее в состоянии вечной мерзлоты – но ведь и сто лет назад реформы Александра приняли не все, только в то время историю определили другие слои общества, более живые.

Радищев, Достоевский, Солженицын – они ли виноваты в крушении феодальных систем, и возможно ли через их шельмование эти системы вернуть? Разумеется, нет. Почему же сегодня в России пророс сквозь социалистический бетон государственный феодализм Петра Первого? Да потому, что сталинский социализм тоже был государственным феодализмом (вот, кстати, социалист Солженицын яростно и оспаривал Янова, упрекающего русский народ в тяготении к восточной деспотии и любви к ней. А я деспотию не люблю. Может быть, я – *тайный еврей*? Может быть, эти казаки, завоевавшие Сибирь, имели в себе от хазарского каганата? Или дело в другом: пятьсот лет крепостного права и рабства вытравили из русских всякую свободолобивую **русскость** в угоду истине Христа, так пришедшую ко двору разлагающемуся Риму, и Русь *подмерзла*. А русские в Сибири, по странности, благодаря холоду, оттаяли, и образовали Новый русский народ – вот почему, вероятно, я назвал журнал *Новым русским*. Итак, образовалось два народа – европейский русский народ, страстно влюбленный в рабство и христианство, и русско-сибирский народ, религией которого является **свобода**. У нас пока мало своих писателей, но зато почти вся русская интеллигенция крещена Сибирью в недавнее время, и Аввакум жил на Байкале, и Колчак на его берегу расстрелян, и я родился в деревне *Корневнице*, что знаменательно. И еще кстати: разгорелся скандалчик, некто В. Ерофеев

требует *"заморозить Россию, чтобы она не воняла"*. Современный интеллигент конечно, не знает, что *заморозить Россию*, чтобы она осталась Византией, потребовал еще Константин Леонтьев (я его часто поминую, он мой антипод, был лютым христианином, даже монахом, и свое христианство выводил из ума и из **страха божия**, но я его за что-то люблю. Кстати, как художественный автор Леонтьев очень слабый, в сравнении с Толстым и Достоевским, как и Солженицын). С Леонтьевым в последний год дружил Розанов, оба они напали на **Данилевского**, который единственный в России после Киреевского был подлинным философом. Ну, вот, наконец-то мы подошли к заветной двери.

6. Фундаментальный труд **Николая Яковлевича Данилевского** «Россия и Европа» вышел в свет в 1871 году, пятое издание с предисловием Страхова увидело свет в 1895 году, и с тех пор книга не переиздавалась. Именно это издание я и прочитал в семнадцатилетнем возрасте, после Достоевского и Толстого, и сказал себе, что когда-нибудь я эту книгу напечатаю. Это и произошло в 1995 году, через сто лет после последнего издания. В обстоятельном научном предисловии главный редактор и составитель книги **Анатолий Андрианович Галактионов** (1922 – 2002, доктор философских наук, профессор, автор фундаментального труда «Русская философия IX-XIX веков») пишет о ее судьбе: *«этот великий труд выдающегося русского исследователя, в значительной степени не оцененный при жизни автора, даже встретивший глубокую вражду Владимира Соловьева, был почти окончательно забыт и редко вспоминался даже историками»*. С судьбой издания удивительно связалось то, что я подружился с Анатолием Андриановичем и даже вмешивался в его редакторскую работу, он терпел и часто мне уступал (в выходных данных книги я свою фамилию не припечатал нигде, хотя и формат, и шрифт, и кегль, и оформление книги и обложки, и деньги на издание и тираж – 14 тыс экзemplяров – определял я, это было мое собственное издание, исполнение зарок семнадцатилетнего юноши.)

По выходе книги мы устроили ее презентацию в Петровском зале (18 века, в здании Двенадцати коллегий), которая вылилась в *дружескую попойку*, были и Саша Михайлов и Витя Гарнин, и Анатолий Андрианович, так сказать, зубр уходящего времени (а мы тогда были еще совсем молодыми) ... возможно, со времен Петра и Меньшикова никто кроме нас в этом зале *не распивал*, чем я горжусь. Потом я устроил выставку своих книг в коридоре Государственной Думы, и так как «бедные» думцы моих книг не покупали, я им дарил книгу Сенеки «О краткости жизни» и, конечно, Данилевского, подарил и Зюганову (он отдалился своей авторучкой с выгравированной на ней фамилией, я авторучку, конечно, потерял, а он по моей книге защитил докторскую диссертацию, меня в ней, конечно, не упомянув).

Вчера смотрел в интернете полемику вокруг Данилевского, наше издание пропагандируют, и пишут, что благодаря ему преодолено столетнее забвение великого труда гениального русского философа! Очень много статей, посвященных борьбе христианского философа Вл. Соловьева, защищающего первенство **человечества**, в котором не только личности – листья на древе господнем, но и народы, – против народнических взглядов Данилевского.

7. Теперь пора связать русских писателей и мыслителей почвеннического направления в единую *фашину*, начнем с **Аполлона Григорьева**, продолжим, как ни странно, **Достоевским**, безусловно, почвенником, несмотря на показное христианство, казалось бы, готовым за Христа отдать даже истину (но что-то провокационное во всех подобных выкриках Достоевского, он возражает Аристотелю, сказавшему, что хотя Платон ему друг, но истина дороже, и хочет сказать, что друг Христос дороже ему и истины – но ведь Христос отождествляет себя с истиной?!) Впрочем, Раскольников просит прощения за свое преступление у матери-сырой-земли, а не у священника в храме, князь Мышкин проповедует, что красота спасет мир (вместо Христа?), Алеше Карамазову суждено пойти в царевубийцы... с оговорками, но Достоевского оставим. Толстой – писатель почвенного направления, французских поэтов он подверг погрому, их императора тоже, Францию мы вместе с героями Толстого завоевали, так что **Толстой наш! Константин Леонтьев, Страхов, Данилевский и Розанов**. Из них только Розанов бодался с христианством, как Солженицын с социалистическим дубом, зато эти четверо безусловно тоже бодались с мировым антирусским социализмом, но почему-то все они священы, кроме Солженицына. Ну, друзья мои, одно из двух: или в качестве критерия русского направления положим **русскость**, или вместе с Кошелевым будем как мантру повторять на ночь, что "*без православия русский народ мерзость*". Благодаря своей книге «К познанию России» **Дмитрий Менделеев** принадлежит к русским мыслителям, к тому же он предлагал большевиков сослать на уединенный остров, что говорит в его пользу. **Солоневич** с его «Народной монархией», бежавший из Гулага еще в тридцатые годы в Финляндию и поведавший миру о советском рае на сорок лет раньше Солженицына, литературного власовца, наш. **Иванов-Разумник**, перемещенный из оккупированного Царского села сначала в Вост. Пруссию, затем оказавшийся в Мюнхене, написал там книгу «По тюрьмам и ссылкам», достаточно широко представившую атмосферу "свободной" жизни в СССР. Впрочем, как христианство неопровержимо, потому что оно является не научной теорией и не направлением общественной мысли, а представляет собою МИФ, так же неопровержим образ социалистического рая, сколько бы миллионов или десятков миллионов людей (как в Китае) не были принесены им в жертву. К когорте русских почвенников, по моему мнению, безусловно принадлежит и **Солженицын**, написавший после Достоевского своего рода второй том «Записок из Мертвого дома», и Игорь Ростиславович **Шафаревич** с его книгой «Социализм как явление мировой истории». «Россия и Европа» Данилевского, любовь всей жизни Анатолия Андриановича, это наша библия, всех русских почвенников. Все они мне дороги, и кто мне брат, и кто не слишком родствен. Ну а Александра Исаевича, который меня защищал, когда я сидел в сумасшедшем доме, я защищать обязан, как и И. Р. Шафаревича, единственного, кто сказал, что *в моих книгах все правда*. Но закончу я небольшим эпизодом: через полчаса после смерти А. А. Галактионова мне позвонила его жена и сказала, что он перед смертью просил ее мне позвонить и сказать, что *он считает знакомство со мною своей главной удачей в жизни*. Разве этих слов не достаточно, чтобы мне во всем оправдаться?!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 27 января, воскр. Сегодня – 75 лет со дня полного снятия Блокады в 1944 году. Даже страшно повторить мнение Виктора Астафьева о причинах того, почему Блокада так затянулась, почему так бездарна была попытка ее прорыва на Невском пятачке, и какие два «лучших в государстве и облеченных полною властью» за это ответственны... Но я «кошунственных слов» *великого русского писателя*, недавнего властителя дум, повторить не могу... Кстати, для русского общества середины 19 века и Пушкин и Лермонтов и Гоголь не были ни властителями умов, ни **великими** (Конст. Леонтьев и Розанов, и Толстой об этом как раз и писали, другое дело, говорили они – императоры, Карл Великий, Фридрих Великий, Екатерина Великая, Петр Великий... Великий ли «полу-татарин – полу-ромей» Иван Грозный, уничтожавший русские города вместе с их жителями как Саваоф Содом и Гоморру? И так ли уж жесток на его фоне «Иосиф Великий»?

Празднование столетия великого русского писателя Солженицына на этом мы закрываем. По существу справедливым возражениям его литературным слабостям я не перечу, их немало, как и у Андрея Платонова, которого средний читатель и читать не может (не очень-то читают и Хлебникова).

Резко грубые нападки на *Исаича*, просто повторяющие интернетские пасквилы (которые отвергла даже советская пропаганда), я пропускаю, что *Солженицын* и *Шафаревич* якобы евреи и агенты КГБ, меня никак не заботит, среди моих собственных дальних родственников есть даже члены Политбюро, к тому же и Иисус Назаретянин и апостол Павел «евреи от евреев», и апостол пролетариев всех стран Карл Маркс еврей, но три четверти моего русского общества им поклоняются, и даже та единственная, которая поклонялась мне, тоже вернулась к ним ко всем разом.

История протекает подобно смене времен года. Императоры опадают с древа жизни, как листья опадают осенью даже с дуба, недавно мы поклонялись Ельцину, даже я им обольщался, сегодня поклоняемся его преемнику, им назначенному... даже история евреев, конечно, одного из самых умных народов, сплошная нелепость. К счастью, преимущественно я поклонялся прекрасным женщинам, но и **N**, и Анна, и Полина – ревностные христианки, они в моих глазах из-за этого не пали, я и сам был еще ревностнее по крайней мере тридцать лет назад – но *мои времена года* опережают их.

Апостол Павел пишет, что *ему дано жало в плоть*, которое его мучает, чтобы он не похвалялся неземными видениями, воистину, скорби и невзгоды и даже мучения нам даются в том числе для того, чтобы мы не зарывались, и вот прекрасные видения тоже прошли (в «Записках на пальме» я по их поводу даже спорил с апостолом), а ко мне словно две пчелы залетают в пять часов утра и жалят, и в плоть и в душу, и хотя я не хочу уподобляться христианам с их смирением и умалением, но с великой грустию вижу, что без помощи моего русского бога я никого не обращаю в свою веру. И все же впереди борьба не только с Западом (по Страхову), не только борьба со всем миром (по апостолу Карлу и большевикам), но и с Россией ранних славянофилов, Вл. Соловьева, Ильича и Иосифа, презирающих род и народ, с Россией преподобного Игнатия, презирающего **честь и любовь**. И все же я верю, что истина возможно есть, и она в поисках правды и народной свободы.

Еще одно, последнее сказанье, и исповедь окончена моя!

Антирелигиозные инсинуации были, конечно, бездарны, бездарен был и Ницше, воюющий с Христом против какого-то придуманного *христианского гуманизма* (читайте нашего Розанова, человека религиозного, например, о «сладчайшем Иисусе» – не читайте всяких бездарных ницши и библий для неверующих», не читайте каких-то *самых человечных и простых как правда*, они даже своего однопартийца Богданова не могли осилить – а это ведь Богданов издал Маха и Авенариуса и их растолковывал – так прочитайте хотя бы Богданова; не читайте и пролетария Горького и его матерный роман, а читайте наших крестьян Есенина, Клюева, Варлама Шаламова, Распутина, Белова, Астафьева, Тендрякова... читайте Меньшикова, и одного и другого, пока не расстреляли обоих... и Александра Блока, и Вяземского, и Иванова-Разумника, и конечно Карамзина! Я тщусь быть *русским народником*, для этого надо хотя бы народу сочувствовать, но Карамзин мне говорит: «*Жалеть о нем не должно: он сам виновник всех своих злосчастных бед, терпя, чего терпеть без подлости – не можно*». Да ведь и бунтовали только казаки, с Разиным и Пугачевым, русские были смиренны, богобоязненны, **покорны!**

Лютый разбойник по прозвищу Ивашка Грозный ворвался в русские города и начал уничтожать жителей всех подряд, и кто же ему сопротивлялся – а ведь у них были и топоры и вилы, а у некоторых и мечи – «Домы, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Клина до Городни и далее истребители шли с обнаженными мечами, обагрив их кровию бедных жителей, до самой Твери». Далее: «сонмы неистовых воинов грабили сей город, ...жгли, чего не могли взять с собою; людей мучили, убивали, вешали в забаву.... Оставив наконец дымящуюся кровию Тверь, он также свирепствовал в Медном, в Торжке, где в одной башне сидели Крымские, а в другой Ливонские пленники, окованные цепями: их умертвили; но *Крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив и самого Иоанна*». Мне говорят, порицая мое сочувствие Белому движению, что Колчак потомок крымцев. Жаль, отвечаю я, что Корнилов и Деникин не их потомки, а русские, почему мы и проиграли красным (да еще потому, что Троцкий первый догадался, до Сталина, ставить пулеметы позади наступающих красных войск). В бане, где "пар горячий многим развязывает язык", пьяный старик похвалялся, что он наступал сзади штрафных батальонов: «Ох, и сколько же я этой нечисти (то есть штрафников) пострелял!» – бахвалился он. А вы внимательно прочитали *статью Пыльцына* о Солженицыне? Мне показалось, что это и есть мой сосед на полке в парилке.

Тяжело быть русским, еще тяжелее, чем быть евреем. Есть ли еще у какого народа, чтобы марксист и коммунист, сожалевший о гибели советской власти, был одновременно православным», чтобы внук закопанного живьем на Смоленском кладбище священника любил Сталина (я его хорошо знал, его двоюродный брат, у которого раскулачили всех родственников, тоже любит Сталина), чтобы красивая женщина, звонившая мне ночью, что она *без меня жить не может*, спрашивала у священника, можно ли ей со мною встречаться? «Но нет счастья без меня». Мне удалось, прежде чем она меня покинула, через одно только **сострадание** вернуть ей **способность радоваться и смеяться**, не думаю, что ее Бог, проповедующий ненависть к миру, будет мне мстить...

VI. ЗА СТОЛОМ У РЕДАКТОРА

ПЕРЕПИСКА. ДВУМ ПОЛНЫМ ТЕЗКАМ от ВИ

В связи с предложением назвать выдающихся русских писателей, поэтов и философов последнего времени.

Итак, выставим когорту русских писателей и поэтов 20-21 века (собирая только тех, кто сформировался после войны), и также философов и критиков (ну, может быть, начиная с Солоневича, проявившегося в тридцатые годы). Мы плохо знаем эмиграцию и ее литературу, и ярость разгрома, которому подвергся Солженицын, объясняется тем, что нам кажется, что мы жили в мирном болоте, где пескарей никто не ел, и вдруг появилась щука и разрушила идиллию. "По тюрьмам и ссылкам" Иванова-Разумника были напечатаны в США кажется в пятидесятые годы, Солоневич в тридцатые, а сколько было напечатано эмигрантами о геноциде против русского народа, а какие страшные матерьялы о Голоде в Поволжье были обнародованы Нансеном, который чуть ли не единственный ВМЕСТО советского правительства помогал умирающим, а разве не страшнее "Колымские рассказы" Варлама Шаламова, перед которыми блекнет даже правда Гулага? Все дело в том, что наше СЕРДЦЕ было отдано сов.власти, тех мы не читали, Солженицын нам кажется первым "литературным власовцем". А сколько сбежавших на запад видных коммунистов, например Раскольников? Я не собиравшись поднимать ПЛАСТ разоблачительной литературы, но РАЗОБЛАЧЕНИЕ сталинизма и советизма содержится в воспоминаниях и рассказах такого количества писателей (например, "Слепящая мгла" Олега Волкова, Вологодские рассказы Тендрякова, воспоминания Жженова, рассказы Виктора Астафьева., роман о лагерной жизни Тамары Петкевич "Сапожок непарный", русской красавицы., у которой я был в гостях..) Окончилась Гражданская война и началось Распятие русского народа. Смысл и сущность распятия не изменяются, если распятию подвергается ОДИН, а не сто миллионов – а мы возражаем с цифрами в руках, что не сто миллионов, а только ДЕСЯТЬ – но зачем и почему? Или эта сердечная рана когда-то зарастет? НАРОД – это трансцендентное событие, его ПАМЯТЬ сохраняется как страшная сила во всех поколениях, если мы правду замажем сладкой патокой строительства коммунизма и успехов на ниве генетики и запуска ракет и самолетов (но по иронии судьбы величайший русский генетик Николай Вавилов и с ним еще десятки были расстреляны, величайшие строители ракет Королев и Глушко, которыми мы гордимся, отсидели по десятке, Туpoleв тоже, а создатели "катюши" были все расстреляны... Ирония истории в том, что мы возлюбили своих палачей и их слишком яростно защищаем. Бывший председатель Союза писателей СССР с 40-го по 41-й год вместе с своим командиром сидел год в камере смертников (приговоренный к расстрелу, в начале войны над обоими сжалились, один стал командующим армией, другой героем Советского Союза, позе Председателем всех писателей, но остался сталинистом... Это конечно ирония... Но не погиб ли мой отец и миллионы ЛИШНИХ русских из-за того, что советское правительство возбудило своей агрессивной политикой ненависть к России

во множестве соседей, и в Румынии, и в Польше, и в особенности в Финляндии, отодвинув границу (более бездарной войны, в которой целая русская армия была обморожена. а финны потом оказались тоже у стен Ленинграда как и немцы, история не знает).

Но вопрос простой – если Октябрьская революция была воистину Великой и вершиной русской истории, и ожесточенная Гражданская война, в которой против крестьян были применены и пулеметы и ядовитые газы и за одного Урицкого были расстреляны в Петрограде сразу десять тысяч заложников – собственного народа!!!! – то зачем мы спорим о количестве жертв сталинского террора, может быть он был и прав, так жестоко, как ветхозаветный бог Содом и Гоморру наказав потом русский народ? Гитлер разве расстреливал по десять тысяч заложников немцев?

Евреи распяли одного сомнительного для них проповедника – и христианский мир их проклинает уже две тысячи лет. А убийство Николая Гумилева, а сокращение населения Петрограда на два миллиона за 18-21 годы – разве это ничто?

Ну, я увлекся. Несомненно, что кроме Архипелага и Кровавого колеса романы и рассказы Солженицына даже менее страшны, чем рассказы Варлама Шаламова и книга Солоухина о Ленине. Раковый корпус и "В круге первом", Один день Ивана Денисовича по язвительности значительно уступают Воспоминаниям Иванова-Разумника – может быть и Петкевич, и Разумника, и Солоневича, и Бунина – выбросить из русской литературы и русской истории? Что, Бунинские "Окаянные дни" – в них разве меньше злобы и ненависти? А ведь я начал читать "Гулаг" в автобусе, ярким солнечным днем 73-го или 74-го года, только что освободившись из Зоны, и чтение мое было благодушным, я не чувствовал в повествовании автора даже антисоветизма. И был ли Солженицын антисоветским автором, каким выставляет себя Генеральный секретарь коммунистической партии (КПСС)? Советскую власть в России конечно сверг не Солженицын, и у разумеется не та кучка диссидентов (их было в семидесятые годы несколько десятков человек, если не меньше). Но почему мы не пошли на баррикады, когда мирным путем был демонтирован СССР? И имеем ли мы право кого-то обличать в антикоммунизме? И причем тут весь этот коммунистический хлам, когда мы живем в России, когда мы должны страдать о России, и только ее и защищать? Ну, в крайнем случае, русские имперские амбиции?

Так вот, друзья мои, только один критерий должен быть при выборе писателей и философов: Правда и русскость при художественной силе.

Но куда несет нас рок событий. увы, и я не знаю. ВИ

Дорогой ВИ! Все, что Вы пишете – верно! Я не возражаю! Но мне кажется, что нам снова нужно научиться жить. Нормально жить.

Изучая патологии, можно кое-что понять про организм, но я сам не являюсь специалистом по патологиям. К тому же, их много. И грядут другие...

Я Вас поздравляю с наступающим Рождеством, желаю, чтобы все! И всё!

Очень рекомендую сходить в Эрмитаж на выставку, посвященную голландцам.

А. В. (О)

Дорогой ВИ!

С Новым годом, с Рождеством Христовым!

Здоровья Вам, радости и любви в 2019 году, сил для титанической работы над «Новым русским журналом»!

Ваша идея о «выставлении когорты русских писателей» любопытна, она (когорты) вероятно, для каждого будет несколько отличаться от выбора других. Сразу скажу, что, названные Вами имена, достойные писатели, спору нет. Их вклад в литературу очевиден. Только у меня вопрос: выделяя их как очистительное (мировоззренческое) средство, стоит всё же предупреждать (даже наше не вполне, скажем, здоровое общество) о вреде передозировки.

Вы пишете: «Я не собирался поднимать ПЛАСТ разоблачительной литературы, но РАЗОБЛАЧЕНИЕ сталинизма и советизма содержится в воспоминаниях и рассказах такого количества писателей...». Тем не менее перечень говорит сам за себя.

В 2010 году я прочитал упомянутую Т. Петкевич, её «Жизнь сапожок непарный», и у меня сложилось впечатление, что основа книги не разоблачение сталинизма, а разоблачение предательства любви. Я могу ошибаться, впрочем.

Названные Вами писатели представляют Зло проблемой человека, общественного строя. И Вы, кажется, так думаете и не рассматриваете Зло – тайной? А ведь оно, – помимо всех тех определений, которые складываются из высказанных отношений к нему перечисленных писателей, – тайна, не имеющая рационального объяснения. Но это слишком сложно, это на мистическом уровне, поэтому всегда под рукой «козлы отпущения»: Сталин, большевики и далее по джентльменскому списку немогумолчащих вечных обличителей Русского Зла.

Вы пишете: «Но не погиб ли мой отец и миллионы ЛИШНИХ русских из-за того, что советское правительство возбудило своей агрессивной политикой ненависть к России во множестве соседей, и в Румынии, и в Польше, и в особенности в Финляндии, отодвинув границу (более бездарной войны, в которой целая русская армия была обморожена, а финны потом оказались тоже у стен Ленинграда как и немцы, история не знает)».

Россия-СССР повела себя агрессивно... Так можно полагать, будучи уверенным, что общественный договор (Ж.–Ж. Руссо) и права человека действительно имеют какую-то силу в мире, где никто не отменял основополагающий принцип «человек человеку волк», особенно чтимый в политике и международных отношениях. Россия и её правители ничуть не «злее» других правителей и государств. Каждое государство имеет свою «бездну зла», но мы почему-то всматриваемся и всматриваемся лишь в российскую «бездну», и она нас опасно гипнотизирует. Запад тысячу лет склоняет нас туда всматриваться, манипулируя нами на уровне нехитрого использования пресловутого ярмарочного приёма, крича – «Держи вора!»

Почему на Западе так любят нашего гения Достоевского? Как не любить его, если он «как пьяный», по меткому замечанию Толстого, не

стесняясь говорит обо всём, о чём попросту говорить неприлично? Действительно, у него русский человек выходит на люди исключительно идиотом, преступником, извращенцем – цивилизационно невменяемым дикарём. Отсюда отношение к нам – дикари с ядерным чемоданчиком, в похмелье растянувшиеся собаками на сене на 1/6 суши (недра, леса и т.п. богатства).

Вы хотите защищать Россию. Чем? Разоблачением её «исконного зла», осуждением её «злодеев», покаянием перед «святыми камнями Европы» (Достоевский)? Дьявол довольно потешился над Достоевским и его русским человеком «на rendez-vous» с Западом, где этот человек рассматривается опасным сумасшедшим, которого надо по-хитрому облапошить. В этом смысле Достоевский (думал ли он об этом?) очень полезен Западу и, по моему, не полезен России. При всей его гениальности. Которая совершенно амбивалентна: ведёт к Вере и ведёт к безверию, вызывает комплекс неполноценности у русского человека.

Из всех перечисленных Вами писателей, пожалуй, В. Шаламов, да ещё не упомянутый Б. Ширяев («Лампада неугасимая» – о Соловках), описывая ужасы лагерей, ведут речь не о «зле сталинизма», а о метафизическом зле, показывают его природу извечного спутника человека.

А то, что Зло принимает русские формы... Дьявол известный полиглот, каждому народу на его языке говорит, искушает родной речью.

К чему я? К тому, что с тьмою бороться, сгущая тьму, не стоит затраченных сил, – она будет только ещё темнее. Скорее, достойно будет показать светлые стороны русского человека и России. Это, известное дело, несравнимо трудней нашей мазохистской забавы «ковырять застарелые язвы», чем занимались и занимаются многие и многие, не обделённые талантом люди под одобрительную инфермальную усмешку. И, если нам не по силам бороться со Злом, показывая – ну хотя бы изредка! – Добро и «доброего русского человека», то, может быть, стоит умерить пыл бесплодного самоуничтожения, в котором мы преуспели как никто?

Да, вот ещё что. Искусства – все, и музыка также, строятся на контрастах. Ладно, пусть, кто хочет или не может не «разоблачать русское зло», помнят о законе контраста и разводят свои «обличительные чернила» не сплошь царскою водкой, но и целительным бальзамом. В случае с попытками искоренения Зла принцип «подобное лечится подобным» не работает. В искусстве, по крайней мере, абсолютно не работает. Поэтому, ВИ, предложенный Вами список кандидатов в когорту писателей 20–21 века требует дополнения. Кем? Надо подумать.

С уважением, **АВ (М)**

Размышления философа не-христианина. Бытие и инобытие, метафизика существования и смыслов, жизнь и сверхжизнь... Возразить не могу, ибо я более согласен с теми, с кем несогласен – что же я могу возразить? Но разговор **требует** продолжения, и я расскажу позже о своей «преступной любви» – она объяснит мой взгляд на мир более философии.. **ВИ**

Владимир Меньшиков**ВЕЧНО ЗЕЛЕНЬИЙ ВЛАДИМИР МОРОЗОВ**

По давно заведенной традиции наряженная елочка стоит у нас дома до 1 февраля, а потом уж, как ляжет карта, может промаячить и до 8 Марта. Помнится, что 24 января все в комнате пребывало в прежнем виде: и полутораметровая елка, и висевшая на ней хрустальная, как мечта, округлая игрушка «Фига», и книга, торжественно стоящая в соседнем книжном шкафу и серебристо отсвечивающая со своего широкого зеленого переплета зазывно-дорожным названием «На перекрестках судеб и времен. Антология русской поэзии».

25 января – зашел для обмена книг в муниципальный культурный центр и выпал, как снег, «в осадок», увидев на взрослом абонементе страшненькую библиотекаря-таджичку тридцатипятилетнего возраста. Она, будучи очевидным гастарбайтером, получила непыльное, нехолодное для зимнего времени года рабочее местечко пожалуй что благодаря тезису «Толерантность в действии!». Ее не смущало ни то, что она-азиатка работала в русской библиотеке, ни то, что являлась обладательницей почти что панковской прически с вызывающе выкрашенными в зеленый цвет волосами, щедро выстриженными по бокам головы.

Уж на что я человек не самых строгих правил, не прихожанин, не моралист, и то во всеуслышание возмутился: «В стране осталось всего несколько светлых мест для посещения, в том числе и библиотека, но теперь и здесь, в кладези духовности, просвещенности и порядочности, начали работать извращенцы, иностранные агенты». Надо было бы добавить также вслух: «А почему эта и без того уродливая прическа имеет провокационный зеленый цвет? Она что – олицетворяет факт глубокого и наглого проникновения ислама в российскую библиотечную сеть?». Но про ислам я ничего говорить не стал, а то бы сам оказался крайним, ведь меня могли бы обвинить в разжигании религиозной ненависти, а даже подобные словесные спичи-разжигания без чирканья спичками в библиотеке чреватые сгоранием всего книжного фонда. И без того я недавно написал вызвавшие явное раздражение питерских либералов стихотворные строки: «На культпросветдолжностях крепко сидят русофобы».

Какими смягчающими доводами ни апеллировали бы мои оппоненты, все равно это форменная русофобия, издевательско, – если в библиотеки с преимущественно Русской Литературой (даже не советской) городские интервласти устраивают на работу гастарбайтеров-азиатов.

Меня спросят, а при чем здесь Владимир Морозов, русский поэт-патриот? А вот при чем! Когда я начал копать на библиотечных стеллажах, до меня дошло, что цвет шизо-прически напоминает цвет книг, которые были изданы в последние годы под его редактированием. Он рулил, он заказывал все параметры книг, их обложки, раскрасы и, пожалуйста, – с добрый десяток его

личных книг и поэтических антологий вышли с исламистской расцветкой. И это при том, что Морозов себя позиционирует прежде всего как глубоко православного стихотворца. Мне-то вроде бы что, я – язычник, но как Вова оправдывается перед Иисусом Христом? Ведь бог не фразер, все видит... Поэт, конечно, может залепетать, что имел в виду совсем другое, дружки отшутятся, что это его очередной невинный ляп, но... Нам даже представить трудно, но Морозов, может, ведет подрывную ваххабитскую деятельность? Возможно, его литературная группа «Припевье» является законспирированной до поры до времени боевой командой джихада? Может произойти курьезный случай, инспекторы заявятся закрывать его «Припевье» как русскую национал-экстремистскую группу, а она на самом деле окажется исламистской экспансивной группировкой. Шутки, конечно, но и Морозов совершил с выбором цвета большущий прокол, имеющий распространение уже на десяток не только личных, но и общеписательских изданий. Этакий зеленый ляп этакого зеленого, всегда молодого, вечно неопытного и постоянно ошибающегося поэта и редактора-активиста. Отсюда и название статьи – «Вечно зеленый Владимир Морозов».

Раньше я не придавал такому однообразному раскрасу значения, но теперь этот ядовитый цвет «морозовской обложки», с чем он очевидно облажался, жутко раздражает, бесит меня и, наверное, очень многих авторов антологий. Может, редактор и не имел в виду ничего предосудительного и теперь начнет обижаться на то, что его превратно поняли, но требуется просчитывать ходы наперед, чтобы исключить возможные эксцессы неприятия. А так покрасил православие и русскую поэзию в зеленый цвет, и хоть зелено-изумрудная трава не расти.

А это ничего, Володя, что такой же преобладающий раскрас имеет логотип букмекерской конторы «Лига ставок»? Ты ведь азартный «чел», юрзилка-мурзилка и в то же время стабильный мужчина в своих пристрастиях. Может, сделаем ставки, заключим пари, что... очень мало кому понравится твое тотальное «озеленение» книжных обложек?

Кстати, изумрудной по колеру является и вывеска «**Городские Аптеки**» с ее богатым выбором медикаментов и препаратов для излечения одноцветности зрения и для избавления от самых разных болезней двадцать первого века.

В общем, вся эта провокационная «зелень», вся эта сомнительная расцветка стала вызывать у меня раздражение и внутренний протест.

Но это еще не все про зеленый цвет. Это еще листики... Ягодки впереди. Не случайно я упомянул пресловутую «Лигу ставок», которая находится в крепкой и порочной связи со всеми азартными играми. И тут вот какое дело: Морозов, имея на руках несколько листов бумаги с моими стихами, назовем цифру десять, провел с ними, как с картами, расклад на три поэтических сборника-антологии, хотя я, естественно, передал ему для публикаций в три раза большее количество произведений. По два раза использованы стихи «Слава труду!», «Суть земная», «Зимние песни», и во всех трех подборках присутствует стих «Русь потюремная». Представьте, что в нескольких

антологиях подряд, а это в течение восьми лет, любезный мой тёзка Вова Морозов подсовывает мне под нос данный стих, кстати, не очень-то удачно им же когда-то отредактированный. В конце концов такие преднамеренные повторы, неслучайные дежавю, меня вывели из себя, как и одинаковый цвет обложек у всех этих сборников, и я теперь письменно высказываю свои претензии.

Вроде бы за что мне сердиться, ведь не проигнорировал, опубликовал, дал поучаствовать во всех книгах, настоятельно предложил для ознакомления «массовому читателю» якобы не самые худшие мои стихи, но...

В последний раз я сам позеленел от ярости. Быстренько на противоположной стороне нашел подборку произведений Морозова, прочитал. Как человек объективный и, даже пребывая во взвинченном состоянии, я довольно высоко оценил стихи своего «гнобителя», но все же скажу, что они – как самоуничтожительно определил сам автор – «из чужой судьбы», ну и создалось впечатление, что написаны если и самим Морозовым, то с использованием чужих интонаций и словесных оборотов. Также эта подозрительная оговорка «из чужой судьбы» дала мне основание говорить о Морозове как о человеке малопопавшем, «зеленом». Какая-то очень странная подборка составила, совершенно не характерная для него. Но не слабая. Мог бы мне сделать хороший, разительно обновленный подбор, но по причинам очевидного себялюбия делать это не стал.

Само редактирование большой антологии оказалось далеко не качественным, по сути дела «зеленым». Ляпов множество – (рифма: моё-встаёт, стр.17), (рифма: неземная - обгорая, стр.40), (рифма: скройся - откройся, стр.49). Или такие строчки: «На сельском кладбище простом», «Жизнь офицера вовсе нелегка», «По Руси бредет старуха с суроватою клюкой», «Мы по городу бродим, цитируя Бродского», «Могила... яма-рот корытом» и т.п. и т.д.

Такое редактирование на хорошую оценку явно не вытягивает, оно сыровато, «зеленовато».

Теперь о ягодках. «Я – гадок»... Автор этой статьи уже много писал о многократном использовании опостылевше-гадкого одного и того же цвета при оформлении так называемых «морозовских книг». Да, так и происходило, потому что редактор-заказчик принимаемые решения не согласовывал с мнением участников коллективных сборников и постоянно навязывал им свои вкусовые пристрастия, переходящие в очевидное дурновкусие в собственных эгоистических интересах.

А главный интерес, я полагаю, заключается в следующем. Используя выше упомянутый однотипный цвет при изготовлении обложек для мини-сборников «Великая провинция», а это было еще в 90-х годах, Морозов в том же духе продолжил издавать личные и общие (редактором его чаще всего назначает руководство организации) книги вплоть до нынешнего дня. То есть он своему цветку, своей зеленой, чуть ли не детской, капризной воле подчинил немалое количество читателей и поэтов, передавших ему стихи.

Только спустя годы стал четко просматриваться авторитарный замысел

нашего одиозного главреда, на всю катушку использовавшего делегатированные ему правлением организации полномочия: **всё выкрасил в единый зеленый цвет, всё свое и чужое собрал под единую зеленую «именную» обложку, под свое зеленое верховенство.** И теперь он с мстительной усмешкой карлика-тирана может заявить: «Вся поэзия организации да и всего Петербурга у меня под колпаком, в моем подчинении. Я – литвождь, я – властелин этого писательского мира, его рабов-писателей».

В том, что у не в меру амбициозного Владимира Ильича имеются вождистские устремления, и раньше мало кто сомневался. Теперь всё выперло. Нарыв созрел. Но поздно уже его прижигать, лечить одной зеленой (бриллиантовой)...

Господи, да пусть, если такой незаменимый (хотя за некоторые оскорбительные выпады и закидоны так и охота его мазнуть той же зеленой по лбу) и дальше редактирует, только без своего знакового оформления, без фирменного «тавро», которым он помечает свои личные книги, антологии и их авторов, как интеллектуальный скот. Я не знаю, ведь писательский народ, как всегда, молчит, но, наверное, Морозов напорточил, как с моей, так и с другими подборками в сборниках. И еще: ведь для своей опоры и защиты он создал режим наибольшей благоприятности в антологии для таких авторов, как Рачков (а вдруг и его по своему головоупяству ущемил?), Бычков, Сачков и тот же Чупров. Все вроде схвачено, и со всех сторон подстраховано, да вот с язычником Меньшиковым прокол вышел... А давно ли были друзьями?

Так и хочется вынести в качестве эпиграфа слова «Они, писатели, у меня вот где – в зеленом кулаке!». Всё в кулачки да в ярлычки зеленогубый ребенок играет. И всех нас (определение подберите сами) в эту дохлую игру в качестве статистов втянул...

От редактора. Лезу в чужую драку, хотя и рискую схватить по морде. Кстати, мне нравятся стихи Люлина, но Морозов – тоже хороший парень, и не такой уж зеленый. А что, лучше, чтоб был фиолетовым, и жил фиолетово? Нет, ребята, опасную вы игру затеяли, за нее срок схватить можно быстрее, чем за политику, тут столько цветов на десятку тянет, и **красный** – я не пойму, их уже свергли, или они правят в качестве «новых русских»? И **белый** – что, собирает ли новый Колчак старых русских под свои знамена? Ну а зеленый цвет – это же прямое призывание батьки Махно (или Лукашенки)? Призыв к партизанской войне! Про голубой цвет молчу, иначе подпаду под нетолерантность. **Черный** цвет – это черная сотня... **Серый** – прославление правительства и чиновничества, они в России всегда были серыми... Лучше, Володя, пиши про свою Владу, она не так опасна! Да и вообще в последнее время стихов по любви стало мало – может, и мне про Владу написать?

Впрочем, моя хата с краю, я не виноват, **редакция и редактор с мнением авторов не всегда согласны,** и алкоголь в больших дозах вреден!

Татьяна Лестева

**"СОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ" ИЛИ НОСТАЛЬГИЯ
ПО КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКЕ?**

Пару лет назад, занимаясь историей своей семьи, просматривала я «Орловские епархиальные ведомости» за 1899 год. Но как-то не обратила внимания на то, что это год столетнего юбилея А.С. Пушкина. Было трудно совместить дела религиозные с юбилеем вольнолюбивого поэта. Как вдруг в разделе Хроника читаю: «В три часа пополудни 14 февраля с.г. Его Преосвященный Епископ Никанор присутствовал в Доме Дворянства на собрании по поводу празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина. Владыка председательствовал на сем собрании, открыв его призыванием благословения Божия на предстоящее дело достойным и назидательным образом почтить память “творца русского слова и великаго гениальнаго художника – поэта” по поводу грядущей столетней годовщины со дня рождения».

С нарастающим интересом продолжила чтение. Далее детально излагалась программа предстоящих торжеств, разработанная собранием. Как же предполагалось отметить это событие сто восемь лет тому назад? Цитирую:

«1. Подготовительные лекции за несколько дней до наступления дня юбилея.

2. 26 мая:

- а) торжественная литургия и панихида в Соборе;
- б) соединённое торжественное заседание обществ;
- в) бесплатное чтение для взрослых в читальнях и других помещениях;
- д) дневной бесплатный детский праздник-гуляние, шествие и игры;
- е) литературно- музыкальный вечер в дворянском собрании».

Подробная программа, имеющая своей целью сделать этот день праздником всего населения города! Но орловчане не ограничились этим. Собрание пожелало отметить столетний юбилей А. С. Пушкина «... чем-либо таким, что постоянно напоминало бы орловцам о великом поэте...». А ведь Орёл обычный русский губернский город, я даже не припомню, бывал ли когда-нибудь там поэт. Но чтобы увековечить народную и церковную (!) любовь к поэту, собрание «постановило открыть в Орле публичную библиотеку в память А. С. Пушкина, причём заслушан был проэкт предполагаемой библиотеки, который и подписан был, начиная с Преосвященнейшаго Епископа Никанора ещё 80-ю лицами».

Безымянный хроникёр Епархиальных ведомостей закончил эту статью высоким стилем:

«Пушкин! Имя сие знакомо и дорого и нам, питомцам духовных школ, а теперь и пастырям церковным! Не пройдем безучастно и мы мимо собирающихся почтить память великого поэта, который и в нас чувства добрые своею лирой пробуждал. Помолимся о поэте 26 грядущего мая, побеседуем о нём, и особенно с детьми: жизнь и поэзия А. С. Пушкина для

сих бесед даёт много материала, ибо это поэт народный. Примем участие и в других, не противных нашему званию и служению, способах чествования великого писателя».

После смерти в год 100-летнего юбилея А.С. Пушкина прошло 63 года – время, когда Обер-прокурором Святейшего Синода был К. П. Победоносцев. Я подумала о том, как быстро и умело происходит перестройка в церкви: забыто и прощено вольнодумство, его (или приписываемая ему) «Гавриилада», эпиграммы на Фотия и т.п., как тонко священнослужители используют любой повод и любую трибуну для того, чтобы быть ближе к пастве, не упуская ни единого повода упрочить своё влияние. Но вернусь к Епархиальным ведомостям.

26 мая «...в День Вознесения Господня Его Преосвященство божественную литургию совершал в церкви духовной семинарии, а после литургии было чествование памяти Пушкина. В тот же день в 2 часа полудни состоялось открытие библиотеки», при котором «...был отслужен молебен с водосвятием. По окроплении присутствующих и всего помещения Его Преосвященство сказал речь, в которой высказал пожелание, чтобы дух А. С. Пушкина витал над вновь открытым детищем и утолял бы духовную жажду всех приходящих в неё с запросами тех или иных знаний».

Но, подчёркивая запросы «тех или иных знаний», епископ Никанор сделал крупное пожертвование библиотеке не светских, а богословских книг, положив в ней начало богословскому отделу. Год спустя, 25 мая 1900 года в речи при открытии библиотеки «...Владыка указал то направление и ту цель, какую книжные сокровища должны сообщать мысли человеческой, именно стремление мысли человеческой к первоисточнику света, истины и разума – Бога». Не думаю, что сии глубокомысленные слова можно отнести в полной мере как к роли библиотек, так и к оценке творчества А. С. Пушкина. Но, конечно, нужно отметить, что церковь несла не только духовность, но и культуру в массы, хотя с её трактовкой произведений Пушкина, в которой подчёркивалось божественное начало, богоискательство, вряд ли можно согласиться. Ан нет, не умерла идея-то, оказалась живучей, возродилась из праха. Но об этом чуть позже.

В юбилейный 1899 год «Орловские епархиальные ведомости» посвятили не одну страницу А. С. Пушкину. Здесь и разбор его творчества, и хроникальное описание юбилейных торжеств, полностью приведена речь епископа Никанора, даже опубликованы стихи священника законоучителя Илии Ливанского «Памяти Пушкина», в котором есть такие строки.

« О, Пушкин, Пушкин! Узнаю
Я музу дивную твою.
Светлеет ярко предо мною
Её приветный чудный лик.
И сладостной всегда мечтою
Пред ним склоняться я привык.
.....
Ты наша истинная слава,

Национальный наш поэт!
Тобою Русская Держава
Красуется уж много лет.
...
И ты звездой лучезарной
Вновь для поэзии блеснёшь
И светоч яркий, жизнелюбивый
В наш прозаичный быт внесёшь».

Да, надо отдать должное Русской православной церкви – не упускала она ни одного случая упрочить своё влияние на паству. Конечно, советское время – это время террора по отношению к церковнослужителям. Когда же грянули роковые и лихие девяностые, рухнула атеистическая марксистско-ленинская идеология и *pas de mieux* (за неимением лучшего), оглянувшись в зияющую вокруг идейную пустоту, увидели власть-предержащие церковные купола, сияющие самоварным золотом, бросились они во главе с первым президентом России отбивать поклоны, замаливая, надо полагать, иудин грех. Разумеется, я ни в коей мере не хочу оскорбить чувства истинно верующих людей – свобода совести неприкосновенна, её гарантирует и Конституция РФ, впрочем, равно как и свободу атеистического мировоззрения. Но с горечью следует признать, что страна погружается в тупик религиозного мракобесия и темноты. И каждый новый день приносит всё новые, увя! тому подтверждения. Вот и сто девять лет спустя возродилась идея о том, что свободолюбивый Пушкин оказался «православным поэтом» вкуче с Лермонтовым, Тютчевым и другими классиками отечественной литературы. Конечно, православные! Их ведь родители крестили! Значит... – вывод однозначен. И не жалеет наша православная церковь средств на издания монографий и сборников, авторы которых в рамках официальной правительственно-религиозной доктрины с пеной у рта доказывают, что да, это именно так: православные и только. Даже в советское идеологизированное время официальные проповедники марксизма всё же не доходили до того, чтобы доказывать, что Александр Сергеевич или Михаил Юрьевич были потенциальными идейными сторонниками марксистского учения! А сейчас? Вот и до Рубцова дошла очередь. «Ну, и что же, что некрещёный? Ну, и что же, что нет у него ни одного стихотворения на церковную тему? Ну и что же, что и образ жизни его был далёк весьма от христианских заповедей, – провозглашают современные апологеты религиозного православия из числа быстренько сориентировавшейся «писательской интеллигенции», чутко определяющей, откуда ветерок подул. – Да наш он, наш! Православный поэт!». И продолжается обольванивание читателя. А поскольку подобные опусы «рядовой читатель» вряд ли будет читать, то нужно подбросить эту идею и в многотиражные издания.

И вот уже обозреватель «Литературной России» Александр Трапезников лёт не воду, а поток еля на мельницу фанатических религиозных мракобесов, фальсифицирующих не историю (это сейчас немодно – президент

Медведев погрозил пальчиком в их сторону), а историю литературы (на эту тему пока официального запрета не высказано). В гневе обозреватель топает ножкой, обрушивая сель нечистот на голову осмелившегося высказаться против разрастания клерикализма доктора философских наук В. Рыбина, «спинозы», выпестованного кафедрой марксизма- ленинизма (Надо полагать, что сие определение г-н Трапезников адресует именно Рыбину?): «Заявлять подобное – значит окончательно и бесповоротно расписаться в собственном скудоумии и невежестве» («Лит. Россия» №31-32, с. 15). И далее, демонстрируя широту и несомненную оригинальность ума, г-н Трапезников пытается в очередной раз вбить в голову заблудшим овцам сей вывод: «...Николай Рубцов, несмотря на внешнюю удалённость от Церкви, всё-таки был православным поэтом, *как не может не быть православным русский писатель*». Вот это да! Вот оно откровение! Кем только оно послано г-ну Трапезникову? А как же нам быть с Львом Толстым и его сложными отношениями с РПЦ, с Д. Мережковским и его церковью Третьего Завета? Колеблющегося В. Розанова, В. Брюсова, А. Блока...? Неужто исключить их из числа русских писателей?

Вот и Владимир Мисюк в порыве православного смирения выражает «соболезнование всем жителям города Челябинска в связи с тем, что на их славной земле проживает некто В. Рыбин» (автор статьи «Клерикальный перебор», Л.Р. №30 от 31.07.09). Вот она православная христианская любовь ко всем жителям Челябинска со стороны «маленького» («Я маленький. Господи Боже...», «Я маленький. Слышишь. /Не надо,/ Не надо меня обижать...» – В. Мисюк) поэта, который чистосердечно признаётся: «Не умею ни петь, ни плясать,/ Только пить до бесчувствия./ Только горькие рифмы бросать...». Нет, пожалуй, такое самоуничужение не слишком свойственно В. Мисюку. Звучат как фанфары и воинственные нотки в его «христианской отповеди» «неуважаемому доктору философских наук, который на всю Россию «БЕЗНАКАЗАННО» (!!!) несёт ахиною. Наказать! Немедленно! Только как? Лишить его учёной степени? Отлучить от РПЦ? Или организовать доносик в соответствующие органы, дескать, не следует такой-то философ официально президентско-правительственному курсу на православие? Да ещё в тот самый момент, когда г-н президент Д. Медведев подписал указ об очередном эксперименте по преподаванию в светской (!!!) школе религиозных основ «в порядке эксперимента».

Хотелось бы верить вместе с Г. Муриковым («Вера или сомнение», «ЛР» №31-32, с.15), что не сумеют «замечательного русского поэта ревнители православия ... загнать под свои рубрики». Но сомнения, увы! не безосновательны. Однажды (впрочем, однажды ли?) в каминном зале петербургского отделения Союза писателей России презентация одного из альманахов началась ...с коллективной молитвы прямо под портретом Пушкина. Вошла православная поэтесса Татьяна Егорова, весьма воинственная женщина, несмотря на внешнюю хрупкость, и приказным тоном изрекла: «Сегодня великий православный праздник. Помолимся!». С этого же действия начинаются и поэтические встречи под руководством А. Грунтовского... Да

только ли? Злые языки утверждают, что теперь и ещё ряд поэтесс начинают свои поэтические встречи с «молитовки», даже те из них, кто совсем недавно возглавлял партбюро своей организации или, как минимум, был заместителем парторга. Всё закономерно: сменилась идеология, следовательно, нужно радикально изменить или, как минимум «подкорректировать» свои взгляды. А если завтра (не приведи господи!) официальной религией станет, например, ислам или синтоизм, то тогда услышим мы хор тех же «историков от литературы», что Пушкин и Рубцов – апологеты именно этой религии, конечно, они при жизни их не исповедовали, НО... (духовно они были к ним близки)...

И ещё раз вернусь к Владыке Никанору, который организовал столь блистательное празднование юбилея «православного поэта» Пушкина, указующим перстом направив муз к церковным поэтам, например к Илию Ливанскому, отрывок из стихотворения которого приведён выше. Забыты они, незаслуженно забыты! Почему же публикаторы серии «Православных поэтов» не листают православные епархиальные ведомости, выискивая шедевры истинно православных поэтов? Что это – невежество, нежелание руку приложить к старым манускриптам? Или это хорошо спланированная идеологическая диверсия, направленная на возвращение русского народа из XXI века в тенеты средневекового мракобесия? И не с этим ли связан вот такой факт? Однажды я присутствовала на встрече Н. М. Коняева с читателями. В фойе была организована продажа книг. Беру в руки красочно изданные сказки Пушкина (цена, впрочем, значительно превосходит качество издания!). На первой же странице крупным шрифтом красочный анонс извещает потенциального покупателя о том, что сие издание осуществлено милостью митрополита такого-то. Знайте, детки, кто несёт вам сказочный свет поэзии Пушкина, не забыв, разумеется, и о своих весьма не духовных интересах по набиванию карманов рясы звонкой монетой. Куда уж дальше?! Благотворительностью здесь и не пахло. А вот если бы некий публикатор действительно собрал произведения поэтов и писателей, принадлежащих к клиру, а некое издательство их издало, тогда, надо полагать, что не только воцерковлённый православный люд, но и атеисты с интересом прочитали бы эти творения.

Но, как говорится, «кесарю кесарево, а Богу Божие». (Мф, 22.21), то есть Илию Ливанского – верующему люду РПЦ, а Николай Рубцов пусть останется достоянием русского народа.

И в заключение пару слов о том негодовании, которое вызвал главный редактор В. В. Огрызко у поэта Владимира Мисюка, возмущённого его всегдашним стремлением «пощекотать нервы читателям». Позволил, видите ли «неуважаемому доктору философии» «нести полную ахиню со страниц всероссийского еженедельника» «БЕЗНАКАЗАННО (!!!)». От этой пресловутой свободы слова, дарованной россиянам перестройкой, назад – к единомыслию и лагерям. Не ностальгия ли у ревностного защитника православия о колючей проволоке? Не в ней ли он видит саму «соль православия»?

Санкт-Петербург 08.08.2009 года

VII. НАД ЖИЗНЬЮ. СТИХИ и ПРОЗА, статьи и ПИСЬМА

В. И. Чернышев

НОВАЯ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

НАРОД и ЛИЧНОСТЬ

СИРОТЛИВО СТОИТ РЕДАКТОР...

СУЩНОСТЬ НАРОДА. ЧТО ТАКОЕ «РУССКИЙ»?

1. Введение в Предисловие.

Написаны десятки тысяч тонн книг, по большей части умными и образованными людьми, но ни эти тонны ни эти люди не понимают друг друга и не прибавляют ничего к пониманию. Правда, среди этих тонн кое-что нам ближе, понятнее и дороже, другое далеко или даже совсем чуждо, и в чем тут дело, надо сначала разобраться, прежде чем писать дальше. Но чтобы разобраться в том, что почти очевидно, однако по поводу чего умные и образованные несут пургу, надо затратить сначала несколько усилий, потом уже писать дальше.

Разбираться будем на простых примерах. Пианист нажимает на клавиши (точнее, не просто пианист, а учитель музыки в первом классе музыкальной школы), извлекая звуки ДО и РЕ и спрашивает детей, есть ли между ними разница. Некоторым кажется, что разницы никакой нет – их не то чтобы нельзя учить дальше музыке, но **сначала** надо добиться того, чтобы они эту разницу **слышали**. Бесполезно не слышащим объяснять, что она существует, зачитывать пространные цитаты, объяснять, чем отличается один звук от другого (как, например, объяснять разницу между зеленым и красным – некоторые ее **не видят**) – другие **не слышат** разницу между звуками **до** и **фа**... Возможно даже, что они глухонемые – тогда не надо их учить музыке. Но в норме человек видит и слышит, видит и слышит не только шум и цветность, но и оттенки в том и другом, только еще глаз и ухо не настроены на тонкое восприятие. В норме каждый человек умеет говорить (об этом впервые сказал Платон), и научение сначала *говорению*, потом *чтению* – это *припоминание*. Собака, например, не может научиться человеческой речи, даже я говорить ее не научу, и учитель только помогает ребенку **вспомнить**, «сделать актуально существующим то, что уже существует потенциально». И как речь, в ребенке существует и музыка, отец Полины Осетинской это предчувствовал, и помог Полине пробудиться, и она стала гениальной пианисткой (впрочем, я влюбился в нее не за это, а за то, что она уже в шесть лет начала читать великих философов и их понимала, и когда **Н** узнала о том, что я влюбился, она со слезами воскликнула: «*так вы теперь уже любите не меня, а Полину?*») Увидев ее слезы, я влюбился в **Н** снова.)

Итак, родной язык в человека вложен (вот только, я не знаю, вложены ли в нас иностранные языки, поэтому не могу научиться ни одному) – и из-за изначальной вложенности языка мы на нем так легко учимся говорить, овладевая сложнейшими понятиями уже в полтора-два года, например, понимаем оттенки чувства **любовь** и умеем выражать эти оттенки с помощью интонации.

Однако, зная многое врожденным знанием уже изначально, и легко узнавая и одно и другое дальше еще в детстве, до школы – по опыту, по размышлению, по объяснению или переимчиво от окружающего мира, так что Толстой говорит, что из того, что человек узнаёт за всю свою жизнь, 95 процентов он узнаёт к пяти-шести годам – мы по знаниям уже сразу совершеннолетни, а по

пониманию – невежды. Или, может быть, к пяти-шести годам приобретаем всю мудрость мира, потом она в нас до 12-13 лет развивается, потом стремительно тает под лучами жаркого солнца *отрочества*. Увы, ребенок умнее уже взрослого, но в отрочестве, приспособляясь к взрослой жизни, вступая в нее, он большую часть бесценного теряет. И вот оказывается, что разделяет людей не то, что одни **знают**, а другие **не знают**, а то, что одни **понимают**, а другие **не понимают** (ибо по знаниям мы все практически одинаковы, после шести лет приобретаем мы только пять процентов новых знаний, в них и входит или практическая жизнь так называемого «простого народа», или теоретическая жизнь так называемых «интеллигентов» – но *понимаем* мы одно и другое не одинаково. Правда, то, что мы приобретаем после пяти лет, это не только **понимание** и **знание**, но еще научение (навыки, **умения**). Что мы узнаём до шести лет? Чему обучаемся? Мы постигаем все движения тела, мы умеем ходить, бегать, прыгать, шить, девочки умеют шить и вышивать, умеют танцевать и *изящно ходить* (присмотритесь к обычной походке детей, мальчиков и девочек). Мы умеем есть, умываться, одеваться, ухаживать за собой, обслуживать себя, пилить, рубить, забить гвоздь, приготовить растопку и дрова, затопить печку, развести огонь, приготовить пищу, стирать, зашить одежду, позаботиться о самых маленьких, накормить их, мы уже умеем говорить безукоризненно, зная примерно два миллиона слов родного языка (а в языке содержатся уже потенциально те десять тысяч книг, которые мы потом читаем, чтобы сделать потенциальное актуальным, неявное явным. Толстой произвел все те подсчеты, которые произвожу перед вами теперь я. **Почти все**, что умеет взрослый, умеет уже шестилетний ребенок. Велите ему в лесу собирать грибы, ягоды, сделать шалаш, защитить себя от дождя и холода, найти направление (в норме ребенок знает и страны света, и куда показывает солнце утром, в полдень и вечером). Ребенок умеет залезть на дерево, связать в узел вещи и нести их на себе, он поможет копать грядки, полоть их и поливать, выкопать картошку и почистить ее. Правда, есть сложные ремесла, например, столярное, сапожное, гончарное, токарное, профессиональные умения, скажем, лепщика, резчика, пекаря... – но ребенок уже знает и умеет главное – он уже умеет научиться всему чему угодно – к шести годам. В этом возрасте его можно обучить школьной арифметике, алгебре и геометрии примерно за неделю и высшей математике за месяц. Что прибавляется к уже имеющемуся из книг, например, по философии? Почти ничего. Моя мама книг не читала, мы с нею косили сено и разговаривали о Толстом и Достоевском. Я и теперь говорю, что русская философия – это русская литература. Но это не значит, что Толстой и Достоевский – философы. По сравнению с пониманием моей матери их понимание жизни почти детское. Они, конечно, великие писатели, моя мать – не писатель (но она прекрасно пела, а они спеть даже «В лесу родилась ёлочка» не умели – о чём тут спорить? Нужно, конечно, понимать, о чем идет речь. Полина в семь лет играла Чайковского и Рахманинова, я за всю жизнь на мандолине однажды – конечно, плохо – сыграл «Во саду ли в огороде», поэтому Полина в сравнении со мной великий музыкант – и не в сравнении со мной – тоже! А Толстой

считал, что бабы, отбивающие на косах (они пришли с покоса) мелодию деревенской песни, играют лучше Гольденвейзера, который приехал в Ясную Поляну играть для Толстого).

Но знание недостатков хорошего человека не умаляет его достоинств. Толстой не умел петь, я не умею плавать, Полина, вероятно, не умеет косить, но один из нас писал как бес и ангел вместе взятые, другая умеет играть не хуже чем ангел и мастер-настройщик гармонии космических сфер, третий умеет шутить и плакать и умеет понимать как мало кто в мире, – к чему мы теперь и переходим. (Впрочем, в скобках еще замечу о моем отношении к Толстому и Достоевскому. Кажется, что я постоянно Толстого порицаю то за одно то за другое, и мне он кажется по меньшей мере невозможным. Блестящий офицер – и одновременно пацифист и создатель странной теории *непротивления*, которое никак не оправдывается прибавлением к нему пояснения о недопустимости насилия: весь пафос теории сосредоточивается в первом слове и кажется, что речь идет только о *непротивлении* (к которому призывал и Христос), однако воры похищают тайно, а разбойники нападают внезапно, не успеваешь ни "противиться" ни "не противиться", они нас даже не спрашивают, за целую жизнь я только однажды сумел поговорить с разбойниками, то какой может быть смысл в теории, которую невозможно применить на практике? Однако меня Толстой восхищает и я его вовсе не порицаю за его безумные теории. Невозможен он еще и в сочетании «бабника» и моралиста, с страстью в духе блаженного Иеронима проповедующего необходимость воздержания от прикосновения к женщине. Но меня порицаю больше. Мужчины как правило ведут себя *по-толстовски*, а со мною женщина может переживать особенную романтическую дружбу, которую я называю **влюбленной дружбой**. При этом я всегда нравился тем девушкам, которые понравились мне, однажды мне позвонила уже пожилая женщина, которая влюбилась в меня, когда ей было шесть лет, и она меня через полвека захотела увидеть. Я пригласил ее в Союз писателей и она рассказала о своих детских впечатлениях (возможно, я в своем тщеславии и стремлении к хвастовству еще невозможнее, чем мужчины в своих грубых мужских приставаниях).

2. Предисловие к Пониманию.

У Розанова первая книга была посвящена как раз Пониманию, но она провалилась. Люди еще соглашались признать, что они что-то не знают, но что они чего-то не понимают или понимают неправильно, или вовсе не умеют понимать – да они лучше тебя побьют, чем согласятся с тем, что чего-то не понимают.

Апостол Петр доказывал, вместе Иоанном и некоторыми другими, что «*вера без дел мертва*» – и это в особенности понравилось русским, в нашей национальной традиции митрополит Илларион в своем «Слове о блаженстве и благодати» (называется, правда, это «Слово» немного не так, но я его название забыл, как и доказательство теоремы Ферма) говорит то же самое. (Ах, вспомнил, это «*Слово о Законе и Благодати*».

Но почему Павел, создавший **христианскую идеологию** (то есть логическое обоснование новой религии, необходимость ее противопоставления иудаизму, очистил основание этой религии от всяких побочных влияний? – потому, что он был «иудей от иудеев», и вот что он говорил: *«[подлинное] обрезание – [это] мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся, хотя я могу надеяться и на плоть. Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетой. Да и все почитаю тщетой ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых.»* – Но так же и Христос проповедовал: «Если бы вы верили с горчичное зерно, и сказали горе сей: *подвинься, то..»*

Вера, как трансцендентное состояние души, как ее подлинное **инобытие**, ее преобразование, которое Вадим С. называл **«пробуждением»**... Вот, когда вы поджигаете бенгальский огонь, и после долгих секунд ожидания вдруг он **вспыхивает** – происходит мистическое преобразование мертвой металлической проволоки в живой **огнь** – так, по мысли апостола Павла, должно было произойти в результате некоего экстатического усилия веры: земное облекается в чудо и становится неземным... И полторы тысячи лет мы мучились ожиданием этого чуда, тысячи подвижников изнурили себя ради него, возненавидев земную жизнь ... Но сегодня, конечно, люди называют себя христианами, принимая за него новое учение, сотканное словно бы из слов нового Завета, но... чего только нельзя соткать из одних и тех же слов!? И хватит мне спорить с теми, кто шьет и носит одежды по библейским лекалам: если им легче, если они не стремятся *принудить* и других, так пусть живут как им легче.

Вера и любовь – два особенных душевных состояния, которые разделяют иногда нас трансцендентной стеной. Логика и убеждения через эту стену не проникают. Когда мать **любит** рожденного ею младенца (и человек и зверь и птица), мы видим в ее любви высшее проявление жизни – то же и в отношениях между любящими, потому я и противопоставляю любовь вере, или хотя бы требую от веры не требовать от человека отречения от любви во имя бога. Наши человеческие отношения и долги выше партийных, государственных, служебных, религиозных. Что является большей ценностью, личность или государство и государственная власть? Надо помнить, что народ связан с государством внешне, а личность с народом связана внутренне, родовой связью, отвергаемой христианством – и это понимание поможет нам в анализе исторических коллизий, революций и войн, в анализе вины или добродетели в поведении белых и красных, декабристов и монархии, народа и коммунистического режима; мы помним, что Толстой оправдал декабристов, а поэты и философы Серебряного века были на стороне Белого движения!

3. Понимание как предисловие к философии.

Большинство философов – гуманитарии, и это обстоятельство принижает значение философии как средства к Пониманию мира. Школой правильного рассуждения, точного построения силлогистической линии является не философия, а математика, при этом основанием русской философии является литература, а ее сердцевиной литературная критика. В центре романа образ, впечатление, литературный герой, житейская коллизия, предвзятая мысль (особенно в романах Достоевского – «Идиот», «Преступление и Наказание», в романе Гончарова «Обломов» или Тургенева «Отцы и дети», Гюго «Отверженные», Толстого «Анна Каренина» – этот роман я прочитал впервые в 11 лет, затем в тюрьме Большого дома в 28) – а в центре философствования идейная конструкция, например идея субъективности у Фихте, отделенности Я от мира, надстояния Я над миром у Штирнера, пропастной разделенности субъективности и объективности у Канта, сверхъестественной творческой воли в религиозных системах, идея воскресения в христианстве (в котором, впрочем, сплетение не просвещенных идей), идея неживой материи как первоосновы живого бытия у Маркса (впрочем, у Карла сплетение противоположных идей еще пуще, чем у Павла), ...

Но при этом в сердцевине философского построения непременно или логическая ошибка, или непроясненность, или несовместимость, противоречие идей, у которых ни борьбы ни единства, или если и есть борьба, то уж единства невозможно найти, как в понятии антагонистических классов Маркса, так что кроме диктатуры и физического уничтожения одних другими теория ничего больше не предполагает, и ни Ленин, ни Троцкий ни Сталин ни Мао ни Пол Пот уже не могли свернуть с этой военной дороги людоедства.

Но как существуют Теории (их большинство), центральные понятия которых запутаны или даже не определены? Вот теперь мы и перейдем к выяснению отношений двух понятий, которые находятся в центре всякой философии, хотя чаще всего одно из них или оба устраниются без обоснований.

4. Пример непонимания.

Но сначала приведу пример, показывающий иногда слабость понимания даже у математиков, потом пойдем дальше, уже ничего не боясь, ибо нам будет не стыдно за наши возможные ошибки. Итак, **что такое число?** Как ни удивительно, античность понимала, что **числом** является только **натуральное число** (1, 2, 3, 4, ...), и числа вида $2/3$, $3/4$, $5/6$ являются не числами, а *отношениями* двух чисел, потом «всё смешалось в доме Облонских», когда в математику вошли количественные отношения и измерения, особенно же с введением понятий рационального (дробного) и иррационального чисел, понятие числа стало размытым. У натуральных чисел есть свойства, например, четность (2, 4, 6, 8...) и нечетность (3, 5, 7, 9, 11...), есть числа простые (3, 5, 7, 11, 13, 17, 19, ...) и составные (4, 6, 15, 21, ...). Дроби этими свойствами не обладают, у них вообще никаких свойств, если только не ввести еще отрицательные числа, тогда хотя бы можно говорить о положительных числах и отрицательных. Еще в начале 20-го столетия

Пуанкаре говорил, что определения «числа» нет, и смеялся над Пеано (крупным математиком), который говорит, что число, это сумма единиц. Ньютон понимал, что дроби – это что-то другое, нежели натуральные числа, но определения натурального числа (которое бы исключило из понятия числа дроби) не дал, Пуанкаре тоже.

Обычно в Арифметике для первого класса говорится, что число – это результат счета (по существу правильно), недостает только некоторой строгости в определении. Считаем мы элементы множества. Во-первых, оно должно быть дискретным, во-вторых, его элементы должны быть все разделены, так чтобы из множества элементы как из мешка вынимались и туда складывались. Такие множества называются **счетными** (что и определяет их неразрывную связь с числом), и тогда очевидно, что **«натуральное число – это мера счетного множества»**. Иногда говорят, что *натуральные числа – это 1, 2, 3, 4, 5, ...* – вместо определения мы приводим характерный пример счетного множества, в котором элементы являются натуральными числами, но пример хотя и поясняет понятие натурального числа, определением не является. Вместо термина «натуральное число» говорят иногда «число», употребляя второй сокращенный термин как синоним. **«Вещественным числом (рациональным и иррациональным) является мера несчетного множества, т.е. количества – длины, площади, массы, силы, веса и т.п. (которая получается из измерений или вычислений)»**

Натуральный ряд – первооснова счетных множеств, но и *множество дробей – счетно!* – просто помещаем дробь m/n в матрицу (таблицу) в **m**-ую строку и **n**-ый столбец.

Но если мы не отчетливо различали натуральное число (меру счетного множества) и «меру количества», которая определяется НЕ в результате счета, а в результате измерения, то как мы могли понять, что такое личность и что такое народ?

Глава 1. Личность и народ. Определение понятий.

Иногда кажется (особенно математику), что многое соотносится между собою как единичное и общее, как элемент и множество. С этой точки зрения кажется, что элемент – это часть множества (**общего**), и поэтому в каком-то смысле они должны быть одинаковы, должны состоять из одного вещества (как у материалистов всё состоит из материи, отличаясь только формой, и даже мысль состоит из материи, и поэтому всё почти одинаково, да и люди были почти все одинаковы). Но... и да... и тем не менее... – на помощь логике приходит рассуждение, а когда оно буксует, то здравый смысл. Зачерпываем из **водо-ёма горсть** воды. Отвлечемся и от того и от другого и сосредоточимся на том, что каждому предмету соответствует образ его, представление и **понятие**, и рассуждение – это связь понятий между собою, но не соединение реальных предметов, и в сознании перемешаются не предметы, а понятия, и силлогизм – соединение их. Но прежде чем распорядиться понятием, надо определить **его содержание**.

И тогда мы увидим, что море, океан, озеро, река и ручей, состоящие, казалось бы, из одного и того же, то есть из воды, существенно не похожи, и общая вода не делает их вариациями одного предмета, в понятии моря нет почти ничего от понятия реки, а ручей не похож на них обоих. Так не похожи дом и груда кирпичей, и даже нет у них ничего общего – и вот теперь мы подошли к главному вопросу: каковы соотношения **элемента** и **множества**, *разнообразных подмножеств и целого множества*? Чтобы не мучить читателя разнообразными сравнениями, в которых общность то существует, то ее днем с огнем не сыскать, сразу переходим к главному предмету моих размышлений: **личность** и **народ**. Густав Лебон исследует **психологию толпы (масс)** и **народа** и показывает, что поведение "толпы" (части народа) не определяется ее национальной принадлежностью. Так же и никакой ее части. Очевидно, личность не определяется тем, что она является «элементом» «множества», которое называется «народ». И, следовательно, личность не является элементом, а народ не является множеством, но самостоятельной личностью (как и **толпа**). Очевидно, что хотя кирпич может быть частью кирпичного дома (в реальном мире, который нам кажется состоящим из материи), но кирпич не является частью кирпичного дома в мире понятий, то есть в понятийном мире: в понятии «дома» нет частицы понятия «кирпич», хотя подразумевается и материал для строительства – не важно какой, дом, как оказалось, может быть и «ледяной». Потому то при строительстве русского народа в качестве материала использовались, кроме *русских баб*, о которых Жуков сказал, что солдат жалеть не надо, потому что бабы еще нарожают, и татарские князья, бежавшие из Орды, и пленный поляк Булгарин, и итальянцы Бенуа и Лансере, и шотландец Лермонт, и даже турчанка из гарема, родившая потом Жуковского...

Но дело даже не в том, что отдельные «элементы» народа оказываются вовсе не элементами, ... но в чем же дело?

Вообразим некоторое маленькое пересохшее озерцо, которое вдруг при сильном дожде начало наполняться водою и как раз и становится снова озерцом. Вода дождя образует, созидает озерцо, у них одна и та же водянистость. Фараон из похода приводил толпы пленных чужеземных рабов, которые добавлялись к населению Египта, и даже иногда (по хитросплетению истории, становились фараонами). Какая вода пленников добавлялась к воде египетского народа? Пол (пленники могли быть и мужчинами и женщинами, и даже детьми)? Нет, у народа нет пола. Характер? Но даже если бы у народа (а тем более у «населения») и мог быть характер, но характер пленников очевидно не мог быть той водою, которая образует народные озера. Что в русском народе **моего**? Образованность – если ее брать условно статистически – ниже моей, по возрасту мы тоже разнимся, пола у русского народа нет, условно мне кажется Россия иногда женщиной, а в другой раз – толпою дикарей. Выходя из филармонии, я понимаю, что мы, выходящие из филармонии, сами по себе, а вовсе не часть русского народа, который преимущественно не сживает по филармониям. Я думаю, что я **русский**. Философы, пишущие о русском народе, даже открывающие в хаосе характер

(например, Лосский), кажется, ощущают и в русском народе нечто, что присутствует во мне, и что я называю **русскостью**. Содержится ли эта русскость в русском народе, то же самое ли это вещество (вроде соли в супе), которое делает русским меня? НЕТ, ничего общего с собою в народе я не нахожу. И немецкое ГЕСТАПО, вместе с нацистской партией и Гитлерюгендом, ничего общего не имеет ни с Гете, ни с Бетховеном, ни с Кантом (или даже, если уж более тщательно исследовать даже мелочи, можно сказать так, что *обыденное*, то есть «простонародное», в выдающихся немцах отчасти имеется, в выдающихся русских отсутствует. Какая к черту русскость в этом смысле во мне, утратившем почтение к якобы русским вождям, то есть к Ленину и Сталину, еще в отрочестве, в то время как для русских народных обывателей характерна любовь к ним – хотя, с другой стороны, любовь ли это, если она вроде бы СУЩЕСТВУЕТ и главенствует в существо простого человека, крестьянина или извозчика, а потом вдруг пылают помещицьи усадьбы по всей русской земле, а крестьянские парни, ставшие матросами и солдатами, в 17-м году, сразу же после свержения царя, волокут своих офицеров и адмиралов на штыки, на расстрелы, на затопление в море?

Сегодня толпа молится в храме и прикладывается к мощам «царя-страстотерпца» – да внуки ли это бывших царевушек? Да кто же из них русские: деды этих, *в бога, душу и в мать* сокрушившие русское государство, или эти, прикладывающиеся одновременно к мощам прежней монархии и ее уничтожителей, большевистских вождей? Ну невозможно ведь молиться одновременно Робеспьеру и королю, у которого он отрубил голову? А разве не входил Сталин в пятерку высших большевистских руководителей в 17-20 годах, и не был уже первым среди трёх в 21-23, когда и философов сослали, и Соловки работали, а в 23-м ставшем уже Наполеоном, но при этом продолжались и усиливались гонения на христианскую церковь, добивали остатки интеллигентов и дворян, продолжались гонения на крестьян, а в 26-м начался буквально террор против крестьянства, да продолжались и усиливались **голодоморы**?

Дождевая вода вливается в озерцо, состоящее из воды, если же мысленно представить себе, что выгораживается загон, называемый *русский народ*, и при переписи граждан вливаются в ворота загона как *русские* (но некоторых, возможно, отбраковывают), то мы увидим, что русские помещики больше отличаются от русских крестьян, чем даже усредненный немец от усредненного русского; неясно, русские ли монахи-монашки и священники, для которых «больше несть ни еллина ни иудея а всё и вся в каждом Христос», не пахущие землю, а монахи даже не вспахивают плодоносящее начало рода – какая е это народность, какая же это русскость? В ворота не пустят не только Солженицына, но и Толстого, тем более Достоевского... И не русский ли народ надо мной смеялся еще в 70-м году: Какая же может быть «так называемая Русь» на пятидесятом году советской власти? – но вот евреи меня защищали от кроважадности КГБ здесь, в России, а Солженицын взывал с «амвона» радио-Свободы: «*Руки прочь от русского поэта и патриота!*» – или мне надо было помочь русской охранке меня домучить и дострелить?

Еврейский психиатр спас меня, переведя с отделения, на котором сумасшедшие (и я даже прежде других) были беззащитны, сионист Файнберг, сидящий от меня в соседней камере, объявил в защиту меня голодовку, и только позже вдруг возникли генерал Тимофеев и профессор Случевский, прибывшие в «психиатрическую тюремную Спец-больницу» словно бы даже для моей защиты – разумеется, я им благодарен. (Но об одной странности скажу. В девяностые годы русский исследователь написал книгу о первых русских националистах уже советского времени, начиная с пятидесятих-шестидесятых годов. Отвечая на его анкету, я написал, что многие евреи мне симпатичнее многих русских, более того, впечатление о человеке у меня складывается прежде, чем я узнаю его национальность, да притом многих русских я даже **не** люблю, и друзья у меня странные, то поляки, то немцы, то шведы, то евреи, хотя есть и русские... Но при этом я русский народник, или националист. Надо заметить, что **русским** свойственно – хотя я только что доказывал, что свойственно то или другое индивидуальному человеку, но не народу – доброжелательное отношение к чужим. И когда мы упрекаем, скажем, эстонцев или армян или чеченцев в национализме, то имеем в виду недоброжелательность, а национализм, или **народность** они разделять даже обязаны, как и мы. Но и среди нас и среди других все же есть разные. Так я ответил на анкету. Разумеется, из русских народников меня выперли, хотя и в сионисты не приняли.)

Итак, понятие реки, образ и представление реки и озера – совершенно различны, хотя они оба водянисты (состоят из воды). И посему я запнулся, сказать ли, что русский народ состоит из русских? Тем более что я уже не уверен, что меня не выперли из русских – а обо мне ведь чуть ли не апостол Павел сказал, что *я русский из русских* (по крайней мере тем, что он сам – еврей от евреев, так он сказал в Новом Завете, он удостоверил, что еврейский народ состоит из евреев, и "по умолчанию" отсюда должно было бы следовать, что еврейский народ – совокупность евреев, хотя я как математик только что доказал, что ни немецкий народ не определяется как собрание немцев, ни русский не определяется как собрание русских – у нас то особенно, потому что хотя мы смутно представляем, что такое русский народ, но что такое **русский человек** – мы не знаем!)

Итак, *эн-ский народ* нельзя определить как собрание эн-ков, мы не капельки воды и не *листья на древе* (хотя бы и господнем), ибо если озерцо ртути состоит из ртутных шариков, и даже большая лужа состоит из дождевой воды, то человек не является чем-то однородным, как, скажем, кирпич, состоящий из глины – человек состоит из всего, что есть в мире, он сам целый мир, в нем есть все элементы таблицы Менделеева, и все молекулы, которые есть в мире, и металлы и окислы, и яды и противоядия, и множество клеток, по объему вмещаемой в них информации сопоставимое только с Галактикой (хотя даже клетка, как ни странно, по объему информации сопоставима с Галактикой). При этом один человек отличается от другого даже больше, чем отличаются, может быть, между собою народы или Галактики. Какое единство могут представлять собою личности в народе, если Полина с Розановым не нашла единства, а тем

более с Федором Михайловичем? Народ – это своеобразная личность, но у нее нет ни пола, ни характера (если мы разнополы и разнохарактерны), у нее нет даже сословной принадлежности, нет происхождения ... чуть было не сказал, что у нее нет и национальности... но – личность ли национальна, потому что принадлежит к народу, народ ли определяется составляющими его согражданами? Еще в 18-м веке о цыганах можно было сказать, что у них нет ни сословности, ни государственной принадлежности, или наоборот, что они сами собой составляли государство (народ-государство) и все в целом были сословием: мужчины продавали лошадей, иногда их крали, женщины были гадалками. Сикхи в Индии и курды в Турецкой империи были воинами, ассирийцы и теперь «холодные сапожники»... о евреях мы поговорим позже всех (хотя, как и о погоде, о них не умолчишь).

А как же **род** и *голос крови*? Разве таджики – это не все те таджики, которые рождаются среди них, и не они ли и составляют этот народ? Так же и черкесы, и узбеки, и чеченцы, и китайцы? Однако один мой знакомый кореец (мы вместе учились на Матмехе, уроженец Северного Казахстана, куда их сослали из Приморья, куда они бежали от маньчжуров) – съездил на свою историческую родину в Из... то есть в Северную Корею, и приехал больной. Возможно, волосы и кожа и разрез глаз у нас с тобой не похожи, сказал он, но зря ты говоришь, что у русских нет общности – а как же я? Когда мы рядом, нам кажется, что мы противоположны, но когда судьба нас разделяет, мы понимаем, что мы дети общей матери-Родины! Если тебя посадят, я буду просить, чтобы на посадили в общую камеру, я тоже объявлю себя русским националистом. В подобном же случае другой мой товарищ, испанец, съездил к себе на историческую родину на Кубу, просидел он в родной тюрьме **49** лет, как ни просился в камеру ко мне, недавно я видел его по телевизору, его и его товарищей обменяли американцы на муку и консервы. Обменяют ли когда-нибудь моего корейского соплеменника (а я подозреваю, так как он неожиданно пропал, что его тайно похитили и вывезли на родину корейского социализма, как испанца на родину кубинского социализма). Кстати уж, отвлекаясь от национализма, исповедание которого тоже чревато статьей о разжигании межнациональной розни, хотя я самый мирный человек, но спорит об истинности или неистинности социализма и христианства бессмысленно – их общей характерной чертой является то, что не только инакомыслящие, но и подозрительные на причастие к мысли немедленно волокутся на костер, на дыбу, в подвалы ЧК, в казематы и на каторги, и потом общество не читает их «Записки из Мертвого дома» и Воспоминания о Нерчинских рудниках, а по-прежнему прокликает как порочащих дело Ленина, Сталина, Павла или Петра. Только что в Интернете нашел целый ворох статей о немедленном возрождении воинствующего христианства и Инквизиции, и помяните мое слово, что может быть еще нам удастся притащить вязанку дров, когда запылают костры, сжигающие еретиков, или зарядить ту винтовку, о которой пропоем: где с пулей встань, с винтовкой ложись. Тогда наши споры прекратятся. **ИСТИНА в принципе не свободна**, она не может сосуществовать рядом с другой истиной, как Отелло не может **свою** Дездемону уступить другому. Не может быть двух

богов) как может, оказывается, существовать *две геометрии*, и коммунизм – это единственное светлое будущее всего человечества (или Страшный суд и воскресение малого остатка).

Но почему я так петляю, так отвлекаюсь от народности, и не могу закончить свою теорему решительным доказательством? Да потому, что я не сформулировал ни условия ни вывода теоремы. Но почему не формулирую? Потому что у меня нет тех аксиом, из которых я ее могу выводить. У других аксиомами являются жупнические трюки, как идея прибавочной стоимости и диктатуры пролетариата, которая в единстве, как противоположность, с «подлинной демократией», или несчастливое детство, предопределившее не тот эрозизм, или жизнь с отчимом... и так далее...

Моей основой может быть только русская философия, сформулированная в трудах художников и ученых, и по этим трудам нам еще долго петлять (например, по книге Данилевского «Россия и Европа», или Страхова «Борьба с Западом, или Розанова со товарищи «Легенда...», или Иванова-Разумника, или русских изгнанников...)

Глава 2. Личность и народ. Полное непонимание.

Придется, все же, заговорить о евреях. В силу своей отзывчивости, русские стесняются заявлять, что они принадлежат к некому отдельному от других народу. Говорим мы, конечно, на своем особенном языке, не понятном немцам, но смущенно заявляем, что во-первых, мы славяне, и от других славян ничем не отличаемся, всего лишь некое восточное от них ответвление (с чего взяли?), во-вторых, что мы вообще никакого народу собой не представляем, мы только христиане, хотя и православные, такие ж, как греки и малороссы, армяне и болгары, но при этом подданные белого царя. Робкое заявление о том, что и мы являемся **народом**, прозвучало в охранительной формуле Уварова, которую он сформулировал в письмах царю и в наставлении попечителям учебных округов в 1833 году: «Общая наша обязанность, состоит в том, **чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности**». Эта формула не получила никакого государственного значения, и обсуждалась только в литературе, причем не широко.

Началом некой **новой философии национализма** можно считать только труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», правда, существенно не повлиявший на умонастроение эпохи.

Потом началось революционное социальное брожение, потом революционное движение, потом две так называемых русских революции, наконец коммунистический масонский переворот, в результате которого Российская империя, монархия и буржуазно-феодальный строй жизни были уничтожены, а вместе с ними был почти уничтожен русский народ, отчасти начавший выздоравливать после смерти Сталина в 53-м году, но окончательно добитый в результате уже антикоммунистического переворота в 1991-м году.

Были ли в России националисты (народники)?

Если обратиться к Интернету, то, возможно, найдутся и *народники*, как находятся сегодня в нашем обществе и те, кто был счастлив и свободен и при Сталине, и при чередке генсеков, и в 90-е годы, и даже сегодня.

Только надо ли обращаться? Я уже настолько устал от шестидесяти лет лжи и в литературе, и в истории, что не жду правдивого слова. Либо в лучшем случае полуправда, либо умолчание, либо **подмена**, либо лицемерная ложь, либо ложь откровенная.

Что писали и говорили в связи с моим арестом в 70-м году?

Что я создал организацию, которая планировала взорвать памятник Ленину, чтобы омрачить радость советского народа. Что писали о Солженицыне (недавно еще выдвинутом на соискание ленинской премии)? Что он «литературный власовец», продавший родину Западу.

Что писали о жизни в России? Что мы строим коммунизм, расцветаем и благоушаем... Но при этом, помимо общественных проблем, были еще и человеческие проблемы... Но поскольку Христос нас уже одел в истину и всех спас, а затем нас одело в истину и спасло единственно верное коммунистическое учение, то уныние и грусть были смертными грехами, надлежало поститься, молиться и благоухать. Даже хороший писатель оказывался не правдивым, он невольно подыгрывал общей мелодии совершившегося спасения. Но ...

И все же, были ли у нас **народники** (националисты)?

С 60-х годов 19-го века вплоть до революции существовали народнические социальные и революционные движения, ставящие своей задачей изменение положения народа, от Народной воли и Анархистов (Бакунина и Кропоткина) до КД (конституционных демократов – кадетов) и социалистов-революционеров (эсеров)– но эти партии не опирались на философию народничества (национализма). Народнической можно было бы считать литературную группу Скифы (1916 – 1919), если бы она продолжилась в хаосе революционной бури, и если бы более внятно был обозначен ее народнический смысл.

После поражения Тамбовского восстания ростков национализма (народничества) мы не разглядим даже в интернете.

Единственным направлением политической мысли, связанным с понятием **народа**, остался **интернационализм** Карла Маркса, то есть Коммунистической религии (в данном отношении повторяющей христианство), то есть отрицание народности, и космополитизм, неожиданно подвергшийся гонениям как «*безродный космополитизм*» с прямым указанием на евреев, в последние годы сталинизма (1949 – 1953).

Но так как отрицание народности связано с именами двух еврейских пророков, Христа и Маркса, то не указывает ли это на то, что еврейское мировоззрение противостояло народности? Так часто может показаться, тем более что и в литературе и в публицистике именно евреям принадлежит неистовая война против национализма, а обычный еврейский обыватель вздрагивает при слове национализм и начинает ругаться. Но как же совместить отвращение к национальному чувству, национальному самосознанию с идеей богоизбранного народа, которым являются евреи? А вот

так, что народничество (или национализм) неприятно как русское или немецкое или французское самосознание, оно немедленно уподобляется расизму и шовинизму, ненавистен национализм больших народов, а национализм малых народов – это национально-освободительная борьба против подавления, которую евреи обязаны поддерживать во всем мире. Сравните с моими рассуждениями колебания Христа, помочь ли хананейнке, когда она прикоснулась к его одежде в надежде, что исцелитель исцелит ее сына.

Однако и самосознание еврейского народа, пронизанное идеей своего богоизбранничества, является национализмом, и сионизм – националистическое учение; но вот что странно: с сионистами я всегда находил взаимопонимание и нас часто связывала симпатия, я видел в них еврейских народников, они во мне – русского народника, что нас могло разделять? Ненавидит другой народ только человек с так называемым комплексом неполноценности, с чувством своей ущемленности, такие есть и среди русских и среди евреев, первые становятся **антисемитами**, вторые – **русофобами**. Конечно, когда известный публицист или поэт чуть ли не ежедневно в своих статьях и стихах высмеивают русский народ, это раздражает – но я просто перестаю читать такие журналы и газеты, как я перестал смотреть телевизор. А что я могу сказать о русских, которые с упоением смотрят телепередачи, в которых русские выставлены в роли идиотов? Скорее всего, они и в самом деле идиоты? Но, однако, почему сегодня европейская публицистика и философия наполнены ненавистью к национализму, в то время как по всему миру религиозные фанатики взрывают бомбы, утверждая превосходство своих религиозных святых над европейскими – мне совершенно непонятно. Впрочем, я помню, что даже в девяностые годы, после уже падения коммунизма, моя статья «Я – русский!» вызывала страх у сотрудников журнала, где она печаталась. «А нас за это не посадят?» – спрашивали они меня.

Но все же я говорю не о том. Я русский, и хотя я пока не определил, что такое русскость во мне, но все же понять и проанализировать себя я, кажется, смогу. Но что такое русскость русского народа, что она собою представляет и в чем выражается, и русские ли граждане делают народ русским или принадлежность к русскому народу делает нас русскими?

Глава 3. Личность и народ как независимые и зависимые категории бытия.

Зачерпывая из источника или озера горстью воду, мы знаем, что и там, откуда мы ее берем, вода, и у нас в горсти вода тоже, и они ничем не различаются. Но человек, которого мы мысленно выделяем из народа, немецкого, русского или еврейского, и тот народ, из которого мы его выделяем, два мира разной, независимой природы. Словно бы немецкий народ не состоял из немцев, а русский не состоял из русских. Правда, противоречя себе, я скажу, что цыганский или армянский или чеченский народ состоят из цыган, армян и чеченцев, есть нечто, что содержится и в частном и в общем, словно бы некий теплород или магнетизм, скажем, цыганское формирует и составляет цыганское, но вот специфически русского,

что составляет русский народ и отдельных русских – нет (и этим объясняется, почему я однажды воскликнул, что *лучший русский – это немец*).

Отчасти моя загадка разгадывается тем, что народ (племя, этнос) и личность формируются родовым, племенным, народным, эта народность содержится и в народе и в личности – но она не может быть полем и характером, даже судьбой, потому что у личности собственная судьба и жизнь, не совпадающая с судьбой и жизнь народа.

Вот теперь самое важное, что нам и объяснит, что не только сын за отца не отвечает, но и личность, отдельный, гражданин, подданный не отвечает за народ, немец не отвечает за Гитлера (словно бы немецкий народ отождествлялся с Гитлером, а не с совокупностью немцев. Да, в известной степени народ – в своем военном, политическом и хозяйственном бытии – это государство, которое тождественно воле народа, а в этом бытии прежде всего воля и проявляется (поход Наполеона на Москву – это поход Наполеона, но не французам... Впрочем, большая часть утверждений часто бывает и справедлива и несправедлива одновременно).

Народ существует двояко, но даже более – многообразно. Он строит Освенцим и Беломорканал, и этот же самый народ создает симфонии, концерты и сонаты Бетховена и Баха (только что слушал маленький концерт Д-минор для фортепьяно с оркестром, играла Полина осетинская, я слушал ее в том числе зрением, движения ее пальцев и мимика и движения губ дополняли слух (может быть я бы слышал звуки, даже только видя ее движения).

Вот почему я так долго и витиевато пробирался к выводам, к некоторому образу, в котором предстают отношения народа и народной личности.

Народ – это и толпа, и население, и множество сословий, и множество личностей, и множество племен, земель... В народ входит и природа, и история, и происхождение и повседневная жизнь. Народ не только многообразен, но и проявляет себя многообразно, как и человек, например, некий человек спит, он при этом **преимущественно** ни праведен ни грешен, ни умен ни глуп. В таком своем бесхарактерном пребывании и народ может никак не пересекаться с каким-то человеком, ну скажем, что общего у меня с той толпой, которая бежит по Невскому, например, на футбольный матч? Может быть, и ничего... Но в некоторых обстоятельствах я могу совпадать с народом значительно, например, мы защищаем Москву от жестокого врага, и целое превосходит себя обыденного, и частности тоже, и в этом превосходстве они почти совпадают. Мы совпадаем и в языке, и в значительной степени в культуре, в иных порывах (не во всех), в иных чувствованиях (не во всех)... Но можно ли сказать, что определение меня как русского и определение русского народа именно как русского совпадают, имеют один и тот же смысл? Не спешите отвечать... *Да, я русский...* – и именно за это меня мой русский народ и посадил в 70-м году, почти пятьдесят лет назад. Но сегодня для **большинства** граждан моей страны эта фраза – почти пустой звук, особенно для тех, кто как рыба ищет, где ей легче и сытней (и спрашивается, что же их раздражало в 70-м году?). Но это значит,

что **русский народ** – это совсем не то же самое, что **русский человек**, например, мой отец, погибший на Безымянной высоте. Мне смертельно оскорбительно думать, что изменники Родины – тоже русские, что они такие же русские как и он.

А в каком все же смысле я – **русский**, если большинство граждан моей страны отреклись от своей национальной принадлежности, считая ее пережитком, некоторые остались **коммунистами**, другие стали христианами, третьи свалили на Запад или свалили их дети? И в каком смысле я **русский философ и писатель**, если большинство русских не пишут книги, занимаются чем-то совершенно отличным от их создания, даже их не читают? Или надо допустить, что народ – это собрание, смешение, соединение, весьма случайное, случайных людей, почти ничего общего не имеющих друг с другом, одни из них женщины, другие мужчины, да, может быть, к тому же и пьющие и грубые, одни только начинают жить, другие уже оглядываются на свою жизнь как бы из отдаления, третьи вообще думают только о том, что из этого дognивающего дома можно вынести в свое новое жилище (там, далеко), пока не пришли сюда новые хозяева) А тем, кто останется здесь доумирать, я бы тогда с ненавистью сказал, последние силы истратив на ненависть: Что, сволочи, доигрались? Сначала в мировую революцию и в «пролетариев всех стран». Потом во всемирное христианство и в «нести теперь ни еллина ни иудея, но всё и вся только Христос»? (Все же евреи, держащиеся за родовые начала и за своего народного бога, который **пришел только к ним**, умнее вас оказались, как вы ни кичились тем, что и вы тоже умные... Или, если народ – это лес, состоящий из произрастающего в нем случайно и невпопад, то черт его знает, что в этом лесу может произрасти?..

Но все оказывается совсем не так.

Множество звуков, расположенных определенным образом, составляют симфонию, множество слов, расположенных в определенном порядке, составляют стихотворение, хаотическое множество ничего не составляет и ничем не является.

Или рассмотрим отношения сосновой смолы и сосны. Очевидно, что смола не только имеет отношение к сосне, но она только сосновая и никакая иная, хотя не похожа на корни, ствол, ветви и листья. В известном смысле культура народа – это смола дерева, нектар цветка, его запах, березовый сок, береста, все то полезное, что дерево производит, даже дрова... Личность, как личность дерева, существует в двух ипостасях, даже и в третьей, мистической, и вне этих метафор (пусть это только метафоры – но нет, эти выражения больше метафор!) – но вне их ничто не только не объясняется, но и не обладает никаким смыслом. Некий Хаммер прожил сто лет, был негодяй и жулик, подружился с таким же негодяем Ильичом, ограбил Россию, грабил всех, кто с ним встречался, нажил состояние, потом начал умирать – в самый последний день он вдруг понял, что он негодяй и жил зря (как и те русские, которые бегут сегодня на Запад за сытной красивой жизнью). Он вдруг сообразил, что даже на родине предков он не был ни разу, то есть прожил жизнь как перекасти поле, как злобный лишайник, как короста, хотя и

богатая... И так как он не успевал долететь до родины, он приказал обрезать свою крайнюю плоть (как положено по иудейскому закону, но что ему некогда было раньше сделать – или он считал себя слишком просвещенным), и похоронить ее на Синае – то есть *он наконец, в последний час своей жизни, стал евреем*, и хотя бы один час его жизни обрел смысл.

Вот какова связь между народом (который вовсе не собрание элементов, а трансцендентное, божественное многообразие) и личностью. Только в народе Личность обретает смысл своей жизни (и только в соединении с судьбою народа, а не в соединении с отвлеченным понятием бога). Личность существует как личность – только в общей исторической памяти, в общем языке, в памяти предков, в общей национальной культуре, в общих страданиях. Так ведь и муж и жена чаще всего не имеют ничего общего, два изолированных элемента мира, даже пол у них разный, привычки, потребности, чувства, способности – но соединяясь в семью, они становятся и единою плотью, и единым духом. **Вне единения в народе нет и человека, но нет и бога!** Народ – это всемирное растение во всемирном лесу, оно состоит из **существенного** и несущественного (по мысли Киреевского), из **внутреннего** и внешнего (как и человек, в котором телесное состоит на 80 процентов из воды, которая постоянно выделяется и возобновляется извне), из корней, ствола, ветвей и листьев – но еще из цветов и плодов, из запахов и нектара, из подземных даже побегов, из которых вдруг произрастают еще родственные растения. В растении движутся соки и растворенные в них вещества, и некоторые почти невидимы, но имеют существенное значение для жизни и произрастания (бывает так и в человеке, он начинает умирать в жестоком сердечном приступе и вдруг что-то в ничтожном количестве производится в нем, в его словно бы потайном органе, и поступает в кровь, он весь обливается потом, его сотрясают конвульсии, сердце несется вскачь, судороги сжимают мышцы, тело пышет жаром – так приходилось умирать и мне – но благодаря взрыву и чувств, и страхов и идей и веществ я прорвался сквозь умирание. Писатели и ученые, вои и пророки, праведники и святые, как и березовый сок, как и нектар в цветах, появляются в народе не случайно, и часто в трагические дни и часы, когда кажется, что сочтены уже и минуты. Это не мы пишем тогда наши стихи и философымы, но душа народа выделяет нас из себя и посылает в бой. Это мы не сами по себе, случайный элемент давно забытой мозаики, но часть целого, лезвие меча или его рукоять! И горе тем, кто отворачивается от предназначения! Их не спасут ни виллы в чужих горах, ни яхты в далеких океанах, но мудрая смерть найдет их и всех пожрёт!

Многие судьбы выдающихся изгнанников, бежавших на чужбину или насильственно туда отчужденных, доказывают невозможность душевному человеку (то есть **живому**, состоящему не из одного тела, но и из души) долго существовать вне родины. Из миллионов наших истинных русских, изгнанных на чужбину или бежавших от смерти, немало вернулось поэтов, музыкантов, ученых, даже хотя они здесь, на родине, нашли только смерть, но они не жалели о возвращении. Вернулись Куприн и Андрей Белый (уже умирать), Вертинский, Сергей Прокофьев, Марина Цветаева, привезли в

цепях Шульгина из Югославии, Тимофеева-Рессовского из Германии – но им удалось выжить и вторично прославиться. Но здесь я пишу о выдающихся личностях, а что же народ? К сожалению, Россия (вместе с своим народом), как неверная жена, вторично вышла замуж, свергнув помещиков и царя, за лютного восточного хана, который, правда, уже помер, но она до сих пор о нем сожалеет, хотя и по морозу не раз босиком по снегу вместе с детьми ей приходилось бегать, когда на него «находило». Так вот Россия даже имя свое родовое изменила, и имя народа поменяла на «советский народ» – можно ли вообразить измену более вопиющую?

О, горе мне, горе! И кто-нибудь мне посочувствует? Я знаю, читатель, что и ты надо мной посмеешься, кто бы ты ни был, коммунист или христианин, потому что ныне и эти термины – только наклейки, но вовсе не сущности и не существенности человека. Существенное защищается кровью, в страшное время мы живем, когда воистину **нет ничего святого!!!** Плохо, что сжигали еретиков и ведьм и под горячую руку сожгли Жанну Д*Арк – но была честь и были святые, и хотя христианское богословие призывало распять честь как чувство не духовное а душевное, а все душевное полагалось от дьявола, рыскающего, чтобы кого пожрать, но все же в защиту чести наши великие поэты, Пушкин и Лермонтов, на дуэлях (то есть на поле брани) отдали свои жизни, кровью защищая честь свою и рода. И вот что говорит народная мудрость: *«Береги платье снову, а честь смолоду!»* Но вот что говорит преподобный Игнатий «Плотское мудрование, его правда и правда падших духов потребуют от тебя, *чтоб ты не уронил чести своей* и других тленных преимуществ, защитил их. Но ты с мужеством выдержи невидимую борьбу...» И все же и в то безумное время были святые, хотя и воображаемые, то частицы *мощей* давно почивших мужей, то капельки крови, то частицы креста, и немало сожжено было и сарацин, и хананеянок, и высокоумных ученых и философов, как Джордано Бруно (но жгли и священников, ошибавшихся в чтении во время церковной службы, как о том говорится в Истории инквизиции). Плохо, что сжигали за двоеперстие, сожигали и за ошибки в типографском наборе – но все же страсти кипели и у христиан и у коммунистов, хотя церковь проклинала страсть, а ВЧК призывало держать голову в холоде, брюхо в голоде, а сердце держать горячим (примерно таковы слова о чекистах пламенного Дзержинского). Но что *родина там (то есть там и святые)*, где *больше платят*, до этого доразвились мы только сегодня, наконец дарвиновская эволюция вступила в полную силу.

Но из этих ли элементов состоит русское множество?

И все ли таковы элементы, если множество таково?

Когда в девяностые годы в стране началась разруха, и заводы остановились, бомжи и алкоголики первые сообразили, что хотя **целое** (множество) уже ничего не стоит, не продать ни завод ни стены ни окна его ни подъездные пути, но стекла, рамы, проводку из меди и алюминия, рельсы (то есть **элементы** негодного множества) очень легко продать за бутылку водки, и так вся Россия в мгновение ока была продана на Запад как вторсырье. И сегодня элементы негодного народного множества еще востребованы на загнивающем Западе. А всего-то не хватает генерала Кутепова и несколько пулеметов.

Глава 4. Личность и народ, или «сын за отца не отвечает»

Только что послушал песенку «Как же так, в стране все есть, а народу нехрен есть?» Мы смеемся над своими невзгодами, и даже царь сидит среди слушающих в зале и аплодирует, то есть словно бы говорит: «Пой дальше, мы тебя за это не посадим!» Так, может быть, и меня не посадят, и мне можно петь дальше? О том, что русский народ вымирает – по миллиону в год, и *валит* на запад (еще по миллиону, самых образованных и молодых, хотя и предателей родины), что медицина в упадке, образование еще хуже, скоро и на западе наших беспутных детей иначе как в чернорабочие или в мусорщики никуда брать не будут, что чиновники воруют нагло и безнаказанно (об этом тоже пел наш бард, что мол *как же так, мы боимся и в страхе ждем наказания, а с нами ничего не происходит, – да так мы скоро спи..дим всю страну?!*

Ну, ладно, они, конечно, будут *пи..дить страну дальше*, а я зато продолжу свою песнь, надеясь, что и мне за нее ничего не будет.

Страна, как мы выяснили, состоит из тех, кто ее ... "это самое"... их меньшинство, самых преуспевающих; страна еще состоит из тех, кто тех должен ловить и вешать, но, как видно, и этим что-то перепадает и немало, раз они живут и не шевелятся; и страна состоит еще из тех, кто скоро отвалит, и из тех, которые еще шевелятся и что-то производят, но, как видно, им пока на бутылку хватает, и даже на закуску, а о тех, кому не хватает, думать и беспокоиться некому, сами виноваты, во время не приспособились. В эпоху генеральных секретарей мы все были молоды, и тоже пили и нам хватало, смутьянов было на всю страну человек десять-пятнадцать, остальные были довольны. Но страна рухнула.

Что же будет сегодня?

Во всяком случае, я вижу, что элементы, из которых состоит множество, никуда не годятся – так годится ль куда-нибудь множество? Думаю, что это уже не народ, а сброд, судя по элементам, хотя со всех сторон меня призывают не ругаться. Да, впрочем, разве я не построил баню "по-черному" из старой сгнившей бани – и пар в ней что надо?! Правда, бревна я все же обрезал, местами укладывал два коротких, иногда, правда, приходилось класть и гнилое бревно, его я прикреплял к другим, более сильным – вот так же можно было бы перестроить и нашу страну в баню "по-черному", по белому уже не получится – но нет генерала Кутепова, а без него гнилое отрезать уже не удастся. Увы, в нашей сегодняшней бане нам уже не попариться! Но кто виноват? Негодные элементы или множество, из них состоящее? Или множество само по себе, а элементы сами по себе? И все же, поелику в нашей стране дела идут плохо, и кедровую тайгу в Сибири выпилили, и свалки вокруг городов, и леса как после погрома, и реки грязны и поля заросли, то кто-то виноват? Народ ругать мне не велят, отдельные народные части ругать тоже не велено, даже тех, кто ворует или проезжает мимо стоящих на шоссе, не останавливаясь, ругать прокуроров или ментов, депутатов или министров опасно... Христиане советуют *начать с себя*. Да, кстати, в нашей стране три четверти веруют, останавливаются только пять процентов – что же такое христиане? Или их добродетели только в вере в Бога, но не в заботе о ближних?! Или им добродетели уже не нужны? Или их у них нет? Увы, да.

Но мы установили одно очень важное свойство в отношениях между элементами и множеством, а именно, что элементы могут быть плохи, а множество хорошо, например, точки и нули – это вообще **ничто**, а из них составляются и большие числа и траектории движения на плоскости и даже в пространстве. Вот наш великий пролетарский поэт Маяковский словно был неплохим математиком, он даже заметил, что и единица не слишком лучшая нуля, что и она вздор, но вот если много единиц «сгрудить» вместе и назвать их партией, то *«сдайся враг, замри и ляг!»* Так и армия, состоящая сплошь из вздора единиц, не умеющая «взять умением», может *взять числом* – это уже философия советской истории, замеченная еще пролетарским поэтом.

Множество само по себе, элементы сами по себе, качества тех и других не определяют ни одно ни другое – так, что ли? И оказывается, что, может быть, не только так, но и так тоже. Великую Китайскую стену построили не из бетона, а из обычной земли, и она простояла уже три тысячи лет. Вглядываясь в немецкий народ, особенно после того, как он железом и кровью прокатал Европу, в особенности же Россию, а в тогдашнем Ленинграде не одна скатилась слезинка умирающего ребенка, но сотни тысяч – и можно ли после этого добропорядочным матерям семейств кормить своих немецких детей, зная, что русские дети умирали по вине и этих матерей тоже, я задумываюсь, моно ли немецкий народ не то чтобы простить, но хотя бы не посчитать злодейским? И все е... Вчера я слушал небольшой Концерт для фортепьяно с оркестром Баха. Играла Полина Осетинская, божественная Полина, каждый пальчик которой, прикасаясь к клавише, производил божественные звуки. И мы уже доказали, что все таки Народ – это целостное многообразие, это Организм, Личность с душой и телом, тело Народа составляем все мы, отдельные личности, которые бывают разными, но даже великие не состоят из одного золота, и все же бывают великими – так, возможно, и народ не обязательно составлять из золотых единиц, а даже сор пригодится при его строительстве, и кого «бабы нарожают», те и сгодятся? Как и стихотворение составляется не из одних величественных слов?! Разве музыки Баха и поэзии Гете мало, чтобы *оправдать* (или хотя бы **помиловать**) немецкий народ? Ну так добавим еще Бетховена, Гофмана, Шиллера, Канта и Фихте, Моцарта и Шуберта, даже Сальери... Достоинства и недостатки народа относятся к его собственной личности которая **не** состоит из личностей "**отдельных**", не соединяет в себе ни их достоинства ни их недостатки, а сама по себе – то есть народ – это не озеро, которое наливается водой отдельных сограждан, входящих в него, а в большей степени, нежели **отдельными**, народная личность составляется сословиями, классами, группами, поколениями, партиями, профессиональными сообществами (не зря же мы выделяем "физиков" и "лириков", воров, бандитов, ментов, путан, чиновников и политиков – это даже не сословия, как были в 19-м столетии, а скорее сказать, «профессионально-воровские» сообщества. И как будто народ остается самим собою, а вдруг начинается революция, Гражданская война, террор, пытки и казни, голод и разруха. Так ли уж меняется народ, составляют ли его те, кто меняется так сильно? Нет. Шторм в океане бросает волны по поверхности океана, а уже чуть в глубине – вода спокойна.

И народная основа, быть может, одна и та же, обыватели, составляющие тело народа, не становятся вдруг в большинстве своем чекистами, конвоирами, гестаповцами и палачами, шпионами, предателями, доносчиками и судьями, все эти входят, может быть, если не в пять процентов, куда входят гении и пуганы, поэты и графоманы, так хотя бы в десять процентов, а мы служим солдатами в армиях, идущих на штурм Безымянных высот, и погибаем, добываем уголь в глубинных шахтах, пашем поля и распахиваем целину, стоим у станков по пятнадцать часов ежедневно, падая от голода и усталости – это не мы совершили революцию и развязали Гражданскую войну, не мы подожгли Рейхстаг и *погнали* – именно **погнали** орду гуннов на Восток за русским хлебом, а те десять процентов, в которые входят чекисты, конвоиры, гестаповцы и палачи, чиновники, политики, мошенники и воры, пропагандисты и агитаторы, проповедники и создатели новых религий.

Значит, их один на десять, это **десятники**, как и было в Монгольской орде, хлынувшей на Запад, а из них избранные являлись **сотниками**, и вот чистокровных монголов и было один на сто в той орде, а дальше из них же **тысячники** и аллигархи, цари и предводители, епископы и патриархи.

Как ни странно, когда меняется режим, собираются в новый слой правящих те же из десяти процентов, только, возможно, меняются их речи, поведение и осанка, если они прежде были сутенерами, то теперь они следователи госбезопасности.

Ну вот мы и поняли, что тип и лицо народа определяется незначительным меньшинством, которое возобновляется не в силу родственных связей, а в силу некой комплиментарности, притяжения, **духовного сродства**. И тогда, если мы отказываемся от общества всеобщего равенства (а оно еще хуже), то не лучше ли вернуть испытанное **неравенство по наследству**, дворянскую или феодальную преемственность? Я верил глупостям про «Малый народ», и мы спорили до хрипоты, лучше ли этот малый народ всех остальных – но в действительности роли на нашей сцене распределены иначе. В феодальном обществе так называемый Малый народ по существу в нем и формируется, это дети дворян и аристократов, иногда дети богатых ростовщиков или епископов, то есть он только часть правящего или богатого слоя. В буржуазном обществе все почти так же. В нашем переходном обществе нами правят проходимцы, их дети еще не успели стать интеллигентами, эту роль пока исполняем мы, дети прежнего Большого народа, в основном бесплатно.

Новый слой правящих пока малообразован, как и сто лет назад, после прежних двух революций, наконец, примерно к 55-му году десять процентов Общего народа расселись по своим местам – ну и пусть бы сидели?! Но по непонятным причинам тех заменили эти, точно такие же, только хуже. А народ? Он такой же, как был. И я зря его ругаю, это я уже понял.

Можно ли что-нибудь изменить в мире? Можно, но тогда надо изменить метафизику бытия, или даже его трансцендентные (непостижимые) основания, надо, чтобы по непостижимым причинам вместо *десяти процентов алчных людей* к власти пришли *пять процентов людей страных*, мотивы которых не совсем нормальны: *гении, поэты, пуганы, заговорщики, правдоискатели, ученые, философы, пророки и люди чести и долга*.

Но все же – **кто и что определяет лицо народа?** Его душу и характер?

Я в детстве думал, что народ несчастен, его мучают злые правители, кучка негодяев, которые им помыкают и его грабят. Но если слой правителей составляет десятую часть, то на сто миллионов русского народа это целых десять миллионов, это сам по себе громадный народ, внутри которого происходят постоянные перемещения, десятские становятся сотниками, тысяцкие вдруг упадают в десятских, одни умирают, другие прибывают вместо ушедших, начинает формироваться наследственная преемственность, все возвращается... если только не преобладают среди слоя правителей племенные отношения, как это уже бывало в Египте, в Риме, в Хазарии (если только такое преобладание воистину было). Обычно лицо народа определяет правящий слой – но обычно и те пять процентов, которые не совсем нормальны, вмещаются в этот правящий слой. И тогда, особенно по прошествии ряда лет, мы забываем лица царей и вспоминаем лица людей исключительных. Но все же здесь речь идет о том «лице народа», которое постепенно сохраняется в нашей памяти благодаря деятельности пяти процентов нестандартных людей, художников, историков, философов и поэтов, они пишут нам о царях, но мы запоминаем именно их, пишущих, а царей забываем, но тех царей, в правлении которых мы живем, мы помним лучше чем поэтов, цари более существенны и влиятельны, то они начинают войну, то заключают мир, то уничтожают поэтов. Редкий случай писателя и философа, который сумел навязать свое лицо обществу более, чем цари, являет собой Солженицын, при Сталине еще бывший неизвестным, но уже *становящийся*, при Хрущеве получивший оглушительную известность, при Брежнев и следующих генсеках как бы сохраняющий роль второй фигуры, на групповом портрете нации, при Ельцине вышедший на первое место при своем триумфальном возвращении, наконец при Путине постепенно уходящий в тень. Но ведь он не мог быть портретом народа, слишком он отличался от большинства! Сегодня о *лице народа* говорить вообще невозможно, те, кто смотрит телевизор, а таковы почти все (кроме нескольких человек, включая меня) видят то лицо, которое ему показывают как лицо народа, в силу того, что он видит их с утра до вечера, он уже не в состоянии удерживать в представлении какие-нибудь другие лица, даже лица жены и детей. Вот что я понял: крестьянин, рабочий, солдат, извозчик, учитель, ученый, писатель и поэт, быть может, не так изменчивы и не так многообразны, как мне представлялось, и конечно, они не представляют собою собирательный образ народа, но все же на него намекают. Но если под народом понимать саму коллективную деятельность в мире, сумму усилий и достижений, научных открытий, литературных и философских прозрений, то действующая волевая личность, представляющая собою народ, аккумулируется в значительной степени в лице одного человека, царя, вождя, руководителя, это он играет на сцене жизни роль народа, все остальные в лучшем случае кордебалет или свита. Даже близкая нам эпоха Петра Первого – сам царь, фельдмаршал Шереметьев, «Сашка» Меншиков, Екатерина, царевич Алексей... все остальные – фигуры из романов. Эпоху семнадцатого

года я могу себе представить, но только потому, что множество ее современников я видел воочию, и Варвару Георгиевну, соседку Липковской, и своего деда и бабушку, и подругу Махно, и Шульгина, и барона Фальц-Фейна... а очно и заочно знал сотни людей и держал в руках тысячи предметов, даже одних книг той поры я собрал в своей библиотеке сотни томов. Но если я умру – многие ли смогут представить себе даже эту почти современную нам эпоху, когда даже жив еще сослуживец моего отца, родившийся в 23 году, и захвативший в детстве остатки НЭПа?

И все же нам только кажется, что император замещает целый народ – хотя, быть может, такие личности, как Александр Македонский и его учитель, философ Аристотель, и вправе выступать от имени почти всего народа.

Но я забыл, о чем идет речь... Ведь я говорил о личности народа, который по существу не имеет ни пола ни характера – ибо если народ без пола, то как можно говорить о его характере? Или так же, как философ рассуждает о боге, то есть аксиоматически – но о боге философ рассуждает только комплиментарно, я же хочу знать всю правду (и только правду). Можно предположить, что личность народа иного свойства, чем личность человека, нечто вроде **стихнали**, и либо совсем не имеет пола (как ангел), либо андрогинна. Итак, **народ – это особенная личность**, о которой я пока существомнее сказать не смогу.

Но кажется, что я убедительно сформулировал главное: русский человек – это личность, не являющаяся частью личности народа, или его частным случаем, как горсть воды по отношению к воде ручья. Понятие народа обладает одним содержанием, в известном смысле не меньшим, чем содержание мира, понятие личности человека обладает другим содержанием, так же равновеликим миру.

Воля народа независима от воли гражданина, возможно, так называемая воля народа – не что иное как воля правителя или правительства, на которую отдельные граждане влиять совершенно не могут, и даже народ в целом, и либо надо униженно согласиться на такие правила исторической жизни, либо искать способы изменения этих правил. Но при этом несомненно, что личность, не имеющая возможности влиять на государство, не может отвечать за его действия (если сын за отца не отвечает, то тем более отдельный не отвечает за свой народ).

Глава 5. Но, может быть, и «отдельный» не отвечает за народ, как и «сын за отца не отвечает»?

Слово «отдельный» у меня значит то же, что и гражданин, человек, личность, субъект...

Итак, нам иногда кажется, что отдельный и народ соотносятся между собою так же, как и вода в озере и в пригоршне, в которую мы из озера ее зачерпнули, что то, из чего состоит народ – из этого же состоит и отдельный (как и буханка хлеба и кусочек из буханки)? Но это совершенно не так! В известные периоды **пол** играет в жизни отдельного чуть ли не самую главную роль – но в жизни народа как **личности** играет ли он какую-то роль? Или все же народ **одновременно и множественность**, в которой проявляется отчасти и

то, что не принадлежит целому, как выделяем же мы в гудении метели отдельные завывания? Ну, не знаю, что и сказать... Буксует моя философия свободы, в монархическом обществе и в тирании и в диктатуре или в тоталитарном обществе философии проще: или ее нет совсем, или она сводится к песнопению «Боже, царя храни!», или к выкрику «Кто не с нами, тот против нас!» и «если враг не сдастся, его уничтожат», или к простому как мычание лозунгу «Рабы, повинуйтесь господам своим, но не по принуждению, а по любви!!!» - ах как все было хорошо! Но не для всех. Когда хорошо было для крестоносцев, плохо было для сарацин и жидовин, а даже и для своих братьев во Христе альбигойцев (т.....), хорошо для помещика – плохо для крестьянина, хорошо для пана, плохо для холопа, хорошо старому мужу – плохо молодой жене каждую ночь прижиматься к холодному телу (а если Бога нет? Да если он и есть – почему это он только за царя и помещиков? А вдруг передумает, да и пособит однажды холопу или внуку вольных казаков?!)

Свойства отдельного чаще всего не совпадают с свойствами народа, крестьянин беден, царь богат, народ же нищает лишь в крайности, как при советской власти; аристократы и большевики счастливы, народ несчастен; верхний слой образован, народ в невежестве (но поет прекрасные песни, рассказывает былины и сказки, сочиняет пословицы и поговорки) – но сегодня вовсе чересполосца: верхний слой невежественнее всего, народ в одиночии, прильнул к телевизору... есть слой образованных людей, бывшая интеллигенция, даже солженицынские «образованцы» пошли бы уже на ура, но всех нас побиле уже заморозками, народ нас потоптал, верхний слой недотоптанное выкосил и пустил на корм свиньям.

Философия бессмысленна, когда властвует «волонтаризм тления». Ничему и никому не спастись, все никнет, все скудеет. Потому и моя философия буксует, что правда еще выше чем философия, но если бы *высокое* определяло порядок вещей, мы возродили бы Россию. *Но нужно чудо! Или решительный князь Трубецкой. Или новый герой, какого в России еще и не было.*

В противоречие с выше сказанным, что сын за отца *«не отвечает»*, надо уточнить: не отвечаем мы за грехи отцов, но обязаны об отце и матери позаботиться, если они состарятся, обязаны заботиться о младших членах семьи, сестрах, братьях, племянницах и племянниках, должны заботиться и о более старших, если они живы, и ухаживать за могилами, и хранить семейные предания, реликвии и память предков. Но также мы отвечаем и за народ, не должны мы промотать наследство отцов, поганить природу, беречь культурное наследие: не обязаны мы только защищать беспутную власть, которая, часто бывает, сама проматывает то, что не она создала. Мы в ответе перед будущими поколениями, и в этом смысле, хотя юридически мы не отвечаем перед законом за преступления отцов и их проступки и слабости, но нравственную ответственность несем и мы – за весь народ.

Вот так... и не отвечаем – и отвечаем... такова участь свободного человека – его даже фальшивая философия как и религия не могут утешить – **а правда чрезмерно сложна и противоречива.**

Отношения между А и Б не могут рассчитываться, как в математике расстояние между точками, хотя именно математика позволяет и заставляет рассуждать правильно, так чтобы дважды два было четыре, а не «кому как нравится», как учил Толстой. А и Б – это не точки на воображаемой плоскости, и не отношения между однородными предметами, а два Космоса непостижимой природы. Один из них – человек, Личность, которую мы не понимаем до конца, но хотя бы постоянно носим с собою, вглядываемся в нее, хотя и через мутное зеркало, которая состоит в том числе из **народного**, которое входит в личность как особенная субстанция, равноправная с тем, что мы называем то духовным, то душевным, то материальным, то социальным... но одновременно существует сама по себе, отдельно от личности. Порождается ли народ человеком, личностью? Несомненно, потому что рожают не народы, а бабы рожают, что понимал даже Жуков, говоря: *«не жалейте солдат, бабы еще нарожают!»* Сам народ – множество, множественная и многообразная личность, но в то же время эта личность существует и действует только через отдельного человека. Хотя при сравнении народа с лесом более понятно, что существуют не только деревья, но и лес, и деревья не существуют отдельно от леса. Но народ – это не род и не племя, отношения **русского народа** с *русскими* не подобны отношениям соснового леса с соснами. Народ – это сибирская тайга, в которой растут и сосны и ели, и пихта и лиственница (здоровенные такие листвяки!), и березовые рощи перемежаются осиновыми, потом вдруг *начинается кедряч* (нет, уже не начинается, это раньше начинался, до большевиков, «но пришли большевики, и все кедры повыврубили» и сплавили на запад.

Да, ходили на выставку Рембрандта, он жил в Голландии, большевиков тогда не было, умер сам по себе. Но идем мимо зала, художник Вильде, роспись по фарфору, по фаянсу, Императорский фарфоровый завод, в 38 году расстреляли. Идем дальше, ... в 37 году расстреляли... в 33 году расстреляли... (что пытаются доказать сталинисты? Пройдите вдоль галереи деятелей культуры, каждый второй расстрелян. Остальные миллионы, я бы сказал, виноваты, они любят Сталина, даже лёжа в могилах). Народ – это не племя, не только родство по крови, женятся не на единокровных, сие запрещено, жена принимает фамилию мужа... В народ входят (особенно в 19-м веке, немецкие генералы – например, Барклай де-Толли, князя, уроженцы Кавказа, герой Отечественной войны князь Багратион, кстати, и дети Шамиля вошли в русский народ. В народ входит культура, творения Растрелли, Кваренги, Росси, стихи Кюхельбекера, барона Дельвига, Надсона, скульптуры Антокольского, картины Куинджи, Лансере и Бенуа... (ну, хватит перечислять). Культура – это не племя, это метафизика. Но и человек – не животное, это еще и язык. Кто из двух входит в русский народ – сын русских родителей, говорящий по французски, или сын датчанина, составивший Русский словарь, казак Луганский (писательский псевдоним Даля)?

Вот две личности, одна «субъективна», другая «объективна», есть ли между нами родство, похож ли я на русский народ? И на кого похож русский народ? В то же время немцы, как ни странно, на немецкий народ похожи, и он на них похож тоже.

Может быть, народ – это сплав, раствор, химическое соединение металлов с кислородом? В нем есть минералы, руды, подземные реки, источники вод и сталактитовые пещеры, в нем и смешение и золотые жилы, горные хребты и тихие долины... Зачем русский народ так предан своим царям и узурпаторам власти, так редко прибегает к подушке, которою удушили Павла Первого, так редко любовники императриц наводят прядок в государстве, устраняя с престола заезжих голштинских принцев, так редко увозят безвольных властителей в Тобольск и Екатеринбург, чтобы сбросить, наконец, в очистительную шахту, и даже испытанные злодеи, отточившие свое мастерство на царедворцах, долго не решаются, сняв пенсне, подсыпать яду в лекарство «кремлевского горца». На 25 царей всего пять или шесть, отмеченных свыше в назидание властителям: «Помните и трепещите!» Мало, слишком мало, вот почему не помнят и не трепещут. Не будем ворошить кости Великих князей, но из правителей Московского и Петербургского царств зарезали Лжедмитрия в начале 17 века, задушили Петра Третьего, задушили подушкой Павла Первого, в 1881 году народовольцы взорвали Александра Второго (царя-Освободителя), Николая Второго (поделом) большевики в 1918 году расстреляли, Сталина (предположительно) отравили.

Так что же такое **народ**, чем он отличается от населения, от множества людей, составляющих государство (или проживающих на его территории), от органического объединения сословий (**крестьян, дворян, аристократов, казаков, духовенства, купечества, армии, государственных служащих** (в том числе интеллигенции, чиновников и жандармов, судей и т.п.), ремесленников и **рабочих** – Октаэдра, все грани которого и все ребра составляют словно бы стропила государственного устройства? Или иерархическое и органическое соединение сословий, то есть государство – и есть народ? Нет, государство – это лишь форма народного бытия, оно часто объединяет не один, а несколько народов, которые вместе можно считать сверхнародом (как и в России). Противоречия привносятся в анализ еще и тем, что постоянно, говоря о русском народе, я оставляю за скобками проживающие вместе с ним меньшие народы, частью живущие отдельной от русских культурной и административно-хозяйственной жизнью, частью в соединении и смешении с русскими. (Многие из них считают себя отчасти русскими, отчасти инородцами.)

И все же помимо народа, составляющего государство (то есть народа-государства), существует **народ-личность**, важнейшими основаниями которого, как и в человеке, является культурно-историческое и трансцендентное бытие. Но также и я – не только гражданин и горожанин, семейный человек, обремененный друзьями, долгами и долгами, но и нечто иное (что иное и насколько иное, только отчасти прояснил я для себя в своих книгах). И русский народ, выделяющий из себя царей и философов, святых и пророков, писателей и поэтов, ученых и воинов, трудящихся и даже представительниц самых древних профессий – также еще нечто иное, о чем я еще не умею ясно сказать – **то ли, что Бог о нем думает, то ли, что он сам думает о Боге.**

В своих предыдущих рассуждениях я не ответил внятно на этот вопрос, я по существу не дал не только *математически исчерпывающего*, но и *существенного* и *понятного* простому читателю, то есть такому, которому понятна «Капитанская дочка» Пушкина и «Анна Каренина» Толстого (то есть читателю приличному) определения **личности человека** и **личности народа**, к которому этот человек принадлежит.

Я бродил вокруг да около, я то приоткрывал дверь в **понимание**, то ее прикрывал – но моя заслуга в том, что я ее не закрыл, она приоткрыта, и сквозь нее что-то видно внутри и что-то видно снаружи. Трудность состоит в том, что и *человека определить сложно*, у него есть тело, у него есть душа, их взаимосвязь, многообразные отношения с миром, которые то приподнимают завесу непонимания, то прикрывают, то есть пол, характер, происхождение (национальное, социальное – дворянин, честь имею!, крестьянин, ваш благородие, солдатская вдова, непризнанный философ... из мещан, из рабочих ... да вот, сиюж уж третий год, обещают амнистию... а скоро, может быть, дадут вид на жительство и российский паспорт, беженец из Душанбэ...)

В человеке все существенно, и образование, и профессия, и работа, и источники дохода, и семья, и происхождение, и **язык** и **культура** – да это, возможно, даже главное... но сегодня культура слезла с большинства, как полуда с ржавого чайника, к ней то относились не только книги, но и быт – но какой быт в городской семье, кроме телевизора? Если нет песенной культуры народа, его преданий, если голова засорена каким-то чудовищным бредом о «русских этрусках» – то человека уже нет... Да я еще не упомянул о религии... но сегодняшняя *православность* для многих – это лишь карнавальный наряд, на время выпивки и похмелья, но не одежда ни для души ни для тела. Мы еще словно лунатики, все, даже я, в гипнотическом сне. **Пробуждение** начнется с сознания, что *Россия накренилась и вот-вот упадет*, а мы все, ее бывшие граждане, просто праздные зрители (глядящие на Россию через телевизор). Рушатся дома, падают под откос составы, сталкиваются автомобили – а нас заботит только одно: проживет ли царь-батюшка еще семьдесят лет, и хватит ли для нас пенсий. У нас нет ни гражданской ни национальной принадлежности, и когда я пеняю, при выпивке или в бане, что ни у кого нет чувства ответственности за детей и внуков, на меня злятся: да, мы такие, мы просто живем, мы озабочены только собою, на все остальное нам наплевать, не мешайте нам насладиться последним глотком!

Ощущение и сознание: я русский, или я еврей, я на заработках – это ощущение необходимо, надо хотя бы помнить фамилию и имена жены и детей. И, как ни странно, надо снова задать смешные вопросы: *что делать и кто виноват?* Ну, конечно, спросить и про себя: *А кто я такой? Что я могу еще сделать и хочу ли, решаюь ли?*

Начну с себя, как и советуют христиане (но и до них я доберусь тоже, и до еврее. Только мои вопросы и ответы будут иметь отношение только к моим читателям, все остальные пока еще **не** существуют, они еще в небытии).

Итак, **я русский**, живу еще не до конца правильно, вчера пошел в баню, выпил полбутылки пива и 50 грамм водки, потом было плохо (да и теперь еще

не до конца отошел). Но это уже крайняя точка, до которой меня дотащило, редко уже я выпиваю даже 25 грамм. Хотя бы в этом отношении больше я уже не хочу быть с народом, пытаюсь сохранить последние крошки жизни.

Россия – моя забота, как и моя семья, и мое собственное положение, но в нем теперь меня заботит только здоровье, мне надо редактировать чужие книги, я обещал, а долг для меня не отменим, да надо дописать и свои (кому надо? Ну, хотя бы себе). Будут ли меня читать, это меня уже почти не заботит. Хорошо ли я пишу, научился ли писать – это меня не заботит тоже. Почему? Отвечая на этот вопрос, я снова продолжу говорить о том, что значит **личность**. Вот у грибов грибница, оказывается, простирается под землей, иногда очень значительно, у растения есть корни, которые простираются тоже, дерево растет в лесу, его окружает кустарник и лес, он их часть, да и они, как ни странно, его часть тоже. Вот и я – часть русского народа, и часть общерусского (то есть российского), да я еще метафизическая личность (то есть в меня входят математика, история, воспоминания об Элладе, об античном Риме, о русских князьях и вождях ... в меня входят еще мои разнообразные влюбленности... в меня входят еще и те девочки малышки, которые ко мне летом подошли и обняли, ни с того ни с сего – а две мои подруги, когда я им стал хвастаться, воскликнули: да к нам наши ученики каждый день подходят и обнимаются, не двое только, а человек двадцать... ах, как хорошо, значит, я не один такой, эти записки я им пошло, и они их прочитают!)

Итак, во мне есть *метафизическая личность*, чуть-чуть я все же понятие о ней дал.

Но в меня входит еще и **трансцендентная личность** – и это не то, чтобы я ходил на исповедь и причащался... о причастии вам надо прочитать чужие размышления, это полезно, и о судебном процессе в Риме в первом веке по обвинению христиан в каннибализме, и с тех пор в качестве уступки здравомыслящим христиане стали свое вино (таинственно пресуществляющимся в кровь Христову, разбавлять теплой водой), и рассуждения Лютера и лютеран о причастии, и кальвинистов в том же духе... да и не грех почитать богословские рассуждения о бестелесности бога, который когда-то хотя и был рожден девой, но после распятия и воскресения вознесся на небо – есть ли у его теперь тело? Да и хорошо ли пить чужую кровь? Мне даже при рассуждениях об этом становится не по себе...) Итак, в церковь я не хожу, раскаиваюсь пред читателями (а мне и сегодня плохо, вот и в данный момент)... Но *трансцендентная личность* во мне тоже существует (или она же **тайная**). И я потому уже не озабочен тем, будут ли меня читать, и хорошо ли я пишу, что по крайней мере я не поверхностно напишу о том, отвечает ли сын России за свой русский народ и свою Родину-мать. Скорее всего, такая **тайная личность** существует и в народе, и каждый из нас не только то, что видимо, но что и невидимо. Как и у корабля есть подводная часть, как у айс-берга (то есть ледяной горы), плывущего в океане. Вот что имел в виду Солженицын, говоря о том, что в *толще народа* что-то еще здоровое есть, он и имел в виду то, что находится под поверхностью, на которой в наших пяти

процентах и в 10-ти процентах высшего бездарного слоя кипят бури и волны разбивают корабли – но когда волна пробегает по толще океана, тогда смывает целые острова и страны и даже материки.

Если я нужен в высших видах, и без меня воистину не обойтись, то будет все что надо, и то что обещали когда-то волхвы и высшие небесные силы, и народ проснется, проснутся и никчемные, и пьяные и трезвые, злые и добрые. Бог то ведь тоже терпит-терпит, временами даже приходит в отчаяние, он мне и говорит: ну, разве мало уже тех, кого я отправлял «глаголом жечь сердца людей!»? Ну а если у них уже жечь нечего? Вот тогда и приходится, сквозь слезы жалости, та-а-к ша-рах-нуть, чтоб и никто не очнулся, ни на кровле, ни под кровлей. Вот, говорят, девушки теперь моду взяли с утра дó ночи фотографироваться то в пеньюаре то без пеньюара или в домашних тапочках и выставлять на конкурсы красоты, у каждой свой, и ни учеба ни работа, ни книги ни даже телевизор их уже больше не интересуют, ни женихи, ни мужья ни даже любовники, а тем более рождение детей...

– Так неча было с утра дó ночи дурить их головы, что прикосновение к ним – самый страшный грех, а нужно бежать в пустыню и в скит, а то даже оскопляться...

– Да это же не я, это тут нашелся один, выдавал себя за моего сына – а я разве всех упомню? Может быть и сын... Но во всяком случае я против природы пропаганду не нес, все, что я делаю в мире, согласно с гармонией вещей, а не с Гоморрою или Содомом. Так что пиши что хошь, и как хошь, все бесполезно, и сердца больше не жги, и не обличай ни малодушие, ни тщеславие, ни корыстолюбие, ни жадность, **переполнится мера терпения моего**, я сам вмешаюсь, человеческие усилия бесполезны.

– И что же, ждать, пока Россия перевернется и потонет?

– Час не пришел ни гибели ни возрождения, не зря было сказано, *«блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые, его призвали...»*...

– Так, значит, я все же не призван?

– Да, не призван, ты **самозванец**, ты рано начал мугить воду и будить спящих, смотри, как бы тебя не поколотили.

– А этот, тот, ну который твой сын – он не самозванец? Но ты ведь дал ему и красноречие и способность к чуду ...

– Это неизвестно, кто ему что дал, он и сам говорил, что после него придут и будут совершать и пушнее чудеса, и ваш Розанов прямо говорит, что он как раз и совершал чудеса силой лжебога, то есть антихриста. Думаешь, я не читаю, что вы тут пишете? Да я иногда только один и читаю, вы разленились, а пишете часто такую муть, что и мне тошно становится, надеюсь, ты не думаешь, что от меня зависит, чтобы все стали умными и благоразумными? И не упрекаешь в том, что капает не только слезинка ребенка, но иногда целые водопады?

– Всяко бывает... К тому же вот я строил баню, и даже среди негодных бревен выбирал подходящие то на одном месте, то на другом. А ты, выбирая царей и начальников, словно выбираешь из самых худших, да норовишь и среди них подсунуть нам кого похуже! Отчего так?

– Жалко хороших. Власть и богатство, понимаешь, портят даже ангелов светозарных, помнишь, тебя самого, когда ты выдвинул себя в депутаты, друзья и поклонники всячески от этого отговаривали, уверяя, что найдутся похуже?

– Ну, знаешь, утешил ты меня... С тобой поговоришь, и кажется, что все бесполезно, делать ничего не надо, либо в канаве лежать, выпив что подешевле, либо в халате на диване, если наследственное состояние есть. Лучше бы ты немного все же помог мне, хуже бы не стало.

– Мера еще не исполнилась гнева моего, не могу я каждый день шарахать то по одному городу, то по другому. Но уже скоро, подожди чуток, если пить не будешь, то дождешься.

На этих словах я проснулся, и понял, что мы, человеки, даже если и составляем волны моря народного, но в нем есть и подводные течения, и водная глубь, и хотя мы взаимосвязаны, и друг на друга влияем, но судьбы у нас не тождественны, у народа, как и у книги, своя судьба, независимая даже от автора. Так если автор не определяет судьбу своего творения (по крайней мере, не до конца определяет), то и всеильные временщики, диктаторы и полководцы, завоеватели и разорители, Батый и Тохтамыш, и слабые поэты, «морщат» только поверхность моря, как хитрый работник Балда.

И поэтому не я виноват в том, что Русь накренилась и вот-вот упадет, не декабристы и не Герцен, не Александр Второй и даже не Солженицын, не виноваты русские крестьяне, которые сделали что могли, мужики растили хлеб, бабы рожали, моя мать даже без мужа родила кроме меня четверых детей, а при **христианских святошах** было бы нас вчетверо меньше, чем сегодня, когда нас уже на треть меньше, чем даже при большевиках.

Кто же виноват? Не малая вина на Николае Палкине, заморозившем Россию, надеявшемся противодействием Прогрессу сохранить христианское Крепостное право навечно. Не малая вина на Николае «Кровавом», не столь и кровавом, сколько бестолковым, слабым и малоспособным, даровавшем России куцую Конституцию только при поражении от японцев и под воздействием революционной анархии, ввергшем Россию при том в трагическую Мировую войну (Дарданеллы ему спать не давали, потерял и корону и голову, и Финляндию и Польшу, и Прибалтику и часть Правобережья). Виновата отчасти и наша лихая интеллигенция Серебряного века, призывавшая и воспевавшая революцию; виновата и позднейшая советская интеллигенция, настолько униженно лобызавшая сапоги восточного деспота, так яростно уничтожавшая Россию и Русь, совершившая духовную подмену русского советским, духовного материальным, крестьянина обменивавшая на городского обывателя и до сих пор проклинаящая Русь и воспевающая Советский Союз. Виноваты и мы сегодняшние, сначала купившиеся на посулы лживого прохвоста Ельцина, потом на посулы сладкой западной жизни, бросившиеся на Запад за сытным долларом, да так и оставшиеся там в услужении. И все же по «большому счету» ни я ни мои друзья не виноваты в разгроме России, история от «умников» и «книжников» не зависит, история не зависит даже от пророков, **история не зависит даже от народа. Глас народа, как и глас Божий – это Миф.**

Кто и что делает историю? В условиях сильной военной и политической власти историю делает самодержец (царь, император), опирающийся на бояр, на дворянство, аристократию и армию. То, что Армия играет центральную роль, хорошо показало движение декабристов, выведших войска на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года, и не взявших власть в свои руки только из-за нерешительности. В конце февраля 1917 года в Петрограде (21-24 февраля) начались хлебные беспорядки и массовые антиправительственные демонстрации, 24-26 февраля забастовки рабочих, 27 февраля с утра войска Петроградского гарнизона заняли Арсенал, административные здания и городские тюрьмы и вечером под давлением сложившегося положения был сформирован Временный комитет Государственной думы, целью которого было формирование новых органов власти. Ночью 28 февраля Временный комитет объявил о том, что берет власть в свои руки. Второго марта Государственная дума совместно с представителями Петросовета сформировала Временное правительство во главе с князем Львовым. После консультаций Начальника штаба армии генерала Алексея с командующими фронтами царю было предложено отречься от престола, вечером 2 марта представители Временного комитета Гучков и Шульгин приняли отречение царя, текст отречения был им подписан на колене карандашом. 4 марта в газетах был напечатан Манифест царя об отречении в пользу своего брата Михаила, однако в этот же день и Михаил отказался от престола. 8 марта императорская семья была арестована, в июле 18 года расстреляна.

В статье в интернете о падении монархии наряду с текстами еще советской историографии написано «Как показала история, правление большевиков также не принесло положительных результатов» - для признания этого факта понадобилось сто лет и реки крови.

Но этот краткий исторический очерк показывает, что тысячелетний период становления и существования Российской империи не является деятельностью **народа** – народ безмолвствовал во время насильственного Крещения Руси, безмолвствовал во время нескольких лет Смутного времени и во время нескольких веков Крепостного права, и также безмолвствовал во время столетней большевистской тирании. Но что же делал Народ? Он кормил сам себя и правящие классы, содержал армию, выделял из своего состава, как сосна выделяет смолу и цветы выделяют нектар, церковь и **культуру**. Хотя церковь жила за счет народа и была силой, препятствовавшей культурному и историческому развитию страны, но одновременно в той степени, в которой она замещала образование и культуру, церковь приносила и пользу. Но такую же роль играла и монархия, пока она не обветшала и не ввергла русский народ и Россию в пучину Мировой войны и антирусской революции, отчасти масонской, отчасти инородческой и сионистской, отчасти буржуазной и антимонархической, что единственным было положительным. Так называемая **социалистическая форма Русских революций** была продуманным мифом, призванным обмануть мыслящих людей – но в действительности единственным действенным средством разгрома России был невиданный по жестокости и обману **Террор**.

(Впрочем, надо заметить, что межнациональные отношения не ограничиваются только войной, и немцы на протяжении столетий с нами не только воевали, и даже поляки – поскребите русского интеллигента, не отскребете ли вы и поляка и грека помимо татарина, которого подозревают некоторые чуть ли не в каждом русском? То же и в отношениях русских и евреев. Нормально, чтобы русский был антисемитом, говорил мне Виктор Файнберг, пытаюсь оправдать мой антисемитизм, который он во мне подозревал, а я не думаю, чтобы это было нормально, как и еврейская русофобия – хотя и одно и другое существуют, и сказывались они и на характере «Русской» революции и на характере Гражданской войны. Но я не собираюсь ни дополнять исследование Солженицына, ни поправлять ни опровергать его, хотя в моих собственных записках о «русском» может быть что-то добавлю и на этот счет.)

Главный вывод, который я теперь пытаюсь навязать читателю (а раньше я был уверен в противоположном), состоит в том, что **человек ПОЧТИ ни в чем не виновен и ПОЧТИ ни за что не отвечает!**

Удивительное состоит в том, что этот наш журнал с топором – это уже четвертый журнал за последние тридцать лет, который я **издаю** (не сочиняю, сочиняют авторы, а только являюсь посредником между авторами и типографией: МЪра, Философская культура, Новый русский журнал – и тридцать лет я навязывал читателям и авторам Заповедь о непререкаемой ответственности и **вине** человека за всё, что происходит с ним и с народом – а мне две тысячи лет возражали на вех перекрестках, доказывая, что ни в том, что флот Ксеркса разметало бурей в Эгейском море не виноваты гребцы (за что Ксеркс повелел море высечь), ни в том, что распяли Христа, даже синедрион и Пилат не виноваты, ни та кучка евреев, которые собрались на Голгофу, чтоб поглазеть на казнь, не говоря уж о еврейском народе; ни в Варфоломеевской ночи, ни в нашествии Наполеона на Москву не виноваты ни русские ни французы, ни в Первой мировой войне... Относительно Второй... немцы и вправду мечтали стать помещиками на Руси, а русские лихо кричали, что мы их шапками закидаем – может быть хоть в этом виноваты и те и другие? Ну а в разрушении СССР, в приватизации, в результате которой свора собак и котов мигом обглодала Русь, в бандитских девяностых годах, в результате которых убыль населения оказалась только половиной убыли от Отечественной войны? Нет, говорят, и в этом не виноваты. И я, наконец, **почти** сдался. Виноват ли я сам, если купился на поездки Ельцина в метро, на его пьянство, которое будто бы его оправдывало, если почти купился на честность и прямоту генерала Лебеда? Ельцину мои тогдашние товарищи подарили мои сочинения, он даже их не раскрыл, а батьке Махно... то бишь батьке Лукашенко подарили мой сборник стихов, он тут же его раскрыл и вслух один стих прочитал... *А что, неплохие стихи!* – молвил он и на моем письме начертал: **Пригласить пятерых издателей Радзивилловской Летописи на праздник белорусской письменности за государственный счет!** (О, как я купался тогда в море славы! И в Сашенькиных голубых взорах – с нею я тогда познакомился... но оказался ... впрочем, не важно...) Но

неподкупный генерал Лебедь подарил мне свою книгу, добавив, что писал ее лично сам от корки до корки, потом, правда, справедливо послал меня по матушке на мое предложение, что если я буду его *спичрайтером* (слово то какое отвратительное!), то должен возглавлять и его предвыборный штаб – а в штабе его одни генералы! (Встречался я с ними после того, как он стал губернатором и всех нас послал по матушке – *а что, ВИ, сказали они, а ты не такой уж простак, как мы тогда думали!* – впрочем, теперь то я точно знаю, что мы, лучшие русские, еще и не такие простаки, как о нас тогда думали, и только это нас всех и оправдывает! Встречался я и с учителями нашей Решетинской школы: *Эх, ВИ, ездили мы по всему Красноярскому краю с агитацией в пользу твоего любимца, теперь вот стыда не оберемся, как мы впросак попали...*)

Итак, наконец я сдался. **Человек ПОЧТИ ни в чем не виновен и ПОЧТИ ни за что не отвечает!** – говорю я теперь и навязываю свое открытие нашим читателям (точнее, нашим писателям, пишущим в наш *Журнал с топором*).

Но существуют два понятия вины: **ВИНА** как юридически вменяемое нарушение Права, и действительное, онтологически существенное нарушение традиций, правил, заповедей или обычаев, **ГРЕХ**, никак не объясненный и ничем не доказанный, но принимаемый по душевным основаниям или по родовым заповеданиям... ну, вроде того, что Мефистофель поет Маргарите «Мой завет: до обрученья ты не целуй его!» Так вот, Новозаветные заповеди все почти безумны и нелепы, и «не заботься о завтрашнем дне, ибо завтрашний день сам о себе позаботится!», и «Враги человеку домашние его», и «не судите да не судимы будете!», и «*от премудрых утаил, а неразумным открыл*» – последнее всем очевидно как странная мудрость иногда детских выражений... А Ветхозаветные заповеди еще в древности были названы **Законом**, и они таковы и есть: юридические постановления (и как странно, что Лев Толстой в норму жизни пытался превратить именно юридические постановления, в своем романе «Воскресение», пичкая читателя *микстурами вместо святой воды*.. (А кстати и о врагах... странное тоже преломление этого предписания или заповедания состоит вот в чем: человек, умеющий заговаривать от укусов змей, никогда не должен их убивать. И мой дед по матери как раз и заговаривал от их укусов и змей никогда не убивал, и пчел тоже... да, кстати, и тетушка по отцу тоже могла заговаривать от разных болезней, но ей не полагалось брать за то приношения, ни деньгами, ни вещами или продуктами, даже яиц на Пасху она ни от кого не брала, но заговоры действовали без укоризны, меня она излечила от рожистого воспаления за одну минуту, пошептала, я тут же заснул, а проснувшись, даже не мог вспомнить, что со мной было).

Но вернемся к **ВИНЕ**. Преступления, войны, мздоимство, воровство, жесточайшие несправедливости сильных и богатых, Варфоломеевская ночь – и не только сто тысяч убитых, но и толпы бежавших на восток (вот и Бетховен зато родился в Германии), террор ЧК – и толпы бежавших на запад, раскулачивание... а в конце концов раздеревенивание Руси – и почему это

русская интеллигенция так на деревни взъелась, и даже меня, приехавшего из самой глухой деревушки Сибири. все еще называют сибирским валенком, хотя мой дед вместе с Корниловым бежал из австрийского плена (правда, потом воевал против него)... нет, это не так существенно... хотя я открыл ведьминские числа, и оказывается, что это *тройка, семерка, туз* ($3^2 = 2^2 + 2^2 + 1^2$, $7^2 = 6^2 + 3^2 + 2^2$, $11^2 = 9^2 + 6^2 + 2^2$), и «далее везде» – целочисленные диагонали целочисленных параллелепипедов)... и хотя я целовался с самой красивой девушкой нашего Университета и даже выпивал с бароном Фальц-Фейном, внучатым племянником Достоевского... но, впрочем, все это неважно (кроме поцелуев).

Мы, отдельные, даже если мы гениальные писатели и философы, не начинаем войн и их не заканчиваем, и Даниил Андреев был призван в армию, несмотря на свое больное сердце, потом был призван в тюрьму... от него зависело жениться на прекрасной женщине, оставшейся ему верной, перепечатавшей его сочинения с тысяч клочков бумаги, на которых он их вынес в наволочке из Владимирского централа, – но не от него зависело, уцелеет ли он в тюрьме и успеет ли его жена выстукать на машинке его сочинения. В одном из номеров НРЖ я привожу его стихотворение, обращенное к Богу, в котором он сначала просит Господа продлить его дни, чтобы он успел закончить свои сочинения, а затем просит хотя бы сохранить их, пусть и не законченные, до лучших дней. Какова же вина поэта в этом мире, если всем распоряжаются то ничтожные временщики, то безжалостные тираны, а народы покорно исполняют их волю? И какова вина народов, если крестьянин пытается прокормить своих детей, а лесоруб пытается их согреть, и им обоим не до стихов? Мы живем в безжалостном мире, **страх, лень и глупость отдают власть всему злему и жестокому**, и только власть всесильна, и только о вине власти и можно говорить. Но Христос "человеколюбивый" ни разу не сказал, что в чем-то виновата власть, но всю вину возложил на юношей и девушек, смеющих испытывать любовь и притяжение друг к другу, и смеющих рожать детей. Праведны лишь «оскопляющие» себя во имя господне. И именно этому учению поклоняются. Я не могу объяснить, почему это так, и какое **горение духа** можно увидеть и почувствовать в таком отказе от женщины, любви и детей – может быть именно в этом моя вина? Но Бог отказался помочь мне и усовершенствовать мой язык, чтобы я мог глаголом жечь сердца людей, сославшись на то, что он уже послал множество пророков в мир, но толку от них нет – тогда если и есть у меня вина, то и Бог должен ее разделить со мною. Но сели мы живем в нелепом и безумном мире, и все пошло не так с самого начала даже у Творца, и ничего он не может исправить – то о какой вине человека можно говорить?

Ладно, живите так. Дети пусть играют в детские игры, девочки в классики, мальчики в лапту, молодежь пусть влюбляется и ходит на танцы, взрослые пусть работают и стирают пеленки, богатые пусть богатеют, бедные беднеют... И не надо жалеть человека и пытаться ему помочь, ибо помочь ему невозможно...

«Но я еще не довязала рубашку из крапивы, – воскликнула сестрица, продолжая вязать, пока ее везли на костер. И ее наконец привезли, и хотели уже отобрать ее рубашки, но прилетели белые лебеди, она набросила на них рубашки, и они превратились в прекрасных принцев, только у одного вместо руки осталось крыло.» В чем же виноваты эти темные люди? И в чем виновата разъяренная толпа, которая под водительством епископа Александрийского содрала кожу с Гипатии, великой женщины-математика? (епископ же этот почитается как великий христианский святой). Но если никто не виноват, то зачем тогда христианская церковь пугает нас **Страшным судом** и **Адом**? Мы не виноваты, за что нас судить? И зачем приходил Христос и проповедовал покаяние? В чем каяться? В том, что мы не виноваты?

Мать рассказывала мне о таком происшествии. В нашу деревню, Корневище, приехала из Тайшета опергруппа, была спущена разрядка на двух человек, которых надо было арестовать. Председатель оказался малодушным и фамилии их назвать не мог. Тогда в правлении колхоза заперли молодых баб и девок и с ними мужиков и парней. Детей и стариков оставили снаружи. И сказали, что пока они не назовут двух врагов народа, их из правления не выпустят. Сидели они десять часов, сидели пятнадцать, и стало совсем невтерпеж, особенно девкам, пошушукались они меж собой – и назвали. «Ну а что ж вы не решились так и напрудить в штаны, если иначе нельзя?» – Стыдно было, легче было бы, чтоб расстреляли!

Недавно читал в газетах, в связи с каким-то юбилеем космонавтики, о Королёве и Глушко (которыми наш советский народ гордится, только многие очень недовольны, что их гордость всякие писакі омрачают рассказами о так называемой правде, один мой собутыльник так и сказал: «тёфу, я теперь и гордиться ими не могу, оказывается, они тоже сидели!» Итак, почему они между собой не разговаривали, хотя Глушко был условно освобожден раньше и по его заявке для воссоздаваемой космической промышленности, из лагерей и тюрем освободили целых 27 ученых и конструкторов? «Читал я твои показания, когда меня вызвали в комиссию по реабилитации, ты на меня там чего только не нёс!» – Так ведь меня избивали! «Меня тоже избивали, но я на тебя ничего не нёс», – ответил Глушко. – Значит, у тебя высокий болевой порог!?

И все же народ ни в чем не виноват, даже и в восхвалениях Сталина. Дети тоже не сразу понимают, что хорошо и что плохо, но некоторые меняются, иногда их меняют страдания. *Что делать? Я не знаю. Кто виноват? Виноват я.* Мне было дано очень много, об этом мне говорили в моей деревне, говорили учителя, и они предупреждали, что *с меня и многое спросится.* Спросилось. И что я могу ответить? Прожигают ли мои слова души людские? *Я пока сижу на телеге и вяжу из крапивы рубашку.*

Иногда мне кажется, что и я не виноват ни в чем – но если и я не виноват, которому было дано так много, то что я могу спросить с других, одни из которых **не знали**, другие **боялись**, третьи **были обмануты**?! Пусть уж отвечает мне Бог. Он потребует, чтобы я перед ним оправдался – пусть оправдается передо мною сам.

Глава 6. И все же, что в человеке от народа, что в народе от человека?

Эта глава решающая, теперь мы, наконец, выясним, кто и в чем виноват. Народы часто ведут себя беспутно, но они и *безмолвствуют* – виноваты они хоть в этом? Не простой вопрос. *Иногда народ вдруг пробуждается*, как в феврале 17 года, но так как усыпить его долго не удастся, кончается для народа все очень плохо – и кто же виноват в его бедах? Но, с другой стороны, представим себе, что жена, задавленная деспотом мужа, вдруг на вечеринке увлекается, теряет привычный контроль, жизнь ее превращается в ад – и что же, это она виновата в том, что захотелось ей хоть минуту свободного счастья? Это уже высказано в Мцыри Лермонтова, которого современные христиане не любят, потому что они не способны пожалеть подлинного, действительного, обиденного человека, они погружены в несуществующие абстракции, в символического **ближнего**, которого надо любить вместо живого человека (о, как ненавидит Иван Карамазов этого ближнего, вместе с Достоевским!) Человек не тождествен воле, привычно крутящему колесо, он не может вечно жить без свободы, он не может вечно быть покорным сразу всем: барину, богу, царю, старосте, чиновнику...

Но пока в связях человека и народа мы ничего не поняли.

Отвлечемся.

Дом, построенный из кирпичей, оштукатуренный снаружи и обитый изнутри и оклеенный обоями. Мы можем в нем жить и не знать, что он создан из кирпичей. Что в содержании понятия «кирпич» переносится на дом? Есть ли между ними какая-то связь? Нет. Но, с другой стороны, рассмотрим лес, дерево (и деревья), дрова. Очевидно, что дрова мало похожи на лес, но дерево, тем более если еще не обрублены ветви, напоминает нам лес. Дрова уже плохо напоминают дерево и почти никаких ассоциаций не вызывают с лесом, скорее с домом и пламенем, с теплом и уютom, с креслом около камина и сидящим в кресле озябшим хозяином дома, согреваемым у раскрытой дверцы камина. Никому не приходит в голову сказать, что лес состоит из дров, но почему то мы не сомневаемся, что народ состоит из отдельных граждан. А ведь аналогия в этих сравнениях абсолютная. Народ состоит из сословий, при этом он существует не сам по себе, он не является природным или космическим феноменом, следовательно, он существует в определенной форме, например, в форме государства, в форме колонии, оккупированной территории, и помимо сословий он делится на подвластный народ (на подданных), на правящий класс и правительство. Сословия, входящие в народ, состоят в свою очередь из отдельных, из конкретных людей. Так крестьянство состоит из крестьян (мужчин и женщин), и из их детей. Дворянство состоит из дворян. Разница между дворянами и крепостными колоссальная, почти такая же, как между рабами и господами, так что некоторые полагали, что *люди – это только свободные люди*, а крепостные и рабы – нечто вроде скота.

Но бабы рожают, и народ составляется, как кажется, из новорожденных, не народ же рождает мужиков и баб и их детей, как и дом строится из кирпичей, а не кирпичи выламываются из дома. Хотя, надо сказать, кирпичи

не образуют дом из самих себя таким же образом, как из падающего снега образуются сугробы – кстати сказать, можно и из этого снега построить дом, о чем я уже говорил, и тогда очевидно, что в основе строительства план и творческая воля, а матерьял оказывается чем-то вторичным, не он – производящее начало. Вот также привычное «весь мир состоит из атомов» – не верное утверждение, если под атомами представить дрова, из которых состоит лес. Молекула воды, состоящая из атомов водорода и кислорода, скорее состоит из самой идеи соединения этих атомов, как и дом состоит из строительного чертежа. Не понятно? Я на компьютере набираю два слова «Полина Осетинская» и нажимаю на клавишу, на экране появляется Полина и играет концерт Баха – из чего они состоят, Полина, рояль и музыкальный концерт, если даже атомы не используются при их создании?

Таким образом мы доказали, что если лес состоит из дров, а народ из отдельных, то так как дрова не могут отвечать за лес и не виноваты, что сначала большевики, а потом олигархи вырубали сибирскую тайгу, то и отдельные не могут отвечать за народ и ни в чем не виноваты – тем более что и народ не отвечает сам за себя, ему приказывают занимать доминирующую над местностью высоту, солдаты бегут в атаку и гибнут под пулеметным огнем.

Итак, народ как будто бы не состоит из отдельных, а сам по себе, во что читатель верит еще слабо. Рассмотрим отношения отдельных с народом. Русский народ состоит как будто из русских, немецкий из немцев, французский из французов. Если бы Бог или производящая космическая сила создавала народ, то она бы создавала отдельных русских и из них лепила народ. Но кто такие русские и что они такое. Существуют ли они? Чтобы из дров построить лес (или хотя бы из деревьев), надо сначала из дров построить деревья (моя жена прогнала меня из кухни, чтобы не слушать тот бред, который я ей излагаю. Хорошо, не будем деревья строить из дров, сразу начнем строить лес из деревьев, для этого найдем подходящий лес и сначала попробуем выкорчевать хотя бы одно дерево... Нет, ребята, строить лес из деревьев трудно, легче деревья строить из леса. Но можно ли построить немецкий народ из немцев? Для этого надо набрать подходящее количество немцев. Если бы Христос был прав, и Бог и в самом деле мог из камней сих создавать детей Аврааму сколько захочет, то проблема бы легко решалась. Надо было пойти в каменоломню и начать создавать детей Аврааму. С немцами гораздо сложнее, история нацистского периода их бытия показала, что сначала каждого немца надо было подвергнуть исследованию, не еврей ли он (миллионы таких процессов происходили в Германии с 33-го по 45 год, в ход шли доносы, антропометрические измерения, анатомические исследования, подлинные и подложные документы, допросы подозреваемых и свидетелей. Немец как строительный матерьял должен был удовлетворять множеству критериев. Легче было с французами, в французы годились и корсиканцы, и гасконцы, и эльзасские немцы и жители Лотарингии (особенно Жанны), и даже бургундцы и жители Вандеи, которых во времена Великой Французской революции только из пушек расстреляли двести тысяч).

Из кого составлять русский народ? С одной стороны, если даже наш великий национальный поэт Пушкин отчасти немец, отчасти арап (по матери), и среди наших поэтов и Дельвиг, и Кюхельбекер, и Мей, и Фет, и Надсон, и Блок, и Бальмонт, и Пастернак, писатели Даль, Булгарин, Сенковский, Герцен, среди художников и скульпторов, среди ученых, среди военачальников... очевидно, что для определения русскости русские не могли прибегать к антропологическим исследованиям, и свой народ строили из тех, кто подворачивался под руку, не умаляя достоинства по крови (но как же *голос крови*? Не знаю. Эту проблему, помимо отрицательного отношения к причастию через вкушение крови и плоти бога я никак не решал. Мои предки принимали в свой РОД иноземцев и инородцев, и я принимал их обычаи как должное. Иноземец и инородец как правило, либо принимая православие (как Екатерина Великая, дети которой и внуки стали русскими), либо оставаясь католиками и протестантами, становились в конце концов русскими, сколько в ком было русской крови, такой вопрос вряд ли возникал у русских историков. (Но, в скобках, следует ли из этого, что русский народ – смесь всевозможных племен, финских и тюркских, и не славянский народ? Смешение или диффузия между народами происходят и в Европе и в Азии, немцы, создатели теории расовой и национальной чистоты, считая славян низшим народом, ассимилировали часть славянских племен, и в их арийских жилах среди голубой арийской крови четверть – славянская. В средневековой Руси смешение племен и межэтнические и, значит, и межрелигиозные браки были редкостью, для примера в одной из деревень Казанского края за четыреста лет совместного проживания русских и татар отмечен один брак между мусульманами и православными. Когда Карамзин говорил о том, что поскребешь русского, *отскребешь татарина*, он имел в виду *азиатчину*, то есть непросвещенность своих соотечественников, порицая их за это.)

Но при терпимости русских к инородцам насильственной ассимиляции в России нет, племена живут бок о бок мирно, многие и сегодня, при упадке русского самосознания, будучи двуязычными, считают себя русскими. И я отношусь к ним так же. Надо сказать горькую правду – *руссофобов*, то есть тех, кто ненавидит Россию или ее презирает и радостно предаст русский хлеб на иноземный, среди русских больше чем среди инородцев.

Итак, русские – это те, у кого родной язык русский и кто считает себя русским в силу ли родового происхождения, в силу ли проживания в России, исторических традиций и памяти. Россия и русский дух (язык и культура) формируют русских, а они уже составляют русский народ. Но если березовые дрова обязаны своим происхождением березе, и в березах как в деревьях и в дровах из них есть общее, ну, скажем, *березовость*, то есть ли она (иначе говоря, **русскость**) и в русском народе и в его представителях? В Польше я видел, что жители Польши в такой же степени поляки, и жители Германии – немцы, *как в Китае все жители китайцы и сам император китайца*. Частицы русского племени (или русского народа) обладают ли некой общностью, аналогичной общности китайцев, немцев, поляков? Причем, немецкие немцы обладают сходством не только во внешности и в языке, но и в привычках, в характере, в поведении, таким же сходством обладают польские поляки,

литовцы, эстонцы, и даже русские евреи – но нет, никаких общих черт нет у русских. Можно даже сказать, что русский народ обладает чем-то невыразимым, что можно было бы назвать *русскостью*, но этого невыразимого как общей черты нет у отдельных. Русские думают, что они русские, только по принадлежности к народу. Но принадлежат ли они к русскому народу, если между ними нет общего? Да, загадка...

«Четырехтысячелетняя загадка» – назвал одну свою книгу, повествующую о еврейском народе, великий математик Шафаревич. Могу ли я разгадывать чужие загадки, если не в состоянии разгадать своей собственной? Поэтому я не претендую ни на то, чтобы понять, что такое еврейский народ, состоящий при том из двенадцати колен, ни на то, чтобы понять, что такое русский народ, и разгадать его пусть *тысячелетнюю загадку*. Но я знаю одно: народ и личность – два мира, даже две бесконечности, не растворенные друг в друге. У народа своя судьба, у личности своя, мы взаимосвязаны, но мы не тождественны. Нельзя сказать: русский народ – это вот то-то – и перенести свойства русского народа на русского человека. Но точно так же свойства и судьба немецкого народа не переносятся на немцев, и то же самое верно относительно евреев. Немец может быть и философом и музыкантом, но может быть завоевателем, и еврей может быть и евреем и русским, но так же и русский может быть евреем, то есть присоединиться к тем, кто созидает золотого тельца. И каждый из нас может быть и умником и глупцом, свободным и рабом... но не буду пугать русского читателя. Человек пластичен – вот залог освобождения человека от его заблуждений. Народ неизмеримо консервативнее – вот загадка устойчивости древних страхов. Трехсотлетнее монгольское иго в большой степени подчинило душу русского народа, парализовало волю к свободе, да и христианство на протяжении двух тысяч лет формировало тип человека, жаждущего подчинения. Легкость, с которой марксизм заменил собой христианство, объясняется тем, что обе эти доктрины уничтожали человеческую личность, противопоставляя ее то Богу как миру, то миру как Богу, но при этом каждый отдельный не смел видеть в себе весь Космос. Самое отвратительное, что вменялось в вину мыслящему человеку при власти коммунистов: **отсебятина**, словно собственное мнение человека о мире непременно пошло и тупо; у христиан человек точно так же не смел самостоятельно рассуждать. Две Библии придавили человека, одна Библия – о всесиии верховного Существа и его предстоятелей и о низости просто человека, церковь и Бог были едины и стремились уничтожить в человеке все человеческое. И другая библия – о всесиии Партии, Вождей, учителей, Народ и Партия едины и вместе они точно так же стремятся уничтожить в человеке все человеческое. Но **человек сначала личность, потом уже он относится к семье, роду, народу**. Партия и вера меньше человека. Поэтому **каждого взвешивает мир по его собственному достоинству, и русского и еврея, и ни один из нас не больше и не меньше**.

Но **человеку страшно остаться одному**, страшно и мне. Поэтому я поставлю пока в своем сочинительстве точку, чтобы снова жить вместе со всеми. Притом, мне еще надо многое сделать: редактировать книги, издать журнал, написать рецензию – то есть **работать**. Но я еще вернусь.

Глава 7. Заключение. Личность. Народ. Бог и церковь.

Писатель и философ размышляют и о своей жизни, и об истине, о Боге, народе, о смысле жизни. Размышляют ли люди обиденной жизни об этих хотя и глубокомысленных, но по мнению многих, нелепых и ненужных вещах? Не знаю. Обывателю книги надо читать. Он по существу ничем не отличается от рассуждающего философа, и читая книги, он погружается в то пространство размышлений, которое необходимо всем, которое потенциально в нем тоже присутствует, но актуально, действенно он размышляет о насущном – а как же без него обойтись? – где взять денег до конца месяца, как помочь сыну или внучке, кто нас похоронит и где, если на похороны мы даже не отложили ни копейки, будет ли смерть слишком долгой и болезненной или судьба пожалеет, встретаться ли с Манон, или уже решить, что хватит «беситься»... и так далее... Это то, о чем я тоже думаю, думает и обыватель, но я еще думаю и о русской философии – но при этом я веду себя из рук вон плохо: я задержал редактирование одной книги, другой и третьей, за них я должен был получить деньги и помочь сыну или внучке, а я **запил**... А что это такое – размышления о смысле жизни и писание книг, как не **ЗАПОЙ**?

Но я заканчиваю две странички и займусь делом, буду искупать свои вины перед близкими и работать, а не мяться дурью. Но уже две недели подряд я бесперывно маялся дурью...

Сегодня ночью заполнял меня не то сон, не то бред, я шел по полю в деревню, укатанному как дорога, словно футбольному, мимо меня шли группы и толпы, я подходил к одним и другим и спрашивал, нельзя ли мне идти возле них. «Извини, дед, – отвечали они, – у нас свои дела и разговоры, найди своих, с ними и иди.» И я понял, что хотя это все мой народ, но ему не до меня, да и не до них, народ – собирательное понятие, не действительное, в действительности же существуют, скажем, в деревне – односельчане, к ним еще можно и присоседиться, в школе – одноклассники, на работе – сослуживцы, существуют **друзья и родные**, прежде всего своя собственная **семья**. Всякая философия должна в основание своих построений ставить семью, она тебя породила, мать и отец, она тебя воспитывала и учила, отчасти еще школа, но не всякий учитель тебя вспомнит. И хоронить тебя пойдут только близкие. Итак, *семья – первая глава философии бытия*. А народ и государство? Они форма и условие существования, но часто существуют только отвлеченно. Природа? Сцена и обстановка бытия, человеку необходим кров и пристанище, ими является дом, и даже когда человек в нем дин. Но дом всеобщ, он кров и пристанище семьи, в которой родился и продолжает жить человек. Он живет даже среди тех, кто уже умер, как и книги, существенные для него, в большинстве своем написаны авторами минувших эпох. Идя по полю в свою деревню, в поисках своего дома, я увидел купол Храма, куда шли многие, пошел дождь, некоторые открывали зонтики – так, может быть, храм – это и купол и зонтик и всеобщий дом, куда мы хотя бы иногда можем укрыться? И, значит, без Храма жить труднее (впрочем, подобием ему бывает Театр, Концертный зал, Библиотека). Но если я даже смог изгнать христианство, не повредил ли бы я многим, даже и самому себе?

Хотя бог христиан мне чужой, но я в его храме мог бы встретиться и с близкими мне людьми, как сегодня встречаюсь в Союзе Писателей с единомышленниками? От этого еще нужно подумать и написать... Хотя и не вернусь я, конечно, в православную церковь и в их безумное Учение, не вернусь и к марксистам с их теорией атомов, из которых состоит весь мир, с их пролетариатом, Интернационалом, *восстанием масс* и прочей мутью...

Но Храм и Русский Дом нужны...

Кстати подумалось: не состоит ли Прямая из точек? И не состоит ли Окружность из точек? Но чем же они тогда отличались бы? Тем более что точка ни из чего не состоит, она даже меньше нуля. Прямая состоит из «прямизны», Кривая состоит из «кривизны», и материальные даже **предметы состоят прежде всего из всего того, чем они друг от друга отличаются.**

Но в добавление к прежним рассуждениям о личности и народе. И в личность и в народ входят этнос (**РОД**) и **Культура**, входит Жизнь и История, Память и традиции. В личность еще входит характер, который в народе выявить трудно как нечто отличительное, во все народы входит ВСЁ. Но помимо этноса ("физического") и культуры (метафизического) в народ входит нечто непостижимое (*трансцендентное*), однако личность отвечает прежде всего за себя и за близких, за смысл своего пребывания здесь. Присутствуют в личности Пол и характер (но они не всеобъемлющи), Язык и культура (и они не заполняют наш космос), присутствует в личности народ и государство, может быть и тот Дом с куполом, в который мы прячемся от невзгод и ищем утешения. Возможно, в личности есть и нечто небесное (но не буду толочь воду в ступе, говоря о боге). Главное ли в человеке, что он мужчина или женщина, что он дитя или старец, что он дворянин или потомок первопроходцев, что он постоянно с книгой в кармане или даже не умеет читать, главное ли в человеке, что он русский или еврей и перенимает ли личность от своего народа нечто, исключающее ее из *всеобщего*, и в табели о рангах, в шкале интеллектуального превосходства, в шкале святости и доброты, **света, который мы несем в своей душе или мрака** (а это самое главное в личности) – сословное, национальное или иное какое главенствует ли? Я уверен, что мы измерены не этим. **Мера всего – человек, хотя культуру создает народ в целом.** Но только человеческим меряется все в мире, поэтому и цыган, и еврей, и чеченец (хотя я к некоторым из них подхожу с опаской) отвечает лишь за себя. Даже *первородный грех* – это миф. Человек отвечает за себя и за стол ко мне он попадает или не попадает только в силу своих собственных заслуг и недостатков. Не сыскаю ни перед полом, ни перед образованием, ни происхождением, ни властью, ни народом, но и *не веря, что все равны всем*, я счастлив тем, что меня принимают с доверием все. Я ВИЖУ минусы **народов** (о них так много говорят, что мы их помним даже во сне и я не хочу петь общую Песнь вражды и недоверия), но я верю, что в своей личности каждому дано подняться выше даже плюсов или опуститься ниже даже минусов. Однажды я учил математику одну девочку, с синими глазами и каштановыми волосами, и после занятия провожал ее домой и **вдруг** мы начали целоваться... Как много в моей жизни этих **вдруг**, но я о них не жалею. Но надо же узнать, **в чем причины падения России и что делать?** Об этом я еще напишу.

Федор Тютчев

Россия и Революция

Русский лирик, поэт-мыслитель, дипломат, консервативный публицист, член-корреспондент Петербургской Академии Наук с 1857 года, тайный советник.
Википедия

Родился: 5 декабря 1803 г., Овстуг, Брянский уезд, Орловская губерния, Российская империя

Умер: 27 июля 1873 г. (69 лет), Пушкин

В браке с: Элеонора Фёдоровна Тютчева, Эрнестина Пфедфель

Возлюбленная: Елена Денисьева (1850-1864 гг.)

Дети: Анна, Дарья, Екатерина; Мария, Дмитрий, Иван; Елена, Федор, Николаи.

* * *

Для уяснения сущности огромного потрясения, охватившего ныне Европу, вот что следовало бы себе сказать. Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества.

Факт такого противостояния всем сейчас бросается в глаза, однако отсутствие ума в нашем веке, отупевшем от рассудочных силлогизмов, таково, что нынешнее поколение, живя бок о бок со столь значительным фактом, весьма далеко от понимания его истинного характера и подлинных причин.

До сих пор объяснения ему искали в области сугубо политических идей; пытались определить различия в принципах чисто человеческого порядка. Нет, конечно, распря, разделяющая Революцию и Россию, совершенно иначе связана с более глубокими причинами, которые можно обобщить в двух словах.

Прежде всего Россия - христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего - враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущность, отличительное свойство. Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления - все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром. Кто этого не понимает, тот уже в течение шестидесяти лет присутствует на разыгрывающемся в мире спектакле в качестве слепого зрителя.

Человеческое я, желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом, человеческое я, заменяющее собой Бога, конечно же, не является чем-то новым среди людей; новым становится самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом. Это новшество и получило в 1789 году имя Французской революции.

С того времени Революция во всех своих метаморфозах сохранила верность собственной природе и, видимо, никогда еще не ощущала себя столь сокровенно антихристианской, как в настоящую минуту, присвоив христианский лозунг: братство. Тем самым можно даже предположить, что она приближается к своему апогею. В самом деле, не подумает ли каждый, кто услышит наивно богоухольственные разглагольствования, ставшие как бы

официальным языком нашей эпохи, что новая Французская республика явилась миру, дабы исполнить евангельский закон? Ведь именно подобное призвание торжественно приписали себе созданные ею силы, правда с одной поправкой, которую Революция приберегла для себя, - дух смирения и самоотвержения, составляющий основу христианства, она стремится заменить духом гордости и превозношения, свободное добровольное милосердие - принудительной благотворительностью, а взамен проповедуемого и принимаемого во имя Бога братства пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом. За исключением отмеченных различий, ее господство на самом деле обещает стать Царством Христа.

Это пренебрежительное доброжелательство, которое новые власти выказывали до сих пор по отношению к католической Церкви и ее служителям, никого не должно вводить в заблуждение. Оно является едва ли не важнейшим признаком действительного положения вещей и самым очевидным показателем достигнутого Революцией всемогущества. В самом деле, зачем Революции выказывать себя враждебной к духовенству и христианским священнослужителям, которые не только претерпевают, но принимают и усваивают ее, превозносят все ее насилия для предотвращения исходящих от нее угроз и, не подозревая того, присоединяются ко всем ее неправдам? Если бы в таком поведении содержался лишь расчет, то и тогда он оказался бы отступничеством; но, если к расчету примешивается убеждение, отступничество усугубляется в гораздо значительной степени.

Однако позволительно предвидеть, что не будет недостатка и в преследованиях. В тот же самый день, когда предел уступок будет исчерпан, а католическая Церковь сочтет своим долгом начать сопротивление, обнаружится, что она способна это сделать лишь путем возвращения к мученичеству. Можно положиться на Революцию: во всем она останется верна себе и последовательна до конца.

Февральский взрыв оказал миру великую услугу тем, что сокрушил до основания все иллюзорные построения, маскировавшие подлинную действительность. Даже самые недалёковидные люди должны теперь понимать, что история Европы в течение последних тридцати лет представляла собой лишь продолжительную мистификацию. И не озарилось ли внезапно безжалостным светом недавнее прошлое, уже столь отдалившееся от нас? Кто, например, сейчас не понимает всей смехотворности притязаний той мудрости нашего века, которая благодушно вбила себе в голову, что ей удалось укротить Революцию конституционными заклинаниями, обуздать ее ужасную энергию законнической формулой? После всего случившегося кто мог бы еще сомневаться, что с проникновением революционного начала в общественную кровь все его подходы и соглашательские формулы являются только наркотическими средствами, которые в состоянии на время усыпить больного, но не в силах предотвратить дальнейшее развитие самой болезни?

Вот почему, проглотив Реставрацию, лично ей ненавистную как последний обломок законного правления во Франции, Революция не сумела

стерпеть и другой, ею же порожденной, власти, которую она признала в 1830 году в качестве сообщника в борьбе с Европой, но которую сокрушила в тот день, когда вместо служения ей та возомнила себя ее господином.

Да будет мне позволено высказать по этому поводу следующее соображение. Как могло случиться, что среди всех государей Европы, а также ее политических руководителей последнего времени нашелся лишь один, кто с самого начала обнаружил и отметил великую иллюзию 1830 года и остается с тех пор единственным в Европе, единственным, быть может, в своем окружении, неизменно сопротивляющимся ее соблазну? Дело в том, что на этот раз, к счастью, на российском престоле находился Государь, воплотивший русскую мысль, а в теперешнем состоянии мира лишь русская мысль достаточно удалена от революционной среды, чтобы здраво оценить происходящее в ней.

То, что Император предвидел с 1830 года, Революция не преминула осуществить пункт за пунктом. Все уступки и жертвы своими убеждениями, принесенные монархической Европой для июльских установлений в интересах мнимого status quo, были захвачены и использованы Революцией для замышляемого ею переворота. И пока законные власти вступали в более или менее искусные дипломатические отношения с псевдозаконностью, а государственные люди и дипломаты всей Европы присутствовали в Париже как любопытные и доброжелательные зрители на парламентских состязаниях в красноречии, революционная партия, почти не таясь, безостановочно подрывала почву под их ногами.

Можно сказать, что главная задача этой партии, в течение последних восемнадцати лет, заключалась в полнейшем революционизировании Германии, и теперь можно судить, хорошо ли она выполнена.

Германия, бесспорно, - та страна, о которой уже давно складываются самые странные представления. Ее считали страной порядка, потому что она была спокойна, и не хотели замечать жуткой анархии, которая в ней заполняла и опустошала умы.

Шестьдесят лет господства разрушительной философии совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в отрицании всякой веры главнейшее революционное чувство - гордыню ума - столь успешно, что в наше время эта язва века, возможно, нигде не является так глубоко растравленной, как в Германии. По мере своего революционизирования Германия с неизбежной последовательностью ощущала в себе возрастание ненависти к России. В самом деле, тяготясь оказанными Россией благодеяниями, Германия не могла не питать к ней неистребимой неприязни. Сейчас этот приступ ненависти, кажется, достиг своей кульминации; он восторжествовал не только над рассудком, но даже над чувством самосохранения.

Если бы столь прискорбная ненависть могла внушать нечто иное, кроме жалости, то Россия, безусловно, почитала бы себя достаточно отмщенной тем зрелищем, которое представила миру Германия после Февральской революции. Это едва ли не беспримерный факт в истории, когда целый народ

становится раздражателем другого народа, в то время как тот предается самому разнузданному насилию.

И пусть не говорят в оправдание этих столь очевидно искусственных движений, перевернувших весь политический строй Германии и подорвавших само существование общественного порядка, что они вдохновлялись искренним и всеобщим чувством германского единства. Допустим, что такие чувства и желания искренни и отвечают чаяниям подавляющего большинства. Но что это доказывает?.. К наиболее безумным заблуждениям нашего времени относится представление, будто страстное и пламенное желание большого числа людей в достижении какой-либо цели достаточно для ее осуществления. Впрочем, следует согласиться, что в сегодняшнем обществе нет ни одного желания, ни одной потребности (какой бы искренней и законной она ни была), которую Революция, овладев ею, не исказила бы и не обратила в ложь. Именно так и случилось с вопросом германского единства: для каждого, кто не совсем утратил способность признавать очевидное, отныне должно быть ясно, что на избранном Германией пути разрешения этой проблемы ее ожидает в итоге не единство, а страшный распад, какая-нибудь окончательная и безысходная катастрофа.

Конечно же, вскоре не замедлят увериться, что одно только единство и возможно для Германии (не для той, какой ее изображают газеты, а для действительной, созданной историей) - единственный шанс серьезного и практического единения этой страны был неразрывно связан с ныне разрушенной ею политической системой.

Если в течение последних тридцати трех лет, возможно самых счастливых в ее истории, Германия создала иерархически организованный и бесперебойно работающий политический организм, то при каких условиях подобный результат мог быть достигнут и упрочен? Очевидно, при условии искреннего взаимопонимания между двумя ее крупными государствами, соперничающими друг с другом в Германии. Но возможна ли была бы долгая жизнь этого согласия, столь медленно созидавшегося и с таким трудом сохранявшегося, если бы Австрия и Пруссия после великих походов против Франции не примкнули тесно к России и не опирались на нее? Такая политическая комбинация, осуществившая в Германии единственно подходящую для нее систему объединения, предоставила ей тридцатитрехлетнюю передышку, которую она теперь принялась нарушать.

Ни ненависть, ни ложь никогда не смогут опровергнуть этот факт. В припадке безумия Германии удалось разорвать союз, который, не навязывая ей никакой жертвы, обеспечивал и оберегал ее национальную независимость. Но тем самым она навсегда лишила себя всякой твердой и прочной основы.

В подтверждение высказанной истины взгляните на отражение событий в ту страшную минуту, когда они развиваются почти так же быстро, как и человеческая мысль. Прошло едва два месяца с тех пор, как Революция в Германии взялась за работу, а уже необходимо отдать ей должное - дело разрушения в стране продвинулось гораздо дальше, чем при Наполеоне, после десятилетия его сокрушительных кампаний.

Взгляните на Австрию, обесславленную, подавленную, разбитую сильнее, нежели в 1809 году. Взгляните на Пруссию, обреченную на самоубийство из-за ее рокового и вынужденного потворства польской партии. Взгляните на берега Рейна, где, вопреки песням и фразам, Прирейнская конфедерация стремится к возрождению. Повсюду анархия, нигде нет власти, и все это под влиянием Франции, где бурная социальная революция готова вылиться в политическую революцию, разъединяющую Германию.

Отныне для всякого здравомыслящего человека вопрос германского единства является уже решенным. Нужно обладать свойственным немецким идеологам особым непониманием, чтобы всерьез задаваться вопросом, имеет ли сборище журналистов, адвокатов и профессоров, собравшихся во Франкфурте и присвоивших себе миссию возобновления времен Карла Великого, какие-то весомые шансы на успех в предпринятом деле, может ли оно достаточно мощно и искусно вновь поднять на столь колеблющейся почве опрокинутую пирамиду, поставив ее острой вершиной вниз.

Вопрос уже вовсе не в том, чтобы знать, будет ли Германия единой, а в том, удастся ли ей спасти хотя бы частицу своего национального существования после внутренних потрясений, способных усугубиться вероятной внешней войной.

Партии, готовые раскалывать страну, начинают вырисовываться. Республика уже утвердилась во многих местах Германии, и можно предполагать, что она не отступит без боя, поскольку имеет для себя логику, а за собой - Францию. В глазах этой партии национальный вопрос лишен и смысла, и значения. В интересах своего дела она ни на мгновение не поколеблется принести в жертву независимость страны и уже сегодня или завтра способна увлечь всю Германию под знамя Франции, пусть даже и под красное. Она повсюду находит пособников, помощь и поддержку среди людей и установлений, как в анархических инстинктах толпы, так и в анархических учреждениях, ныне столь щедро рассеянных по всей Германии. Но ее лучшими и могущественнейшими помощниками являются именно те люди, которые вот-вот могут быть призваны к борьбе с ней: так они связаны с ней общностью принципов. Теперь весь вопрос заключается в том, чтобы суметь определить, разразится ли борьба прежде, чем мнимые консерваторы успеют своими радениями и безумствами подорвать все элементы силы и сопротивления, еще оставшиеся в Германии. Одним словом, решатся ли они, атакуемые республиканской партией, увидеть в ней всамделишный авангард французского вторжения и найдут ли в себе достаточно энергии, чувствуя угрозу национальной независимости, для беспощадной борьбы с республикой не на жизнь, а на смерть; или же, во избежание такой борьбы, они предпочтут какую-нибудь видимость мирового соглашения, которое, в сущности, оказалось бы с их стороны лишь скрытой капитуляцией. В случае осуществления последнего предположения нельзя не признать, что вероятность крестового похода против России, крестового похода, который всегда был заветной мечтой Революции, а теперь стал ее воинственным кличем, превратилась бы в почти твердую уверенность; тогда пробил бы час

решающей схватки, а полем сражения оказалась бы Польша. По крайней мере, такую вероятность любовно лелеют революционеры всех стран; однако они не уделяют необходимого внимания одному элементу вопроса, и это упущение способно значительно расстроить их расчеты.

Революционная партия, особенно в Германии, кажется, убедила себя, что коль скоро она сама пренебрежительно относится к национальному элементу, то точно так же происходит и во всех странах, находящихся под ее влиянием, что везде и всегда вопрос принципа будет главенствовать перед национальным вопросом. Уже события в Ломбардии должны были вызвать особые размышления у венских студентов-реформаторов, вообразивших, будто достаточно изгнать князя Меттерниха и провозгласить свободу печати, чтобы разрешить все чудовищные затруднения, отягощающие австрийскую монархию. Итальянцы же с неизменным упорством продолжают видеть в них лишь *Tedeschi** и *Barbari***, словно они и не возрождались в очистительных водах мятежа. Но революционная Германия незамедлительно получит в этом отношении еще более суровый и знаменательный урок, поскольку он будет преподан из ближайшего окружения. В самом деле, никто не подумал, что, сокрушая или ослабляя все прежние власти, потрясая до самых оснований весь политический строй этой страны, в ней пробуждают опаснейшее осложнение, вопрос жизни или смерти для ее будущности - вопрос племенной. Как-то забыли, что в самом сердце мечтающей об объединении Германии, в Богемской области и окрестных славянских землях живет шесть или семь миллионов людей, для которых в течение веков, из поколения в поколение, германец ни на мгновение не переставал восприниматься чем-то несравненно худшим, нежели чужеземец, одним словом, всегда остается Немцем... Разумеется, здесь идет речь не о литературном патриотизме нескольких пражских ученых, сколь почтенным бы он ни был; эти люди, несомненно, уже сослужили великую службу своей стране и еще послужат ей; но жизнь Богемии состоит в другом. Подлинная жизнь народа никогда не проявляется в напечатанных для него книгах, за исключением, пожалуй, немецкого народа; она состоит в его инстинктах и верованиях, а книги (нельзя не признаться) способны скорее раздражать и ослаблять их, чем оживлять и поддерживать. Все, что еще сохраняется от истинно национального существования Богемии, заключено в ее гуситских верованиях, в постоянно живом протесте угнетенной славянской народности против захватов римской Церкви, а также против немецкого господства. Здесь-то и коренится связь, соединяющая ее со всем ее славным боевым прошлым, находится звено, которое свяжет однажды чеха из Богемии с его восточными собратьями. Нельзя переусердствовать в настойчивом внимании к этому предмету, поскольку именно в сочувственных воспоминаниях о Восточной Церкви, в возвращениях к старой вере (гуситство в свое время служило лишь несовершенным и искаженным ее выражением) и сказывается глубокое различие между Польшей и Богемией: между Богемией, против собственной воли покоряющейся западному сообществу, и мятежно католической Польшей - фанатичной приспешницей Запада и всегдашней предательницей своих.

Я знаю, что теперь истинный вопрос еще не поставлен в Богемии и что самый примитивный либерализм с примесью коммунизма в городах и, вероятно, какой-то доли жакерии в деревнях волнуется и дергается на поверхности страны. Но все это опьянение вскоре пройдет, и, самым ходом вещей, сущность положения не замедлит проявиться. Тогда вопрос для Богемии встанет следующим образом: что сделает Богемия с окружающими ее народами, моравами, словаками, словом, с семьей или восьмью миллионами человек одного с ней языка и племени, если Австрийской империи суждено развалиться после потери Ломбардии и сейчас уже полного освобождения Венгрии? Будет ли она стремиться к независимости или согласится войти в нелепые рамки будущего Германского Единства, которое обречено быть Единством Хаоса? Маловероятно, что последний вариант может ее привлекать. В таком случае она неизбежно подвергнется всякого рода враждебным действиям и нападениям, для отпора которым ей, конечно, уже не придется опираться на Венгрию. Чтобы понять, к какому государству Богемия будет вынуждена примкнуть, несмотря на господствующие в ней сегодня идеи и на те учреждения, которые станут управлять ею завтра, остается лишь вспомнить слова, сказанные мне в 1841 году в Праге самым национально мыслящим патриотом этой страны. «Богемия, - говорил мне Ганка, - будет свободной и независимой, достигнет подлинной самостоятельности лишь тогда, когда Россия вновь завладеет Галицией». Вообще, следует особо отметить неизменное расположение, с каким к России, русскому имени, его славе и будущности всегда относились в Праге национально настроенные люди; и это в то время, когда наша верная союзница Германия скорее из безучастности, нежели по справедливости, сделалась подкладкой для польской эмиграции, чтобы возбуждать против нас общественное мнение всей Европы. Любой русский, посетивший Прагу в последние годы, сможет подтвердить, что единственный услышанный им там в наш адрес упрек относится к сдержанности и безразличию, с какими национальные устремления Богемии воспринимались у нас. Высокие и великодушные соображения внушали нам тогда такое поведение; теперь же, конечно, оно лишилось бы всякого смысла, ибо жертвы, принесенные нами тогда делу порядка, совершались бы ныне в пользу Революции.

Но если правда, что Россия в нынешних обстоятельствах менее чем когда-либо имеет право обескураживать питаемые к ней симпатии, то будет справедливым признать, с другой стороны, существование исторического закона, провиденциально управлявшего до сих пор ее судьбами: именно самые заклятые враги России с наибольшим успехом способствовали развитию ее величия. Вследствие этого провиденциального закона у нее появился еще один недруг, который, несомненно, окажет большое влияние на ее будущие судьбы и значительно поспособствует ускорению их исполнения. Недруг, о котором идет речь, - Венгрия, я разумею мадыарскую Венгрию. Из всех врагов России она, возможно, ненавидит ее особенно яростно. Мадыарский народ, самым странным образом соединивший революционный пыл с дикостью азиатской орды (о нем можно сказать столь же справедливо,

как и о турках, что он лишь временно разбил свой лагерь в Европе), пребывает в окружении славянских племен, одинаково ему ненавистных. Личный враг этих племен, чьи судьбы им так долго ломались, он вновь, после веков брожений и смут, все еще видит себя заточенным среди них. Все его соседи (сербы, хорваты, словаки, трансильванцы, вплоть до карпатских малороссов) составляют звенья одной цепи, которую он считал навсегда разорванной. А теперь он чувствует над собою руку, которая сможет, когда и как пожелает, воссоединить эти звенья и стянуть цепь. Отсюда его инстинктивная ненависть к России. С другой стороны, нынешние партийные вожаки, поверив иностранным газетам, всерьез внушили себе, что мадыарскому народу предстоит исполнить великое призвание на православном Востоке, словом, противодействовать исполнению судеб России... До сих пор умеряющее влияние Австрии худо-бедно сдерживало все это брожение и безрассудство; но теперь, когда последняя связь порвана, а старый и бедный, впавший в детство отец взят под опеку, следует предвидеть, что полностью раскрепощенное мадыарство может свободно развиться до всех своих крайностей и самых безумных авантюр. Уже ставился вопрос об окончательном присоединении Трансильвании. Говорят о восстановлении прежних прав на Дунайские княжества и Сербию. Во всех этих странах удвоится пропаганда для возбуждения антирусских настроений и повсеместной смуты. Расчет делается на то, чтобы в один прекрасный день объявиться с оружием в руках, потребовать во имя ущемленных прав Запада возврата устьев Дуная и повелительно сказать России: «Ты не пойдешь дальше!». - Вот, бесспорно, некоторые статьи программы, вырабатываемой ныне в Пресбурге. В прошлом году все это ограничивалось лишь газетными фразами, которые теперь в любой момент могут обернуться весьма серьезными и опасными попытками. Но всего неотвратимее кажется нам сейчас столкновение между Венгрией и двумя зависимыми от нее славянскими королевствами. В самом деле, Хорватия и Славония, предвидя, что ослабление законной власти в Вене неизбежно предаст их на произвол мадыарству, видимо, получили от австрийского правительства обещание отдельного самоуправления с присоединением к ним Далмации и военной границы. Эта позиция, которую объединенные таким образом страны попытаются занять по отношению к Венгрии, незамедлительно приведет к обострению всех прежних разногласий и разжиганию там открытой гражданской войны. А поскольку авторитет австрийского правительства окажется, вероятно, слишком слабым для мало-мальски успешного посредничества между воюющими сторонами, то венгерские славяне, как слабейшие, возможно, потерпели бы неудачу в борьбе, если бы не одно обстоятельство, которое рано или поздно обязательно должно прийти к ним на помощь: предстоящий им противник является прежде всего врагом России. К тому же по всей этой военной границе, составленной на три четверти из православных сербов, нет ни одной хижины поселенцев (со слов даже самих австрийцев), где рядом с портретом императора Австрии не висел бы портрет другого Императора, упорно признаваемого этими верными племенами за

единственно законного. Впрочем (зачем скрывать от самих себя), маловероятно и то, что все эти разрушающие Запад толчки землетрясения останутся у порога восточных стран. И как могло бы случиться, чтобы в столь беспощадной войне, в готовящемся крестовом походе нечестивой Революции, уже охватившей три четверти Западной Европы, против России Христианский Восток, Восток Славяно-Православный, чье существование нераздельно связано с нашим собственным, не ввязался бы вслед за нами в разворачивающуюся борьбу. И, быть может, с него-то и начнется война, поскольку естественно предположить, что все терзающие его пропаганды (католическая, революционная и проч. и проч.), хотя и противоположные друг другу, но объединенные в общем чувстве ненависти к России, примутся за дело с еще большим, чем прежде, рвением. Можно быть уверенным, что для достижения своих целей они не отступят ни перед чем... Боже праведный! Какова была бы участь всех этих христианских, как и мы, народностей, если бы, став, как уже происходит, мишенью для всех отвратительных влияний, они оказались покинутыми в трудную минуту единственной властью, к которой они взывают в своих молитвах? - Одним словом, какое ужасное смятение охватило бы страны Востока в их схватке с Революцией, если бы законный Государь, Православный Император Востока, медлил еще дальше со своим появлением!

Нет, это невозможно. Тысячелетние предчувствия совсем не обманывают. У России, верующей страны, достанет веры в решительную минуту. Она не устрасится величия своих судеб, не отступит перед своим призванием.

И когда еще призвание России было более ясным и очевидным? Можно сказать, что Господь начертал его огненными стрелами на помраченных от бурь Небесах. Запад уходит со сцены, все рушится и гибнет во всеобщем мировом пожаре - Европа Карла Великого и Европа трактатов 1815 года, римское папство и все западные королевства, Католицизм и Протестантизм, уже давно утраченная вера и доведенный до бессмыслия разум, невозможный отныне порядок и невозможная отныне свобода. А над всеми этими развалинами, ею же нагроможденными, цивилизация, убивающая себя собственными руками...

И когда над столь громадным крушением мы видим еще более громадную Империю, всплывающую подобно Святому Ковчегу, кто дерзнет сомневаться в ее призвании, и нам ли, ее детям, проявлять неверие и малодушие?..

12 апреля 1848

АНАТОЛИЙ МОЗЖУХИН

ПЦАЙНА ПСЕВДОНИМА

**Виктор
Владимирович
Хлебников
1885 – 1922**

*Хлебников не поэт
для потребителей .
Его нельзя читать.
Хлебников – поэт
для производителя.*

В. Маяковский .

Анатолий Мозжухин**Велемир Хлебников: тайна псевдонима**

Велемир Хлебников. Поэт поэтов. Король поэтов. Король времени. Председатель земного шара... Любой из этих титулов справедлив и бесспорен. Хлебников – настолько яркая личность, что его значение невозможно преувеличить. И только в одном, к сожалению, нет единого мнения: как правильно пишется его имя – Велемир или Велимир? На обложках его прижизненных книг, хранящихся в том числе в фондах Российской государственной библиотеки («ленинки»), имя Велемир везде написано с двумя «е». Однако в более поздних, вторичных источниках, которые можно считать официальными – литературоведческих исследованиях, энциклопедических справочниках и словарях и даже в «Википедии», – восторжествовало написание «Велимир». Причём, и это своего рода парадокс, одновременно существуют и источники, использующие написание через «е» или даже оба варианта написания (!) одновременно. Возникают два вопроса. Первый: какое из написаний следует считать правильным? Второй: как возник второй вариант написания? А следом будет логичным задать и третий вопрос: как вернуть Хлебникову подлинное, прижизненное написание его имени?

Истоки

Во времена многобожества, каждый из богов имел своё имя, отличающее его от другого бога. С приходом единобожия ситуация, казалось бы, должна была измениться: зачем Богу имя, если он один? Достаточно писать это слово с большой буквы. Тем не менее люди дали имя и единому Богу: Ягве (Яхве), Иегова, Саваоф – эти и другие варианты имени существуют и до сих пор являются предметом спора.

Интересно и то, как объясняется происхождение имени Бога. В Библии сказано, что Бог сам открыл своё имя Моисею. Тем не менее этого имени в Библии нет. В некоторых более ранних её вариантах оно якобы было, но потом, на основании заповеди «не повторяй Имя Моё всуе», его изъяли. Из Библии! Не второстепенную мелочь, а Имя Бога! Кто посмел? И ответ очевиден: тот, кто знал, что наказать его некому.

Допустил бы Бог искажение или разночтение своего имени? Давайте опустимся на земной и чисто бытовой уровень. Попробуйте перевернуть имя своего начальника, обращаясь к нему. Да что там начальника, просто знакомого. Если вы сделаете это хотя бы дважды, то считайте себя уволенным или вычеркнутым из списка знакомых. Обратите внимание, как вы сами относитесь к искажению вашего имени или фамилии. Дейл Карнеги в своей

книге «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» посвятил этому вопросу целый параграф, в котором показал, как важно собственное имя для каждого человека и как опасно этим пренебрегать. Искажая имя человека, вы как бы демонстрируете недостаточное к нему внимание или неуважение. При этом вы не только теряете его расположение, но рискуете нажать себе врага. Иногда имя искажают сознательно, издеваясь над человеком. В юности я был свидетелем такого эпизода. Недалёкий начальник вызвал к себе в кабинет подчинённого и, с явным удовольствием, сказал:

– Садитесь, товарищ Граберман».

Тот, покраснев и явно напрягшись, ответил:

– Моя фамилия не Граберман, а Греберман».

– Ах, да, я помню, но присаживайтесь, товарищ Гроберман».

Вам смешно? А надо было видеть выражение лица человека, с которым так бесцеремонно поступили. Там было всё: гнев, страдание, бессилие... и понимание собственного бесправия – невозможности ответить начальнику в том же духе. И умышленное, и неумышленное искажение имени человека, если за ним не следуют немедленные извинения, – это оскорбление. Это унижение или издевательство. Я был свидетелем, когда Синюка называли Свинюком, а Сердюкову Смердюковой. Мог ли Бог допустить, чтобы Имя Его искажалось или переименовывалось? Нет, пусть лучше этого имени вообще не будет в Библии. Однако у Хлебникова имя было...

Обратимся к истокам выбора псевдонима Виктором Владимировичем Хлебниковым.

Велемир – славянское имя, произошло, как считают, от *velemir*, с тюркского праязыка – «повелевающий миром». В основе двойкий смысл, где «мир» может быть «не война». Характеризует, по некоторым мнениям, и неприхотливость, и неподкупность. Велемир может означать и «веление мира». В те времена распространёнными были имена с корнем «веле»: Велемир, Велемудр, Велезвёзд, Велес. Имелось в виду «веление мира», «повелевать жить в мире». Велес – божество в древнерусском языческом пантеоне, покровитель сказителей и поэзии, второй по значимости после Перуна.

Позже, однако, неизвестно откуда пришло мнение, что имя Хлебникова надо писать как ВелИмир – от «великий мир». При этом не заметили, что «велИкий мир» и «повелЕвающий жить в мире» имеют разный смысл и второе имеет несомненно больше оснований быть именем, чем первое.

Историография на основании «Слова о полку Игореве» и «Велесовой книги» знакомит нас с князем Велемиром, возглавившим в IV веке, после 375 года, военную группировку «Киевская Троянь». Под руководством князя Велемира русичи в 382 году изгнали готов из Русской земли и добились мира.

Возможно Хлебников учитывал всё это, выбирая себе имя Велемир, и придавал ему смысл «веление мира». Это полностью согласуется с идеей,

которую он определил, как основную цель Общества Председателей земного шара – Правительства Времени – МИР! (Как это актуально сейчас и как нам не хватает такого вождя сегодня!)

Имя, данное ему при рождении Виктор, происходит от лат. **Victor** («победитель»). В древнеримской мифологии **Victor** – эпитет богов Юпитера и Марса. Естественно, что Хлебников не считал себя воином-победителем. Ему хотелось ассоциировать себя с миротворцем. Веление мира было его внутренней сущностью и причиной создания общества Председателей земного шара с императивом МИР.

В поисках истины

В статье «Еще раз о псевдониме Хлебникова» блоггер [lucas_v_leyden](https://lucas-v-leyden.livejournal.com/257849.html) (<https://lucas-v-leyden.livejournal.com/257849.html>) пишет о своих поисках. Они таковы:

В журнале «Весна», приюте дебютантов, в первом десятилетии XX века был опубликован первый текст «Искушение грешника» за подписью «В. Хлебников», а также... стихотворение «Песнь машин», подписанное «Велимир» (Весна. 1908. № 9. С. 2, 3). Исследованием принадлежности этих стихов Виктору Хлебникову занимались усомнившиеся хлебниковеды – в силу несоответствия их по уровню и стилю. И, наконец, самое важное: почему Хлебников стал вдруг использовать «чужой псевдоним», подписываясь Velimir? И поэтому был сделан вывод, что этот Велимир – явно не Хлебников. Но кто же он?

В архивах Петербургского жандармского управления среди вещественных доказательств, изъятых жандармами при обысках редакций газет и отдельных лиц, блоггер [lucas_v_leyden](https://lucas-v-leyden.livejournal.com/257849.html) в 90-х годах нашёл письмо, конфискованное у Е. Л. Афонина (1871 – 1922), который тоже писал стихи, был многогранной личностью и более известен как Батя. Письмо, написанное предположительно Хлебниковым, заканчивалось так: «Весна выходит. Пока ещё не писал, собираюсь. Но знаешь, Батёк, кажется Весна не платит гонорара... У нас, как наверно ты знаешь, развелись здесь культурно-просветительные общества, так вот об их работе с некоторой даже критикой я могу посылать тебе корреспонденции... Словом, ты ответь и пожалуйста поскорее и поподробнее.

Спасибо Батёк!

Велемир <так!>».

Письмо было написано в 1911 г. И блоггер, не обратив внимание, что автор письма пишет «Весна выходит. Пока ещё не писал, собираюсь», решил, что Велемир и Велимир – это один и тот же человек (хотя и небезоговорочно): «При этом почти нет сомнений, что перед нами письмо именно того лица, которое печаталось под именем «Велимир» в 1908 году... С другой стороны, немного смущает высказанная неосведомлённость автора

в гонорарной политике «Весны»: казалось бы, после серии публикаций сочинитель должен быть твёрдо уверен в том, что он не получит ни копейки. Отдельного замечания заслуживает и начертание подписи: в журнале (и после у Хлебникова) имя пишется через «и» – «Велимир». Было ли оно поправлено при публикации (и, кстати, кем – Шебуевым? Каменским?) – или, напротив, сам его носитель решил подрихтовать (пользуясь профессиональной терминологией) псевдонимом?».

Главный (и совершенно справедливый) вопрос-сомнение: «поправлено... кем?»

Пойдем дальше. https://www.ka2.ru/nauka/jean_philippe_jaccard_1.html

Жан-Филипп Жаккар. Велемир I – поэт становления. А. Туфанов и В. Хлебников. Эта статья написана для сборника швейцарских славистов, изданного к Международному съезду славистов в Охриде (2008). В статье автор пишет, что Туфанов видел себя преемником Хлебникова в качестве «Председателя Земного Шара Зауми» и «Государства Времени» под именем Велемира II.

«В 1921 году в Петрограде, Туфанов становится главным пропагандистом крайней зауми, идеи, которая нашла воплощение в двух книгах стихов – «К зауми» (1924) и «Ушкуйники» (1927), в статье «К постановке поэмы «Зангези» Велемира Хлебникова»

«Подписав эту статью "Велемиром II в Государстве Времени", Туфанов отвёл Хлебникову место первого Поэта. Отныне все подлинные поэты, и он, Туфанов, в первую очередь, будут "Велемирами"».

Это имя, которое Туфанов по понятным причинам (*обратите внимание – ему понятны причины! – А. М.*) неизменно даёт в написании с двумя «е», – вот **звание, достойное истинного поэта: «Звание Велемира** (*выделено здесь и далее мною – А. М.*), повторяю, обязывает: отказ от пространственного восприятия вселенной... В этом Государстве Времени я чувствую уже себя Велемиром II, но, чтобы быть Велемиром III, могу уступить корону Велемира II ("Велемир I Государства Времени")».

*Вот здесь я прерву чтение Ж. Ф. Жаккара для анализа прочитанного. У меня невольно возникают ассоциации со **званием**, например, «король» по форме написания имени с принятой для королей **нумерацией**. Уж не отождествляет ли Туфанов имя Велемир, говоря «звание, достойное истинного поэта», с чем-то вроде короля? В таком случае «я чувствую себя Велемиром» очень похоже на «я чувствую себя королем». Отсюда и «могу уступить корону». Похоже? И «Велемир I Государства Времени» пронумерован!*

*«Звание Велемира, повторяю, обязывает: отказ от **пространственного** (! – А. М.), восприятия вселенной... В этом Государстве **Времени** (! – А. М.) я чувствую уже себя Велемиром II». Получается, по Туфанову, что в **государстве Времени**, а не **пространства**, король отождествляется с Велемиром, или, наоборот, Велемир с королём.*

А вот в приведённых ниже примечаниях по сноскам, даются оба варианта имени-псевдонима: от себя и Туфанова – ВелЕмир, а по цитируемым документам – ВелИмир: Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/zhakkar-ot-nabokova-k-pushkinu/tufanov-i-hlebnikov.htm>

«223. Двинатина Т. Велимир Хлебников в творческом сознании А.В. Туфанова // Дело Авангарда = The Case of the Avant-garde / Willem G. Weststeijn (ed.). Amsterdam: Pegasus, 2008. P. 177–235. В дальнейшем цитаты без ссылок взяты из этой публикации, которая содержит следующие статьи: «Простое о поэте Хлебникове» (<осень 1922–1923>); «Речь для вечера памяти Хлебникова» (<осень 1922–1923>); «Велемир <таково написание имени поэта Туфановым. – Ж-Ф. Ж> I Государства Времени» (<осень 1922–1923>); «Поэзия Становлян (К годовщине смерти Велемира Хлебникова)» (<июнь 1923>) с двумя приложениями: «Конституция Государства Времени» и «Государство Времени» (2 мая 1923 г.); «Обзор художественной жизни» («I. Выставка памяти Велемира Хлебникова») (<июль 1923>);

232. В статье «Простое о поэте Хлебникове» Туфанов вновь пишет о том же: «Поэт, как сама жизнь, есть то, что *становится*, делается, он всегда – *становлянин*» – и добавляет: «Таков был Хлебников». См. ещё в статье «Велемир I Государства Времени»: «Велемир был сама жизнь, а жизнь есть нечто движущееся, эволюирующее, становящееся» и т. д.

233. «И Хлебников был больше, чем поэт, он был Велемир. В нем было нечто собранное, а не рассеянное, круговое движение, переходящее в линейное направление, заторможенное и хаотическое, вечно становящееся линейным при каждом новом ослаблении преград. Он был Велемир» («Велемир I Государства Времени»).

В статье «Государство Времени» (1923) Туфанов пишет: «Мы разрушим её <вселенную. – Ж-Ф. Ж.> и упраздним даже смерть, а новой вселенной, взамен смерти, дадим самих себя, самих себя, как солнцелейную пляску в лазурной мгновности под вихревые аккорды звуко-шумов и жестов». Статья "Поэзия Становлян" открывается фразой, которую Туфанов неустанно повторяет в текстах этого времени и которая навевна чтением "Творческой эволюции": «Жизнь есть нечто эволюирующее, становящееся, движущее, ускользящее, неустойчивое, скользкое, крылатое, непрерывное, тягучее, непредвидимое, вырывающееся и торчащее вечно новое. Такова жизнь, таково и искусство, таков и поэт, художник... Но поэт, как сама жизнь, есть то, что *становится*, делается; он всегда – *становлянин*. Таков был Велемир Хлебников, такою была Елена Гуро и таковы мы – **все Велемиры в Государстве Времени**... Это показывает, что для Туфанова *становлянин*, как и *Велемир*, – это синоним Поэта с большой буквы (даже "больше, чем поэт"[233]) по сравнению с теми мелкими ремесленниками слова, которым чужда "прекрасная мгновность».

Как видим, именно «Велемиру» придается особый смысл и содержание не просто имени, а комплексного ёмкого понятия-звания. Имеем ли мы право после этого писать ВелИмир? Тем более, что тысячи почитателей Хлебникова продолжают писать его имя-звание – ВелЕмир. Я считаю это недопустимым, и полагаю, что наш долг исправить эту принципиальную ошибку.

И дальше по https://www.ka2.ru/nauka/jean_philippe_jaccard_3.html

Жан-Филипп Жаккар. «Александр Туфанов: поэтика текучести».

«Интерес, проявляемый Туфановым к теории семантизации фонем, характерен и для Хлебникова, последователем которого он себя считал, он не колеблясь провозгласил себя Велемиром II. Однако Туфанов идёт дальше своего учителя, рассматривая согласные фонемы как законченные семантические сущности в ущерб слову, с этого момента понимаемому как простой „застывший ярлык на отношениях между вещами».

При уходе к недумаящей природе, после смерти Велемира Хлебникова, я пришёл к наиболее простому материалу искусства. Материалом моего искусства служат производительно-слуховые единицы языка, **фонемы...**

Разве не убеждает страстность написанного Туфановым, его отношение к Хлебникову и к фонемам в том, что он не мог исказить его имя.

Тем не менее главный научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, В. Н. Терёхина пишет: «Хлебников, подписавший свои приказы как Король времени Велимир I-й, звал в страну, где «время пахнет черёмухой».

http://www.domvelimira.ru/hlebnikov/about_futurizm/index.php

Вот так, не читая оригинала, ВелИмир, и всё.

Здесь в обоснование своего мнения в поисках истинности псевдонима приведу несколько обложек книг, изданных при жизни (при жизни!) Хлебникова, иногда с его участием (!). В то время авторы часто сами рисовали обложки своих книг или пользовались помощью друзей-художников. Так что это наиболее достоверные свидетельства правильности написания имени Велемира Хлебникова, с которым так бесцеремонно поступили в последующем.

Вот еще обложки книг, сделанных друзьями Хлебникова ВелЕмира.

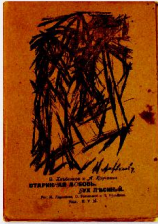

К.М.Зашевич. Эскиз обложки «Вестник ВелЕмира Хлебникова». 1922
ГРМ

А вот имя автора книг 1914-1930 гг., на обложках которых оно не указано, удалось узнать с помощью Государственной публичной исторической библиотеки России.

Здесь везде указан Хлебников Велемир в Библиографическом описании и как автор.

Хлебников В. В., Крученых А. Е. Старинная любовь. Бух лесиный. - [Пг.] : ЕУЫ, 1914.

Библиографическое описание	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович), Крученых, Алексей Елисеевич. Старинная любовь. Бух лесиный / Хлебников В., Крученых А.; Рис. М. Ларионова, О. Розановой, Н. Кульбина и А. Крученых. - 2-е изд., доп. - [Пг.] : ЕУЫ, 1914. - 40 с. : ил., 18х13 см. - На 4 с. обл. штамп: Сергей Павлович Бобров.
Тип издания	книжное издание (12223)
Автор	Крученых, Алексей Елисеевич (1886-1968) (38) Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922) (9)
Заглавие	Старинная любовь. Бух лесиный (1)
Сведения об ответственности	Хлебников В., Крученых А.; Рис. М. Ларионова, О. Розановой, Н. Кульбина и А. Крученых
Сведения об издании	2-е изд., доп.
Место издания	[Пг.] (52)
Издательство	ЕУЫ (4)
Год издания	1914 (265)

Хлебников В. В. Изборник стихов с послесловием Режаря. - СПб. : ЕУЫ, 1914.

Библиографическое описание	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922). Изборник стихов с послесловием Режаря / В. Хлебников; 11 рис. Филонова. 1 рис. К.Малевина. Подобрены В.Хлебникова рис. Н.Бурлюк. - СПб. : ЕУЫ, 1914. - 48 с. : [16] л. с ил., 20х15 см. - К типографскому изданию на 48 с. литографированное приложение на розовой бумаге 16 л. Текст стихов и рис. П. Филонова „Перун“ из книги „Деревянные дольги“. На обл. книги техника рисунков Филонова ошибочно определена как „кисть, перо и резец“.
Тип издания	книжное издание (12223)
Автор	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922) (9)
Заглавие	Изборник стихов с послесловием Режаря (1)
Сведения об ответственности	В. Хлебников; 11 рис. Филонова. 1 рис. К.Малевина. Подобрены В.Хлебникова рис. Н.Бурлюк
Место издания	СПб (1694)
Издательство	ЕУЫ (4)
Год издания	1914 (265)

Хлебников В. В. Ряв! Перчатки (1908-1914 гг.). - Пг. : ЕУЫ, 1914.

Библиографическое описание	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922). Ряв! Перчатки (1908 - 1914 гг.) / В. Хлебников; Ил. К. Малевина, Д. Бурлюка. - Пг. : ЕУЫ, 1914. - 30, [2] с. : ил., 24,5х17 см. - На 4 с. обл. штамп: Сергей Павлович Бобров.
Тип издания	книжное издание (12223)
Автор	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922) (9)
Заглавие	Ряв! Перчатки (1908 - 1914 гг.) (1)
Сведения об ответственности	В. Хлебников; Ил. К. Малевина, Д. Бурлюка.
Место издания	[Пг.] (794)
Издательство	ЕУЫ (4)
Год издания	1914 (265)
Физическая характеристика	30, [2] с. : с ил., 24,5х17 см.
Примечание	На 4 с. обл. штамп: Сергей Павлович Бобров.

В 600-800 стр. — запись в библиотеку
В 600-800 стр. — запись в каталог

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВИБЛИОТЕКА РОССИИ

Хлебников В. В. Время мера мира. - Пг., 1916.

Библиографическое описание	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922). Время мера мира / В. Хлебников. - Пг. : Тип. Л. Я. Ганзбурга, 1916. - 21 с., 18х15 см. - На 4 с. обл. штамп. Сергей Павлович Бобров
Тип издания	книжное издание (12223)
Автор	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922) (9)
Заглавие	Время мера мира (1)
Сведения об ответственности	В. Хлебников
Место издания	[М.] (794)
Издательство	Тип. Л. Я. Ганзбурга (1)
Год издания	1916 (366)

Хлебников В. В. Ночь в окопе. - Москва : Имажинисты, 1921.

Библиографическое описание	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922). Ночь в окопе / В. Хлебников. Москва : Имажинисты, 1921. - [14] с., 21х17 см. - Тир. 10,000 экз.
Тип издания	книжное издание (12223)
Автор	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922) (9)
Заглавие	Ночь в окопе (1)
Сведения об ответственности	В. Хлебников
Место издания	М. (2401)
Издательство	Имажинисты (2)
Год издания	1921 (117)
Физическая характеристика	[14] с., 21х17 см.

Хлебников В. В. 1. Зверинец (К двадцатилетию со дня напечатания). 2. Письмо Хлебникова. 3. Воспоминания о Хлебникове. - М. : Группа друзей Хлебникова, 1930.

Библиографическое описание	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922). 1. Зверинец (К двадцатилетию со дня напечатания). 2. Письмо Хлебникова. 3. Воспоминания о Хлебникове / Хлебников В.; ред. А. Крученых, Обл. К. Зданевича; Предисл. Ю. Олеша. - М. : Группа друзей Хлебникова, 1930. - 17 л., 21х16 см. - Тир. 130 экз. Стеклолитограф. Тверская ул. № 67, тел. 5-42-59. Главлита 53447. Заказ № 723. Стеклография с рукол. и печ. текста.
Тип издания	книжное издание (12223)
Автор	Хлебников, Велемир (Виктор Владимирович) (1885-1922) (9)
Заглавие	1. Зверинец (К двадцатилетию со дня напечатания). 2. Письмо Хлебникова. 3. Воспоминания о Хлебникове (1)
Сведения об ответственности	Хлебников В., ред. А. Крученых, Обл. К. Зданевича, Предисл. Ю. Олеша
Место издания	М. (2401)
Издательство	Группа друзей Хлебникова (1)
Год издания	1930 (95)

Вот еще ВелЕмир в графике П. Митурича, мужа сестры Хлебникова Веры

Как же сестра называла брата? Что пишут о ней?
<http://babanata.ru/?p=18140>

ЗАПИСКИ О ХУДОЖНИКАХ

архив Наталии Павловны

« Хушвахтов Хушбахт »

Хомер Уинслоу »

■ Хлебникова Вера

29.07.2015 | Автор: admin

Хлебникова Вера Владимировна (1891-1941) — русская художница, сестра Велемира Хлебникова, жена художника Петра Митурича, мать художника [Мая Митурича](#), бабушка художницы Веры Митурич, прабабушка художницы Марии Сумной.

Училась в Париже у [Кеес ван Донгена](#).

Фотография 1902 года. Город Казань.

А вот рисунок, сделанный ею в 1911 году. На рисунке написано «Велемир в мордовской шапке». Это видно, хотя почерк детский. Но подпись под рисунком при публикации 1950 г.

https://www.e-reading.club/chapter.php/1030584/30/Chegodaeva_-_Zapovednyy_mir_Miturichev-Hlebnikovyh.html искажает надпись на оригинале. Как это объяснить – не знаю.

В. В. Хлебникова. Велемир в мордовской шапке, 1911

У Хлебникова были своеобразные «особенности», которые использовались его антагонистами для уничтожения его личности и творчества. Противники у него были всегда. Но так подставляться на очевидном подлоге могут только своеобразные люди или под давлением цензуры.

На следующих страницах рукописей мы видим написанное в 1922 году самим Велемиром Хлебниковым его собственное имя и еще копия с рукописи Ермилова с надписью П. Митурича 1/V 1921.

Вестник Велемира Хлебникова. № 28/1-1921.

Вот я сброшу человечество в море
 И покажу как широко стелился, двинулся
 Мецессит у нашей временной полосы
 Не вылезли война, как мецессит шкура?
 Тем же род людей себе надели погнати
 Сидя тысячелетиями в крепостях мецесситной войны
 Я вам расскажу то, что из будущего изю
 Мои человеческие сны.
 Я знаю, что вы правдоверные воины,
 Мецесситкой вамит вышаров поделенная сны,
 Но мецессит вы не слышите шорох судьбы молни,
 Этой чудесной швей?
 Я займю свои мои мысли котомом
 Постройки существующих правительств
 Сказочно вросшим китеже
 Отгорою пчелами старой холопам.
 И когда председатели земного шара шайка
 Будет брошена ширацману голду земного коркой,
 Каждому правительству существующего шайка
 Будет пошлута нашей отвертке.
 И когда девичья с бордой
 Просит обещанной камени
 Вы скажете это то
 Это мы подали веками.
 Засы человечество, микод
 Сироткой моей мысли двичайте!
 Пусть эти выражут самоубийством правительств, и
 Книгой же,
 Будет земля доновенной!

Вестник Велемира Албникова Февраль 22. сто экземпляров

Если обращу человечество в часы
И покажу как стрелка стола я движется
Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война как нелюбимая ижица?
Там где род людской себе нажил почечуй
Сидя тысячелетиями в креслах пржинной войны
Я вам расскажу что я из будущего чую
Мои зачеловеческие сны.
Я знаю что вы правоверные волки,
Лятеркой в ваших выстрелов пожимаю свои
Но неужели вы не слышите шорох судьбы и полки
Этой чудесной швей?
Я затоплю моей силой мысли потоком
Постройки существующих правительств
Сказочно вырощай Китеж
Открою глухости старой холопом
И когда председателей земного шара шайка

Будет брошено страшному голоду зеленому корню
Каждого правительства существующего гайка
Будет послушной нашей отвертке.
И когда девушка с бародай
Бросит обещанный камень
Вы скажете это то
Что мы ждали веками
Часы человечества тикая
Стрелкой моей мысли двигайте!
Листы эти вырастут самоубийством правительства
Будет земля безповеликая!
Предземшар великая!
Будь ай песнь по великого
Я расскажу что вселенная - с колотью спичка
На лице счета.
И моя мысль точно отмычка
Для двери, за ней застрелившийся кто-то...

Вестник
будет
писатель

В народовать в материке В и материке А)
Сказка Председателей З. Ш. (Предземшаров)

I Что бы старшие солнечные миры, соперники солнца, с ниспадающим весом, Юпитер, Сатурн, Уран обращались по закону А:

дабы
их годичные времена переходили одно в другое по уровню построению
на основе тройки, как энного корня из числа дней
Три - телега смерти, уладка; у старших миров нога уравнения - Три,
Закон А:

$$x = \frac{3^{n+1} - 1}{2} + 1053 + \frac{n-1}{2^{n-2}} \left(\frac{3^2 + 3(-1)^{n+1}}{2} - 3 - 3 \right); \text{ или}$$

$$x = 365(365^{n-3} + 3^{n+1} + 3) - 48(3n - 2)$$

Ответ: n=1, x=4332 год Юпитера; n=2, x=10759 год Сатурна;
n=3, x=30688 год Урана.

иглами
дикообраза

Велемир ХЛЕБНИКОВ

2 // уравнения.

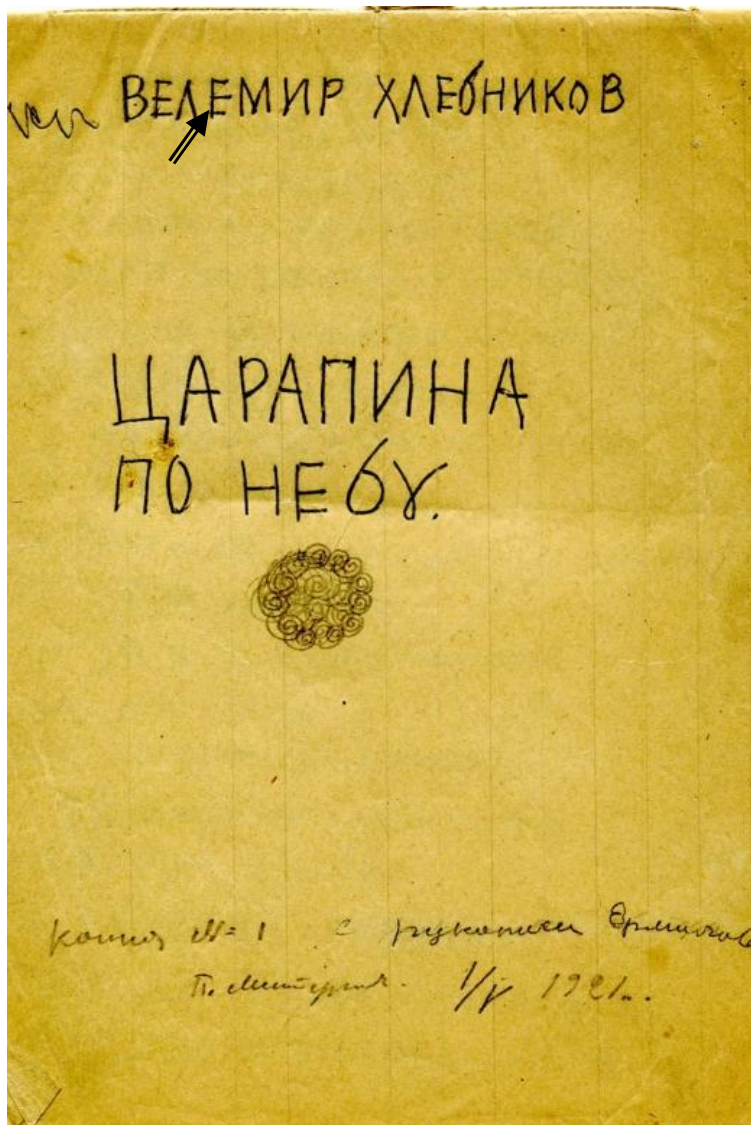
Судьба Волги дает уроки судьбознанию.
 День измерения русла Волги стал днем ее покорения, завоевания силой паруса и весла, создав Волги человеку промеры судьбы и изучение ее опасных мест близки сделать судьбоплавни настолько же легким и спокойным делом насколько плавание по Волге стало легким и безопасным ремеслом после того как сочин и бурноиз алыми и зелеными огнями отметили опасные места камни отмели и перекапывали речного дна. Так все можно изучать ирещины и сдвиги во времени.
 Подобные же примеры можно делать и для потока времени строя законы завтрашнего дня изучая русло будущих времен исходя из уроков прошлых времен. Вспоминавая по способу судьбомерия разум новыми умениями и глазами в оальтравущих событиях.

Давно стало общим местом это знание есть вид власти и предвидение событий - управления ими

Вот два уравнения одно касающееся и озергизающее судьбы Англии а другое дающее основной зернотек во времени Индии.

Нужно помнить, что вообще степени трех (3^N) соединяют обратные события, победу и разгром начало и конец. Три есть как бы колесо смерти исходного события.

Так 260к. 1581г. Ермак завоевал Сибирь был взятые Искера. Зерез $3^{10} + 3^{10}$ был день битвы.

И дальше в прижизненных изданиях, и даже более поздних, еще писали его имя правильно, пусть даже не все.

Вот обложка и титул книги Дм. Петровского, изданной в Москве в 1926 г. Здесь на обложке написано «ПОВЕСТЬ О ХЛЕБНИКОВЕ», а на титуле иначе: «Воспоминания о Велемире Хлебникове».

М.: Огонёк, 1926. – 48 с.;– (Б-ка «Огонёк»; № 162). Петровский Дмитрий Васильевич (1892–1955), советский писатель и поэт. Примыкал к ЛЕФу и был другом многих писателей и поэтов русского авангарда, в т. ч. В. Хлебникова, который имел большое влияние на его поэзию.

Дмитрий Петровский был настолько близок к Хлебникову, что может, с моей точки зрения, считаться достаточным авторитетом при определении достоверности имени, выбранного Хлебниковым в качестве псевдонима. В этой повести он описывает свои встречи, скитания с ним, и массу особенностей Хлебникова и бытовых деталей его жизни. Достаточно сказать, что он уступал ему свою кровать, а сам спал на полу. Вместе с ним голодал и делился всем, что имел. В книге, написанной с любовью и трепетным уважением к Хлебникову, Петровский не скрывает, что у него были трудности общения с ним. Про себя он иногда называл его «Пума» – леопард, горный лев, ягуар. Но начал он свою повесть с того, что воспринял смерть Хлебникова, как смерть матери. «Где-то есть мать... И вот в один день тебе скажут: нет ее. Так я остановился у косяка случайной станции и согнул плечи от охватившего меня сиротства... Я увидел: «В. Хлебников» в черном, тонком ободочке и не читал дальше... Я сел и, погруженный, окаменевший, долго перелистывал следы скитаний. И эта смерть звучала...» <http://www.ruthenia.ru/sovlit/i/2772.html>

Кто еще так описал свои чувства при известии о смерти Хлебникова?!

В повести «Воспоминания о Велемире Хлебникове», начиная от первой встречи, описаны масса подробностей, которые видел только автор. В тексте он 23 раза называет его Велемир.

Но еще за три года до издания этой книги, в марте 1923 года в количестве 5000 экз. вышел №1 журнала ЛЕФ (ответственный редактор В. В. Маяковский), страницы 143–171 журнала занимают «Воспоминания о Велемире Хлебникове» Дм. Петровского.

Меня интересуют в первую очередь люди, любившие его, близко знавшие и тесно общавшиеся с Хлебниковым. Им можно верить.

Вот ещё пример:

<https://www.ka2.ru/hadisv/aseev.html> **Н. Асеев. Велемир Хлебников**

«Мне привелось сблизиться с В.В. Хлебниковым в 1914–1917 годах. Я был покорён прежде всего его непохожестью ни на одного человека, до сих пор мне встречавшегося.

Как художник Велемир Хлебников был всегда напряжён и устремлён в сторону открытия, изобретательства, разгадки этого человеческого будущего.

Отказавшийся от современного ему настоящего, Велемир Хлебников не мог быть не только освоен, но и **принят** этим настоящим из-за полной **ненужности** в том мире, где практика жизненного опыта ограничивалась доходностью её для небольшого числа верхушечной прослойки общества».

Как видим, у Асеева опять везде «Велемир»! И, может быть, в указанной им «ненужности» кроются пренебрежение и причина искажения псевдонима Хлебникова?

А вот что написал А. Мариенгоф в «Романе без вранья» о «короновании» Хлебникова в Харькове в 1920 г., где все называют его Велемир (текст дан с сокращениями, орфография сохранена):

«В Харькове жил Велемир Хлебников. Решили его проведать.

Хлебников сидит на полу и копошится в каких-то ржавых, без шляпок, гвоздиках. На правой руке у него шиблета.

Он встал нам навстречу и протянул руку с шиблетой.

Я, улыбаясь, пожал старую дырявую подошву. Хлебников даже не заметил.

Есенин спросил:

– Это что у вас, Велемир Викторович, сапог вместо перчатки?

– Вот... сам сапоги тачаю... садитесь...

Сели на кровать.

Есенин говорит:

– Велемир Викторович, вы ведь Председатель Земного шара. Мы хотим в Городском харьковском театре всенародно и торжественным церемониалом упрочить ваше избрание.

Хлебников благодарно жмет нам руки.

Неделю спустя перед тысячеглазым залом совершается ритуал.

Хлебников, в холщовой рясе, босой и со скрещенными на груди руками, выслушивает читаемые Есениным и мной акафисты, посвящающие его в Председатели.

После каждого четверостишия, произносит:

– Верую.

Говорит "верую" так тихо, что еле слышим мы. Есенин толкает его в бок:

– Велемир, говорите громче. Публика ни черта не слышит.

В заключение как символ Земного шара надеваем ему на палец кольцо, взятое на минуточку у четвертого участника вечера – Бориса Глубоковского.

Опускается занавес.

Глубоковский подходит к Хлебникову:

– Велемир, снимай кольцо».

При цитировании Мариенгофа после «Велемир» вставляют <так>, будто боясь обвинений. Кого бояться?

В другом источнике:

http://www.philology.nsc.ru/journals/spi/pdf/2017_2/05.pdf

(УДК 82-822 (571.1/5) DOI 10.17223/18137083/59/5. Е. А. Макарова, Томский государственный университет в «Модификации сибирского сборника альманашного вида и формирование образа читателя в первые годы советской власти» Рассматриваются сибирские альманахи периода первых лет советской власти... 1917–1924 г.) Макарова пишет:

«В иркутском журнале «Красные зори» вскоре появилась рецензия на сборник «Трое»... Здесь и Маяковский, и Игорь Северянин..., и даже Велемир (так. – Е. М.) Хлебников».

В последние дни жизни рядом с Хлебниковым был его друг, женившийся потом на его младшей сестре Вере, Пётр Митурич. Тяжело больного Велемира он отвёз в мае 1922 г. в деревню Санталово Новгородской области, Крестецкого района, где 28 июня он умер. Похоронили Хлебникова на погосте в соседней деревне Ручьи. Сохранилось письмо П. В. Митурича к Г. Петникову, другу и соратнику Хлебникова. Его приводит В. Молотилев – https://www.ka2.ru/under/bullet_4.html (привожу с сокращениями текста):

«И, наконец, вот оно, сокровенное письмо Григорию Петникову из архива Харджиева-Чаги, Стеделийк-Музеум, Амстердам.

Дорогой Григорий Николаевич!

28-го июня в 9 часов утра Велемир ушёл с земли в деревне Санталово Новгородской губ.

Он жил в Москве... весьма скудно, да к тому же ещё болел малярией, которая его трепала нещадно 3 недели. Но от неё кое-как оправился, и в половине мая мы отправились ко мне. Перед отъездом у него опять началась лихорадка, но мы решили ехать в надежде, что с переменою климата она пройдёт.

Так и случилось: лихорадка прошла, как вдруг стали у него ноги слабеть и наступило общее несдержанье. В три дня он совершенно обезножил и решили ехать в больницу.

Там врач на третий день установил диагноз: паралич ног, мочевого пузыря и желудка. Оказалось, болезнь очень злая, и нужно было принимать решительные меры.

Велемир был против того, чтобы я к кому-либо обращался... Велемир пришёл в сознание семилетнего капризного ребёнка.

23-го мы его довели, еле живым, домой... Через 3 дня он потерял сознание и через сутки, не приходя в него, перестал дышать – затух.

На следующий день мы его похоронили на ближайшем погосте погряджански. На гробу был изображен земной шар и подпись: “Председатель Земного шара Велемир I-ый”.

Велемир был прекрасен до последнего слова „Да”.

Будьте здоровы. Ваш П. Митурич. 3/VI 1922 г.

[на обороте:]

Крестцы Новгородской губ., деревня Санталово.

Сделал два портрета с Велемира, один за день до смерти и другой после».

Хочу отметить, что В. Молотил в всех своих заметках везде пишет «Велимир», а в этом письме П. Митурича сохранил «Велемир» оригинала. Вот такие документы людей, наиболее близких к Хлебникову, убеждают меня в правильности его псевдонима. Молотил еще цитирует А. Н. Андриевского: «Более преданного и самоотверженного друга, чем Митурич, у Хлебникова не было во всю его жизнь. Чтобы в этом все могли убедиться, давно пора опубликовать его мемуары о последних днях жизни Хлебникова в деревне Санталово». А.Н. Андриевский. Мои ночные беседы с Хлебниковым. Машинопись. С. 81–82».

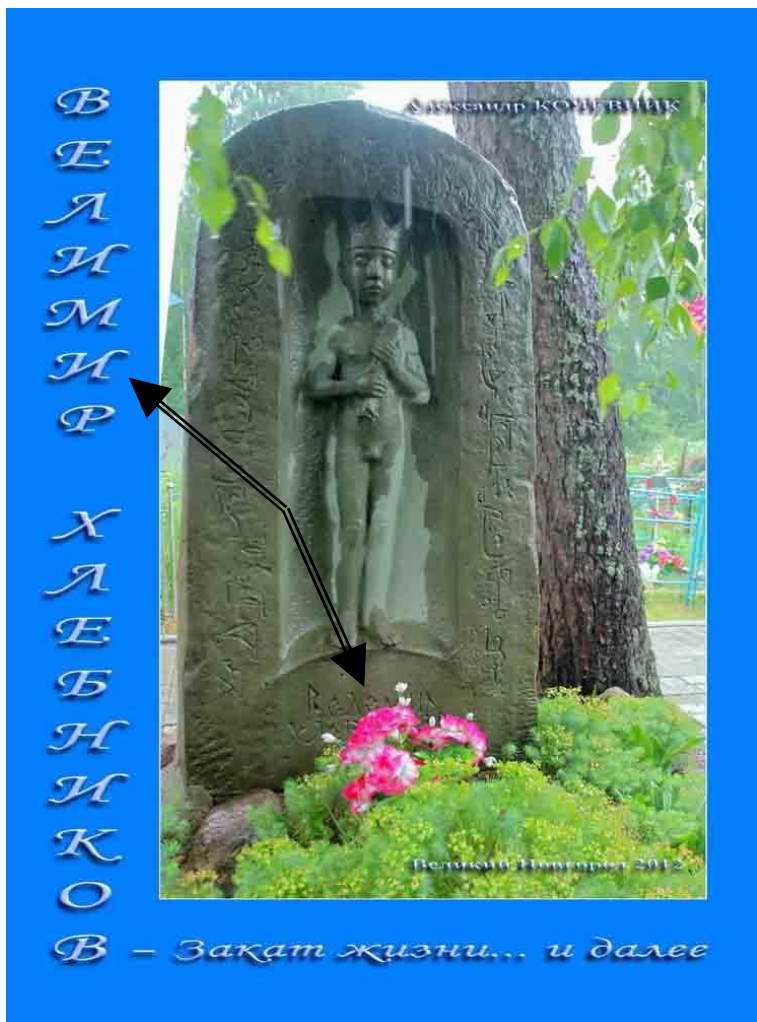
В 1960 году Хлебникова из самых лучших побуждений решили перезахоронить на Новодевичьем кладбище в Москве, что и было сделано, но уже с именем Велимир.

Если верить свидетельствам очевидцев, из могилы в Ручьях перевезли то ли несколько косточек, то ли горсть земли с несколькими пуговицами, взятыми из **соседней** безымянной могилы. Местные жители якобы не захотели тревожить прах известного им знаменитого мученика. Часть праха явно осталась в этой земле – так у футуриста Хлебникова оказалось две могилы, одна из которых несомненно подлинная.

А публикаторы исправляют имя вопреки очевидным надписям в документах и на памятниках

Но искоренить правильное написание им удается не везде

Вот уже и писатель Захар Прилепин в повести «Черная обезьяна» ввел город под названием Велемир.

А это пишет ровесник Хлебникова, знавший о нем многое, **Тихон Васильевич Чурилин**.

<http://russian-poetry.ru/Poem.php?PoemId=14730> Отрывок из стихотворения 1935 г.

Песнь о Велемире

Был человек, в мире Велемир,
 В схеме Предземшар с правом всепожара.
 И многие другие не сдаются цензорам, упорствуют.

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ

Хлебников — один из оригинальнейших поэтов России и Европы начала XX века, один из основоположников русского футуризма и авангарда в поэзии и искусстве. Среди футуристов, в том числе, и Маяковский, но только его можно считать истинным наследником футуризма и в поэзии и в искусстве. Хлебников — творчество **Андрея Белого**, **Николая Крученых**, **Владимира Маяковского**. В то же время Хлебников часто встречается в творчестве **Игоря Северянина** и **Вячеслава Иванова**. Хлебников оказал большое влияние на русский и европейский авангард, в том числе и области живописи и музыки. Писатели после него по-прежнему считают, что без него невозможно искусство и поэзия авангарда и футуризма.

Велемир Хлебников

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ (1885-1922)

Владимир Маяковский

• Велемир Хлебников

Но, конечно, и примеров написания «ВелИмир» много – это «правильная» общепринятая форма.

Противоборство

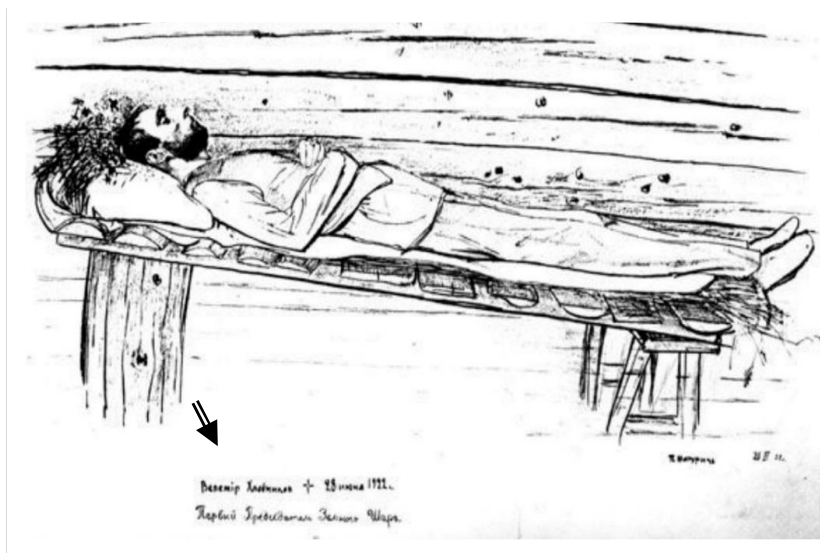
Создаётся впечатление, что имя «ВелИмир» было введено людьми, не знавшими близко Хлебникова и утверждено официально в бюрократическом порядке, породив борьбу сомнений. Существует масса странных «документов». Вот явная фальсификация, выдаваемая за автограф. Сравнение с почерком в рукописях Хлебникова, написание букв «В», «р» и др. подтверждают: фальсификация. Да и вся каллиграфия совсем не его.

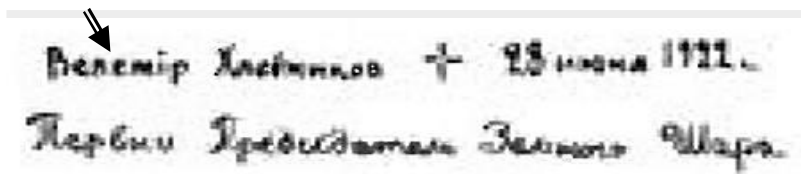
И тут же мы находим несогласие в новой публикации с надписью на рисунке.

Вот ещё пример искажения текста авторской надписи художника под рисунком.

Вот эта надпись увеличенная:

П. Митурич. Велимир Хлебников на
смертном одре. 1922 год / Фото:
ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

Комментарии излишни. От рисунка отрезали нижнюю часть с надписью автора и ничтоже сумняшеся заменили её ложной.

Как такое возможно? Я не понимаю. Это же фальсификация,

подлог

Вот и Казимир Малевич «согласен» со мной.
http://kazimirmalevich.ru/t5_1_5_2

У него везде однозначно – Велемир и только Велемир. И подчеркнуто, что «так себя именовал» сам Хлебников.

«Велемир, Виктор Хлебников, Зангези² – так себя именовал тот, через смерть которого возрастает интерес общезнания...»

Велемир Хлебников, Зангези – астроном человеческих событий, но не альфа созвездий футуризма и заумного...

Дело, начатое Велемиром Хлебниковым, так же значительно, как значительна наука астрономия...

Велемир Хлебников был одной из комет, вовлечённый землёю в свою систему событий, ума, чисел, языка...».

Так написал Малевич! А вот редактор, поставив сноску «2», пишет:

«²Здесь сохранено авторское написание псевдонима Хлебникова, правильная общепринятая форма – "Велимир"».

Заметьте, «авторское написание псевдонима!» А «правильная общепринятая форма – «Велимир». На каком основании «правильная и общепринятая»? И дальше редактор пишет:

«"Сверхповесть" "Зангези" – последнее произведение Хлебникова, вышло в свет в Москве в конце июня 1922 года (с обложкой работы П.В.Митурича), в дни, когда в деревне Санталово умирал автор этого произведения, скончавшийся 28 июня».

Но ведь и на обложке «Зангези» тоже лучший друг умирающего автора написал «Велемир»! Он спешил издать книжку, чтобы продлить жизнь другу! Неужели редактор лучше знает «правильный» псевдоним, чем автор и его друзья? Не понимаю...

Я пересмотрел большой объем интернет-публикаций и убедился в этом. Вот как пишут:

– <http://stroki.net/content/blogcategory/58/74/> Хлебников Велемир – стихи

Все стихи подписаны Велемир Хлебников.

– <http://lib.ru/POEZIQ/HLEBNIKOW/ladomir.txt> Велемир Хлебников.

Ладомир

– <http://to-name.ru/biography/velemir-hlebnikov.htm>

Сайт «Академик» («Словари и энциклопедии на Академике») статью «Хлебников» в «Литературной энциклопедии» даёт без имени в названии, но (!) с «ВелИмиром» дальше по тексту. А вот в статье «Российский гуманитарный энциклопедический словарь. Хлебников Велемир» имя написано уже с двумя «е» как в названии, так и в тексте. В списке книг «Академик» не исправляет «Велемир», а сохраняет как в оригиналах. Вот его скрины:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/5545/%D0%A5%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2

https://humanities_dictionary.academic.ru/6050

<https://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%A5%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%80&stype=10>

Велемир Хлебников Биография / Тезис / Имена / Фамилии / Отчества / Имя-отчество / Гороскопы / Тесты / События / Главная

Велемир Хлебников — биография

Велемир Хлебников (настоящие имя-отчество Виктор Владимирович) (1885-1922) — [русский](#)^[en] поэт, прозаик, ученый и мыслитель, одна из ключевых фигур авангарда. Входил в число основоположников русского футуризма, реформатор поэтического языка. Знак зодиака — [Скорпион](#).

Велемир Хлебников родился 9 ноября (28 октября по старому стилю) 1885 года, в селе Малые Дербсты, бывшей Астраханской губернии, в [семье](#) ученого-биолога. В 1903-1911 учился на физико-математическом факультете Казанского университета, затем на физико-математическом и историко-филологическом факультетах Петербургского университета. Печататься начал в 1910-е годы, входил в литературное объединение «Гилея».

Словари и энциклопедии на Академике

Введите текст для поиска по словарям и энциклопедиям

Найти!

[Литературная энцик...](#)

[Толкования](#)

[Переводы](#)

[Книги](#)

Литературная энциклопедия

Хлебников

Толкование

Хлебников

Хлѣбников

Велимир (настоящее имя Виктор Владимирович; 1885, с. Малые Дербсты Астраханской губ. – 1922, д. Санталово Новгородской губ.), русский писатель. Учился на физико-математическом ф-те Казанского ун-та (с

Словари и энциклопедии на Академике

Найти!

[Российский гуманитарный энциклопедический словарь](#)
[Толкования](#)
[Переводы](#)
[Книги](#)

Российский гуманитарный энциклопедический словарь

Хлебников Велемир

[Толкование](#)

Хлебников Велемир

ХЛЕБНИКОВ Велемир (наст. имя *Викт. В. л.*) (1885—1922) — поэт. Род. в семье ученого-орнитолога. С 1903 студент Казанского, а в 1908—11 — Петерб. ун-та (не окончил). Со времени переезда в СПб. участник лит. жизни: знакомство с Вяч. Ивановым и М. Кузминым, С. Городецким, Н. Гумилевым; участие в кружке молодых поэтов "Академия стиха" при ж. "Аполлон". Оттапливание от позднего символизма и акмеизма совпало по времени со знакомством в 1909—10 с поэтами и художниками (Д. и Н. Бурлюки, В. Каменский, А. Крученых, Е.

Словари и энциклопедии на Академике

Найти!

[Толкования](#)
[Переводы](#)
[Книги](#)

Хлебников Велемир

[Толкование](#)
[Перевод](#)
[Книги](#)
[все](#)
[электронные книги](#)
[аудиокниги](#)

1 [Перевертень](#), Велемир Хлебников

Велимир Хлебников – один из самых значительных и неординарных поэтов XX века, которого одни считали гением, а другие – безумцем. Экспериментатор в области словотворчества и "зауми", чудака, мечтавший о... 61.25 руб [электронная книга](#)

2 [Доски судьбы](#), Велемир Хлебников (1922)

Москва, 1922 год. Главлит. Оригинальная обложка. Коллекционная сохранность "Доски судьбы" — так называемые «скрижали» Велимира Хлебникова (1885—1922) — это своеобразный трактат о «законах времени», в... 37258 руб

Примечательно и то, что в Астраханском музее ВелИмираХлебникова в комплекте из пяти медалей «Семья Хлебниковых», выполненном к 100-летию со дня рождения поэта (1985) астраханским художником Б.М. Медведевым, надпись на его медали отчеканена с именем ВелЕмир. И это при том, что музей во всех своих публикациях меняет это имя на Велимир

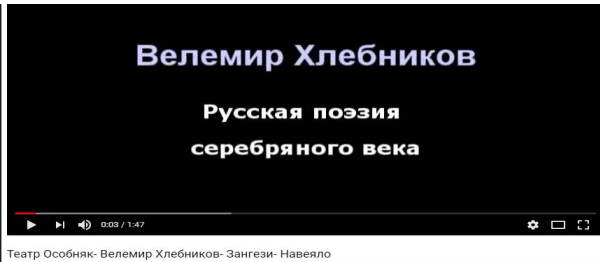
И многие деятели культуры пытаются отстоять истинный псевдоним:

Театр Особняк <https://www.youtube.com/watch?v=fmilPzZL7Dc>

Видеопостановка – Велемир Хлебников – Зангези – Наваяло

**Маленькая труппа актеров-энтузиастов,
вовлекающая зрителей в свои спектакли**

Небольшая команда актеров, возглавляемая режиссером, радиоведущей и педагогом по технике речи Мариной Перелешинной. В репертуаре — камерные и общедоступные спектакли по Захару Прилепину, Велемиру Хлебникову, Марине Цветаевой и современным пьесам. В каждом спектакле... [читать далее](#)

Активный театр <https://www.afisha.ru/msk/theatre/15884445/>

Конечно, за рубежом не могут писать правильно, если у нас такая неразбериха. А вот в Греции есть надежда:

<https://www.bbc.com/russian/features-44714884>

<https://www.bbc.com/russian/features-44714884>

Как "сумасшедший грек" Костаки собрал уникальную

коллекцию русского авангарда 5 июля 2018

В 1998 году министерство культуры Греции начало переговоры о приобретении в собственность греческого государства вывезенной из СССР части коллекции Костаки. В марте 2000 года 1 277 работ были переданы в государственный Музей современного искусства в Салониках.

В планах - превращение музея в Салониках в один из ведущих мировых центров по изучению русского авангарда.

Спектакль "Победа над Солнцем" на сцене Оперного театра в Салониках.

А изюминкой презентации стал показ тщательно восстановленной театром Стаса Намина футуристической оперы "Победа над Солнцем" Михаила Матюшина по либретто Велемира Хлебникова и Алексея Крученых в костюмах по эскизам Казимира Малевича.

Есть и такой сайт <http://present5.com/tema-uroka-kultura-rossijskoj-imperii-1894-1917-gg/>

Сторонников варианта «Велемир» много. Но на запрос «ВелЕмир Хлебников» «Гугл» всегда переспрашивают: «Возможно, вы имели в виду: **Велимир Хлебников**» (с маниакальной настойчивостью), но вынужден выдавать тысячи результатов поиска с Велемиром. Куда ему деваться от фактов? **Вот некоторые из них, скопированные с экрана:**

Велемир Хлебников биография фото стихи (настоящее имя ...
to-name.ru/biography/velemir-hlebnikov.htm

Велемир Хлебников (настоящие имя-отчество Виктор Владимирович) (1885-1922) – русский поэт, прозаик, ученый и мыслитель, одна из ключевых фигур авангарда. Входил в число основоположников русского футуризма, реформатор поэтического языка. Знак зодиака

Значение и тайна имени Велемир – Что означает имя Велемир ...
znachenie-tajna-imeni.ru/znachenie-imeni-Velemir/

Имя **Велемир** наделяет своего владельца показателем характера, которому подходит определение «вещь в себе». Такой человек не отличается особой общительностью даже в...

Велемир был героем – Велимир Хлебников
www.ka2.ru/hadisy/altman.html

Санталово Новгородской губ. после месячных непосильных мучений умер один из основоположников подлинного русского футуризма **Велемир Хлебников**... Умер в предбаннике, служившем ему вместо жилища, в страшной нищете. Денег не было даже на...

Велемир I Государства Времени
www.ka2.ru/nauka/jean_philippe_jaccard_1.html

Велемир I – поэт становлянин. А. Туфанов и В. Хлебников. Среди терминов, появившихся в эпоху авангарда и подхваченных последующими исследователями, есть один, связанный с...

Велемир / Стихи.ру

<https://www.stihi.ru/avtor/prorokkk>

Велемир. Нет поэзии в чистом виде. В чистом виде поэзия пуста и бессодержательна. Поэзия подобна воде: без цвета, без вкуса, без запаха. Она может парить по небу облаком безудержной фантазии, А может застыть кристаллом льда совершенной формы. Она ливнем поит иссушенную землю и даёт...

Велемир Хлебников. Избранное Велемир Хлебников – filinfilya.ru

filinfilya.ru/komplekt/velemir-hlebnikov-izbrannoe-velemir-hlebnikov.php

У нас вы можете скачать книгу **Велемир Хлебников. Избранное Велемир Хлебников** в fb2, txt, PDF, EPUB, doc, rtf, jar, djvu, lrf! Осенью продолжились скандалы с участием футуристов

Велемир Хлебников. Зангези. 1922 – NewAuction.ru

У нас вы можете скачать книгу **Велемир Хлебников. Избранное Велемир**

Хлебников в fb2, txt, PDF, EPUB, doc, rtf, jar, djvu, lrf!

Ссылка на скачивание всех форматов в одном архиве ниже

Скачать

newauction.ru/offer/velemir_khlebnikov_zangezi_1922-i25008848861310.html

ВЕЛЕМИР ХЛЕБНИКОВ. ЗАНГЕЗИ. 1922. М., Типо-лит. Упр. ОГЭС. Тираж 2000. 35 стр. В этом издании обложка является титульным листом. В издательских обложках. Небольшие утраты по обложкам. Внизу на передней оторвано 0,5 см. Утраты на задней и по краям.

3 - все корунб - Российская национальная библиотека

kognb.nl.ru > ... > Русская литература конца XIX - начала XX вв.

Государственная национальная библиотека КБР им. .... Аннот.: Международные связи Дома-музея **Велемира Хлебникова**, сотрудничество с... Мамаев А.А. "В

Говсиевич Е. Серебряный век глазами очевидцев-Книг (Евгений ...

<https://www.proza.ru/2013/08/28/2084>

28 авг. 2013 г. - **Книга** охватывает воспоминания 26 очевидцев, живших, или творивших рядом с ними. ... в Ленинграде (в Пушкинский дом и Публичную библиотеку). ... Марина Цветаева считала, что: «**Есть** поэты стрелы; (эволюции), ... **Хлебников Велемир**, не имеющий постоянного местожительства, как ...

Диссертация на тему «Духовно-певческая культура России на ...

www.dissercat.com > Культурология > Теория и история культуры

Научная электронная **библиотека** disserCat – современная наука РФ, статьи, ... Духовно-творческая модель **российской** культуры на рубеже XIX-XX вв, ассимилировав весь... Адаменко В.А. Игорь Стравинский и **Велемир Хлебников**: Мир... Голубиная **книга**: Русские народные духовные стихи XI-XIX вв.

Книга: Наш Современник 2006 #11 - Большая онлайн библиотека ...

https://www.e-reading.club/bookreader.php/.../Nash_Sovremennik_2006_%2311.html

Автор: Журнал Наш Современник, **Книга: Наш Современник 2006 #11**, Жанр: публицистика. ... Пограничную бригаду – то **есть** её личный состав – перевели на ..... в фондах **Российского государственного** архива литературы и искусства. ... Да, как писал **Велемир Хлебников**: “Свобода приходит наяга...”.

Книга: Повесть о жизни. Книги 4-6 - e-Reading

https://www.e-reading.club/...php/.../Paustovskiii_-_Povest%27_o_zhizni_Knigi_4-6.ht...

Профессорская **библиотека** состояла почти сплошь из немецких **книг** по ..... Ну, а если тут информационный отдел **есть**, так это же не единственное ..... его вес и отпечатан русский **государственный** герб – маленький двуглавый орел. .... и с жестоким напором прославлял Стерна и **Велемира Хлебникова**.

Этот список можно продолжать до тысяч источников

Надеюсь, этих примеров достаточно, чтобы мы не сомневались: сторонников правильного написания – Велемир – много.

А вот «**Труба Марсиан**» – знаменитый антивоенный манифест, скопированный с оригинала. На нем чётко видна подпись под «Приказы»: «**КОРОЛЬ ВРЕМЕНИ ВЕЛЕМИР 1-ый**».

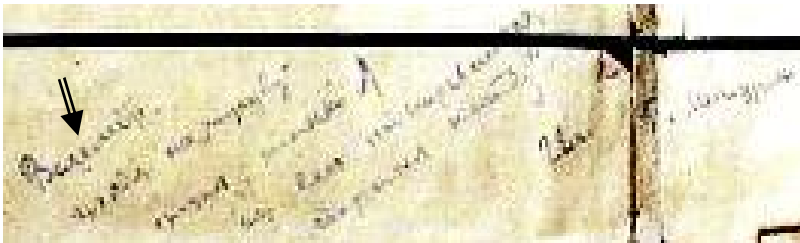
Это же САМ Хлебников написал!!!!

«Труба Марсиан» – антивоенный манифест **Велимира** Хлебникова, изданный летом 1916 года. Именно здесь был впервые обнародован «титул» Хлебникова – Король Времени. Именно здесь футуристы были переведены «из разряда людей в разряд марсиан», что стало подступом к созданию Общества Председателей Земного Шара, которое Хлебников начнёт формировать весной 1917 года.

Факсимильное издание одного из ярчайших памятников эпохи сопровождается статьёй С. В. Старкиной с комментарием А. А. Россомахина.

Внизу на поле документа видна рукописная запись Митурича, которую публикатор передаёт так: «Внизу – карандашная запись: «Велимир, глядя на «трубу» сказал: «только Я из всех подписавшихся сдержал клятву!!!»

22 г. П. Митурич».

Как видим, всюду в оригинале ВелЕмир!

Тем не менее Астраханский «Дом-музей Велимира Хлебникова» тоже везде эту запись представляет по-своему: <http://xn----9sdbdlereaohiofr4b7d.xn--p1ai/archives/astrcollection.htm#2>

«КОЛЛЕКЦИЯ М. П. МИТУРИЧА. В музее Хлебникова в Астрахани. ОПИСЬ Декабрь 1994:

2.Хлебников, Велимир. Труба марсиан. (В виде листовки). М. [Харьков]: Лирень, [июль 1916]. 1 л. 64 х40 см. 3000 экз. Внизу – карандашная запись: "Велимир, глядя на "трубу" сказал: "только Я из всех подписавшихся сдержал клятву!!" 22 г. П. Митурич».

Ну почему так? Какая необходимость так настойчиво исказить автограф П. Митурича?

Пишуг, что манифест «Труба Марсиан» был издан в июне 1916 года (зарегистрирован Книжной летописью 5–12 июля) тиражом 300 экземпляров. В выходных данных указано: Москва, издательство «Лирень». На самом деле напечатана декларация была в Харькове, где к тому времени обосновались участники группы «Лирень» Николай Асеев и Григорий Петников. Текст манифеста состоит из трёх частей, причем под первой – несколько подписей, в том числе поэта Божидара, покончившего с собой ещё в 1914 году. Как выяснил позже сам Хлебников в автобиографической заметке (1920), «в 1916 году напечатана **написанная мной** „Труба марсиан”».

Вот еще из музея Хлебникова в Астрахани:

I КОЛЛЕКЦИЯ М. П. МИТУРИЧА-ХЛЕБНИКОВА. ОПИСЬ II. ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА. ОПИСЬ (в алфавитном порядке):

15. *Chlebnikov, Velimir. Samostrel lasky / Vybral, prelozil, predslov, poznamky napisal Milan Ferko. Bratislava: Tatran, 1985. 212 с. 17 x 12,5 см. На чешском. С дарственной надписью Гаю (sic!) Митуричу. № по описи 823*

16. *Chlebnikov, Velemir. Vsem / Vybral a prelozil Jiri Taufer. Praha: Odeon, 1985. 152 с. 15 x 10,5 см. На чешском. С дарственной надписью М.П. Митуричу.*

III. ДРУГИЕ КНИГИ: 3. О ВЕЛИМИРЕ ХЛЕБНИКОВЕ (в хронологическом порядке)

23. *Советская музыка. Ежемесячный научно-теоретический и критико публицистический журнал. Сентябрь 1987. № 9. 128 с. 25,5 x 19,5 см. С. 102-111: Л. Гервер Музыкально-поэтические открытия Велемира (sic!) Хлебникова".*

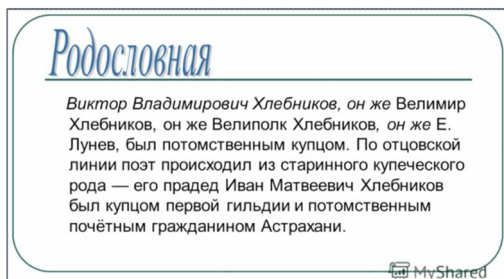
III. ДРУГИЕ КНИГИ: 5. РАЗНОЕ (КНИГИ) (в хронологическом порядке):

9. Творчество. Ежемесячный журнал Союза художников СССР. 1977. № 12. 24 с. 33,5 x 26 см. 60 коп. С. 10: В. Клыков "Велемир (sic!) Хлебников", 1975, бронза. № по описи 881

И здесь несоответствие: в названии раздела книги о Велимире перечисляются книги с названиями, где Велемир пишется с двумя «е». Спасибо, что хоть названия сохранили, правда, в своё оправдание добавили «(sic!)», мол, мы не виноваты, так в оригинале. Кого бояться, перед кем оправдываются?

А это как понимать?

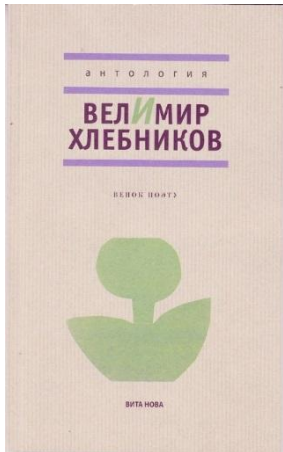

Во как! Он вообще, оказывается, не был ВелЕмиром? Никогда! Но зато был «потомственным купцом». Можно ли так писать? Даже отец его и дед купцами не были, а уж он-то!.. Был аж прадед! Ссылки не даю – стыдно за авторов. Кто же этот

упорный враг ВелЕмира?

А это очень характерное издание, как будто прямо с обложки повелевающее забыть имя поэта-мироборца со смыслом «веление мира», создавшего легендарное Общество Предземшара с императивом мир, и именовать его впредь ВелИмир со смыслом «великий мир»! А есть ли в этом смысл, имеющий отношение к имени? Скорее бессмыслица.

Вот так дерзко, выделив и размером, и цветом в центре имени букву «И», надругались над памятью великого поэта, зная, что он уже защитить себя не сможет.

Я считаю, что наш долг, всех, кто почитает память этого гениального великомученика, которому и при жизни было нелегко, вечно голодного, не имевшего никогда своего жилья, сделать всё возможное для восстановления его имени, которое он сам себе придумал со смыслом «веление мира». Как это сделать? На заседании Академии наук? Переиздав все издания, в которых его имя искажено?

А для начала надо хотя бы в новых публикациях везде писать ВелЕмир, постепенно восстанавливая справедливость.

Но музей Хлебникова в Астрахани упорствует, они пишут:

«Библиотека музея В. Хлебникова складывалась в течение двух десятилетий и представляет собой уникальную книжную коллекцию на русском и иностранном языках.

В её основу было положено фамильное собрание М. П. Митурича-Хлебникова (племянника поэта), принесённое в дар музею в декабре 1994 года. Оно содержит сборники поэтов-футуристов Д. Бурлюка, В. Каменского, А. Кручёных, Г. Петникова и др. Особо отметим **прижизненные издания Велимира Хлебникова**. Вот так!

Мне, к сожалению, не удалось найти автора, впервые искажившего имя Велемира, но с тех пор, как оно в искажённом виде попало на могильный памятник при перезахоронении, и в «Википедию», многие уже не задумываясь пишут Велимир. Нельзя исключать, что имя искажено в результате элементарной... описки (опечатки), но допустивший описку имел такой авторитет (или власть), что с ним никто не посмел спорить, никто не посмел эту опечатку исправлять, а в результате неправильное написание было канонизировано. Решающую роль могла сыграть и фальшивка, выдаваемая за автограф. Но кто и зачем запустил её в оборот?..

В итоге имя Велемира имеет два написания. Иногда в одном и том же документе пишут то так, то этак, без видимых причин. Вот пример:

<p>Лариса КОМПАКОВА ЕЩЁ И ПРОРОК</p>	
<p><u>Велемиру</u> Хлебникову отдали должное не только как уникальному поэту, но и как разностороннему учёному и философу – непризнанному при жизни гению, чьи работы востребованы и сегодня</p> <p>Несмотря на то, что в Казанском и Санкт-Петербургском университетах <u>Велимир</u> Хлебников проучился 8 (!) лет, диплом он так не получил – в 1911 г. 25-летний молодой человек был отчислен за неуплату. Но в среде</p>	

А вот цитаты с выделенными мною «И» и «Е» в «Википедии», казалось бы, ответственном источнике:

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BB%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2,%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D1%80>

ВелИмир Хлебников был похоронен на погосте в деревне Ручьи.

В честь Хлебникова названа малая планета 3112, ВелИмир...

Первый памятник поэту ВелИмиру Хлебникову открылся в Калмыкии, в Малых Дербетах, где он родился. Автор памятника скульптор Степан Ботиев... Он же как художник известен своими иллюстрациями к произведениям ВелЕмира Хлебникова.

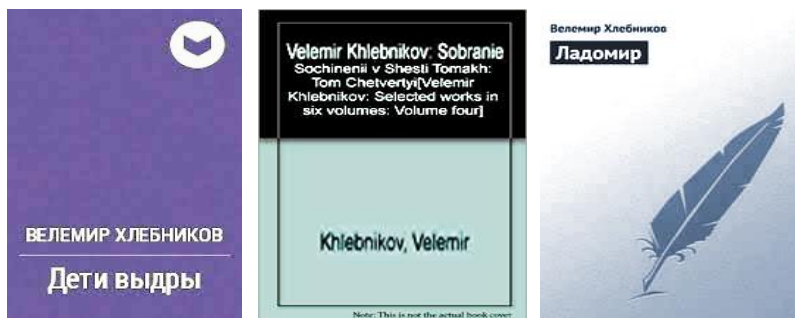
Открытие памятника. Малые Дербеты, 26 декабря 1992 г.

На открытии присутствовали, среди прочих... родной племянник ВелЕмира Хлебникова художник Май Петрович Митурич (сын художника Петра_Митурича и сестры ВелЕмира Хлебникова Веры Хлебниковой)... московский литературовед, специалист по творчеству Хлебникова Рудольф Дуганов.

Май Петрович Митурич выступил с такими словами: *«Я бесконечно благодарен судьбе, что дожил до этого дня. Бесконечно благодарен за столь замечательный памятник, благодарен земле, на которой родилась моя мать».*

Дальше – в Циклопедии: – здесь в основном ВелЕмир, но есть и ВелИмир.

Документальных свидетельств (и единомышленников, правильно пишущих имя Хлебникова) на мой взгляд достаточно, чтобы узаконить единственное написание – «Велемир».

Я благодарен украинской Википедии, которая в статье «Велемир Хлебников»: <https://uk.wikipedia.org/wiki/> указала, что существуют (в переводе с украинского на русский яз.): «Разные написания псевдонима автора. Имя автора Хлебникова имеет разное написание **в зависимости от источника**: Велемир, Велімір, Велімир и тому подобное, **хотя сам Хлебников** (*сам!* – *А. М.*) **в прижизненных изданиях применял имя Велемир**.^[33]».

И дальше ссылка 33 – дана на русском:

«33 Хлебников, Велемир Владимирович (1885-1922). Отрывок из Досок судьбы / Велемир Хлебников; обложка Анатолия Борисова. - Москва: Главлит, Типография при фабрике „СВОБОДА”, Треста „ЖИРКОСТЬ”. 1922. Российская государственная библиотека (Москва) (рос.)».

Памятник Велемиру Хлебникову (Малые Дербеты)

Памятник Велемиру Хлебникову в селе Малые Дербеты – это первый памятник, установленный выдающемуся поэту **Велемиру Хлебникову**.

Скульптор – **Степан Кирилович Ботиев**^[1].

Место нахождения: стель у села Малые Дербеты, Калмыкия.

Время установки: 26 декабря 1992 г.^{[1][2]}.

Содержание (1 бразь)
1 Велемир Хлебников
2 Установка памятника
3 Описание памятника
4 Источники

Велемир Хлебников

[\[править\]](#)

Велемир Хлебников (настоящее имя **Виктор Владимирович Хлебников**; 1885—1922) - выдающийся русский поэт Серебряного века^[2], по мнению некоторых литературоведов – крупнейший русский поэт XX столетия^[3].

Поэт – своим поэтическим языком – называл себя «Председателем Земного шара». Мечтая о единении и счастливом существовании всех людей планеты Земли, что неизменно провозглашал поэт в своих произведениях, сам он скончался от голода и нищеты во время советской разрухи.

Творчество Велемира Хлебникова при СССР, хоть и не было под запретом, однако известно было мало. Хлебников был одним из основоположников футуризма, реформатором и экспериментатором поэтической языковой стилистики, что не находило отклика у идеологов коммунистической системы, приверженцев классической стилистики. Произведения его при Советской власти издавались – но издавались мало и небольшими тиражами, а неувядающая популярность создавала **самиздат**.

Лишь с падением СССР, после го **перезавеса** Перестройки имя Велемира Хлебникова заняло достойное место в официальной русской литературе.

После распада СССР стали появляться не только литературные произведения Велемира Хлебникова, но и охлпа память о нем.

Установка памятника

[\[править\]](#)

Первый памятник поэту Велемиру Хлебникову открылся в Калмыкии, в Малых Дербетах, где он родился. Автор памятника – скульптор Степан Ботиев является сам уроженцем и жителем Калмыкии^[2]. Он же как художник известен своими иллюстрациями к произведениям Велемира Хлебникова^[4].

Событие произошло, как уже было сказано, 26 декабря 1992 года.

На открытии присутствовали, среди прочих, известные деятели русской культуры и представители местной интеллигенции, среди них: родной племянник Велемира Хлебникова художник Май Петрович Митурин (сын художника Петра Митуринча и сестры Велемира Хлебникова Веры Хлебниковой), народный поэт Калмыкии Давид Никитич Кугультинов, директор местной школы Валентина Борисовна Баствава, московский кинодокументалист

Заключение

В юридической практике, когда сталкиваются с разными мнениями, проводят расследования. Вот и я попытался... Допускаю, что у сторонников написания «ВелИмир» есть свои аргументы, но... убедительных я не нашёл. В подавляющем большинстве случаев писали «ВелИмир» люди, не близкие к Хлебникову. А в последующие годы, думаю, ещё и под давлением административно-редакторского прессы.

Я сам везде пишу «Велемир» – и только «Велемир». Но суть дела, конечно, не в моём личном мнении, а в установлении объективной истины. Это она должна заставить исправить написание имени Хлебникова и в энциклопедических словарях, и в справочниках, и в «Википедии», и на памятнике на Новодевичьем кладбище в Москве. Не исключая: будут и возражения, и противодействие. Но давайте хотя бы попытаемся найти консенсус для принятия обоснованного решения.

Если к таковому согласию удастся прийти, то кто вправе узаконить его, чтобы оно было «правильным» и «общепринятым»?

Документальных свидетельств (и единомышленников, правильно пишущих имя Хлебникова) на мой взгляд достаточно, чтобы узаконить единственное написание – «Велемир».

-----

*Ольга Мальцева***В парке Победы**

*К 75-летию полного освобождения Ленинграда
от блокады*

За пустырем стоял завод.
Здесь сутками горели печи.
И близко – с Пулковских высот,
Был слышен бой и свист картечи.
Блокадный свет чернел, как ночь.
Дымили заводские трубы.
Как смертный голод превозмочь?
Не сосчитать людские трупы...
За век не высказана боль
Всех жертв, войною опалённых.
Злу повториться не позволь,
Господь, хранящий всех спасённых!..
Растаял снег и чёрный дым,
Сиренью пахнет парк зелёный.
Здесь под одним крестом святым
Покоен каждый осенённый...

Январь 2019

***

По дороге в посёлок Апраксин –
Задержись у солдатских могил...
Каждый павший к Победе причастен –
Для тебя Ленинград заслонил!
Изрешечены пулями каски,
Нам кричат о трагических днях:
«Погибали герои не в сказке, –
Это был о смертельных боях...»
Всем солдатам блокады бессонной –
Отпусти благодарный поклон,
Возле крошечной тихой часовни
Свет свечи обогреет их сон.
На заросшем холме подо Мгою
Спят солдаты под свежей травой...
Материнской укрыты землёю,
Чтобы мы жили в мире с тобой.

Июль 2018

НОВЫЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ

литературной и философской критики

(для всех, кто любит отечество)

№ 11

Подписано в печать 5 февраля 2019

Формат 60x90 1/16 15 п.л. = **280**

Печать по требованию

Почта редакции
Email: mvnch@mail.ru

СП6
2019

ЗАМЕТКИ

